А. Зевелев, Ф. Курлат

СТАЛИНСКИЙ СПЕЦНАЗ

ГЕРОИ особого назначения

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Отечественный Спецназ ведет свою родословную от Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР, сформированной в 1941 году специально для разведывательных и диверсионных действий на важнейших коммуникациях противника. Однако в начале войны, когда положение на фронте было отчаянным, ОМСБОН чаще использовали не по назначению, а как «пожарные команды» – в отрядах заграждения, для минирования танкоопасных направлений и ликвидации немецких прорывов. Брошенный без тяжелого вооружения в общевойсковые бои, Осназ понес под Москвой огромные потери: «Три дня – и нет отряда, – писал тяжелораненый в тех боях поэт-омсбоно-вец Семен Гудзенко. – Будь проклят сорок первый год и вмерзшая в снега пехота… Бой был коротким. А потом глушили водку ледяную, и выковыривал ножом из-под ногтей я кровь чужую…» Но уже с весны 1942-го начинается «массовый выход за линию фронта» – и в этой разведывательно-диверсионной работе омсбоновцам с их спецподготовкой не было равных (по словам того же Гудзенко: «что может сделать тол, не в силах целый батальон»). Многомесячные рейдыпо немецким тылам (даже не сотни, а тысячи километров по оккупированной территории!), более 1400 пущенных под откос эшелонов, 335 взорванных мостов, 120 разгромленных гарнизонов, комендатур и штабов, 136 тысяч уничтоженных солдат и офицеров противника – отряды ОМСБОНа с характерными названиями «Победители», «Неуловимые», «Храбрецы», «Богатыри» и т.п. отличились на всех фронтах Великой Отечественной, от Прибалтики до Крыма и Кавказа, от Белоруссии и Украины до Польши, Словакии, Югославии.

Эта книга, написанная ветеранами ОМСБОНа, – дань светлой памяти героев советского Осназа, доказавших правоту фронтовой поговорки «Каждый боец во вражеском тылу стоит десяти».

- Феликс Курлат, Александр Зевелев
- Формируется бригада особого назначения. Начало фронтовой и партизанской истории
- На защите Москвы. Участие в историческом параде
- В трудную зиму 1941/42 г
-
-
-
-

- Первые партизанские десанты
-
- Массовый выход в тыл врага
- Впереди фронтов
-
- В «Смоленском треугольнике»
-
- Путь в леса Брянщины и Белоруссии
-
- На Украину и в Белоруссию
-
-
-
-
-
-
- Штрихи партизанского быта
- Во взаимодействии с армейскими частями (1942–1945 гг.)
- Вновь на Западном фронте
- Под Сталинградом и на Кавказе
- По обе стороны Курской дуги
- Сообщаем Центру
- Разведчики докладывают
-
-
- Действуют подрывники
-
-
-
-
-
- Лицом к лицу с врагом
- Борьба с карателями
-
- По приговору партизан
-
- За пределами Родины
- Заключение
- Послесловие
- Люди бригады
-
- Примечания
- Источники и литература
-

- Заключение
- Послесловие

Феликс Курлат, Александр Зевелев Герои особого назначения. Спецназ Великой Отечественной

Павшим, ушедшим и живым однополчанам посвящается

Авторы глубоко благодарны ветеранам партизанского движения А. С. Казицкому и Ю. В. Калашникову за советы и дополнительные материалы, предоставленные при создании книги.

Формируется бригада особого назначения. Начало фронтовой и партизанской истории

Москва… Центр… Улица Дмитрия Медведева… Москва… Вешняки… Улица Лазаря Паперника. Москва… Район ВДНХ… Улица Бориса Галушкина. Москва… Улица Карла Маркса, дом 20… Мемориальная доска: «В этом доме с 1940 по 1942 г. жил Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов».

Москва… Стадион «Динамо», северная трибуна… Мемориальная доска: «Здесь, на стадионе «Динамо», в суровые дни Великой Отечественной войны, 27 июня 1941 г., из спортсменов-добровольцев были сформированы первые отряды Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), героически сражавшейся на фронтах и в тылу немецко-фашистских захватчиков» [1] .

Такие названия улиц, мемориальные стелы и памятные доски, музеи и комнаты боевой славы в честь и в память о воинах ОМСБОНа имелись во многих городах и других населенных пунктах Советского Союза, особенно в Белоруссии, на Украине, на Брянщине, а также за пределами нашей страны – в Польше, Словакии, Болгарии…

ОМСБОН известна в нашей стране и за ее пределами героическими подвигами ее солдат и сержантов, офицеров и политработников, проявленными на фронте и особенно в партизанском движении. Об этом говорят сухие цифры и достоверные факты. Вот некоторые из них: за четыре года Великой Отечественной войны в тыл врага и на фронт было направлено 212 отрядов и групп специального назначения общей численностью 7316 человек {1}. Бригада гордится не только своими Героями Советского Союза, четырьмя Героями Социалистического Труда, тысячами орденоносцев, активно действующими академиками АН СССР, профессорами, докторами и кандидатами наук, заслуженными деятелями науки, лауреатами государственных премий, заслуженными мастерами спорта, а каждым (именно каждым) своим солдатом, сержантом, офицером и генералом. Без преувеличения каждый из них личность, а вместе они часть той Великой армии, которая избавила человечество от фашизма, сохранила нашу свободу.

Формирование Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР проходило в конце июня – начале июля

1941 г. Оно было связано с необходимостью выполнения специальных заданий в борьбе с фашистскими захватчиками, вторгшимися на территорию Советского Союза. После обнародования директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г. эта общая задача уточняется и конкретизируется. ОМСБОН был призван вести разведывательные и диверсионные действия на важнейших коммуникациях противника, ликвидировать вражескую агентуру, действуя отдельными подразделениями, мелкими группами и индивидуально. Развитие событий выдвинуло еще одну, не менее важную задачу: оказывать всестороннюю помощь в развитии и расширении партизанского движения, создании подполья, сплочении патриотов в тылу врага.

В соответствии с этими целями необходимо было создать такое формирование, подобного которому Красная Армия фактически еще не знала. Его подразделениям предстояло действовать не на одном каком-то участке фронта, как это было с другими воюющими частями, а в самых разных местах всех фронтов – от Баренцева до Черного моря, а главное – не только на линии самого фронта, но и далеко за его пределами вплоть до Берлина.

В летописи Великой Отечественной войны каждый миг, каждый час, каждый из 1418 дней имеет свое особое значение. Эти мгновения, часы и дни неповторимы и вписаны огненными строками в общую победу.

Неповторимы и своеобразны «биографии» всех частей, соединений, армий и фронтов Красной Армии в Великой Отечественной войне. Но, к сожалению, мало изучены, чтобы стать достоянием нашего народа. Одной из героических частей Красной Армии была и ОМСБОН. В первый период своего существования она именовалась «Войска Особой группы при Народном комиссариате внутренних дел СССР [2] «. Начальником Особой группы был комбриг Павел Михайлович Богданов, начальником штаба – Вячеслав Васильевич Гриднев. Она тогда состояла из двух бригад, делила свои батальоны на отряды, а отряды – на спецгруппы. В октябре 1941 г. войска Особой группы были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД СССР в составе двух мотострелковых полков: четырехбатальонного и трехбатальонного со специальными подразделениями (саперно-подрывная рота, авторота, рота связи, отряды спецназначения, школа младшего начсостава и специалистов). В таком составе и с таким наименованием она просуществовала до октября 1943 г., когда в связи с переходом ОМСБОНа исключительно на выполнение

спецзаданий высшего командования в тылу врага бригада переименовывается в Отдельный отряд особого назначения НКГБ СССР. Однако в сознании солдат и офицеров, а также в литературе сохранились названия ОМСБОН, «омсбоновец».

История ОМСБОНа отражена в книгах Дмитрия Медведева, Михаила Прудникова, Станислава Ваупшасова, Ильи Давыдова, брошюрах Альберта Цессарского о Дмитрии Медведеве, в книгах и брошюрах Евгения Телегуева и Александра Зевелева, в мемуарах «Динамовцы в боях за Родину» (четыре книги) {2}, в стихах и поэмах Семена Гудзенко и Юрия Левитанского, в очерке В. Кардина «Открытый фланг», в других работах, художественных произведениях и кинофильмах.

Комплектование войск Особой группы, а затем и бригады начинается в связи с указанием ЦК ВКП(б) о мобилизации коммунистов и комсомольцев на фронт. Она состояла в основном из добровольцев: рабочих, студентов, спортсменов, выпускников школ, командиров пограничных и внутренних войск. Закаленные пограничники, преподаватели и слушатели Высшей школы погранвойск и Высшей школы НКВД, других учебных заведений НКВД СССР составили костяк командного состава бригады, а ее рядовые бойцы в основном пришли в бригаду по путевкам ЦК ВЛКСМ. Исполком III Коммунистического Интернационала направил в бригаду большую группу коммунистов – эмигрантов из стран Европы и Востока. Когда формирование бригады завершилось, а ее состав приобрел опыт боевых действий на фронте и в тылу врага, начался процесс «отдачи» ее бойцов и командиров в отдельные части Красной Армии (например, на укомплектование Отдельной, впоследствии 70-й армии, погранчастей, спецшкол и др.). Только с 1941 по 1944 г. из ОМСБОНа было откомандировано 5074 человека {3}.

Слава и подвиги ОМСБОНа воплощены в боевых делах ее солдат и командиров.

На защите Москвы. Участие в историческом параде

С конца сентября 1941 г. на подступах к столице развернулись ожесточенные бои. Гитлеровцы развернули генеральное наступление на Москву. Подковой, обращенной концами на восток, двигались полчища фашистов к городу. Угроза нависла над сердцем Родины.

В этой обстановке – грозной и ответственной – в ночь с 15 на 16 октября части ОМСБОНа, расположенные в это время в районе подмосковных станций Зеленоградская, Клязьма и Кратово, поднятые по боевой тревоге, на электропоездах (электричках) прибыли в Москву.

В своем дневнике омсбоновец Иван Карсали записал: «Никогда, никогда не забуду этого дня, вернее, ночи. Всю ночь шел снег… И мы шли… Шли тихо, молча. Потом вагоны… Красная площадь, Москва! Мы ждали на площади приказа, затаив дыхание…» {4} Такой приказ пришел. Он гласил: ОМСБОН вместе с другими воинскими частями, особенно военными академиями, должен стать ядром обороны внутри самой столицы. Бригаде придается танковый батальон и артдивизион.

Была получена первая команда – обеспечить оборону центра столицы, ее площадей: Красной, Свердлова, Пушкинской, Маяковского, а также Дома правительства, музеев Ленина и Исторического. Оборона была, как говорят, активной. Она имела целью не допустить прорыва фашистов через Садовое кольцо, улицу Горького и одновременно быть готовыми к действиям в направлениях: Белорусский вокзал, Ленинградское и Волоколамское шоссе {5}.

1-й полк разместился в Доме союзов и здании ГУМа, 2-й – в школе на Малой Бронной, в Литературном институте на Тверском бульваре и в опустевшем здании Камерного театра. Штаб бригады в это время был в Доме союзов. Солдаты расположились так, чтобы по сигналу тревоги мгновенно выступить.

Бригаде вскоре был выделен уточненный сектор обороны Москвы: ее осью была улица Горького от Белорусского вокзала до Кремля. Передний край проходил вдоль Московско-Белорусской железной дороги и соединительной ветки. На правом фланге – до Бутырской заставы, на левом – до Ваганьковского кладбища {6}. В дальнейшем этот приказ видоизменялся и уточнялся: 24 июля, 4 ноября и в другие дни в соответствии с боевой обстановкой. В сектор бригады входили и районы, примыкавшие к Ржевскому и

Савеловскому вокзалам, Хорошевское и Ярославское шоссе, зона Ярославской железной дороги. Приказывалось вести разведку на Можайском и Подольско-Серпуховском шоссе и т. д. {7} Если эти приказы перевести с лаконичного военного языка на «гражданский», то можно сказать так: ОМСБОНу приказывалось закрыть подступы к центру Москвы и Кремлю.

Обстановка в самой Москве была весьма сложной и даже драматичной. Началась массовая эвакуация фабрик и заводов, учреждений, научно-исследовательских и учебных заведений, партийных и правительственных учреждений, трудящихся. Столица с каждым днем становилась все безлюднее. Однако утверждения, что город вымер, были бы неверными, и мы, живые свидетели этого, видели, что он жил, но по другим меркам и стандартам, жил, как и всякий другой прифронтовой населенный пункт, с той лишь разницей, что это была жизнь столицы, столицы, осажденной врагом, но не взятой в полное вражеское кольцо.

Для более полного представления картины опишем улицу Горького – одну из главных магистралей, по которой фашисты намеревались подойти и пройти к святыне Родины – Красной площади и Кремлю.

Первые этажи домов и витрины магазинов были укреплены мешками с песком, кирпичом, сваями. Строились баррикады, первая из них (считая от Красной площади) перегородила район Пушкинской площади от тогдашнего кинотеатра «Центральный» (ныне на этом месте протянулось новое здание «Известий») до недостроенного дома, в котором затем разместился магазин «Наташа». Баррикада представляла собой нехитрое с точки зрения инженерной мысли сооружение: мешки песка, кирпичи, обхваченные стальными обручами, веревками и другим связывающим и цементирующим материалом; справа и слева имелись пока еще открытые ворота для прохода троллейбусов и другого транспорта, особенно военных машин, мчавшихся к фронту.

Следующая баррикада – в районе нынешней площади Маяковского и такая же – у Белорусского вокзала…

Еще о Москве тех дней… Погашены огни, и не светятся редкие в то время рекламы. Оконные стекла в домах и учреждениях оклеены бумажными полосами. Воздушная тревога объявлялась до пяти-семи раз в сутки.

Но город жил, работал, он стал городом-воином.

Оставшиеся в городе предприятия – их было около семисот – выпускали орудия, боеприпасы, налаживалось производство знаменитых ракетных минометов «катюша», ремонтировались

танки. Работали по 12 часов в смену {8}.

В один из этих дней – 7 октября 1941 г. – бригаде было приказано организовать отряд подрывников для минирования важных объектов и сооружений государственного и оборонного значения в Москве и на подступах к ней [3] . По времени это одно из самых первых боевых заданий совпало с переформированием бывшего отряда войск в ОМСБОН. В связи с этим уместно такое заключение: рождение ОМСБОНа непосредственно связано с обороной Москвы. Это особое воинское соединение было во всех отношениях московским.

Во главе группы подрывников были поставлены старший лейтенант Жулябин, комиссар Потапов и начальник штаба капитан Сорока. В нее были включены две роты – старшего лейтенанта Мансурова и старшего лейтенанта Лазнюка. С 8 октября по 20 ноября 1941 г. были проведены большие военно-инженерные и строительные работы, и особенно в Москве и Подмосковье. Важные стратегические объекты столицы были заминированы {9}. В дальнейшем в районе Каширы против 2-й танковой армии Гудериана и к западу от Москвы, а также в зоне 5, 17, 33-й армий и 1-го кавкорпуса Красной Армии действовали 290 подрывников под командованием Жулябина {10}. С именами командиров и солдат этой группы мы встретимся еще не раз на страницах книги.

Вся боевая учеба воинов бригады осуществлялась по особой программе: ведь им предстояло действовать группами, а многим и в одиночку в глубоком тылу врага. В программу входило минно-подрывное дело, стрельба из разных видов оружия, тактика лесного боя, ночные прыжки с парашютом, самооборона с оружием и без него, вождение мотоцикла и автомобиля; обучение радиоделу и навыкам медицинской самопомощи. Бойцов готовили к суровым условиям жизни и борьбы в подполье, в партизанских лесах.

Однако вскоре стали видны серьезные недостатки в этом важном деле. Предполагалось основное внимание при обучении бойцов и командиров уделять специальной подготовке, но она проводилась эпизодически и часто не предусматривала важнейших моментов десантной, разведывательной работы. Изучение оружия велось на устаревшей основе.

Значительно позже стали обучать специально выделенных бойцов применению противотанкового ружья, хотя это оружие, как подтвердил опыт, необходимо было знать каждому бойцу. Серьезным недостатком было то, что не изучался в должной мере уже имеющийся опыт Второй мировой войны, не обучали тактике ведения боя в условиях современной войны, действиям

подразделений, мелких групп и одиночек в условиях окружения, приемам ведения фронтовой разведки. К ведению занятий не привлекались опытные офицеры-фронтовики. Все это не могло не сказаться отрицательно на уровне подготовки бойцов и командиров, их готовности к решению боевых задач. Подлинной, но тяжелой школой для них стал личный опыт, накопленный на фронте и в тылу врага.

Одной из главных задач бригады была подготовка к обороне отведенного ей сектора Москвы.

Административные здания, многоэтажные жилые дома, подвалы превращались в мощные оборонительные пункты, куда стягивались пулеметы, боеприпасы и другое оружие; создавались пулеметные опорные точки, каждая из которых имела свой сектор обстрела. Некоторые из них были расположены на подступах к Кремлю: в недостроенном тогда доме, в здании Центрального телеграфа и в других местах. Несколько пушек бригады были помещены у здания нынешнего Историко-архивного института, на улице 25 Октября, у стены бывшего Китай-города. На площади Маяковского оборудовались огневые точки с широким спектром обзора и обстрела. За Белорусским вокзалом вдоль выемки железной дороги рыли окопы. Одновременно ставились противотанковые ежи, строились блиндажи, проводилась телефонная связь и т. д. Командовал одной из этих групп испанец-интернационалист капитан Перегрин Перес Голарса {11}.

Вот характерный эпизод из жизни бригады в эти дни, рассказанный М. Ф. Орловым: «И. И. Гомберг (заместитель начальника инженерной службы бригады) ведет нас в соседний двор. Там стоят наготове противотанковые ежи. Капитан показывает нам тележку на тросах. «Мы их загрузим, – говорит он, – толом и спрячем в подворотне, а трос протянем в другую сторону улицы. Если прорвутся танки, тросом вытянем тележку на середину улицы прямо под гусеницы».

Идем дальше. На мостовой раскрытый люк. Из люка высовывается голова бойца.

– Что вы здесь делаете?

– Пробую. Отсюда по танку гранатой или бутылкой (бутылкой с горючей смесью. – *Авт* .). Здорово получится.

И, помолчав, вдруг спросил:

– Разрешите вопрос, товарищ полковник?

– Пожалуйста.

– Это правда, что кому-то из наших огневая точка досталась в собственной квартире?

– Не знаю, но очень может быть.

– Здорово, – сказал боец. – Выходит, война пришла прямо к нам в дом».

Диалог М. Ф. Орлов заканчивал следующими словами: «В прямом смысле» {12}.

Омсбоновцы патрулировали улицы Москвы, они прошли по ним в строю с песней бригады, сложенной коллективно бывшими студентами МИФЛИ. Но ее главными авторами были С. Гудзенко, Ю. Левитанский, В. Кардин. Вот ее слова:

Звери рвутся к городу родному,
Самолеты кружатся в ночи,
Но врага за каждым домом встретят пулей
Патриоты-москвичи!..
Мы за все сполна ответим гадам,
Отомстим за наши города.

Песня призывала ее защитников:

Нет патронов – бей прикладом.

Заканчивалась песня, исполнявшаяся на мотив «Бригантины», призывом: «В бой за Красную столицу – москвичи!»

Появление на улицах Москвы подтянутых солдат в строю с полной боевой выкладкой и их песня, утверждавшая: «Мы не отдадим Москвы», имели огромное мобилизующее и психологическое воздействие на жителей осажденной столицы. И авторы книги – свидетели того, как хмурые лица москвичей светлели, выражая надежду. Люди видели, что Москва имеет надежных и крепких защитников.

Все приведенные данные дополняют новым фактическим материалом тезис советской историографии о том, что Москва была готова усиленно и целенаправленно вести борьбу в самом городе, на ее важнейших магистралях.

Одной из славных страниц в летописи бригады было ее участие в историческом параде 7 ноября 1941 г. Каждый, кто в этот день прошел в строю по Красной площади, справедливо считает себя причастным к событию мирового значения. И действительно, парад, как известно, произвел потрясающее впечатление на всех честных и прогрессивных людей, объединившихся под знаменем борьбы с фашизмом. Для советских же граждан это было не только неким символом решимости бороться до победы над фашизмом, но и показателем возможности одержать эту победу, огромным мобилизующим

фактором. Для солдат, командиров и политработников Красной Армии эти факторы удесятерялись, закаляя их решимость победить врага.

Будет ли парад? Этот вопрос задавали себе многие и многие люди как в нашей стране, так и за рубежом в первые дни ноября 1941 г. Вот как на этот вопрос отвечает интернационалист Иван Винаров:

«…Никто из нас не сомневался в том, что на этот раз парад и демонстрация московских трудящихся не состоятся… Гитлеровская авиация могла долететь до Кремля буквально в считаные минуты и превратить праздничный парад в парад смерти… Так думали мы, и никто из нас не связывал обучение отдельных войсковых соединений и их строевую подготовку с предстоящим праздником» {13}.

Такие мысли приходили в голову многим. Но парад состоялся.

Небезынтересно привести здесь свидетельство командующего парадом генерал-полковника в отставке Павла Артемьевича Артемьева (оно в литературе приводится редко): «Как командующему военным округом и Московской зоной обороны, мне каждый день приходилось докладывать Верховному Главнокомандующему оперативную обстановку. Обычно это делалось около четырех часов утра. Так было и в ночь с 31 октября на 1 ноября. Выслушав мой доклад, Сталин спросил, собираемся ли мы организовывать парад войск Московского гарнизона в ознаменование 24-й годовщины Великого Октября. Для меня это был неожиданный вопрос. Сославшись на обстановку, я высказал сомнение в целесообразности проведения этого парада. Кроме того, участвовать в нем могла только пехота, так как артиллерийские части стояли на огневых позициях, а танков вообще не было в гарнизоне.

Но решение было принято: парад 7 ноября провести. Партия считала, что проведение парада в прифронтовой Москве по политической значимости будет равнозначно выигранной фронтовой операции. О подготовке к параду никто, за редким исключением, не должен знать до исхода дня 6 ноября: нужно было опасаться вражеских ушей и глаз. Принимать парад было поручено маршалу С. М. Буденному.

На следующий день после этого разговора секретарь ЦК, МК и МГК ВКП(б) А. С. Щербаков и я, как командующий округом, вызвали командиров частей. Участвовать в параде должны были батальоны курсантов Училища имени Верховного Совета РСФСР, Артиллерийского училища, Военно-политического училища МВО, части стрелковых дивизий, формируемых из призывников Москвы

и области, стрелковый и кавалерийский полки дивизии НКВД им. Дзержинского, батальон бывших красногвардейцев – участников Октябрьской революции, два артиллерийских полка Московской зоны обороны, два танковых батальона из резервов Ставки и некоторые другие части» {14}.

ОМСБОН не названа в данном тексте. И это по той причине, что ее существование тогда не рекламировалось, исходя из ее главной задачи – деятельности в тылу противника.

Подготовка бригады к историческому параду, посвященному 24-й годовщине Октября, и ее участие в нем описаны в воспоминаниях командира 2-го полка майора (впоследствии полковника) Сергея Вячеславовича Иванова {15} и многих других. Это замечательное событие запечатлено в бесценной исторической кинохронике.

Вот как развернулась подготовка к параду. Уже в последних числах октября 1941 г. командир бригады М. Ф. Орлов вызвал к себе командиров полков и приказал сколачивать роты и отрабатывать линию взводных колонн. Взвод должен был состоять из четырех отделений по 11 человек; рота из 178 бойцов, по четыре роты в каждом батальоне, всего около 2 тыс. человек. Эти факты подтверждают, что подготовка к историческому параду 1941 г. начиналась в канун праздника и в начале ноября шла уже полным ходом. Об этом говорят и следующие факты: уже в конце октября во 2-м полку ввели строевые занятия. Они проходили на набережной реки Москвы, около Крымского моста. Это было непонятно для большинства солдат и командиров: враг около Москвы, и вдруг «четче шаг».

2 ноября, по свидетельству С. В. Иванова, у Исторического музея военный комендант Москвы К. Р. Синилов собрал командиров и комиссаров частей, которые должны были участвовать в параде.

Готовность к параду была объявлена, но приказ о нем еще не был отдан.

Да, решение о параде держалось в строжайшей тайне до вечера 6 ноября, когда после торжественного заседания на станции метро «Маяковская», посвященного 24-й годовщине Великого Октября, узкому кругу лиц было объявлено об этом.

Тем временем начал формироваться сводный полк НКВД из батальонов 1-го и 2-го полков ОМСБОНа, а также из солдат 9-го полка 2-й дивизии войск НКВД. Командиром этой части назначается Сергей Вячеславович Иванов, а комиссаром – Сергей Трофимович Стехов.

6 ноября 1941 г. на станции метро «Маяковская» шло торжественное заседание Моссовета и общественных организаций

в честь 24-й годовщины Октябрьской социалистической революции, а в это время командиры частей – участники парада были вызваны к военному коменданту Москвы.

Уточняются детали, предусматриваются возможные варианты действий в случае непредвиденных обстоятельств, связанных с возможностью прорыва немецкой авиации, и т. д. И самое главное, все присутствующие понимают и проникаются чувством: если даже одному или нескольким самолетам удастся прорваться к столице, даже к Красной площади, ни один участник парада не имеет права, не должен покинуть строй, уйти с той передовой, которой 7 ноября 1941 г. станет Красная площадь. Это должно быть передано всем. И этим прониклись все те, кому довелось быть зачисленным в списки участников парада. Так Красная площадь становилась еще одним рубежом стойкости и преданности Родине.

Во 2-м полку, расквартированном в здании Литинститута на Тверском бульваре, вряд ли кто спал в эту ночь. Атмосфера общего напряжения и ожидания чего-то особенного, неповторимого передавалась всем, кто был зачислен в какие-то списки, которые, согласно «солдатскому телефону», значились как списки участников парада.

7 ноября. Подъем. Объявляется он в 4 утра, и уже ровно в 5 ч 30 мин построение. Маршрут необычен: через Пушкинскую площадь, к Петровским воротам и дальше по Петровке вниз к Большому театру. Здесь присоединяется парадный батальон 1-го полка, все еще расквартированный в Доме союзов, а со Старой площади движется батальон 9-го полка НКВД. По улице Куйбышева сводный полк направляется к Историческому музею. По пути сюда на одной из последних остановок комиссар полка С. Т. Стехов, обходя строй, взволнованно, но, как всегда, точно, кратко и ясно сказал о чести представлять на праздничном параде сражающуюся Красную Армию.

Полки двигались к Красной площади в предрассветном мерцании зарождающегося дня. На тротуарах – старики, женщины, школьники. Никто не говорил им о параде, но многие москвичи не могли заснуть в ночь на 7 ноября 1941 г. Они ликовали и плакали, приветствуя бойцов Красной Армии.

…Валил густой снег. Но когда полк стал около Исторического музея, снегопад как будто стих, и нашим взорам предстал Мавзолей Ленина. До этого он был укрыт фанерным павильоном и маскирующей сеткой. Сейчас же он вновь сверкал полированным гранитом и казался особенно торжественным и величественно строгим.

Начинается марш частей, участвующих в параде.

Впереди омсбоновцев шли С. В. Иванов и С. Т. Стехов. За ними побатальонно шел полк.

Всмотритесь внимательно в историческую кинохронику того дня. Если вы в одно мгновение увидите солдат, идущих с винтовками с отомкнутыми штыками, взятыми на вытянутые руки, – это омсбоновцы.

Вот несколько омсбоновцев – участников парада. Командир 1-го батальона 2-го полка капитан Михаил Прудников, Герой Советского Союза, генерал-майор, командир партизанской бригады «Неуловимые», насчитывавшей до 1200 бойцов, и ее комиссар Борис Львович Глезин. О нем мы подробно расскажем в другой главе. Подробно опишем также борьбу отряда под руководством Федора Озмителя, тоже Героя Советского Союза. Из солдат отметим Дмитрия Червякова. С войны он вернулся с солдатским орденом Славы и орденом Ленина, с боевыми орденами Польши и Чехословакии. С мая 1949 г. работал токарем на заводе Минского приборостроительного объединения им. В. И. Ленина. За успехи в труде награжден орденами Ленина и «Знак Почета». Ему присвоили звание Героя Социалистического Труда. Был депутатом Верховного Совета Белорусской республики.

В числе других участников парада по брусчатке Красной площади прошли и авторы этой книги [4] . Это было важнейшим этапом в нашей жизни.

Возвращались назад, в казармы, с песней «Роты ифлийцев». Ее заключительные строки были: «Мы по улицам Берлина флаг победный пронесем». После парада уверенность, что так и будет, стала еще сильнее. С. В. Иванов впоследствии напишет: «… проходя в тот день торжественным маршем по Красной площади, сводный полк ОМСБОНа представлял и тех отважных солдат «невидимого фронта», которые уже вступили в бой с фашистскими захватчиками на оккупированной территории» {16}.

Те из омсбоновцев, кто был 7 ноября на Красной площади, представляли всю бригаду, весь ее замечательный состав.

Парад длился 1 час 2 минуты. Но сколько было пережито теми, кто был эти 62 минуты на самой площади, и теми, кто слушал сообщение о параде по радио во всей стране и на оккупированной врагом советской территории, а также за рубежом!

Боец медведевского отряда П. Г. Борисов рассказывает о том, как в Клетнянских лесах, близ деревни Мамаевка Мглинского района, партизаны слушали речь Верховного Главнокомандующего на Красной площади 7 ноября 1941 г. Отрядную радиостанцию вынесли из палатки и установили ее

так, чтобы все слышали доносящиеся из Москвы слова. Они вселяли уверенность, что враг будет разбит. Все понимали: начинается новый этап войны. После митинга, на котором выступили Д. Н. Медведев и комиссар Г. Н. Кулаков, командование отряда направило бойцов по деревням и селам, чтобы они рассказали населению о параде на Красной площади, распространили листовки. Партизанские листовки и рассказы о параде в Москве произвели огромное впечатление на советских людей. Сам факт военного парада, состоявшегося на Красной площади, несмотря на то что враг находился на подступах к столице, был воспринят как предвестник значительных перемен в ходе войны, близкого контрнаступления Советской Армии, разгрома врага и изгнания его с нашей земли… {17}

Из всей гаммы чувств, пожалуй, главными тогда были: Москва выстоит, а это – залог общей победы; надо делать все возможное и невозможное, чтобы приблизить день, час конца фашизма, ненавистного врага.

Приведя этот эпизод, С. В. Иванов справедливо заключил: «И кто знает, может быть, слушая радио, они (партизаны. – *Авт* .) хоть на миг позавидовали нам – участникам парада, как мы завидовали тому, что они уже громят ненавистного врага. В этот час бойцы ОМСБОНа, куда бы ни забросила их судьба, были рядом, вместе» {18}.

«На очередной воскресной перекличке, – пишет он далее, – в глазах бойцов уже не было тоскливого вопроса: «Когда?» Каждый твердо знал, что будет непременно бить врага как участник парада, как солдат, на долю которого выпала огромная честь представлять Вооруженные Силы страны на Красной площади 7 ноября 1941 года» {19}.

7 ноября 1941 г. для ОМСБОНа было знаменательно еще одним событием – принятием воинской присяги. Вот что об этом в тот же день сообщила бригадная многотиражка в первом своем номере:

«В одном из подразделений принимал присягу младший лейтенант Галушкин – участник многочисленных боев с немецко-фашистскими захватчиками. Комсомолец Галушкин вместе с горсткой бойцов под огнем противника вывез наше зенитное орудие… Галушкин, в совершенстве владеющий техникой, готов в любую минуту снова пойти в бой, на защиту завоеваний Октября, на разгром фашистских варваров» {20}. Эти скупые газетные строки выражали в те дни общее настроение.

Не многим участникам парада 1941 г. довелось еще раз пройти по Красной площади в день 40-й годовщины нашей Победы. Но известно, что в «партизанском батальоне» (был

такой!) комиссаром шел и на этот раз С. Т. Стехов, а на гостевых трибунах были многие омсбоновцы. Представляя весь ОМСБОН, они вспоминали живых и тех, кого уже нет с ними, тех, кто сделал возможным этот второй парад.

Оценивая парад 1941 г. с точки зрения его участников, можно выделить несколько характерных моментов. Пойдем от частного к общему: между собой мы говорили, что провели «психическую атаку» на врага. И действительно, парад показал, что фашистская армия, несмотря на все ее победы, не смогла помешать советскому народу отметить традиционно день рождения советской власти. Парад окрылил нас и в то же время нанес колоссальной силы удар по престижу гитлеровского вермахта. Наконец, мы понимали, что Москва показала всему миру, что она стоит твердо и враг никогда не пройдет по брусчатке ее Красной площади.

В трудную зиму 1941/42 г

К исходу третьего месяца Великой Отечественной войны положение на фронте оставалось крайне сложным и опасным. Гитлеровское руководство считало, что в конце лета наступило время для нанесения последнего удара по нашим войскам с целью окончательного разгрома Советского Союза. Главным препятствием для осуществления целей фашизма оставалась Москва – важнейший политический, экономический и культурный центр страны. Захват Москвы должен был устрашить весь мир, показать якобы имеющееся превосходство фашизма, его организации, политики и идеологии над советским общественным и государственным строем и демократией, продемонстрировать триумф стратегии «молниеносной войны».

Насколько тщательно и упорно готовилась «Московская операция» (операция «Тайфун»), видно хотя бы из следующих данных: на 1 октября группа гитлеровских армий «Центр» имела в своем составе 1 млн. 800 тыс. человек, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков. Это составляло 42 % людей, 33 % орудий и минометов, 75 % танков от общего их количества на советско-германском фронте. Добавим к этому: для поддержки наступления на Москву выделялось 1390 самолетов {21}.

Напомним о наших силах, противостоявших врагу. В составе трех фронтов, в той или другой мере прикрывавших столицу, насчитывалось около 1 млн. 250 тыс. человек, 7600 орудий и минометов, 990 танков, 667 самолетов. Если эти данные сравнить с силой врага, то соотношение выглядит так: превосходство войск противника в живой силе в 1,4 раза, в артиллерии – в 1,8, в танках – в 1,7, в самолетах – в 2 раза. Чтобы картина была еще полнее, нельзя не сказать, что большинство наших танков были легкими, с невысокими боевыми возможностями, а на вооружении авиации лишь 20 % самолетов новых типов {22}. Ощущалась острая нехватка боеприпасов, горючего, автотранспортных средств.

Для понимания задач ОМСБОНа в защите Москвы приведем такой факт: на Московском направлении гитлеровцы сосредоточили большую часть своих разведывательно-подрывных органов. С передовыми частями 4-й армии неуклонно следовала специально созданная команда полиции, гестапо и СД «Москва» с задачей ворваться с наступающими войсками в столицу, захватить здания руководящих партийных и советских органов, арестовать видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, учинить расправу над партийным и

советским активом, над трудящимися города {23}. Готовилась тотальная операция под кодовым названием «Кремль».

В эти дни у одного пленного офицера было обнаружено такое обращение немецкого командования: «Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Вам осталась Москва… Пройдитесь по ее площадям. Москва – это конец войны. Москва – это отдых. Вперед!» {24}

Уже 5 октября Государственный комитет обороны (ГКО) принял специальное решение о защите столицы, а 12 октября в связи с еще большим приближением фронта к Москве он принял постановление о строительстве на ближайших подступах и непосредственно в столице Московской зоны обороны (МЗО). Она включала полосу обеспечения и два оборонительных рубежа. Основной рубеж проходил по линии Хлебниково, Сходня, Звенигород, Кубинка, Наро-Фоминск и далее по левому берегу Пахры до ее впадения в Москву-реку. Городской рубеж проходил по окраинам столицы. К обороне был подготовлен и сам город, к северу и югу от Москвы оборудовались позиции флангового обеспечения {25}.

Тяжелой для Москвы оказалась середина октября, когда враг рвался к городу по кратчайшему пути. Столица уже тогда стала прифронтовым городом. Фашистское командование намеревалось взять Москву в гигантские клещи: с севера – через Клин, Рогачёво и с юга – через Тулу и Каширу. Началось генеральное наступление против главных сил Западного фронта.

Всей стране стал памятен день 19 октября, когда было обнародовано постановление Государственного комитета обороны о введении с 20 октября в городе и прилегающих к нему районах осадного положения. Особо отметим, что в постановлении намечались меры по укреплению тыла войск и пресечению подрывной деятельности вражеской агентуры. И еще об одном относящемся к ОМСБОНу: охрана общественного порядка в Москве возлагалась на внутренние войска.

«Не бывать фашистам в Москве» – таков был главный и решающий лозунг для всех ее защитников, для всех воинов.

Осенью и зимой 1941/42 г. омсбоновцы вместе и во взаимодействии с инженерными и другими частями Красной Армии в непосредственной близости от врага и преимущественно под его огнем создавали на подмосковных рубежах линию минных заграждений и минных полей, ставили противотанковые и противопехотные фугасы, готовили к взрыву мосты, путепроводы.

Чем была вызвана эта боевая деятельность, почему к ней

были привлечены именно омсбоновцы и как она оценена командованием Красной Армии? Вот несколько важных вопросов, на которые необходимо прежде всего ответить.

Известно, что когда в середине сентября на Московском направлении наступило временное затишье, Советское командование сознавало, что это ненадолго, что враг готовится к новому крупному наступлению. Для его успешного отражения совершенствовалась и развивалась организация обороны дальних и ближних подступов к Москве.

10 сентября 1941 г. Ставка направила директиву Западному фронту: перейти к обороне, жестокой и упорной. Однако, к сожалению, одновременно проводилось на дальних участках и наступление, что привело к раздвоению в действиях и отрицательно сказалось на дальнейших событиях.

В конце сентября, как уже отмечалось, окончилось и затишье. Враг, его армейская группировка «Центр» по плану «Тайфун», названному «решающим сражением года», была готова к броску на Москву.

Он начинается 30 сентября 1941 г., первоначально в полосе Брянского фронта, а 2 октября – против Западного и Резервного фронтов. Прорывается Вяземская линия обороны, которая к тому времени не была завершена строительством.

Несколько раз в октябрьские и ноябрьские дни гитлеровцы сообщали о сроках взятия столицы. Несколько раз в газетах Германии оставлялись места для публикации чрезвычайного сообщения.

Развивая наступление, гитлеровские войска двинулись к Можайской линии обороны, готовность которой составляла 40 %. Бои разгорелись в 80 – 100 км от Москвы {26}.

Необходимо было создать новые оборонительные рубежи вокруг столицы. «Главной задачей тех дней… – писал в книге «Беспримерный подвиг» маршал Советского Союза Г. К. Жуков, – был выигрыш времени для создания непреодолимой линии обороны» {27}. И она создается.

В военно-исторической литературе, в многочисленных мемуарах тяжесть этих дней описана довольно подробно {28}. Поэтому отметим лишь несколько моментов, важных для понимания роли ОМСБОНа в развитии событий, неумолимо нараставших и грозивших существованию нашей Родины.

Фашистские войска двигались к столице огромной дугой с юго-запада, запада и северо-запада на Тульском, Малоярославецком, Можайском и Волоколамском направлениях. Красная Армия отступала с боями. Как сейчас установлено в советской историографии, судьбу Москвы во многом определяли

и наши войска, попавшие в малые и большие «котлы» под Вязьмой и в других местах, но героически сражавшиеся до последней капли крови.

И еще обстоятельство: «юнкерсы», «мессершмиты» день и ночь кружились в воздушных просторах Подмосковья. Объектом нападений были не только военные укрепления, заводы, железные дороги, мосты, шоссе. С каким-то особенным, садистским наслаждением фашистские летчики направляли пулеметы против женщин и детей.

Воздушные пираты прорывались и в небо столицы. И часто вечером мы наблюдали, как женщины, старики и дети, взвалив на плечи небольшой багаж, направлялись к спасительным станциям метро.

После того как оборонительный рубеж Волоколамск – Можайск – Малоярославец – Серпухов местами был захвачен врагом, Военный совет Западного фронта основным рубежом обороны избрал новую линию: Ново-Заводский – Клин – Истринское водохранилище – Истра – Красная Пахра – Серпухов – Алексин {29}.

Непосредственные фронтовые действия воинов ОМСБОНа начались во время вражеской операции под кодовым наименованием «Волжское водохранилище» и попытки охвата Москвы с севера. Здесь действовали 3-я и 4-я немецкие танковые группы в составе семи танковых, трех моторизованных и четырех пехотных дивизий. Всего непосредственно для захвата Москвы немецкое командование выделило 51 дивизию, в том числе 13 танковых и 7 моторизованных {30}.

Тяжелое положение в связи с этим сложилось в середине ноября в полосе действий 30-й и 16-й армий (командующие Д. Д. Лелюшенко и К. К. Рокоссовский). Здесь врагу удалось устремиться по Ленинградскому шоссе к Клину, а отсюда до Солнечногорска и вдоль Волоколамского шоссе до Истры. Не случайно поэтому в литературе эти дни называются «днями наивысшей опасности для столицы» {31}.

Названия этих городов и населенных пунктов прочно вошли в летопись Московской битвы и в героическую историю ОМСБОНа. Так было суждено, что его солдаты, командиры и политработники оказались на острие удара главных сил гитлеровцев, рвавшихся к Москве. Стойкость и мужество воинов-омсбоновцев, умение точно и профессионально выполнять боевые приказы должны были влиться могучей струей в общий поток героизма защитников Родины.

И еще об одном моменте, если можно так сказать, личностного характера. С этого времени начинается крепкая

боевая дружба омсбоновцев с Константином Константиновичем Рокоссовским – выдающимся полководцем Великой Отечественной войны. Если под Москвой отряды ОМСБОНа помогали солдатам армии, которой он тогда командовал, то в дальнейшем, в 1942 г., 16-я армия, освободив окончательно древний русский город Сухиничи, выполнила огромную работу по созданию условий для переброски через свой передний край обороны отрядов особого назначения в тыл врага. Эта дружба, скрепленная в совместной борьбе, продолжалась, когда Рокоссовский стоял во главе фронта в 1943 г. в битве под Курском и Орлом и во главе 1-го Белорусского фронта в 1944 г. Многие омсбоновцы гордятся тем, что наряду со знаком «Ветеран ОМСБОНа» они награждены памятным знаком «Ветеран 16-й (11-й гвардейской) армии».

Вернемся к событиям на фронте. Командование Красной Армии должно было в обстановке, о которой уже говорилось, немедленно создать прикрытие Москвы со стороны Волжского водохранилища, уже скованного льдом.

Выполнение этой задачи осложнялось во многом тем, что во вновь сформированных бригадах и дивизиях, особенно ополченческих, саперных частей было крайне недостаточно. К этому добавим: они не были еще достаточно укомплектованы подрывными средствами и вооружением.

В этих критических условиях Главное военно-инженерное управление Красной Армии (ГВИУ) и командование Западного фронта возложило большие надежды на ОМСБОН. И эти надежды полностью оправдались.

Командир бригады М. Ф. Орлов уже в сентябре был вызван к начальнику Главного военно-инженерного управления генералу Л. З. Котляру и получил задание: готовить бригаду к принятию участия в прикрытии важнейших стратегических подступов к Москве. По воспоминаниям М. Ф. Орлова, эту же задачу тогда же подтвердил и уточнил начальник Генерального штаба Красной Армии Борис Михайлович Шапошников {32}.

В первых числах октября 1941 г. из штаба Московской зоны обороны (МЗО) и ГВИУ в ОМСБОНе был получен приказ: приступить к выполнению поставленной задачи.

24 октября (по другим данным – 23-го) 1941 г. Военный совет Московской зоны обороны (частный приказ № 014) предложил приступить к устройству на подмосковных рубежах сплошной зоны заграждений {33}, чтобы не допустить фашистов к столице или, скажем скромнее, всячески замедлить их продвижение к центру нашей Родины.

Как же выполнялась эта задача? И как в ее выполнении

участвовали омсбоновцы? Сразу же отметим, что воины ОМСБОНа это боевое задание осуществляли и в 20-х числах октября, и в ноябре {34}.

Одной из главных магистралей, по которой тогда, в октябре – ноябре 1941 г., наступали фашисты, было Ленинградское шоссе на участках Завидово – Ямуга – Солнечногорск.

Сюда направляется для руководства работами по созданию заграждений начальник военно-инженерной кафедры академии им. М. В. Фрунзе, тогда полковник Евгений Варфоломеевич Леошеня. Вскоре по решению Ставки Верховного Главнокомандования от 17 ноября создаются три оперативно-инженерные группы (ОИГ). Начальником ОИГ-2 назначается генерал И. П. Галицкий, а начальником штаба – Е. В. Леошеня. Именно ему подчиняется сводный отряд ОМСБОНа под общим командованием бригадного инженера, тогда майора (позже генерал-майор в отставке) Михаила Никифоровича Шперова.

Михаил Никифорович к этому времени, несмотря на свои тридцать лет от роду, имел уже интересную и богатую биографию. Несколько лет он прослужил на Дальнем Востоке начальником инженерной службы полка. В 1936 г. он зачисляется в Военно-инженерную академию им. В. В. Куйбышева, однако зимой 1939 г. учеба прерывается – М. Н. Шперов участвует в войне с Финляндией. Здесь, на знаменитой «линии Маннергейма», он приобретает первый боевой опыт, занимаясь разминированием военных объектов, наведением переправ. Военный инженер с таким богатым опытом встал во главе инженерной службы бригады.

Его помощником был опытный специалист и организатор капитан Иван Иванович Гомберг.

В холодных, почти нетопленых казармах в доме около Белорусского вокзала, где в это время располагались части бригады, штаб и политотдел, рано утром 16 ноября была объявлена боевая тревога. В этот день 30-я и особенно 16-я армии вели кровопролитные бои против 4-й немецкой танковой группы (против 16-й армии повели наступление не менее 400 танков) {35}. Два мотострелковых батальона под командованием капитанов М. С. Прудникова и П. А. Коровина, саперная рота и два отдельных саперных взвода были сведены в 11 отрядов заграждения (около 800 человек) {36}.

…Боевая тревога! К этому часу мы были давно готовы, готовы с 22 июня 1941 г., когда большинство из нас записались добровольцами в Красную Армию, готовы с того дня, когда были направлены в ОМСБОН.

– Куда? – вопрос, который можно было прочесть в глазах

зачисленных в списки первой готовности. Ответ на него в общих чертах был ясен: на фронт, на оборону Москвы.

Выражая чувства своих товарищей, сержант Николай Лукашенко, вчерашний аспирант МИФЛИ, писал в газете «Победа за нами»: «Я клянусь драться с врагом, защищая родную Москву, мужественно и умело» {37}. Молодой коммунист сдержал свою клятву: в 1942 г. под Москвой, действуя в тылу врага, он попал в засаду и сражался с врагами до последнего патрона.

Вот как описан выезд омсбоновцев на фронт:

«Где-то в небе гудели самолеты. Часто хлопали зенитки, установленные на крышах московских домов. Лучи прожекторов метались по непроглядному ночному небу. Гремели глухие взрывы, от которых вздрагивала земля. Небо светилось отблесками близкого пожара…

Полуторки двигались по затемненным улицам. Выбравшись из города, грузовики прибавили скорость и помчались по Ленинградскому шоссе… где отряду предстояло строить оборонительные сооружения. Мимо проплывали, словно вымершие, без единого огонька, подмосковные деревни и поселки. Тянулись перелески, заснеженные поля. Жгучий ветер сек обветренные, хмурые лица минеров, зло рвал с них плащ-палатки.

– Эй, ребята, заснули, что ли?.. А ну, запевай!.. – послышался голос Владимира Крылова.

– «Прощай, любимый город, уходим завтра в море!» – запел сержант Владимир Милутка.

Несколько человек подхватили куплет. Песня зазвенела в морозном воздухе, донеслась до задних грузовиков. Сразу стало как-то веселее…

Фронт неумолимо приближался. По шоссе шли измотанные длительными боями красноармейцы, группы беженцев с детскими санками, нагруженными узлами, чемоданами. Ребятишек несли на себе, вели за руки. В сторону Москвы мчались грузовики с ранеными. Навстречу им двигались автоколонны с войсками, боеприпасами» {38}.

Все это в какой-то мере тормозило продвижение вперед наших машин. Им приходилось также по нескольку раз прерывать путь из-за налета вражеской авиации.

Отряды ОМСБОНа сосредоточились в районе Ямуги, в 5 км севернее Клина. Была поставлена задача по устройству заграждений с целью предотвратить возможность выхода противника на восточный и юго-восточный берега Волжского водохранилища и на левый берег Волги на участке Видогощ – Горки, было приказано также взорвать лед вдоль берега, мосты на

шоссе севернее Безбородова и железнодорожный мост у Селиверстова {39}.

В дальнейшем эта общая задача конкретизировалась и уточнялась. В частности, минировалось не только Ленинградское шоссе на участке Завидово – Ямуга – Солнечногорск – Яхрома {40}, но также шоссе в районах Рогачёва, Дмитрова, Истры [5] .

Слово «заграждения» – очень емкое для памяти фронтовика. Если сказать, что оно включало в себя только сооружение противотанковых и противопехотных препятствий, то это не объяснит всю ту сложную и многогранную работу, которую в эти дни вели омсбоновцы. «Заграждения» должны были любыми инженерными и другими средствами перекрыть дорогу на Москву. Особое значение имело минирование дорог, полей, зданий, сооружение завалов, засек, рвов, ложных препятствий и т. п.

Приводить все эти сооружения в действие можно было по приказу штаба фронта.

Необходимо было создать глубокоэшелонированный фронт обороны, который бы стал неуязвимым для врага. Как он создавался?

Все необходимое для минирования было получено по разнарядке Главного военно-инженерного управления Красной Армии с промышленных предприятий. По данным М. Ф. Орлова, бригаде был предъявлен счет в 9 млн руб. {41}. Это свидетельствует не только о количестве снаряжения, но и о размахе задач, поставленных перед ОМСБОНом.

По приказанию капитанов М. Прудникова и П. Коровина бойцы были сгруппированы попарно или по три-четыре-пять человек. Назначался старший группы и «наблюдатель» за воздухом и окружающей обстановкой. Через несколько сот метров опять такая же группа. Каждая из них должна была почти примитивными средствами – саперной лопатой и ломом – в смерзшейся земле вырыть шурф и заложить в него взрывчатку, которую несли в основном на своем хребте. И прав был один из участников операции, задав в своем дневнике вопрос: «Как этот хребет не сломался от многих тонн фугасов?» {42} Не сломался, ибо сознание чрезвычайной ответственности удесятеряло силы.

Они были особенно нужны на морозе, когда руки коченели, а малейшая неточность движений вела к «незапланированному» взрыву, а значит, и к гибели. Но должен был найтись смекалистый изобретатель, который придумал бы выход. И он нашелся – бывший инженер, предложивший особый предохранитель, спасший жизнь многим и многим защитникам Москвы.

И еще один пример солдатской смекалки. Довольно часто непослушные на морозе пальцы не могли вставить в фугасы, в тол взрыватель. А без этого – каждый сапер знает – подготовленный для немцев «подарок» мертв. Тогда по чьей-то команде, возможно Шперова, заряжать мины стали в крестьянских избах, а затем они переносились к готовым лункам. Так бывало часто. Те, кто в хате отогрелся, шел опять к фугасу. Уносили готовые мины наиболее выносливые бойцы, бывшие спортсмены. Пример показывал Шавла Челидзе.

Бойцы начали привыкать к постоянным бомбежкам. Часто пытались огнем своих винтовок отразить налеты фашистских самолетов {43}.

Вот несколько эпизодов из боевой жизни. Командиром одного из отделений был известный спортсмен по прыжкам в воду, призер Спартакиады 1928 г. Георгий Мазуров. Как только отряд прибыл на место, минеры тотчас приступили к делу. Кирками и ломами долбили схваченную морозом землю, копали двухметровые ямы-шурфы для закладки мощных фугасов на обочинах Ленинградского шоссе. Минировали мосты через реки, водопропускники под насыпями дорог и шоссе. Устраивали минные поля. И все это – под непрерывной бомбежкой и обстрелом вражеских самолетов {44}.

О последнем в этих же воспоминаниях написано так:

«– Самолет! – послышался голос дежурного бойца.

– Воздух! – тут же закричал Крылов, увидев черные фашистские кресты на самолете. Он схватил командира за руку и стащил в яму.

И в этот момент самолет с гулом спикировал на шоссе, пронесся над ними, строча из пулемета. Выскочив из ямы, Крылов схватил винтовку, его примеру последовали другие. Вернувшегося стервятника минеры встретили дружным огнем из винтовок. Самолет круто взмыл вверх, развернулся и скрылся за линией фронта. Опустив винтовку, Крылов выругался, потом вдруг громко рассмеялся.

– Послушай, командир, что это у тебя?

Мазуров повернулся к нему спиной. Из его продырявленного вражескими пулями вещевого мешка высыпались остатки пшена от каши-концентрата.

– Вот, гад, оставил-таки нас с тобой голодными! – сказал Крылов. Потом нахмурился, похлопал по плечу, серьезно добавил: – Хорошо, что в кашу долбанул, а то бы… Будь жив, командир» {45}.

К этому добавим: велся по нашим позициям и артиллерийский обстрел.

Одновременно с минированием Ленинградского шоссе отряды омсбоновцев проводили такую же работу на Дмитровском, Рогачёвском, Наро-Фоминском, Осташевском, Пятницком, Подольском, Каширском и Можайском шоссе, на грунтовых дорогах и других танкоопасных направлениях. К взрывам готовились мосты, трубы, путепроводы, железнодорожное полотно. И здесь, как и на Ленинградском шоссе, велась та же опасная для жизни, но важная для защиты Москвы работа. Мало кто знает, что омсбоновцы заминировали подступы к Химкам и речному порту, обе стороны большого моста с памятной многим довоенным москвичам узорчатой аркой близ самых окраин Москвы, а теперь в ее нынешних границах.

Одновременно с минированием велась и разведка. Она преследовала двойную задачу: во-первых, выяснить оперативную обстановку в районе ведущихся минных работ; во-вторых, оказать помощь сражающимся частям в выяснении намерений противника и в целом боевой обстановки.

Помнится, как ночами, сдав комиссару партийные и комсомольские билеты, а старшине другие документы, став на лыжи, мы уходили к передовой линии, к фашистским окопам, к деревням, занятым ими, и к утру приносили добытые данные о расположении врага, его передвижениях, а если удавалось, то добывали и «языка», и документы, и оперативные карты. По неполным данным, с октября 1941-го по февраль 1942 г. было выполнено 179 выходов с разведывательными заданиями {46}.

О разведывательной работе многотиражка «Победа за нами» писала:

«В выполнении почетной задачи по охране подступов к столице блестящие примеры показывают бойцы, командиры и политработники нашего соединения. Товарищи Бреусов, Рындин, Барсуков, Грехнев проявили немало мужества, отваги, смекалки, пробрались в тыл врага и доставили командованию ценные сведения об одном важном участке. Под ураганным огнем противника успешно выполняли специальные задания командования красноармейцы Лягушев, Худолеев, Дешин и многие другие» {47}.

Редактор газеты Е. Шистер писал:

«Это стало как бы прологом, словно лучом прожектора, высветившим дорогу к подвигу. Спустя немногим более месяца Лягушев, Худолеев, Дешин и другие бойцы отряда Кирилла Лазнюка вступили в неравный бой с батальоном фашистов в деревне Хлуднево Калужской области» {48}.

Иван Карсали – тогда один из младших командиров (впоследствии погиб в тылу врага в районе Запорожья) – с первых

дней пребывания в ОМСБОНе вел дневник [6] . На титульном листе – заголовок: «Отечественная война. 1941 год, 22 июня» {49} – и далее слова А. С. Пушкина:

Не вдруг увянет наша младость,
Не вдруг восторги бросят нас,
И неожиданную радость
Еще обнимем мы не раз.

«Младость» Ивана Карсали и его однополчан пришлась на самые тяжелые дни, переживаемые Родиной, и их радости были связаны с победой над врагом, с той первой победой, которая была одержана под Москвой.

В день, когда были убиты и ранены его боевые товарищи, он писал: «Я поклялся еще раз – отомстить за раны и смерть товарищей. В мире идет битва; не время думать о своем личном Я» {50}. **И там же:** «У нас одна цель… одна! – уничтожить коричневую чуму, где бы она ни появилась» {51}. **Он также записал в своем дневнике:** «В одном из населенных пунктов нам довелось найти много листовок, сброшенных с самолетов этих черных собак. Они думают, что у нас непрочный тыл – поднимется мятеж. Нет, фашистская сволочь!» {52}

В дневнике есть еще по крайней мере две удивительные записи, которые характеризовали настроение всех участников операции: *«…только борьбой можно преодолеть трудности»* {53} и *«Только одно желание, одно лекарство, которое меня излечит, – бой. Я рвусь в бой»* {54}. Так думали и могли сказать о себе все защитники Москвы.

Одновременно с минированием омсбоновцам пришлось вести и боевые действия с внезапно прорвавшимся на том или другом участке противником.

Пример мужества показал командир 1-й роты 2-го полка старший лейтенант Алексей Мальцев. Его рота работала на относительно большом участке. Он всегда был с бойцами, показывая пример отваги, не уходя с позиций во время бомбежки. При одной из них он не успел лечь в кювет, взрывная волна подняла его вверх и бросила на землю. Алексей Мальцев первым из омсбоновцев погиб на работах по минированию, защищая Москву. Это было в середине ноября 1941 г.

24 ноября на другом участке был убит командир 2-й роты лейтенант Сергей Золин. Так как один из авторов был свидетелем этих трагических событий, есть возможность об этом рассказать подробнее.

Наш взвод (командир лейтенант-пограничник П. Исаков), где в это время находился командир роты, располагался на еще не заминированном участке шоссе, и его внезапно атаковали

прорвавшиеся немецкие танки. Было видно, как вслед за движущимися и стрелявшими танками идут рослые и уверенные в себе солдаты в черных мундирах (возможно, эсэсовцы). В перерывах между взрывами было слышно, как солдаты-фашисты горланят фашистскую песенку с припевом: «Deutschland, Deutschland ьber alles» [7] .

Командир роты приказал залечь в придорожном ельнике и открыть огонь, что и было сделано. Двум бойцам он сказал: «Выдвинуться вперед, приготовить бутылки с горючей смесью, подпустить танки на близкое расстояние и поджечь их». В это мгновение из одного танка раздалась пулеметная очередь. Командир замертво упал. Был ранен и его заместитель А. П. Михайлов. Его вынес из боя через заснеженное поле Шавла Челидзе. Один танк был подбит, а пехота, отрезанная от танкового прикрытия, повернула назад. Это была одна из первых больших схваток омсбоновцев с фашистами под Москвой [8] .

События 22 ноября под Клином, когда сюда прорвались немцы и необходимо было взорвать заминированные поля, подробно описаны И. Давыдовым. Он особенно выделяет мужество, проявленное здесь А. П. Шестаковым, Шаровым, парторгом батальона Гудковым, младшим лейтенантом Слауцким, замполитрука Юдичевым и др. Задача была выполнена. «…Красноармейцы, – пишет автор, – подбегали к шоссе и отскакивали назад. По снегу ползли струйки дыма. И как-то внезапно десятки взрывов, слившись в один, раскололи воздух. Образовалось густое черное облако. А люди, не ожидая, когда осядут комья и пыль, бежали к другим фугасам. И новые десятки взрывов сотрясали землю. Самолеты противника, прошивая очередную густую пыль, пытались отогнать батальон от дороги. Но тщетно» {55}.

Танковую атаку отразили и другие подразделения. Особенно ожесточенными они были против роты под командованием старшего лейтенанта К. Лазнюка. Здесь отличились отделения Круглякова и Худолеева. Был убит на боевом посту Пантелеймон Лепешинский, комсомолец, племянник соратника В. И. Ленина Пантелеймона Николаевича Лепешинского. Общее руководство боями осуществляли командиры батальонов М. С. Прудников и П. А. Коровин, комиссар П. П. Шаров и начальник штаба А. П. Шестаков.

В воспоминаниях А. Авдеева об этом же говорится: «Когда на шоссе между немцами и батальоном не осталось советских войск, поступил приказ немедленно взорвать шоссе. Вслед за командованием батальона поднялась рота во главе с Кириллом Лазнюком, а за ними и другие подразделения. Они поджигали

бикфордовы шнуры, подведенные к заложенным минам. Затем волна бойцов быстро отхлынула от шоссе, залегла, ожидая, когда тонкая струйка огня добежит до фугаса. И тут раздались мощные взрывы, развороти вшие шоссе; в воздух взлетели куски камней и мерзлой земли. На месте взрыва еще стояло густое облако, а воины уже бежали к новым фугасам и поджигали их. Так, отходя в сторону Солнечногорска, омсбоновцы на протяжении двадцати километров взорвали шоссе, отбиваясь огнем стрелкового оружия и гранатами от наседавших автоматчиков» {56}.

Героизм проявили мотоциклисты бригады и особенно бесстрашный сержант 1-го батальона Эдуард Соломон (Э. Колошин), бывший испытатель мотоциклов. Достоянием всей бригады стал такой эпизод. На мотоцикле он влетел в Ямугу, где несколько часов назад была наша часть. Но Ямугу только что взяли немцы. Быстро оценив обстановку, Эдуард бросил в их сторону всегда припасенные в мотоцикле гранаты и, развернувшись на бешеном ходу, умчался {57}.

М. Ф. Орлов характеризовал его как человека, не знавшего страха, а его мотоцикл называл то разъяренным зверем, то кроткой овечкой, но всегда послушным хозяину {58}.

Отличился и другой мотоспортсмен – неоднократный призер соревнований на первенство СССР Равиль Губайдулин. Еще в боях с белофиннами он был награжден медалью «За боевые заслуги».

Когда на одном из участков шоссе под Клином минерам срочно потребовались детонаторы, Равиль, сделав на телогрейке надрезы, вставил в них детонаторы, надел сверху полушубок и, рискуя ежеминутно взорваться, доставил опасный груз по назначению {59}.

Хорошо показали себя и другие мотоциклисты: Юрий Король – связной при М. Шперове, Василий Лебедев, Виктор Сафронов, Георгий Брягин, Виктор Дробицкий, Хосе Гросс и др.

Связь между подразделениями поддерживалась и посредством радио. В распоряжение М. Шперова начальник службы связи майор А. Л. Ломоносов выделил специально группу во главе с воентехником 2-го ранга А. Гусевым. В нее вошли испанец-интернационалист Адольфо Мартинес, а также механик-водитель М. Орлов и другие бойцы.

Одно из подразделений работало около Солнечногорска. Этот город представлял собой в ноябре 1941 г. важный стратегический пункт, где проходило северо-западное острие «клещей», которыми немцы пытались охватить Москву с севера и юга. Поэтому вывод из строя нескольких километров такого шоссе, как Ленинградское, в этом месте в значительной степени способствовал срыву планов врага.

Как это произошло, подробно отражено в мемуарах командира саперной роты М. И. Загородникова {60}. Ее бойцам и командирам из 40 человек было поручено подготовить к электрическому взрыву участок Ленинградского шоссе. За короткое время вручную были вырыты в твердом грунте 80 шурфов двухметровой глубины, заложено в них по 100 кг взрывчатки и по 400-граммовой толовой шашке с электродетонатором. Каждая пара шурфов подсоединялась параллельно к главной электромагистрали, проложенной вдоль шоссе от взрывной машины до самой дальней пары шурфов.

Солнечногорск внезапно заняли немцы, но приказ о взрыве не поступил. Фашистские автоматчики уже обстреливали саперов из леса, а танки из Солнечногорска открыли орудийный огонь вдоль шоссе. Приказа о взрыве все еще не было. Обстановка складывалась тяжелая. Снаряд из танковой пушки перебил электрический провод подготовленной системы. Рядовой Селезнев под огнем автоматчиков и танковых орудий ликвидировал обрыв. Но почему запаздывает приказ? Минуты казались часами. Скромные саперские боеприпасы были на исходе, но бойцы не дрогнули, не отступили, паникеров не оказалось. Приказ привез отважный связной-мотоциклист – испанец Гросс.

Подрывникам была дана команда отойти от дороги. Один поворот рукоятки ПМ-2 – и четыре километра шоссе взлетели на воздух. Все 40 электродетонаторов сработали безотказно.

На Рогачёвском шоссе события разворачивались так же, как и в районе Клина. Здесь через небольшой населенный пункт Мостки шла прямая дорога на Яхрому и на Москву. Перекрыть здесь дорогу означало преградить ближайший путь к Москве {61}.

Что происходило на Рогачёвском шоссе, подробно, день за днем, зафиксировано в дневнике лейтенанта (позже – полковник в отставке) А. И. Авдеева. Омсбоновцы этой группы появились здесь 22 ноября и приступили к работе на правом берегу реки Киморша, в 65 км от Москвы, во взаимодействии со 126-й дивизией {62}. Здесь заминированные объекты не только «сдавались» армейским саперам, но и зачастую их и взрывали омсбоновцы. Как и везде, осуществлялось минирование дороги, мостов и т. д.

Но вот новое направление работы. 25 ноября минеры предприняли удачную попытку взорвать фугасы у деревни Клаусово, чтобы заманить на них побольше врагов. Для этого подожгли первые фугасы и дали несколько выстрелов. Немцы заметили наших бойцов и двинулись на них. Загремели выстрелы.

Гитлеровцы приблизились к первым фугасам, которые сработали мощным взрывом. Еще несколько секунд – и… взрыв второй пары.

Этот эпизод показывает, что омсбоновцы не только минировали передний край, но и фактически вызывали огонь на себя, чтобы удержать подольше врага.

Или другой случай в описании Авдеева:

«27 ноября. Ясное утро. Холоднее, чем накануне. После обеда противник открыл сильный огонь. Наши ответили. Взрывы сливались в общий гул, дрожала земля. Из леса показались гитлеровцы. Уперев автоматы в живот, шли на нас, стреляя на ходу. На бруствер вскочил рослый командир. Сбросил полушубок, поднял винтовку над головой.

– Вперед! За мной! За Москву!.. У-рра-а!!

Нам, минерам, запрещалось участвовать в открытых стычках, пока в системе обороны оставались заминированные и еще не взорванные объекты. Но легко ли было удержаться, видя, как другие бросились в контратаку!.. Матросов, Омельчук, Белинский, Нахмансон, Левкин, Лазарев тоже ринулись вперед. Откуда-то, прихрамывая, выбежал начальник инженерной службы полка, участок которого мы обеспечивали. Угрожающе подняв автомат, закричал:

– Назад! Кто разрешил? А мины кто ставить будет?!

Ребята растерянно сгрудились вокруг меня, исподлобья бросая взгляды на подполковника. Тот прислушался к шуму боя, чуть успокоился, усмехнулся:

– Тоже мне воины! У каждого свое дело. Ясно? А теперь – чтоб я вас тут не видел!

Рукопашная схватка подходила к концу. Гитлеровцы не выдержали и отступили. Красноармейцы в грязных маскировочных халатах медленно возвращались, неся раненых и убитых {63}.

О других событиях на этом же шоссе рассказано в книге И. Ю. Давыдова, в которой описано, как М. С. Прудников и А. П. Шестаков разрабатывали операцию по отражению танковой атаки {64}.

В обороне Москвы приняли участие омсбоновцы-интернационалисты. Об этом интересно рассказано в книгах Ивана Винарова, Серны Роке. Воспоминания омсбоновцев-интернационалистов публиковались на страницах «Правды» и других газет, а также в печати ряда стран мира.

Авторы справедливо отмечают, что их борьба определялась тем, что в Великой Отечественной войне решалась не только судьба СССР, но и судьбы народов всего мира. И еще одно немаловажное обстоятельство – воины-интернационалисты имели

богатейший опыт борьбы с фашизмом. Это особенно относилось к испанцам. Свой опыт они передавали молодым омсбоновцам. Их вклад в разгром врага под Москвой нельзя исчерпать только количеством взорвавшихся на минах и заложенных ими фугасов, предназначавшихся для фашистов и их танков.

Иван Винаров свидетельствует:

«Испанские коммунисты, бывшие защитники Мадрида, сейчас защищали с тем же мужеством Москву, словно она была Мадридом, словно позади них была Испания… Настоящими героями были и австрийские шутцбундовцы [9] , многие из которых здесь тоже пролили свою кровь. Героически сражались и все остальные интернационалисты полка» {65}.

Несколько эпизодов участия испанцев-интернационалистов в боях под Москвой приведены в книге Серны Роке {66}.

Героически сражались под Москвой интернационалисты из Вьетнама – Вьонг Тхук Тинь и его земляки, героически погибшие здесь.

В течение всего времени битвы за Москву в ОМСБОН, и особенно в интернациональный полк, постоянно приезжали Долорес Ибаррури, Вильгельм Пик, Иоганн Копленинг и другие руководители Коминтерна. Они живо интересовались, как сражаются их соотечественники, проводили беседы, выступали с информацией, укрепляли боевой дух бойцов. Как вспоминает Иван Винаров, он регулярно, раз в неделю, являлся на доклад в Коминтерн к Георгию Димитрову, который уделял много внимания и заботы интернациональному полку {67}.

Под Москвой в рядах омсбоновцев и в других частях Красной Армии была еще больше скреплена в совместной борьбе пролитой кровью интернациональная солидарность народов, братство коммунистов.

На поставленных минах и фугасах рвались немецкие танки, гибла пехота. Это срывало планы немцев и один из самых авантюристических их замыслов – провести свой парад на Красной площади перед уничтожением города.

Первый и важнейший итог боевой деятельности отрядов заграждения ОМСБОНа состоял в том, что они вместе с частями Московской зоны обороны сорвали план гитлеровцев прорваться к Москве на самом коротком, прямом и выгодном для них направлении. Поэтому фашисты искали обходные пути, и в том числе на Рогачёво – Дмитров. Именно сюда перебрасывались омсбоновцы. Они вместе с другими частями развернулись в двух направлениях: отряды подполковника Мельникова (армейские части) – вдоль дороги Клин – Рогачёво – Дмитров, отряды майора Шперова (ОМСБОН) – вдоль фронта 16-й армии Рокоссовского,

ближе к Москве.

Рогачёвское шоссе было в короткое время разрушено, а в промежутках сооружены завалы и минные поля. Одновременно минировались промежутки Ленинградского шоссе южнее Клина (под руководством А. П. Шестакова и П. П. Дмитриева, заменивших Мальцева и Золина), делались также проходы для отхода войск 16-й армии. Минеры отходили последними {68}.

Здесь солдатами и командирами были совершены новые подвиги. Один из них был под деревней Давыдково, когда появились немецкие танки. Старший сержант Яковлев пробрался к фугасам и взорвал их, остановив немецкое наступление {69}. Был также подорван мост на Рогачёвском шоссе у деревни Клусово. Операцию осуществили под руководством А. Авдеева Ф. Белинский и К. Башкетов, В. Милутка и др. {70}.

Остановимся еще на двух событиях Московской обороны, связанных с омсбоновцами.

Известно, что в 20-х числах ноября на стыке 16-й и 30-й армий в результате наступления немецких танковых групп образовался разрыв. На их пути стоял мост у Яхромы. Он был нами заминирован. Но не было ясно, удалось ли его взорвать, так как саперы, которые должны были разрушить мост, не вернулись. Возникла необходимость выяснить обстановку. В разведку пошла группа из трех человек во главе с лейтенантом госбезопасности Михаилом Бреусовым, одним из авторитетных командиров 2-го полка. Он отличался приветливостью, жизнерадостностью и чекистской смекалкой. Выяснили, что саперы ценою жизни выполнили свой долг. Немецкие танки не смогли переправиться на восточный берег канала {71}.

Подвиг совершил и командир саперного взвода младший лейтенант Николай Бодров. Ему при отходе наших войск в конце ноября 1941 г. командование поручило заминировать старинное здание в Ольгове, где размещалась школа. Он заложил несколько сот килограммов взрывчатки в подвале, тщательно замаскировав место минирования, в фундамент замуровал часовой замыкатель электрической цепи. Такой «подарок» был оставлен немцам.

Немцы недолго занимали Ольгово. После их отхода в школе разместились штаб части и красноармейский госпиталь. Требовалось срочное разминирование, а часовой механизм отстукивал минуту за минутой. До взрыва оставалось полтора часа. Его «секреты» знал только Бодров.

Начался его розыск по всем участкам, где были отряды ОМСБОНа.

За двадцать минут до взрыва Бодров в кромешной темноте, осторожно, метр за метром обследуя стены, нашел ящик с

замыкателем, рванул его на себя и пальцем нащупал металлический мостик, медленно двигавшийся к контакту. Мгновение – и механизм замер {72}.

События на фронте в период с 16 по 21 ноября и в последующие дни начала декабря показали, что танковые группы врага (3-я и 4-я, в частности), имевшие задачу совершить быстрые, оперативные прорывы и стремительный обход Москвы, оказались втянутыми в затяжные бои {73}.

Операция «Тайфун», по существу, уже в это время начала все больше проваливаться. Это свидетельствовало о кризисе гитлеровской стратегии блицкрига.

Последующие боевые действия ОМСБОНа связаны уже не с обороной столицы, а с выполнением заданий в ходе начала контрнаступления под Москвой.

Чтобы зримее представить историю участия ОМСБОНа в контрнаступлении, заметим, что ее воины взаимодействовали не только с 16-й и 30-й армиями, но и с 1-й Ударной и 20-й армиями.

Известно, что 1-я армия совместно с 30-й и 20-й должна была нанести удар на Клин и далее в направлении на Теряеву Слободу; 20-й армии ставилась задача во взаимодействии с 1-й Ударной и 16-й из района Красная Поляна – Белый Раст наступать в направлении Солнечногорска и далее на Волоколамск; 16-й армии и предстояло своим правым флангом нанести удар на Крюково {74}.

Омсбоновцам нужно было в значительной мере восстановить то, что раньше ими было разрушено, а также провести части Красной Армии по тем минным полям, ключ к разминированию которых фашисты так и не смогли найти. Такова была своеобразная диалектика военной службы. Эта работа выполнялась с еще большим воодушевлением, чем прежде, ибо она была связана с наступлением, с освобождением наших городов и сел. К этому добавим, хотя это пока явственно не ощущалось, работа эта была скорее ради жизни, а не смерти.

Приведем следующее наблюдение М. Ф. Орлова: «Минные поля, созданные нашими подразделениями, были настолько мощными, что вражеские саперы не успели их обезвредить. Если они раньше препятствовали продвижению немецких войск вперед, то теперь, оказавшись в их тылу, они мешали отступлению. В узких проходах, проложенных через минные поля, создавались пробки, застревали машины, тягачи, орудия, танки. Пытаясь объехать эти заторы, гитлеровцы наскакивали на мины, взлетали на воздух… Позже я читал в одной книге, что наших летчиков удивляло, почему немцы беспомощно топтались под бомбами и

не рассредоточивались по полю. Секрет был, – заключает автор, – в наших минах. Бежать гитлеровцам было некуда» {75}.

Уже в начале декабря было приказано навести переправу на канале Москва – Волга в районе Яхромы, там, где был разрушен омсбоновцами мост. Здесь должна была наступать 1-я Ударная армия. Нужно было проложить переправу по тонкому льду для танков и артиллерии, спешивших на помощь пехоте. Дело осложнялось тем, что поблизости не было ни одной части ОМСБОНа. 6-я рота второго полка находилась на 20-километровом расстоянии. Эта рота была выбрана не случайно: во главе ее стоял коммунист капитан Никита Семенович Горбачев. Вот как охарактеризовал его ветеран В. Лысов.

«Высокий, стройный, широкоплечий, с фигурой спортсмена и выправкой кадрового военного, Горбачев был опытным, грамотным командиром, строгим и требовательным к подчиненным. В то же время он был справедливым, отзывчивым, внимательным и терпеливым воспитателем молодых бойцов. Того же он требовал и от командиров взводов. Он понимал, что большинство бойцов еще очень молоды. Бойцы любили, уважали капитана, а себя называли «горбачевцами» {76}. Под стать командиру был и политрук К. П. Николаенко.

3 декабря рота была поднята по тревоге. Об этом тот же автор повествует:

«Горбачев и политрук довели до сведения бойцов, что надо совершить 20-километровый марш-бросок, выйти в район города Яхромы и выполнить поставленную задачу.

– Знаю, вы устали, – сказал капитан, – вам тяжело, но вы – комсомольцы, и я в вас уверен, не подведете!

Сверив маршрут по карте, командир, встав во главе роты, повел ее за собой обходным путем к Яхроме.

Смертельная усталость валила бойцов с ног. Много ночей и дней без сна и отдыха на морозе голыми руками минировали они дороги, мосты, устраивали минированные лесные засеки, непроходимые минные поля. Но сейчас, сознавая важность задачи, они подтянулись, усилием воли приободрились. Помогая уставшим, поддерживая друг друга, бойцы продвигались вперед.

Вот уже видны окраины Яхромы, шлюз, взорванный мост. Цель близка.

С ходу приступили к наведению переправы у деревни Деденево. В дело пошли подсобные материалы – телеграфные и осветительные столбы, бревна и доски разрушенных немцами домов и сараев.

Строительство переправы велось у самого переднего края, работали всю ночь под артиллерийским и минометным огнем.

Самоотверженно, подавая пример мужества, героизма и выдержки, трудились плечом к плечу капитан Горбачев, политрук К. Николаенко, красноармейцы С. Черний, Лавришков, И. Василенков, В. Алексеев, М. Грознов, сержанты В. Борисевич, Н. Свинцов, болгарин Асен Драганов, санинструктор А. Ценина и многие другие» {77}.

Переправа к рассвету действовала. Выполнив задание, 6-я рота с гордостью и восторгом смотрела, как части 1-й Ударной армии – танкисты и артиллеристы – устремились в бой.

В конце ноября и начале декабря несколько небольших групп и отдельные бойцы-подрывники не ушли без команды от заложенных ими фугасов и поставленных минных полей и попали в окружение, а некоторые – в полуокружение врага. И только тогда, когда была полностью выполнена поставленная перед ними задача – взрыв и уничтожение объекта, после того как прошли основные силы частей Красной Армии, омсбоновцы стали пробиваться к своим, к основным силам. Все имущество, которое не могло быть унесено, уничтожалось. Известно несколько примеров героического прорыва. Расскажем о них.

В окружении оказалась часть минеров под командованием лейтенанта А. Авдеева. Взорвав поставленные фугасы на Рогачёвском шоссе, бойцы получили приказ пробраться к своим. Вот как это описано в мемуарах А. Авдеева [10]

«1 декабря. Всю ночь крутила и завывала метель. Это хорошо: отдохнули от вражеской бомбежки. Часть гитлеровских солдат, преследовавших колонну, попала под взрывы наших фугасов, другие, видимо, повернули назад. Во всяком случае, их не слышно. Отряд благополучно миновал деревни Храброво, Ивлево, Свистуху, не оставив невзорванным ни одного фугаса на Рогачёвском шоссе. К рассвету подморозило. Ясное утро встретило нас перед селом Каменка. Оно и верно: дома почти сплошь кирпичные. Немцы превратили их в огневые точки. Здесь у противника в достатке было орудий и минометов. Не только пробиться через Каменку на Москву, но и подступиться к ней по открытой местности мы не смогли. Вновь отошли к деревне Левково, которую пока еще не занял противник. Собрались в коровнике на окраине. Пересчитали людей. Нас было больше сотни, изнуренных, голодных, сутками не спавших. Комиссар отряда Кожаев, заменивший заболевшего командира отряда, сказал:

– Товарищи, оружие наше в порядке. У нас достаточно боеприпасов. Мы пробьемся к Москве! Но только при условии быстрых, решительных действий и железной дисциплины. Вот мой партийный билет! – Он вынул из нагрудного кармана

красную книжечку и, подняв ее над головой, подсветил фонариком. Скомандовал:

– Коммунисты, ко мне!

Коммунисты без слов достали партбилеты, комсомольцы – комсомольские. И эта верность партии, Родине взволновала всех, прибавила сил.

Наступила ночь. Предвидя, где советские части попытаются вырваться из окружения, противник методически обстреливал участок открытого поля шириной менее километра. Но именно здесь нам предстоял переход.

Первым пошел комиссар. За ним, растянувшись гуськом, двинулись два взвода.

Шли по глубокому снегу след в след, без остановок. Передние часто менялись. Остановились лишь тогда, когда разведчики доложили, что лежащее на пути село Языково занято немцами, а по большаку, который нам предстояло пересечь, движутся автоколонны противника и, кроме того, он усиленно охраняется лыжными патрулями. Пока мы шли, отряд наш удвоился за счет красноармейцев других частей, тоже выходивших из окружения. У нас было немало раненых, больных и обмороженных. Переходить в таком составе большак было сложно и опасно. Комиссар создал группу прорыва из восемнадцати спортсменов. В нее вошли В. Крылов, Ф. Белинский, Г. Мазуров, К. Башкетов, Д. Распопов, А. Горбунов, М. Левкин, В. Лобко и др. А возглавили чекисты – лейтенант Л. Токарев и старшина П. Омельчук. Бойцам группы отдали более чистые и сохранившиеся маскировочные костюмы, и они молча, словно тени, скрылись между заснеженными деревьями.

Четыре пулемета заработали одновременно. Загремели взрывы гранат. Атака наших «штурмовиков» стянула к одному участку вражескую охрану, а это позволило основной части отряда перейти большак в другом месте без потерь, сберечь раненых и больных. Спортсмены догнали отряд на трофейных лыжах.

2 – 3 декабря. И эти дни были полны напряжения и тревог. Отряд подвергался воздушным налетам, несколько раз нам приходилось вступать чуть ли не в рукопашную с немецкими лыжниками, вооруженными автоматами. Но, голодные, изнуренные боями и переходами, бойцы нашего отряда упорно прокладывали путь вперед, проявляя поистине железную волю, отвагу и героизм.

Когда, казалось, мы вышли из окружения и опасность была уже позади, до нас докатилось эхо близкого ожесточенного боя. Разведчики отсутствовали недолго. Бой, и верно, был почти

рядом. Его вела небольшая группа красноармейцев, выходивших, как и мы, из окружения. И вновь комиссар Кожаев собрал отряд. И на этот раз его речь была краткой:

– Товарищи! У нас только один путь – вперед. Другого нет. Коммунисты и комсомольцы, со мной!

Выдвинув пулеметчиков и автоматчиков в центр и на фланги, отряд, развернувшись в цепь, с ходу устремился в атаку. Завидев помощь, поднялись в атаку и красноармейцы. Совместным дружным ударом мы смяли фашистов и обратили их в бегство.

Лес кончился. Впереди деревня Ртищево. Что ожидает нас там?.. Какова же была наша радость, когда мы увидели своих! Несмотря на то что деревня оказалась непосредственно в полосе фронта, население не покинуло ее. И нас, оборванных, исхудавших, заросших, жители окружили теплом и заботой. Достали из тайников сало и другие продукты, изрезали простыни и холст на бинты для раненых, а затем где-то раздобыли сани и лошадей. До Дмитровского шоссе, где находились наши войска, оставалось всего четыре-пять километров.

В эти счастливые для нас минуты мы не знали еще, что наши войска изготовились для мощного удара, который завершился разгромом немецко-фашистских войск под Москвой, и что в эту победу и мы внесли свой скромный вклад» {78}.

Весь ОМСБОН вскоре узнал о группе сержанта А. Саховалера. Она охраняла минные поля у деревни Вельмогово, пропуская через проходы подразделения 16-й и 30-й армий {79}. Обстрелянные с немецких танков, прорвавшихся со стороны Октябрьской железной дороги, и получив приказ «на выход», они не сразу смогли его выполнить. Один из бойцов, бывший рабочий Виктор Кувшинников, дежурный у поста, уйти отказался, заявив, что не все еще красноармейцы успели выйти.

– Что же, нашим на наших минах подрываться? – заявил он.

Группа солдат осталась поддержать Кувшинникова. Через проход прошло еще несколько групп красноармейцев. Один из раненых сказал: «Дальше никого нет, и по следу идут немцы». Все отступающие прошли, а сами омсбоновцы попали в трудное положение: фашисты отрезали пути отхода и 12 танков начали обстрел местности, продвигаясь к шоссе.

Было принято единодушное решение немедленно пробиваться из окружения. Небольшой отряд возглавил бывший студент МИФЛИ и участник добровольного лыжного комсомольского батальона на советско-финской войне А. Саховалер. В этом образовавшемся подразделении в большинстве оказались студенты: В. Москаленко, Черний, Гречаник, а также мастер 1-го Московского часового завода, комсомольский вожак

Л. Паперник и В. Лапинский. К ним примкнули бойцы и командиры 16-й армии, отставшие от своих частей и выходившие ранее из окружения.

Саховалер принял их под свое командование, разбил на отделения и потребовал строжайшего выполнения его приказов. Путь прокладывал Валерий Москаленко. Разведкой занимались замы политрука Новиков и Паперник. Двинулись в сторону деревни Давыдково. Но здесь уже были немцы. Саховалер приказал двигаться строго по компасу в сторону Клина, но здесь также были немцы. Поэтому пошли в сторону Солнечногорска, но город был у врага. Тогда свернули на Рогачёвское шоссе и только на четвертый день вышли к своей части {80}.

М. Ф. Орлов об этом написал: «Это само по себе малозначительное событие для нас было очень важным». И дальше пояснил почему: «В начале войны слово «окружение» часто вызывало панический страх, лишало боеспособности целые части. Как выдержат это испытание полки, еще не обстрелянные бойцы, – вот что волновало меня. Тем более что «окружение» должно было стать их военной специальностью: им предстояли действия в тылу врага. Тот факт, что наши бойцы, оказавшись за линией фронта, не растерялись и смогли пробраться к своим, было большой победой» {81}.

Эти слова командира подтверждаются и следующим эпизодом: подрывные группы 3-й роты лейтенанта Дмитриева оказались растянутыми вдоль шоссе от Клина до Давыдкова. Пятерки подрывников дежурили у фугасов на расстоянии 1,5–2 км одна от другой. Бойцы круглые сутки попарно патрулировали на своих участках.

Вначале предполагалось, что враг будет наступать со стороны Клина, соответственно этому был отдан приказ: поочередно рвать фугасы по направлению с северо-запада на юго-восток.

Но события развивались иначе. Немцам прежде всего удалось прорваться на Ленинградское шоссе в районе Солнечногорска.

…Пятерка замполитрука П. Б. Рындина в составе командира и бойцов А. Вытулева, Н. Семенова, М. Меньшонка и Ф. Курлата, действовавшая под самым Клином, оказалась отрезанной от роты. Но через два дня, 25 ноября 1941 г., она без потерь и с полным вооружением вернулась в часть. О том, как развивались события, стало известно из доклада замполита Рындина командиру роты: «Часов в 12 дня 22 ноября ко мне подбежал боец Курлат и доложил: «Со стороны деревни Давыдково слышна стрельба и раздаются взрывы фугасов». Я велел ему вернуться к фугасам и ждать дальнейших распоряжений» {82}.

Через некоторое время Рындину удалось связаться с

командованием отступавшей артиллерийской части. Он узнал, что на этом участке больше нет советских войск. Прошло еще часа два. Отступавших больше не было. Но на окраине Клина появились немецкие мотоциклисты. Тогда Рындин отдал приказ поджечь бикфордовы шнуры. Но это оказалось не просто: 25-градусный мороз сделал свое дело – шнуры отсырели. Пришлось подрезать их до предела. Бойцы еле успевали отбегать от дороги, как мощные взрывы вздымали на огромную высоту каскады снега, льда, асфальта и земли. Но, к счастью, никто не пострадал. Вдоль участка шоссе образовалось несколько гигантских воронок. Опасаясь новых взрывов, немцы приостановили наступление на несколько часов. Примерно так же обстояло дело и на других участках шоссе вплоть до Головинова.

…Группе Рындина удалось пройти незамеченной по южной окраине Клина. В течение двух дней она отходила к Рогачёвскому шоссе и вечером 25 ноября вернулась в часть {83}.

Почти одновременно в роту явились сержанты А. Дорофеев, И. Щигалев и бойцы С. Батуро и М. Нехайчик, оказавшиеся в подобной ситуации в районе Давыдкова. Под обстрелом врага они взорвали фугасы и, оказавшись в окружении, все же вышли к своим войскам {84}.

В истории ОМСБОНа был эпизод, связанный с удачной попыткой избежать окружения самым настоящим «перехитриванием» противника. Это осуществила рота капитана 1-го полка Л. М. Лекомцева. Она вместе с ротами капитанов Е. И. Мирковского (впоследствии Герой Советского Союза), М. П. Куриленко и Гунько действовала правее Ленинградского и Рогачёвского шоссе.

Бойцы Лекомцева вышли к шоссе невдалеке от Солнечногорска, когда там уже были немецкие танки и автоматчики. Поэтому Лекомцев решил отойти по льду Сенежского озера и продолжить минирование и закладку фугасов южнее города. Но немецкие самолеты их обнаружили. Было убито несколько человек, среди них лейтенанты Оськин и Воробьев, имелись раненые, но задание было выполнено {85}.

Мужество при выводе людей, оставшихся на фугасах, проявил и младший лейтенант Бородин. Выйти из тыла противника отдельным группам и указать направление дальнейшего движения помогали бойцам политработники. Вот как пишет об этом в своих воспоминаниях Л. А. Студников.

«Подразделения бригады действовали мелкими группами, минируя отдельные участки и объекты, занятые фашистами. И нередко случалось, что, выполнив задание, группа оставалась в тылу немецких войск и выходила оттуда самостоятельно. Так

произошло с шестнадцатью бойцами в районе Клина. Измученные, усталые, они с трудом волокли тяжелые сани по земле, слегка припорошенной снежком. Где-то рядом немцы, скорее, скорее к своим… А впереди – поле. Решили сократить расстояние и двинулись напрямик. Вдруг послышался гул мотора. Автомашина! Немцы?! Мгновение – и рядом останавливается грузовик. Из кузова выскакивает человек.

– Стой! Дальше ни шагу! – раздается его повелительный окрик. – Куда вы, хлопцы?.. Участок заминирован. – И бойцы узнали комиссара Стехова. – Насилу успел… Еще бы несколько шагов и – на своих же минах… Проход вот тут, правее…

Случайно ли оказался здесь Сергей Трофимович? Нет. Он знал, что где-то на этом участке должны пройти наши бойцы. Знал он и о минном поле. И не мог комиссар, коммунист сидеть сложа руки в штабе, успокаивая себя тем, что, может, бойцы не выйдут к минному полю. Он бросился им навстречу. Под пули, под снаряды.

Почти тут же встретил группу и второй комиссар – Сергей Иванович Волокитин. Покурил с бойцами, рассказал, как идти к своему батальону…» {86}

В ходе контрнаступления (начиная с 6 декабря 1941 г.) враг, потеряв позиции на Ленинградском шоссе, решил использовать для обороны естественные преграды – реку Истру и Истринское водохранилище. 16-й армии, которая здесь вела бои, опять помогли омсбоновцы.

Одновременно с работами на севере Москвы такая же опасная работа велась омсбоновцами под Тулой. Сюда прибыл отряд в 250 человек. Южнее города были отрыты 1500 шурфов, в которые были заложены заряды. Одновременно были разведаны и составлены «отчетные карточки» на 122 минных поля [11] .

Минирование проводилось и в других местах: на Можайском шоссе – западнее Сетуни, по реке Сетунь – у Осколково и Переделкино, на Киевском шоссе – западнее Чертанова, у совхоза Никулино, на Пятницком шоссе – участок от деревни Митино до деревни Жилино, а также у поселка Покровское-Стрешнево {87}.

Когда началось общее контрнаступление под Москвой с одного из крайних пунктов продвижения врага – у деревни Горки, что на Пироговском водохранилище, омсбоновцы проделали проходы в заминированных ими же полях для 20-й армии. В целом обезвреживание велось на большом пространстве: от Московского моря до р. Москва (в районе Химок) в границах р. Лама и восточного берега канала Москва – Волга.

В ходе разминирования бойцы ОМСБОНа несли потери. Мины нужно было искать в глубоком снегу. Погиб минер Матросов, был

контужен сержант, впоследствии комсорг 2-го полка Федор Солдатов и другие товарищи.

Одновременно выполнялась и другая боевая работа. Так, 7 декабря около ст. Крюково (ныне Зеленоград) отряд разведчиков из 26 человек 1-го полка под командованием командира взвода Павла Ключникова получил от 16-й армии задание выйти в тыл врага, вызвать удар на себя и обеспечить внезапность наступления панфиловской дивизии и 1-й гвардейской танковой бригады. Совершив 20-километровый обходный маневр, переправившись через реку Сходня, отряд появился в 40 м от немецких позиций и открыл огонь по противнику. Гитлеровцы сосредоточили огонь на этом участке. Это дало возможность главным силам Красной Армии перейти в наступление. Через несколько дней эта же небольшая часть повторила свой подвиг у города Истра {88}.

Во время завершения контрнаступления командир бригады М. Ф. Орлов и комиссар А. А. Максимов были вызваны к командующему Западным фронтом Г. К. Жукову. Бригаде были поставлены новые задачи. Они сводились к следующему: в тылу фашистов вести глубокую разведку для определения количества и рода войск, которые сосредоточиваются и перебрасываются на фронт против Красной Армии, выводить из строя и блокировать ряд железнодорожных узлов и линий, уничтожать живую силу и технику противника. Главной же задачей было ведение глубокой разведки.

В дни обороны Москвы (7 ноября 1941 г.) в бригаде стала выходить красноармейская многотиражка «Победа за нами». Инициаторами ее создания были комиссар бригады А. А. Максимов и начальник политотдела Л. А. Студников. Редактором был назначен омсбоновец – участник гражданской войны, в 30-е годы закончивший Коммунистический институт журналистики (КИЖ), работавший в «Комсомольской правде», на Всесоюзном радио, Анатолий Тогманов. В редакции работали бывшие аспиранты МИФЛИ Семен Беркин, Николай Лукошенко, студент Эмиль Аркинд (В. Кардин), опытный газетчик Евгений Шистер (заместитель редактора), а затем – побывавший уже в боях и выписавшийся после ранения из госпиталя Семен Гудзенко.

Характерный факт: когда стала выходить «Победа за нами» и С. Гудзенко предложили перейти из роты в штат редакции, он решительно отклонил это предложение, хотя сотрудничать в редакции стал сразу. Первые его военные стихи были написаны в декабре 1941 г. Он часто подписывался как П. Гударов. И только после ранения в июне 1942 г. перешел в газету. В ее составе он находился до ноября 1945 г. и регулярно печатался на ее

страницах, хотя выезжал в многомесячные командировки в Сталинград, на 1-й и 2-й Украинские фронты. Многие стихотворения С. Гудзенко посвящены однополчанам {89}. Художником газеты работал Диодор Циновский, заслуженный художник РСФСР.

Корреспондентами газеты стали многие солдаты и командиры, особенно бывшие ифлийцы, студенты МГУ и др. В названии газеты «Победа за нами» точно выражалось главное чувство, владевшее воинами, – уверенность в Победе.

В специальных рубриках регулярно печатались советы бойцу: «Ведение уличного боя», «Разведка зимой в лесу», «Как выбирать лыжи», «Тактика просачивания мелких групп через линию фронта» и др.

В рубрике «Из опыта фронтовиков» приводился конкретный материал о находчивости и инициативе, проявляемых советскими воинами на фронте. Материал большого воспитательного значения публиковался под рубрикой «Из истории Красной Армии».

Почти в каждом номере газеты рисовались призывные плакаты и злободневные карикатуры с острыми подписями, сатирическими стихами, фельетонами {90}.

В первом номере многотиражки через всю полосу было напечатано: «Во что бы то ни стало остановить врага». Газета вместе с плакатами «Боевая сатира», выходившими во 2-м полку, стала другом и воспитателем омсбоновцев.

«Победа за нами» стала и первым летописцем истории бригады. Пожелтевшие страницы номеров газеты запечатлели день за днем боевые будни и подвиги омсбоновцев.

Исключительно высокими были интеллектуальный потенциал бригады и уровень политико-воспитательной и культурно-просветительной работы.

В эти же месяцы – месяцы обороны Москвы – развернулась в бригаде большая партийно-политическая работа.

Начальник политотдела Л. А. Студников вспоминает: «Политотдел и партийные организации были опорой и помощниками командиров. Они вникали во все стороны жизни и боевой деятельности бригады. Общие собрания первичных партийных организаций помогали формировать у коммунистов чувство ответственности за выполнение стоящих перед бригадой задач, а решения партийных конференций оказывали воздействие не только на коммунистов – они способствовали повышению политической и боевой активности всего личного состава.

Коммунисты и комсомольцы работали агитаторами, редакторами «боевых листков» и стенных газет, помогали бойцам

овладевать военным делом и физической подготовкой.

После того как 19 августа 1941 г. ЦК партии изменил порядок приема в партию в действующей армии, наша парторганизация стала быстро расти. Сотни бойцов ОМСБОНа вступили в партию, находясь в тылу врага [12] . Месяцами в полевых сумках парторгов бережно хранились заявления с просьбой принять в партию, написанные на клочках бумаги, пожелтевшие от времени и лесной сырости дневники с лаконичными записями о партсобраниях, на которых бойцы и офицеры были приняты в ряды ленинской партии. Немало пришлось потрудиться работникам парткомиссии над восстановлением этих ценных партийных документов и боевых характеристик, чтобы оформить прием в партию.

И каким торжественным днем был всегда день вручения партийных билетов {91}«.

Тут же заметим, что, говоря об этом событии применительно к омсбоновцам, находившимся в тылу врага, Л. А. Студников справедливо замечает: «По меркам сегодняшних, мирных дней это тоже был своего рода подвиг: проводить партийные собрания, выпускать стенгазеты – и все это в тылу врага, в двух шагах от гестапо, от полицаев, карателей, от войск СС» {92}.

В гарнизонном клубе велась большая политико-воспитательная работа. Давали концерты артисты московских театров и эстрады, коллективы художественной самодеятельности, демонстрировались кинокартины, проводились встречи с представителями науки, военачальниками, Героями Советского Союза, учеными. Ветераны ОМСБОНа и сейчас вспоминают выступления Александра Фадеева, Ильи Эренбурга, Константина Симонова, Алексея Суркова, Вадима Кожевникова, солистов Большого театра Неждановой, Пирогова, дирижера Голованова, академика Минца и др. Композитор и дирижер Новицкий – омсбоновец – написал «Марш бригады». Прав И. Винаров, считавший, что «вся наша бригада была на особом счету у советских людей» {93}.

Омсбоновцы в числе первых экскурсантов посетили только что восстановленный Дом-музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

Политотдел организовывал по пятницам литературные вечера, на которых выступали с чтением своих произведений офицеры и бойцы ОМСБОНа, видные писатели, поэты, журналисты и литературные критики. Организаторами «литературных пятниц» были воины-ифлийцы В. Гусев, Л. Розенберг, А. Саховалер.

Вот как прошла, например, литературная пятница, посвященная поэзии Маяковского. Доклад «Маяковский и

революция» прочитал профессор Тимофеев. Сержант Н. Лукашенко прочитал отрывки из поэмы «Владимир Ильич Ленин». С чтением стихов Маяковского выступили майор Гриднев, бойцы Мачарет, Ступин и др. {94}.

Обдумывая и анализируя сквозь призму прошедшего почти полустолетия события под Москвой в 1941 г., повторяешь вопрос, который закономерно много раз возникал у многих участников тех грандиозных событий: «Почему мы выстояли и победили?» Научный ответ на него ищет военно-историческая наука. Но с позиций очевидцев этих событий необходимо подчеркнуть: все бойцы этой грандиозной битвы, сражаясь не на жизнь, а на смерть, в той или иной мере прониклись сознанием того, что «Россия велика, но отступать некуда – за нами Москва». Каждый на свой лад, исходя из своего жизненного опыта, миропонимания и психологического фактора, интеллектуального потенциала, если не дословно повторял эти слова, то по сути – с ними жили и боролись, доказывали их своей жизнью и смертью. Для омсбоновцев, среди которых было много коренных москвичей или учившихся и работавших в столице, этот призыв звучал по-особому, вызывал особые патриотические чувства. Добавим к этому, что в ОМСБОНе, как уже отмечалось, были собраны люди особого нравственного закала.

По неполным данным, более 1 тыс. омсбоновцев защищали Москву. Их вклад в защиту столицы, однако, не исчерпывается этой цифрой. Сравним ее со следующими фактами: если минеры ОМСБОНа поставили на Западном фронте 40 тыс. мин, то весь Калининский фронт – 4500 {95}; особенностью этой работы было то, что исключительно широко была применена новая техника: управляемые фугасы, огневые фугасы ПТ, МЗД. И все это на дальность свыше 100 км; по тем же неполным данным, было определено, что на фугасах и минах, установленных сводным отрядом в Подмосковье, подорвалось 30 немецких танков, 20 броневиков, 68 машин с мотопехотой, 19 легковых автомобилей с офицерами, 53 мотоцикла. Подразделения бригады захватили в исправном состоянии 17 автомашин, 35 мотоциклов с колясками, много пулеметов, радиоприемников и другого военного имущества {96}; кроме того, 156 автомашин были уничтожены авиацией на пробках у минных полей.

Почему сказано «по неполным данным»? Дело в том, что потери фашистов были значительно больше приведенных, так как немцы довольно быстро убирали свою технику, а также трупы.

Эти цифры могут показаться не столь уж большими. Возможно, это так. Но эти данные необходимо помножить на более важный показатель – выигрыш времени, столь важный для

Красной Армии, воевавшей на подступах к столице, что давало возможность затормозить оперативный темп моторизованных и танковых частей врага, потерявших на минных полях значительную часть боевой техники. В более узком плане эти данные говорят о том, что фашисты не смогли пробиться к Дмитрову, а также перебросить танки на восточный берег канала Москва – Волга. Следовательно, стратегический план врага – обход Москвы с севера – был сорван. Наконец, бесспорно и то, что инженерные заграждения, поставленные отрядами ОМСБОНа вместе с другими частями Западного фронта, сыграли свою роль в подготовке контрнаступления под Москвой. Добавим к этому и такое обстоятельство: при разгроме немецких войск под Москвой и их отступлении созданная омсбоновцами система инженерно-минных заграждений вторично сыграла свою роль: она заставляла фашистов бросать свою многочисленную моторизованную технику у проходов через минные поля, а в создававшихся пробках в панике под ударами Красной Армии гибли тысячи фашистов.

Боевую задачу по устройству заграждений на подступах к Москве омсбоновцы выполнили блестяще. Вот их официальная оценка, выраженная в приказе по инженерным войскам Западного фронта в июле 1942 г.:

«Характерной для ОМСБОНа особенностью является четкость и отличная организованность, проявленные при выполнении заданий фронта. Работой ОМСБОНа фронту оказана большая помощь» {97}. «Заградительные работы, проведенные ими, имели большой размах… и сыграли большую роль в обороне Москвы» {98}. За проявленные доблесть и мужество 75 отважных воинов ОМСБОНа были награждены орденами и медалями Советского Союза. Среди них: М. Ф. Орлов, М. Н. Шперов, М. С. Прудников, А. П. Шестаков, П. П. Шаров, М. В. Бреусов, А. И. Авдеев, И. Ю. Давыдов, А. Драганов, А. Л. Саховалер, братья Б. и Ю. Калашниковы, А. П. Мальцев, А. П. Кругляков, Мария Петрушина, Александра Павлюченкова» {99}.

Эти ордена и медали особые. Особые не только потому, что в суровом и тяжелом 1941 году награды давались редко, но и потому, что они связаны со спасением Москвы.

Высокое официальное признание не исчерпывает, однако, всего того, что дала битва за Москву всем омсбоновцам, кто в ней участвовал. Солдаты, офицеры и политработники выдержали первую проверку огнем, встретившись лицом к лицу с фашистами. А это самая главная проверка для защитника Родины. Без этого не могло быть того беззаветного мужества и преданности, которые проявились впоследствии в тылу врага.

В Александровском саду, около стен Кремля, у Вечного огня, где покоятся останки Неизвестного солдата, погибшего в боях за Москву, выбиты слова, прочитанные уже многими миллионами благодарных посетителей этого святого места: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен». Они по праву относятся и к неизвестному солдату-омсбоновцу.

Это подтверждается и данными о действиях ОМСБОНа на линии фронтов за 1941–1943 гг.: солдаты и офицеры подготовили к разрушению 128,5 км железнодорожных, шоссейных дорог и автомагистралей, вырыли на них 11 564 фугасные воронки, изготовили и перезарядили 8998 мин, заложили 2057 фугасов, взорвали полотно шоссейных дорог и автомагистралей протяженностью 71,5 км, заложили 49 252 минных поля, подготовили к взрыву 205, взорвали 95 мостов; установили 94 км минных завалов, подготовили к разрушению и выводу из строя более 36 промпредприятий; подготовили 2469 подрывников из числа рабочих и служащих местных предприятий и т. д. {100}.

К этим данным добавим еще несколько фактов и цифр: когда началось контрнаступление, было снято 26 779 мин разных систем, разминировано 500 км нефтепроводов, обезврежено 1500 авиабомб противника, уничтожено более 1 тыс. солдат и офицеров вермахта {101}.

За каждой цифрой – большой или малой – огромный ратный подвиг, труд и жертвенность во имя общей победы.

И еще об одном: ряд бойцов сводного отряда Шперова привлекались в качестве инструкторов по установке мин в частях и подразделениях Красной Армии, оборонявших Москву.

Вскоре большая часть защитников Москвы – омсбоновцев – была отозвана в город. Это было вызвано не только тем, что они выполнили свои задачи, но и тем, что взамен их пришли вновь сформированные части саперных и инженерных частей. Учитывалось и то, что, несмотря на контрнаступление наших войск, опасность возможного прорыва врага на каком-нибудь участке фронта была вероятна, и поэтому укрепление самой обороны города, и особенно его центра, не снималось с повестки дня.

Омсбоновцы внесли свой вклад в то, что под Москвой был развеян миф о непобедимости немецко-фашистской армии, что здесь было нанесено первое жестокое поражение фашизму и появилась надежда на коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

Так завершился первый фронтовой период в истории Отдельной мотострелковой бригады особого назначения. Он может быть вкратце охарактеризован такими словами: мы выстояли и,

проявив мужество и отвагу, окрепли и возмужали, приобрели боевой опыт, который был приумножен в боях в тылу фашистских войск.

* * *

*Начало Нового 1942 г. было для ОМСБОНа продолжением его фронтовой биографии.

Как это часто бывало на фронте, события развернулись в какой-то мере неожиданно, а возможно – закономерно.

11 и 13 января 1942 г. командование Западного фронта приказало командиру ОМСБОНа полковнику М. Ф. Орлову сформировать четыре отряда для выполнения главным образом разведывательных и диверсионных заданий в ближайшем тылу врага в районе Вязьма – Дорогобуж.

Командование бригады решило отобрать по 80–90 человек для каждого отряда, в основном спортсменов, саперов, студентов и рабочих. Из 1-го полка – два отряда и столько же из 2-го. Их организация в 1-м полку была поручена капитану Николаю Александровичу Васину и старшему лейтенанту Михаилу Константиновичу Бажанову, а во 2-м – старшему лейтенанту Кириллу Захаровичу Лазнюку и капитану Никите Семеновичу Горбачеву.

Кто они, эти люди, прославившие ОМСБОН в ближайших боях? О Никите Семеновиче Горбачеве мы уже писали. Добавим еще, что он был уроженцем Смоленщины и должен был действовать на родине, в районе Вязьма – Дорогобуж. Комиссар – политрук Николаенко. А бойцами стали почти все его соратники по прежним тяжелым боям: Борисевич, Афанасьев, весельчак и балагур Константинов, Черний, Новичков, болгарин Асен Драганов, Вася Комаров и санинструктор Саша Ценина.

Кирилл Захарович Лазнюк – кадровый пограничник, комиссар – **М. Т. Егорцев** , его заместитель **Л. Х. Паперник** . О нем надо сказать отдельно. Ровесник Октября, выпускник ФЗУ. В 15 лет токарь-механик недавно открывшегося 1-го Московского часового завода. Перелистывая заводскую многотиражку «За советские часы» 30-х годов, находим там много интересного о Лазаре Папернике. В праздничном номере за ноябрь 1934 г. читаем:

«Два года назад Лазарь Паперник, 15-летний парень, пришел из ФЗУ на завод. Придя в бригаду, он сразу почувствовал себя на месте. Быстро освоил автоматы. Он не полагался на практическую сметку, учился в техническом кружке, читал технические книги.

Через короткое время его выдвигают на сложнейшую операцию – нарезку зубьев анкерного колеса. Эта операция ему труднее далась. Настойчивостью и любовью к работе он и эту операцию освоил. За последний год его заработок увеличился в три раза, он стал зарабатывать 300–350 рублей в месяц, а ведь ему только 17 лет.

Лазарь – первый стахановец нашего цеха, он добился 200 процентов производительности. Он сейчас работает наладчиком большой бригады и с работой справляется» {102}.

В 18 лет Лазарь – диспетчер завода, в 19 – начальник механического цеха № 2. Затем начальник платино-корпусного цеха. 30-е годы – время больших дерзаний и строек – требовали молодых талантов, и они находились. Это видно на примере молодой жизни будущего воина-героя {103}.

В отряд К. Лазнюка были зачислены лейтенант Лавров, младший лейтенант Слауцкий, старшина Пятков, сержант Кругляков, бывший студент МИФЛИ Семен Гудзенко, студент МГУ Валерий Москаленко, студент Института физкультуры, мастер спорта Николай Худолеев, вчерашний школьник-десятиклассник Евгений Ануфриев и др.

Вкратце задание отрядам формулировалось так: васинцы направляются в северную часть Брянского леса, в район, где уже действовал отряд Д. Н. Медведева, остальные продвигаются к участку Московско-Смоленской железной дороги между Смоленском – Вязьмой – Оршей и к Минскому шоссе, которое захвачено, парализуют здесь движение боевой силы, вооружений, боеприпасов и т. д.

Окрыленные успехами и накопленным опытом под Москвой, отправиться немедленно в тыл врага мечтали если не все, то подавляющее большинство омсбоновцев, чтобы выполнить ту главную задачу, которая стояла перед бригадой.

Это нетерпение так описано в воспоминаниях М. Ф. Орлова. Прибыв в расположение 2-го полка, находившегося в том же здании около Белорусского вокзала, он спросил у дежурного: «Почему у вас такой шум?»

«На лице дежурного появилась улыбка:

– Отправляем две роты, товарищ полковник, а ехать просится весь полк.

Вскоре я убедился в этом. На лестнице меня остановил голос, полный отчаяния и решимости:

– Товарищ полковник! Красноармеец такой-то. Разрешите обратиться!

И не давая мне ответить, выпалил:

– Прошу зачислить меня в роту, убывающую на боевое

задание!

При всей серьезности момента я едва сдержал улыбку и как можно строже ответил:

– Во-первых, отряды уже сформированы. Во-вторых, разве вы не знаете, что положено обращаться по команде?

Паренек несколько сник и торопливо, словно боясь, что я его уже больше не буду слушать, затараторил:

– Я подавал. Но пока до вас дойдет по команде, они уедут. Пошлите меня, товарищ полковник, – прибавил он с мольбой в голосе. Но я ответил:

– С другими отрядами и вы поедете.

Еще несколько раз то робко, то грозно «разрешите обратиться» останавливало нас в длинных коридорах» {104}.

Этот небольшой эпизод, описанный Михаилом Федоровичем Орловым, многократно варьируется и в других воспоминаниях омсбоновцев. И авторы книги, бывшие тогда в казармах 2-го полка, могут со всей ответственностью сказать, что отправиться в тыл к врагу были готовы многие и многие, что в январские дни они по-доброму завидовали тем, кто уже садился в машины, отправлявшиеся через центр города в сторону Калужского шоссе, и считали себя в резерве для новых отрядов.

Участком, на котором должен был произойти переход линии фронта 14 января 1942 г., был избран район, где наступала 10-я армия генерала Ф. И. Голикова. И это не было случайным. По крайней мере два обстоятельства определили этот выбор: 10-я армия, действовавшая на левом фланге Западного фронта, глубже других вклинилась в расположение группы фашистской армии «Центр», и поэтому здесь был кратчайший путь в тыл к врагу; переход облегчался отсутствием сплошной линии фронта и укрепленных полос.

Первым выехал отряд капитана Васина. Здесь были комиссар бригады А. А. Максимов и заместитель командира полковник И. М. Третьяков, бывший преподаватель Высшей пограничной школы в Москве. Им поручалось организовать и координировать переход линии фронта всех отрядов на данном участке.

При всеобщем подъеме, возможно, никто из них и не мог предчувствовать, что это последние дни их жизни, что больше они не увидят Москвы, омсбоновцев, своих родных и близких. И в целом эта операция, трудно даже сказать, по чьей вине, если не считать главных виновников – гитлеровцев-фашистов, повлекла за собой невосполнимые жертвы и огромные страдания. Трагедия войны здесь показала, что жертвы «соседствуют» с героизмом, мужеством, а может быть, беззаветное мужество и подлинный героизм и вызвали эти жертвы.

Маршрут васинцев пролегал через города и деревни, где недавно гремели бои, – через Тулу, Козельск и другие населенные пункты. Немецкая авиация почти каждодневно налетала на движущиеся колонны войск Красной Армии. За Козельском оставили машины и встали на лыжи, двигаясь вперед в тридцатиградусные морозы, в основном по ночам. Об этом в **дневнике Семена Гудзенко скупо записано** :

«Остановил машины. Немцы летают. Нагло низко и обстреливают. Ночью пошли на лыжах. Вел Лазар (Лазарь Паперник. – *Авт* .). Бродили по снегу по оврагам. Ночью пришли в Мехово. Здесь штаб армии. Собираются уезжать. Лежали на снегу. Потом ночью в дымной хате ели вкусно» {105}. «Почти бегом 15 км. Спим тревожно, не раздеваясь» {106}.

20 января резко изменилась обстановка в полосе 10-й армии. Блокированной в Сухиничах немецкой дивизии командование фашистов бросило на помощь свою довольно усиленную группировку (208-ю пехотную и 18-ю танковую дивизии). Им удалось захватить районный центр Думиничи и, продвигаясь вперед, занять несколько близлежащих деревень.

Для понимания обстановки, в которой оказались омсбоновцы, необходимо подчеркнуть, что к этому времени 10-я армия прошла с боями около 300 км. Коммуникации ее растянулись по снегам и бездорожью; дивизии поредели {107}.

В этой обстановке командующий 10-й армией с согласия Военного совета Западного фронта изменяет первоначальное задание отрядов ОМСБОНа. Он приказывает приостановить движение к передовой для перехода линии фронта не только отряда Васина, но и прибывших уже в район Сухиничей отрядов Лазнюка и Горбачева. Им всем ставилась задача внезапными атаками, короткими, но быстрыми кинжальными ударами вынудить врага притормозить наступление и заставить его перейти к обороне хотя бы на несколько дней, до подхода наших резервов [13] .

Нельзя не сказать и о таком немаловажном обстоятельстве: Ф. Голиков дополнительно приказал своим частям довооружить отряды ОМСБОНа станковыми пулеметами и использовать их в основном для нанесения ударов по тылам и флангам прорвавшихся войск, запретив бросать лыжников в лобовые атаки. «К сожалению, – пишет М. Ф. Орлов, – все это осталось благим пожеланием» {108}. Омсбоновцы остались со своими ручными пулеметами, гранатами, карабинами и немногими автоматами. К тому же вместо внезапных ударов они вынуждены были вести затяжные бои, а фланговые атаки мало чем отличались от лобовых. И еще об одном: омсбоновцы не были подготовлены к

ведению общевойскового боя.

Обо всем этом пишется отнюдь не для того, чтобы кого-то обвинить или, наоборот, возвеличить героизм отрядов ОМСБОНа. Дело крылось в той сложной и в какой-то мере даже роковой обстановке, в которую попали наши командиры и бойцы.

Отряд Васина был направлен в сторону деревни Бринь, а отряды Лазнюка и Горбачева передавались в распоряжение командира 328-й дивизии полковника П. А. Еремина.

И тут пришла первая печальная весть… 21 января погибли комиссар и заместитель командира бригады. Они направлялись в штаб 328-й дивизии. Немецкие летчики, все время кружившие в этом районе, заметили «бьюик». Максимов и Третьяков успели выскочить из насквозь прошитой пулеметной очередью машины. Фашистские самолеты сделали, как это почти всегда бывало, еще разворот. Полковник Иван Максимович Третьяков погиб на месте, а смертельно раненный комиссар Алексей Алексеевич Максимов вскоре скончался в госпитале.

События в районе Сухиничей и в окрестностях города разворачивались так, будто направлял их злой гений. Чем трагичнее было, тем значительнее был героизм.

328-я дивизия была ослаблена предыдущими наступательными боями. Ее полки, куда направлялись отряды Н. Горбачева и К. Лазнюка, насчитывали к этому времени не более чем полусотню бойцов, способных вести активные действия. Прибытие сюда к 20 января 180 закаленных солдат (среди которых было много выдающихся спортсменов), выдержавших экзамен в боях на ближних подступах к Москве, было серьезным пополнением. Все молодые, сильные.

Командир дивизии первую задачу поставил отряду Горбачева – боем разведать расположение немцев в деревне Кишеевка, а затем совместно с силами бывшего стрелкового батальона (всего 30 человек!) овладеть ею. На рассвете 21 января начался бой, неудачный для лыжников. Им фактически нечем было подавить огонь укрепившихся в кирпичных домах немцев. Дело осложнялось тем, что штаб дивизии не имел точных сведений о противнике. Людей из стрелкового батальона на месте не оказалось, в первой схватке горбачевцы отступили. На помощь Горбачеву 22-го пришли бойцы отряда Лазнюка, и они вместе ударили по противнику с двух сторон. Немецкие автоматчики обстреливали отряд, тогда старший сержант В. Борисевич вышел из укрытия и на близком расстоянии остался один на один с немецким автоматчиком и на глазах у других фашистов уничтожил его. Под покровом темноты он подобрался к дому, откуда бил станковый пулемет, и гранатой, брошенной в окно,

уничтожил пулеметный расчет. Бойцы ворвались на окраину деревни. Бой шел всю ночь, то затихая, то нарастая с новой силой. Боеприпасы у наших подходили к концу. Части 328-й дивизии не смогли поддержать огнем отряды Горбачева и Лазнюка. Командиры вывели отряды из боя и отошли.

В отряде Горбачева осталось не более 50 активных бойцов. Было много раненых, убитых и пропавших без вести {109}.

В этом бою отличился студент Института физкультуры, мастер спорта Николай Худолеев. Когда немцы попытались отрезать путь отступления лыжников из деревни и Лазнюк бросился вперед, отдав команду «отходите, я прикрою», с ним остался сержант Худолеев. Они не переставали стрелять, пока все лыжники не покинули деревню.

Перекрывая шум боя, Худолеев, вводя в заблуждение врага, закричал:

– Первая и вторая роты – с флангов, третья рота, за мной! В атаку, вперед!

Но тут мужественный патриот был убит {110}.

Назавтра омсбоновцы получили новые задачи – отряд Горбачева направляется в сторону деревень Сорочки и Чваново, а Лазнюка – к месту, которое стало славой и доблестью ОМСБОНа. Мы ведем рассказ о боях в деревне Хлуднево.

В разведку направилось отделение сержанта Алексея Круглякова. Особенно отличился бывший студент МГУ В. Москаленко, доложивший старшему лейтенанту обстановку. В Хлудневе оказались танки и минометы, мотопехота – человек четыреста вместе с пополнением, прибывшим вечером.

Фашисты, видимо, были намерены любой ценой прорвать наш фронт и соединиться со своими войсками в Сухиничах. Все эти данные тут же были переданы полковнику Еремину. Он приказал: на рассвете 23 января лыжники ударят на Хлуднево с юга, чтобы отвлечь внимание противника, а в это же время пойдут в наступление подразделения дивизии.

К. З. Лазнюк поставил задачи каждой группе, установил сигналы. Дальнейшие события разворачивались по намеченному плану. С наступлением рассвета, сняв лыжи, бойцы двинулись по снежной целине и сосредоточились в полуразрушенном сарае, стоявшем на возвышенном месте. Вскоре ударили армейские орудия. Лишь несколько снарядов разорвалось в деревне, это был сигнал для атаки лазнюковцев. Бой начался в пользу омсбоновцев. Группа, возглавляемая В. Захаровым, пробралась к штабу и, уничтожив часовых, забросала дом гранатами. Кругляков бросил противотанковую гранату в дом, в котором находилось больше 20 гитлеровцев. Ни один из них живым не

вышел. Вначале немцы в растерянности метались по деревне и попадали под меткий огонь лыжников. Отличился и Паперник с винтовкой с оптическим прицелом. Немцы стали отвечать на огонь, особенно когда рассеялся морозный туман и были пущены в ход танки. Появились первые раненые лыжники, среди них был и командир К. Лазнюк. Перевязав наскоро раны, он продолжал руководить боем. Постепенно врагу стало ясно, что их атаковало небольшое подразделение. Лыжников было 30 человек против 400. Они продолжали вести огонь по домам, по выбегавшим из них фашистам, обходившим горстку бойцов с флангов.

Старший лейтенант, командовавший боем, опытным ухом пограничника не улавливал боевых действий на противоположной стороне деревни. 1103-й полк не начал атаку, которую заранее обговорили.

Трудно объяснить, почему так получилось и кто в этом был виноват. Но это до смертельной опасности осложнило обстановку для всех омсбоновцев. На помощь засевшему в Хлудневе немецкому гарнизону из Маклаков шла мотоколонна, оцепившая деревню, где шел неравный бой.

Старший лейтенант подал сигнал к отходу. И в этот момент его ранило вторично. Но он продолжал командовать до момента, когда потерял сознание. Командование отрядом принял комиссар М. Т. Егорцев.

– Вынести из боя Лазнюка. – Таков был его первый приказ.

Выполнить его пришлось раненому сержанту Алексею Круглякову. Из последних сил он бросился вытаскивать из снега раненого командира. Ему пришел на помощь солдат Евгений Ануфриев. По небольшой лощине, не перекрытой еще огнем, они выбрались к своим.

Так была спасена жизнь отважного командира и прекрасного человека.

Егорцев приказал: «Все к сараю», «Занять круговую оборону!» Здесь оказалось 22 человека, оставшихся в живых.

Вот как описаны дальнейшие события {111}:

«Сражаться будем до последнего патрона, до последней гранаты, – послышался тот же голос комиссара.

Бой усиливался, кольцо сжималось. Вскоре в неравной схватке был ранен Егорцев, пал смертельно сраженный командир взвода младший лейтенант Слауцкий. «Рус, сдавайся!» – кричали немцы. Свинцовым шквалом из автоматов ответили лыжники на это предложение. Бой затянулся до утра. Рассветало. Кругом на снегу виднелись красные пятна. Подступы к сараю были усеяны вражескими трупами. В этом бою лыжники уничтожили более ста фашистских солдат и офицеров. Утром по сараю начали бить из

миномета. Смертью храбрых погиб комиссар. Командование оставшейся горсточкой принял на себя раненый заместитель комиссара Паперник. Лыжников оставалось все меньше и меньше, всего несколько человек. Гитлеровцы хотели взять их в плен. Они прекратили минометный огонь и, сжимая кольцо, предлагали: «Рус, сдавайся!» «Советские патриоты в плен не сдаются!» – крикнул кто-то из оставшихся, и в цепь немцев полетели гранаты, последовало несколько очередей из автоматов. Враг рассвирепел и в звериной ярости бросился к сараю» {112}.

За атакой следовала атака. И всякий раз гитлеровцев встречал беспощадный огонь. Тогда они усилили обстрел из минометов. Земля вздыбливалась возле сарая. Рухнула пылающая крыша. И уже казалось просто невероятным, как в таком кромешном аду можно уцелеть.

В бессильной злобе неистовствовал враг, ураганным огнем пытавшийся подавить сопротивление совсем уж малой горстки бойцов. Вот упал Валерий Москаленко. Навсегда затих Георгий Серяков. Перестал стрелять Иван Копылов. Паперник оглянулся и понял: в живых он остался один. Раненый, истекая кровью, он еще яростнее разил наседавших солдат в зеленых шинелях.

– Рус, сдавайся! – горланили фашисты, надеясь хоть одного да взять живым. Паперник ответил огнем. Но вдруг его автомат замолк: кончились патроны. В отчаянии Лазарь выбросил автоматный диск и схватил гранату. Последнюю…

Враги совсем близко. Рядом. Превозмогая дикую боль, Паперник выбрался из развалин и гордо выпрямился во весь рост.

– Большевики в плен не сдаются! – крикнул он и, шагнув навстречу оккупантам, сорвал с противотанковой гранаты чеку {113}. Вместе с героем погибли десятки фашистов.

«Три дня – и – нет отряда», – записал в своем дневнике С. Гудзенко {114}.

В три дня сплошных кровавых боев физически было уничтожено большинство его бойцов. Но он не умер, не умер потому, что его подвиги живут в сердцах людей, в делах тех немногих, кто остался жить и, не забывая январские дни 1942 г., продолжает жить и поныне за тех парней, которых нет.

Среди раненных в боях был и Семен Гудзенко. «Но было мне не суждено погибнуть в переделке этой», – скажет он после о себе. Лаконично, по-солдатски рассудительно и с большой горечью он записал в своем дневнике: *«Ранен в живот. На минуту теряю сознание. Упал. Больше всего боялся раны в живот. Пусть бы в руку, ногу, плечо. Ходить не могу. Бабарыка перевязал. Рана – аж видно нутро»* {115}. Мог ли он тогда знать, что каждая рана – это «мина замедленного действия», которую носил в себе и носит

каждый, кто побывал в смертельном бою. Его «мина» сработала раньше, чем у других…

В его записной книжке есть еще одна поразительная запись, сделанная в дни боев за Хлуднево. «Хлебников писал: *«Когда умирают люди – плачут». Я бы плакал, но не умею. Мы не учились этому тяжелому, вернее, трудному ремеслу плакать»* {116}. И в том же 1942 г. в одном из удивительных по своей честности, солдатской мудрости и даже философскому осмыслению боя, который был на его глазах, стихотворений – «Перед атакой» – он писал:

Когда на смерть идут – поют,
а перед этим
можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки…
Разрыв —
и умирает друг.
И, значит, смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черед.
За мной одним
идет охота…
Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв —
и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже
не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.
Бой был коротким.
А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
я кровь чужую {117}.

Фашисты набросились на трупы, срывали полушубки, ватники, валенки, кололи мертвых штыками. Все это видели местные жители.

Но это была пиррова победа.

Ценой своей жизни горстка бойцов-омсбоновцев остановила движение гитлеровцев.

О своих погибших товарищах С. Гудзенко писал:

Мы на краю разбитого селения
Товарищей погибших погребли.
Последний заступ каменной земли —
И весь отряд рванулся в наступленье {118}.

14 февраля 1942 г. о подвиге героев-лыжников узнала вся страна. В газете «Правда» была опубликована статья, которая уже цитировалась, члена Военного совета 16-й армии дивизионного комиссара А. Лобачева (в это время дивизии бывшей 10-й армии были переданы под руководство К. К. Рокоссовского – командующего 16-й армией). Трагический момент последнего боя запечатлен и в картине художника П. П. Соколова-Скаля «Герои-лыжники», хранящейся в Третьяковской галерее. Имена героев-лыжников были названы в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1942 г. Лазарю Хаимовичу Паперник – первому среди омсбоновцев – присвоено звание Героя Советского Союза.

Командир отряда Кирилл Захарович Лазнюк и погибшие в бою комиссар *М. Т. Егорцев* , младший лейтенант *П. Н. Слауцкий* , старшина *И. Е. Бойченко* , военфельдшер *А. П. Молчанов* , сержант *Г. В. Серяков* , красноармейцы *В. П. Аверкин, М. А. Аулов, П. И. Бочаров, А. А. Бриман, М. В. Головаха, Е. В. Дешин, В. Я. Захаров, А. И. Кишкель, И. Г. Копытов, П. Ф. Лебедев, И. И. Лягушев, В. Ф. Москаленко, А. Н. Олесик, М. В. Соловьев, А. П. Храпин, М. М. Ястребов* были награждены орденом Ленина.

Вынесшие из боя раненого командира А. Кругляков (в боях уничтоживший много врагов) и Е. А. Ануфриев были награждены орденом Красного Знамени [14] .

В заключение в статье «Правды» было сказано:

«Пройдут годы. Разрушенная немцами деревня залечит свои раны, кровавые следы немецких захватчиков будут стерты, а память о героических лыжниках сохранится навеки. Слава о 23 героях будет передаваться из поколения в поколение» {119}.

Так оно и есть на деле. Подвиг 23 омсбоновцев является одним из ручейков могучего потока героизма советских людей в Великой Отечественной войне. Деревня Хлуднево Калужской области переименована в Хлуднево-Москаленко в память о бесстрашном разведчике Валерии Москаленко [15] .

В братской могиле у Хлуднева-Москаленко были погребены и те, кто был убит в знаменитом бою, и те, кто погиб при

окончательном освобождении.

В ту же ночь – 23 января – омсбоновцы-горбачевцы вели свой бой. Им, как уже отмечалось, было приказано не пропустить немцев в Сухиничи со стороны деревень Сорочки и Чваново. Вот почти протокольный рассказ о развернувшихся событиях, составленный в штабе бригады их участником В. Лысовым и дополненный материалами М. Ф. Орлова.

Было шесть часов утра.

Капитан Горбачев разделил свой отряд, к тому времени третьи сутки бывший в боях, на две группы: взводу лейтенанта Т. А. Кривцова он приказал двигаться в Сорочки, а сам с двумя взводами направился в обход к Чванову, в двух километрах от которого и завязался бой с колонной фашистов.

Отделение сержанта Шмелева отправилось в разведку. С ним пошел комиссар отряда политрук К. Николаенко. Разведка доложила, что по большаку, неподалеку от отряда, со стороны села Брынь в направлении Чванова движется обоз гитлеровцев – 50–60 подвод. Горбачев принял решение – атаковать! {120}

Атака была внезапной и вызвала панику во вражеских рядах. Гитлеровцы начали разбегаться, крики солдат, стоны раненых, ржание лошадей, выстрелы карабинов, треск автоматов – все смешалось в общий гул. В хвосте колонны в небо вдруг взвились ракеты, и при их свете Горбачев увидел, что имеет дело не с обозом, а с немецкой воинской частью в составе 350–400 человек {121}.

Бой затянулся. На помощь врагу из Чванова подоспело подкрепление. Фашисты стали теснить отряд, стремясь окружить его, возникали рукопашные схватки.

Отряд Горбачева сражался героически. Более сотни вражеских солдат нашли смерть на этом заснеженном поле.

Но силы отряда таяли. Санинструктор Саша Ценина под огнем, раненная сама, не успевала перевязывать бойцов, ждущих ее помощи. Были убиты и пропали без вести 31 лыжник {122}.

Упал, сраженный насмерть, капитан Горбачев… Был убит также полковник Орлов – начальник разведки 328-й дивизии.

С большими потерями под натиском противника, значительно превосходившего силы отряда, горбачевцы вышли из боя.

Все погибшие под Чвановом, в их числе и капитан Горбачев, остались лежать на поле боя под глубоким снежным покровом.

Оставшиеся в живых бойцы отряда Горбачева собрались в полусгоревшей избе сожженного села. Израненные, измученные, подавленные тяжелыми утратами, люди готовы были в любую минуту снова вступить в бой с ненавистным врагом, отомстить за

гибель товарищей, за смерть любимого командира.

За время боев с 20 января по 10 февраля 1942 г. в схватке с отрядом капитана Горбачева противник оставил на поле боя только убитыми несколько сот солдат и офицеров.

Бойцы из отряда Горбачева и Лазнюка были объединены в один, командиром которого стал лейтенант Т. А. Кривцов. Вместе с частями 328-й дивизии (впоследствии 31-я гвардейская) этот отряд принял участие в освобождении Кишеевки, Полян, Маклаков {123}. Отвагу проявил сержант Иванов, вызвавший на себя огонь противника с целью обнаружения его огневых точек. То же самое сделал и старший сержант Корнфельд. Отряд Кривцова выбил немцев – 200 человек – из Хлуднева.

Ко всему сказанному добавим: жизнь и подвиг Никиты Семеновича Горбачева не забыты. В музеях школ Дмитрова, Яхромы, в одной из школ Москвы, в Ложковском детдоме собрано много материалов о Горбачеве и его отряде. Юные следопыты Думиничского района Калужской области, Москвы и Подмосковья ведут большую работу по сбору новых материалов о героях-горбачевцах.

Коммунист Никита Семенович Горбачев был настоящим героем. Его короткая жизнь стала образцом мужества и верности Родине {124}.

Что же произошло с двумя другими отрядами ОМСБОНа?

Отряду Васина было приказано первоначально прикрывать отход артиллерии, чтобы она могла занять новые позиции. Это было выполнено, затем велась разведка позиций наступавших немецких войск, где отличился взвод Григория Пыльнова, заслуженного мастера спорта, и, наконец, была занята оборона в деревне Попково, все на том же пути в Сухиничи.

Пятьдесят восемь бойцов выдержали осаду многочисленных войск. Немцы бросили против горстки обороняющихся авиацию, танки, артиллерию, пехоту. Танки появились внезапно: они шли под прикрытием возов с сеном и ворвались на улицы Попкова. Сражение с танками велось, когда на вооружении имелись только гранаты, винтовки и найденные с помощью местного населения минометы и пушки, оставшиеся еще с боев 1941 г.

Петр Ткаченко и Загир Гайнанов подбили первый танк. Выдающийся спортсмен страны Александр Долгушин из снайперской винтовки перебил экипаж еще одного танка. Два танка подбили Али Исаев и Кондрат Мадэй. Немецких пехотинцев контратаковало отделение сержанта Виктора Зайпольда. Вражескому танку удалось проникнуть к командному пункту. Убит был капитан Васин, умирал смертельно раненный политрук Хусаин Утяшев. Но бой продолжался до темноты {125}.

Оставшихся в живых омсбоновцев отозвали в Москву, часть из них присоединилась к новым отрядам (под руководством А. П. Шестакова), отправлявшимся в тыл врага.

В 20-х числах февраля отряд, возглавляемый Михаилом Константиновичем Баженовым, перешел линию фронта и, совершив бросок, оказался в тылу у врага. В январе – феврале 1942 г. он выполнил ряд боевых заданий в районе деревень Дубровка, Репица и др. {126}. Смертью героя погибли военком отряда Назаретский и командир отделения Рогачев.

В результате действий четырех отрядов омсбоновцев за период с 20 января по 14 февраля было уничтожено 600 солдат и офицеров врага, 3 танка, 28 подвод с боеприпасами и продуктами, захвачено 8 подвод с боеприпасами. Потери омсбоновцев были немалыми: погибло 56, ранено 36, пропало без вести около 40 человек.

Завершить рассказ о героической эпопее февральских дней 1942 г. можно словами из стихотворения участника событий Семена Гудзенко:

К рассвету точки засекают,
а днем начнется наступленье.
Но есть стратегия секунд,
и есть секундные сраженья {127}.

В разрезе всей Московской битвы, возможно, то, что произошло под Сухиничами, и было «секундным сраженьем», но оно осталось вехой в летописи тех «стратегий секунд», которые в своей совокупности и обеспечили победу над врагом.

Боевые действия подразделений (отдельных отрядов и групп) ОМСБОНа на фронте продолжались до весны 1942 г. Выполнив фронтовые задания и понеся значительные потери, они вернулись в бригаду. В соответствии с реальной обстановкой и состоянием того или иного отряда командование ОМСБОНа решало вопрос о его дальнейшем использовании: выход в тыл врага, возвращение в бригаду на отдых, пополнение, расформирование и т. п. При формировании новых отрядов и групп для действий на фронте и в тылу врага предпочтение отдавалось воинам, хорошо проявившим себя в битве под Москвой и в составе первых отрядов, направленных в тыл врага.

Некоторые же подразделения и отряды ОМСБОНа оставались на фронте более длительное время и до особого распоряжения действовали в непосредственном подчинении командующих фронтовыми частями. Так, в феврале 1942 г. после выполнения задач, поставленных штабом 16-й армии, командир отряда старший лейтенант М. К. Бажанов запросил разрешения на выход отряда в глубокий тыл врага с целью выполнения основного

задания. Командующий 16-й армией генерал К. К. Рокоссовский и член Военного совета армии генерал А. А. Лобачев в своем приказе предписали командиру отряда: «Впредь до особого распоряжения оставаться в подчинении командования 322-й стрелковой дивизии» {128}. В соответствии с этим приказом отряд продолжал выполнять боевые задачи на участке 322-й дивизии. В марте 1942 г. с согласия командования 16-й армии он был отозван на переформирование в Москву.

Ранней весной 1942 г. по просьбе начальника инженерных войск Западного фронта генерал-майора М. Воробьева подразделения ОМСБОНа проводили проверку и разминирование ранее установленных воинами бригады минных полей и заграждений на фронте протяжением от Московского моря до Серпухова и Тулы {129}.

Одновременно пять команд подрывников бригады были направлены на борьбу с ледяными заторами на реке Москве во время весеннего паводка {130}.

В июне 1942 г. обстановка, сложившаяся на Западном и Брянском фронтах, вновь продиктовала необходимость направить в распоряжение командования этих фронтов крупное формирование омсбоновцев. От действовавших в тылу немецкой армии отрядов ОМСБОНа и от фронтовой разведки непрерывно поступали сведения о концентрации немецко-фашистских войск на стыке Западного и Брянского фронтов. Советскому командованию стало ясно, что гитлеровцы готовят фланговый удар против наших армий, прикрывавших подступы к Москве с запада и юго-запада.

Наступательная операция фашистских войск имела второстепенное, отвлекающее значение по отношению к основной, имевшей целью прорыв фашистских войск на Кавказ и к Волге. Однако в случае успеха немецких войск на этом участке фронта она могла создать реальную угрозу Москве. В любом случае эта операция призвана была, по расчетам немецкого командования, помешать переброске резервов Красной Армии на юг, где в это время разворачивалось решающее сражение летней кампании 1942 г.

По указанию Генерального штаба и командующего Западным фронтом командование ОМСБОНа сформировало сводный отряд из офицеров и бойцов 1-го и 2-го полков бригады численностью 1200 человек. Отряд под командованием М. Ф. Орлова прибыл на фронт и был направлен в район Белёва – Плавска – Мценска. Здесь за короткий срок омсбоновцами была создана система минно-подрывных заграждений.

Ставка Верховного Главнокомандования и Наркомат обороны

СССР поставили перед командованием ОМСБОНа задачу усилить удары по коммуникациям, снабжавшим войска противника, находившиеся против Калининского, Западного и Брянского фронтов {131}. Тогда же начальник инженерных войск Западного фронта генерал-майор М. Воробьев обратился в НКВД СССР с просьбой направить в распоряжение штаба фронта бойцов-минеров ОМСБОНа для включения их в сводные отряды минеров Западного фронта {132}. Вскоре в штаб Западного фронта выехали командир бригады полковник В. В. Гриднев и начальник инженерной службы подполковник М. Н. Шперов. Штаб фронта, как вспоминает В. В. Гриднев, размещался в одном из довоенных санаториев в районе Малоярославца. Командующий Западным фронтом поставил перед омсбоновцами конкретные задачи.

Находясь на фронте, омсбоновцы участвовали в оборонительных и наступательных боях, в поиске разведчиков, захвате «языков», обучали фронтовиков минно-подрывному делу, минировали объекты, подлежащие уничтожению на случай отступления советских войск. При этом широко использовался опыт, накопленный в битве за Москву осенью 1941-го и зимой 1942 г.

В конце 1942 г. во время наступательных операций Красной Армии в районе Сталинграда и на Кавказе немецко-фашистское командование усилило маневрирование своих войск. Необходимо было наладить поступление точных разведывательных данных. На Западный фронт была направлена группа омсбоновцев во главе с опытным командиром Г. Мазуровым, в состав которой входили спортсмены-воины С. Бабаев, В. Иванов, А. Крехов и др. Они организовали подготовку снайперов и охотников за «языками», ходили в разведку и на захват «языков». Так, в марте 1943 г. во встречном бою группа Мазурова уничтожила разведчиков противника и захватила в плен «языка», давшего ценные сведения штабу 70-й армии {133}.

Одновременно минеры ОМСБОНа из отряда Е. Ободовского разминировали объекты и обезвреживали мины противника в районе Тулы, в Лихвине, Белёве, Харькове и во многих других городах и населенных пунктах, освобожденных в 1941–1942 гг. от фашистской оккупации.

В ходе боевых операций 1941–1942 гг. под Москвой и на Западном фронте бойцы и офицеры ОМСБОНа приобрели большой опыт минно-заградительных работ и разминирования в боевых условиях, а также опыт ведения разведки, оборонительных и наступательных боев, перехода линии фронта, действий в условиях прифронтового тыла врага.

Первые партизанские десанты

Уже летом 1941 г. командование ОМСБОНа приступило к формированию и заброске в тыл врага первых отрядов и групп. Перед ними наряду с разведывательными и диверсионными были поставлены задачи квалифицированного сбора подробной информации о конкретной обстановке, сложившейся на оккупированной территории; о политике оккупационных властей; о системе охраны тыла гитлеровских войск; о развитии партизанского движения и борьбе подпольщиков, о характере необходимой им помощи. Первые отряды ОМСБОНа призваны были установить контакты с партизанами, наладить их связь с Москвой, способствовать формированию новых отрядов и активизации боевых действий партизан. Им предстояло также создать на местах базы для развертывания деятельности отрядов ОМСБОНа; проверить на практике эффективность предложенных командованием тактики и методов борьбы в условиях вражеского тыла, выявить новые возможности их развития; накопить определенный опыт, который был бы взят на вооружение теми отрядами и группами, которые вслед за ними будут направлены в тыл врага.

При формировании отрядов командование ОМСБОНа руководствовалось рекомендацией ЦК ВКП(б) выделять на посты руководителей партизанского движения боевых, преданных нашей Родине офицеров, имевших опыт партизанской борьбы, разведывательной и диверсионной работы, полученный в годы Гражданской войны, и проявивших себя в истребительных батальонах и в отрядах народного ополчения {134}. Этот принцип оставался основополагающим для командования ОМСБОНа при подборе кадров командиров спецотрядов и спецгрупп на протяжении всех лет войны. Командирами первых отрядов, ушедших в августе 1941 г. в тыл врага, стали чекисты Д. Н. Медведев и А. К. Флегонтов, имевшие опыт партизанской и подпольной деятельности.

Летом 1941 г. в тыл врага на территорию Смоленской области были заброшены отряд старшего лейтенанта В. Зуенко {135} и разведывательная группа в составе доцента МГУ Я. С. Кумаченко, З. А. Пивоваровой, бывшей преподавательницы Института иностранных языков, и радиста Н. Г. Абрамкина {136}.

Разведчики сумели устроиться переводчиками в штаб немецкой танковой дивизии и завоевать доверие гитлеровского командования. Через отряд Зуенко группа Кумаченко передавала в Москву ценнейшую разведывательную информацию. До октября

1941 г. З. А. Пивоварова и ее разведчики продвигались вместе с танковой дивизией к Москве. И все это время в Центр поступали от них все новые и новые сведения. В октябре группе Пивоваровой удалось незаметно покинуть штаб дивизии, соединиться с отрядом Зуенко и вместе с ним возвратиться в Москву {137}.

В конце лета 1941 г. на оккупированную территорию Орловской и Курской областей, а также в ряд районов Белоруссии и Украины были направлены еще несколько оперативных групп под командованием В. И. Пудина, И. П. Галковского, Л. Л. Чанцева и других чекистов-омсбоновцев с целью сбора информации и разведданных {138}. Группа Чанцева готовила к переброске в тыл врага отряд «Митя» – отряд Д. Медведева {139}.

С августа по октябрь 1941 г. в Смоленской области успешно действовал отряд под командованием А. К. Флегонтова. Опытный чекист, он в начале 20-х годов возглавлял партизанское движение на Дальнем Востоке. Отряд проводил смелые налеты на вражеские кавалерийские разъезды и обозы, осуществил несколько диверсий на коммуникациях противника, собрал ценные разведывательные данные и в октябре 1941 г. вернулся в Москву {140}.

С июля по октябрь 1941 г. особая спецгруппа ОМСБОНа создавала базы для действий отрядов бригады на территории Гомельской, Брянской, Орловской областей {141}.

Важнейшее значение в эти первые, наиболее трудные месяцы Великой Отечественной войны имела организационная, разведывательная и диверсионная деятельность первого крупного отряда омсбоновцев, вышедшего в августе 1941 г. в тыл врага и получившего кодовое наименование «Митя» – по имени своего легендарного командира, впоследствии известного писателя Дмитрия Николаевича Медведева. Жизнь этого замечательного чекиста и писателя широко известна читателям по книгам партизанского врача и писателя А. Э. Цессарского, А. Руднецкой и журналиста Т. Гладкова {142}. Лучше всего Д. Н. Медведева характеризует его ответ на вопрос: «Кто же Вы, Дмитрий Николаевич? Разведчик, партизан или писатель?» – «Был и остаюсь чекистом!» {143}

В книгах Д. Н. Медведева «Это было под Ровно», «Сильные духом», «На берегах Южного Буга» с документальной достоверностью и достаточно подробно описана боевая биография второго отряда, действовавшего под его командованием в 1942–1944 гг., – «Победители». Значительно менее известно об отряде «Митя».

Этот пробел частично восполнил своей небольшой, но

прекрасно написанной книгой бывший адъютант Д. Н. Медведева, выдающийся советский спортсмен Н. Королев. Сегодня она является для исследователей ценным источником по истории ОМСБОНа, и особенно отряда «Митя» {144}.

Деятельность этого отряда нашла достаточно подробное отражение и в очерках, написанных командиром бригады М. Ф. Орловым, что уже само по себе говорит о том значении, которое она имела для всей последующей борьбы омсбоновцев, как и брянских партизан, в тылу врага.

Получив задание сформировать отряд для действий в тылу врага, Д. Н. Медведев, комиссар отряда инженер Г. М. Кулаков и начальник штаба, полярник, инженер-геолог Д. Д. Староверов сразу же приступили к тщательному отбору кандидатур бойцов из числа многих «добровольцев из добровольцев», выразивших желание вступить в отряд. Они подолгу присматривались к каждому во время проводившихся в ОМСБОНе боевых учений, беседовали с бойцами, интересовались местом их рождения, профессией, фронтовым опытом, физической закалкой. Так было отобрано 30 бойцов отряда, главным образом из числа воинов-спортсменов, участников Московской битвы. В состав отряда были включены боксеры Н. Королев, ставший адъютантом командира, известные спортсмены. Поскольку отряду предстояло действовать и в Белоруссии, ему была также придана группа минских железнодорожников во главе с командиром отделения П. Г. Лопатиным. Врачом отряда был назначен А. Файнштейн, а радистом – полярник А. Шмаринов.

13 сентября 1941 г. после нескольких неудачных попыток отряд перешел линию фронта у деревни Белоголовка Жуковского района, стоящей на реке Десне, на участке обороны 217-й дивизии {145}. Помог лейтенант-артиллерист, неоднократно ходивший в разведку и хорошо знавший местность. Предварительно он с тремя медведевцами перешел линию фронта. Разведчики изучили обстановку, уточнили путь следования, а затем перевели весь отряд. Переход, осуществленный днем, на открытой местности, отличался дерзостью и смелостью решения. При этом воспользовались педантичностью немцев: они обедали всегда ровно в полдень и снимали на это время часть постов. Медведевцы и разведчики проползли рядом с немцами под прикрытием мельничной плотины. В 1968 г. на этом месте был установлен памятный знак.

Когда отряд оказался за линией фронта, Д. Н. Медведев сказал, обращаясь к бойцам во время одного из привалов:

– Товарищи! Мы в тылу фашистов. Но помните, мы на своей земле! Советская власть на Брянщине – это мы! Каждый из нас!

{146}

И почти сразу же отряд вступил в свой первый бой, разгромив у деревни Сальниково колонну вражеских автомашин. Первая база отряда находилась в Клетнянских лесах, где он пополнился группой-окруженцев, в состав которой входили Герой Советского Союза майор М. Сипович, офицеры В. Чиканов, А. Творогов, Н. Саркисян, М. Оборотов. Вскоре офицер И. М. Кузин привел в отряд 16 бойцов. К концу 120-дневного рейда численность отряда выросла до 300 человек, главным образом за счет «окруженцев», небольших групп местных партизан и бежавших из лагерей военнопленных {147}. Действуя в Брянской области, а затем на территории Могилевской и Орловской областей, отряд совершил более 50 боевых операций, наиболее значительные из которых – разгром гитлеровских гарнизонов в Хотимске, Жиздре, Клетне, налет на фашистский аэродром в Мглине {148}, разгром 12 сентября группой бойцов под командованием Д. Д. Староверова совместно с местным отрядом Соколова 576-го немецкого саперного батальона, в результате которого был уничтожен штаб батальона, захвачены его знамя, важные документы, много боевых трофеев, продовольствие {149}.

21 декабря 1941 г. взвод П. Г. Лопатина получил задание вывести из строя магистраль Брянск – Сухиничи. Перебив охрану, подрывники взорвали мост близ станции Зикеево, на которой скопилось много вражеских эшелонов. Координаты были переданы в штаб фронта. Дело довершили советские летчики. Группа Лопатина вывела из строя на длительный срок железную дорогу Кричев – Унеча {150}.

Одной из наиболее значительных и результативных явилась операция под условным названием «Ночь перед Рождеством». В связи с усилением движения военных эшелонов противника к фронту по железным дорогам Рославль – Киров и Брянск – Сухиничи в штабе отряда был разработан план одновременного удара по этим магистралям с целью выведения их из строя. В ночь на 25 декабря 1941 г. на диверсию вышли четыре группы. Первая, под командованием Д. Н. Медведева, взорвала мост южнее ст. Зикеево; вторая, в составе комиссара отряда Г. Н. Кулакова, нового начальника штаба майора М. А. Сиповича и взвода бойцов, четырьмя минами взорвала эшелон и железнодорожные пути на магистрали Рославль – Киров; третья, в составе местных партизан, совершила налет на ст. Судимир, где скопилось много эшелонов врага; четвертая группа во главе с начальником разведки отряда Печенкиным проникла в Жиздру, разгромила полицейский гарнизон, освободила арестованных советских людей, захватила пленных, в числе которых оказался бывший

белогвардеец, подвизавшийся на службе у Гитлера, сын князя Львова, возглавлявшего Временное правительство летом 1917 г. У этого фашистского лакея, скрывавшегося под фамилией Корзухин, были изъяты адреса явок немецкой агентуры. Матерый шпион был переправлен в Москву. Утром медведевцы собрали жителей на митинг. По приговору народа медведевцами были казнены начальники полиции г. Людинова и г. Новосельцева и несколько полицейских, отличавшихся особой жестокостью {151}.

В результате действий отряда «Митя» было взорвано три железнодорожных и семь шоссейных мостов; истреблено девять самолетов врага; в 13 местах сильно разрушено железнодорожное полотно; пущено под откос три военных эшелона противника. Бойцы отряда разгромили несколько гарнизонов и полицейских постов, уничтожили шесть пунктов телеграфной связи, вывели из строя шесть заводов, выполнявших военные заказы; уничтожили двух генералов, 17 офицеров, более 400 гитлеровских солдат.

Справедливое возмездие постигло 45 предателей Родины и фашистских прихвостней. Отряд сыграл существенную роль в организации партизанского движения на Брянщине, в Могилевской и Орловской областях, оказал помощь Бежецкому, Дядьковскому и Людиновскому местным отрядам, способствовал организации 15 подпольных групп {152}.

Но основной задачей отряда были сбор и передача в Центр разведывательной информации. Почти ежедневно в эфир шли шифрованные радиограммы о дислокации и перемещениях воинских частей; о вражеских объектах, в том числе аэродромах; об интенсивности, характере и направлениях движения живой силы и военной техники по железнодорожным и шоссейным магистралям; о концентрации сил немцев в Брянске и Бежецке; о строительстве укреплений на берегах Десны и Болвы. Разведчики добыли схему этих укреплений. Многие из данных поступали от местных жителей, но, как правило, дополнительно проверялись разведчиками отряда и только после этого передавались через линию фронта.

Медведевцы быстро завоевали большой авторитет у местных жителей, оказывавших им всяческую помощь и поддержку. С любовью и надеждой встречали москвичей в деревнях и селах Брянской, Орловской и Могилевской областей. Внимательно слушали агитаторов и пропагандистов, с нетерпением ждали новых сообщений с Большой земли, и особенно в решающие дни битвы за Москву в ноябре – декабре 1941 г.

В ходе почти ежедневных боев с карателями и боевых операций отряд «Митя» понес тяжелые потери. Погиб начальник штаба отряда Д. Д. Староверов, бесстрашный офицер, инициатор

и неизменный участник ряда дерзких боевых операций. Были убиты в боях политрук А. Ф. Боголюбов, бойцы С. Рогачев, И. Шведов, П. Донченко. Начальником штаба стал майор М. Сипович.

Фашисты неотступно преследовали отряд Медведева. Однажды каратели окружили лагерь отряда под Клетней и внезапно открыли огонь из автоматов и минометов. Бойцы, отстреливаясь, отходили. В бою был ранен Медведев. Н. Королев взвалил командира на плечи, но вскоре они нарвались на немцев. Решение пришло мгновенно. Положив командира на землю, Королев встал во весь рост и поднял руки. Бойцы недоумевали. Кто-то уже взял было фигуру Николая на прицел. Но вот Королев подходит к немцам. Офицер снимает с него автомат, улыбается, хлопает по плечу: «Рус, партизан, гут, гут!» Когда Королева подводили под охраной к партизанской землянке, он обернулся и мгновенными приемами бокса сразил трех своих охранников, а затем гранатой уничтожил бывших в землянке немцев. Отряд воспользовался замешательством врага и вырвался из кольца. Много километров Королев нес командира на себе {153}.

14 января 1942 г., успешно выполнив задание, отряд в составе 272 человек перешел линию фронта в районе Людинова и вернулся в Москву {154}. И вскоре об отряде Медведева узнала вся страна. 12 февраля 1942 г. газета **«Правда» писала** :

«Из глубокого тыла возвратился партизанский отряд, которым командовал Д. Медведев. Отряд пробыл на территории, занятой гитлеровцами, четыре месяца и совершил за это время немало славных дел».

Радостно встречали омсбоновцы участников многомесячного рейда, жадно расспрашивали товарищей о пройденном пути, интересуясь каждой деталью. Опыт, накопленный медведевцами, как и другими первыми отрядами, тщательно изучался и обобщался в штабе бригады. На его основе разрабатывался план организации разведывательных и диверсионных действий в глубоком тылу врага. Не меньшее значение имел и опыт организации партизанского движения. Отрядом Медведева был внесен свой вклад в организацию будущего Брянского партизанского края. В то же время отряд «Митя» явился своеобразной школой подготовки командиров будущих омсбоновских партизанских бригад, отрядов, разведывательных и диверсионных групп.

Его командиры и бойцы составили основной костяк второго отряда под командованием Д. Н. Медведева – «Победители», действовавшего свыше двух с половиной лет в лесных районах северо-западной Украины. Отряд «Митя» подготовил и таких

замечательных партизанских вожаков, как П. Г. Лопатин и И. Н. Кузин.

Разведчики и радисты-омсбоновцы входили в ядро многих подпольных отрядов и групп, созданных летом и осенью 1941 г. в крупнейших городах и других населенных пунктах оккупированных территорий. Наиболее известные из них действовали под командой чекистов В. М. Молодцова (Бадаева) в Одессе, И. Д. Кудри – в Киеве, В. А. Лягина – в Николаеве {155}. Эти трое прославленных руководителей подпольной борьбы на Украине при разных обстоятельствах оказались в руках фашистских палачей и, как подлинные патриоты-чекисты, приняли мученическую смерть за Советскую Родину.

Но и за короткий срок они успели нанести врагу тяжелый урон, добыть и передать в Центр много чрезвычайно важных разведданных, заложить основы героического подполья, действовавшего в этих крупнейших городах Украины вплоть до их освобождения.

В числе подпольщиков, схваченных фашистами в Одессе, был инструктор стрелкового спорта И. Петренко. В ночь перед казнью мужественный патриот писал в письме-завещании своим сыновьям: «…будьте верны партии, своему народу, Родине. И если нужно, отдайте ей свою жизнь, как отдал ваш отец» {156}. Итак, участие в обороне Москвы и другие боевые операции подготовили омсбоновцев в военно-оперативном и политическом отношениях к партизанской борьбе в последующие годы.

Массовый выход в тыл врага

Каждый боец в тылу у немцев стоит десяти. Он расчищает путь победы нашей армии. Он первый разведчик грядущей победы. Когда его спросят после войны: «Ты где воевал?», он только махнет рукой – он воевал впереди всех, в тылу врага! [16]

И. Эренбург

Впереди фронтов

К концу зимы и весной 1942 г. общая обстановка, сложившаяся на фронте и в тылу противника, способствовала тому, что командование бригады главное внимание переключило на выполнение основных задач, поставленных перед ОМСБОНом Ставкой Верховного Главнокомандования и Наркоматом внутренних дел.

Наступило время интенсивного формирования спецотрядов и спецгрупп и организации их массового выхода в тыл врага. При этом районы их дислокации и действий определялись стратегическими целями, поставленными Ставкой перед советской разведкой, задачами, стоящими перед отдельными фронтами, и конкретными условиями, сложившимися в данное время на временно оккупированных немецко-фашистскими войсками территориях.

К весне 1942 г. партизанское движение стало принимать подлинно всенародный характер. Резко изменилось к нему и отношение руководства гитлеровской Германии. Если в июле 1941 г. Гитлер явно недооценивал угрозу, которую представляло партизанское движение для оккупационных властей и фашистской армии, и даже с определенной долей пренебрежения говорил: «…партизанская война имеет свои преимущества: она дает возможность истреблять все, что восстает против нас», – то уже через два месяца он вынужден был признать: «Действия партизан представляют крайнюю опасность нашим коммуникациям» {1}. Фашистская разведка тщательно следила за переброской отрядов и групп специального назначения в свой тыл и неоднократно фиксировала ее возросшую интенсивность в начале 1942 г.

Засылка отрядов ОМСБОНа в их тыл начала серьезно беспокоить командование немецко-фашистской армии. В одном из докладов главного командования немецкой армии Гитлеру, датируемом весной 1942 г., говорилось: «В течение зимы 1941/42 г. через линию фронта были переправлены или сброшены с парашютом в немецкий тыл фанатично настроенные и надежные члены партии, прошедшие военную подготовку, или кадровые офицеры…» {2} В донесении этот факт рассматривался как стремление обеспечить партизан и подпольщиков опытными руководителями и говорилось, что перед карателями в качестве первоочередной ставится задача уничтожения десантников.

При определении районов дислокации отрядов и групп ОМСБОНа в тылу врага командованием бригады учитывались

состояние партизанского движения и подполья в данной местности, наличие в ней базы, способной принять забрасываемые с Большой земли отряды и обеспечить выполнение перевалочной функции на пути отрядов и групп к заданному месту назначения. Боевая деятельность омсбоновцев в тылу врага в 1942–1944 гг. осуществлялась по заданиям командующих Западным, Центральным, Брянским, 1, 2, 3-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами.

Перед ними ставились следующие основные задачи:

– сбор разведывательных данных и информации военного, экономического и социально-политического характера;

– разрушение стратегических железнодорожных и шоссейных магистралей и других коммуникаций в прифронтовой зоне и в глубоком тылу противника, выведение из строя важных транспортных узлов;

– срыв железнодорожных и автоперевозок живой силы и техники противника на фронт;

– разрушение мостов, станционных сооружений;

– всяческое препятствие вывозу в Германию советских граждан, техники и награбленной фашистами национальной собственности советского народа и имущества граждан;

– разгром воинских, жандармских и полицейских гарнизонов;

– вывод из строя промышленных предприятий, электростанций, средств связи {3}.

В начале 1942 г. большинство отрядов переходило линию фронта в Калужской области на участках 10-й и 16-й армий. Оттуда уходили на заданные им территории (главным образом в Брянскую и Орловскую области, в районы Белорусского и Украинского Полесья) многие из первых отрядов ОМСБОНа.

Вторым направлением массового их выхода в глубокий тыл врага являлся в тот период путь в Белоруссию и Смоленскую область через лесные массивы западной части Калининской области с центром в Торопце.

Районы действий отрядов определялись по согласованию с Генеральным штабом Красной Армии и штабами фронтов. В числе главных объектов разведывательных и диверсионных действий омсбоновцев стали важнейшие железнодорожные узлы и транспортные коммуникации противника, а также крупные административные и промышленные центры, в их числе – Киев, Минск, Ровно, Смоленск, Брянск, Гомель, Витебск, Полоцк, Симферополь, Краснодар и др.

В течение 1942 и 1943 гг. отряды и спецгруппы из состава воинов бригады были заброшены на территории почти всех временно оккупированных областей РСФСР, на Украину и в

Белоруссию, в республики Прибалтики и на Северный Кавказ. Всем спецотрядам и спецгруппам ОМСБОНа присваивались кодовые названия, и они сохраняли свою самостоятельность в течение всего времени пребывания в тылу врага. В зависимости от характера основного задания отряды то сохраняли свой первоначальный состав, избегая его расширения (преимущественно отряды, имевшие особые разведывательные задачи), то вырастали в бригады и даже соединения (если основное задание включало такую цель).

Важное значение, как учил опыт отрядов, выходивших в тыл летом 1941 – зимой 1942 г., имел правильный, обоснованный выбор способа переброски того или иного отряда и определение примерного маршрута его движения в заданный район. Учитывались данные фронтовой и партизанской разведок о конкретной обстановке на данном участке фронта и в зоне маршрута движения отряда; сведения о партизанских базах, отрядах и группах; о гарнизонах регулярной немецкой армии, частей гестапо и абвера, полицейских. Способы поведения отряда на маршруте движения и степень соблюдения конспирации определялись характером его конкретного задания. Немаловажное значение имел учет трудностей, связанных с конкретными природными условиями в районе движения отряда (наличие лесных массивов, болот, открытых местностей, транспортных магистралей, плотность заселения и т. д.) и с погодными условиями (сильный мороз, весенняя распутица, темные или лунные ночи, безветрие или метель и т. п.).

С учетом возможных изменений обстоятельств разрабатывались варианты маршрутов движения. Как правило, реальные маршруты, проделанные отрядами ценой героических, подчас нечеловеческих, усилий, максимального напряжения и предельной мобилизации внутренних резервов сил и воли бойцов и командиров, значительно отличались от предполагаемых. Но в то же время последние определяли их общее направление.

Основным способом переброски отрядов в тыл врага в первое время был переход линии фронта (в зимние месяцы, как правило, на лыжах).

Но с середины 1942 г. все большее, а впоследствии – основное значение приобрел выброс отрядов на парашютах. Для обучения бойцов парашютному делу использовались аэродромы во Внукове, Долгопрудном, Монине. Постепенно ОМСБОН, по определению командира бригады М. Ф. Орлова, приобрел характер парашютно-десантного соединения. В бригаде был объявлен «парашютный всеобуч». Парашютно-десантную службу в бригаде возглавлял старший лейтенант Р. М. Парнас. В группу

инструкторов входили: чемпионка мира по парашютному спорту А. Шишмарева, В. Антонов, И. Литвин, А. Обухов, В. Пабаусский, В. Петрухов, П. Шапиро, К. Егоров {4}.

Совместными усилиями они подготовили свыше 3000 воинов-парашютистов. Около ста раз перелетал линию фронта сержант В. Петрухов, сопровождая десантников и грузовые сбросы для спецотрядов {5}. Столько же вылетал в тыл врага инструктор парашютного дела В. Антонов. Осенью 1944 г. при выполнении боевого задания по сбросу грузов в Восточную Пруссию отважный воин погиб {6}. В общей сложности инструкторами парашютно-десантной службы (ПДС) было совершено свыше 800 боевых вылетов в тыл врага {7}. Переброска отрядов возлагалась на авиаполки, выделенные для обслуживания партизан. Наибольшую часть полетов в тыл врага осуществили летчики авиаполков, которыми командовали Герой Советского Союза Гризодубова, Козьмин и Чанкапуридзе {8}. Способ заброски отрядов на парашютах имел ряд преимуществ. Ведь «пеший» способ был связан с большим риском и опасностями в момент перехода линии фронта и на многокилометровом походе к месту назначения; с преодолениями трудностей похода, изматывавших бойцов; с жестким лимитированием необходимых грузов; с длительной затяжкой сроков выполнения задания на месте и т. д.

Выброс отрядов на парашютах в этом смысле имел много преимуществ. Но и здесь неизбежными были тяжелые накладки. Были и отдельные неоправданные жертвы. Имели место случаи неточного выброса отрядов вследствие ошибок, допущенных штурманами, а также по другим причинам; случались и сбросы, совпадавшие по времени с карательными операциями фашистов в данном районе. В отдельных случаях парашютисты попадали под обстрел врага или же безнадежно зависали на высоких соснах, гибли из-за нераскрытия парашютов. Но это были единичные чрезвычайные происшествия, уроки которых тщательно изучались с целью ликвидации самой возможности подобных ошибок. Эти факты и связанные с ними потери не могли изменить отношения офицеров и бойцов отрядов ОМСБОНа к парашютному десантированию как к самому эффективному способу их переброски в тыл врага. Этот способ оставался наиболее предпочтительным вплоть до выбросов отрядов под Кёнигсберг и Берлин в начале 1945 г.

В декабре 1941 г. ОМСБОНу было придано авиазвено в составе 13 командиров, пилотов и механиков.

Возглавлял авиазвено капитан В. И. Митин. Политруком был летчик капитан А. М. Гриненко {9}.

Однако авиаслужба ОМСБОНа не была обеспечена ни должной материальной базой, ни кадрами и не могла даже в малой степени удовлетворить потребности бригады. Необходимость постоянно обращаться за помощью в армейские авиачасти создавала большие трудности при переброске отрядов в тыл противника и своевременном обеспечении их боевыми грузами. Сужались возможности оперативной авиасвязи с отрядами, действовавшими в тылу врага, и быстрого оказания помощи в экстренных случаях. Все это принуждало в ряде случаев отказываться от парашютного десанта и применять способ пешего перехода линии фронта. Тем не менее авиаслужба части самоотверженно выполняла свою задачу. Ее летчиками и штурманами В. И. Митиным, старшим лейтенантом М. Л. Колесниковым, капитаном А. И. Гриненко, младшим лейтенантом В. И. Корякиным было совершено 346 боевых вылетов {10}.

…В марте 1943 г. самолет, на котором возвращался с задания инструктор ПДС В. Пабаусский, уже над нашей территорией был сбит немецким истребителем. Машина, на борту которой были летчики и инструктор-парашютист, загорелась.

– Всем оставить машину! – приказал первый пилот. Но выполнить этот приказ было непросто: одну дверь самолета заклинило, а у второй бушевал пожар: из бензобака, пробитого осколками снаряда, выливался бензин и тут же загорался.

– Высота – четыре тысячи метров! Прыгайте затяжным и не раскрывайте парашюта, пока не собьете пламя! – скомандовал Пабаусский. Сам он, согласно инструкции, прыгнул последним. На нем горела одежда. От искры загорелся парашют. И Владимир не раскрыл его, пока не сбил пламени! Как только он приземлился, тотчас же, несмотря на тяжелые ожоги лица и тела, бросился на поиск товарищей. Один из них – второй пилот самолета – вышел ему навстречу. Вдвоем отыскали третьего – стрелка-радиста. У него оказался перелом ноги. Вскоре он умер в госпитале. Москва прислала за В. Пабаусским специальный самолет. Целый год он провел в госпиталях, а затем вернулся в строй и продолжал готовить парашютистов-десантников {11}.

Авиапарашютная служба ОМСБОНа, сложившаяся к осени 1942 г., обеспечивала парашютную подготовку отрядов и групп и сопровождение их до места выброса. На протяжении всего срока их пребывания в тылу врага она доставляла им с воздуха оружие, боеприпасы, подрывное имущество, обмундирование, почту. О масштабах этой работы свидетельствуют следующие данные: в общей сложности за годы войны в тыл врага было выброшено на парашютах и перевезено с партизанских аэродромов на Большую землю 1372 человека, доставлено отрядам до 400 т различных

грузов {12}.

Не меньшее значение имела работа радистов ОМСБОНа как в Центре, так и в спецотрядах. Начальником радиослужбы был майор А. Л. Ломоносов. Интернациональный взвод лейтенанта В. Е. Тихменева обеспечивал связь ОМСБОНа с фронтами.

* * *

*Основное внимание штаба Западного фронта и командования ОМСБОНа в начале 1942 г. было приковано к районам Брянска и Смоленска. Это определялось военно-стратегическим значением этих пунктов и ведущих к ним железнодорожных и шоссейных магистралей.

Эти коммуникации и их крупнейшие узлы – Брянск и Смоленск – являлись жизненно важными для немецко-фашистских армий группы «Центр», обеспечивая переброску живой силы, военной техники, боеприпасов. По ним осуществлялась также переброска воинских частей на различные участки гигантского фронта, шли на запад эшелоны с ранеными и награбленным советским добром. В Смоленске и его окрестностях находились штаб группы немецко-фашистских армий «Центр», тыловые учреждения фронта, командование войсками «СС», управление службы абвера и созданные оккупантами школы для подготовки диверсантов и шпионов, засылаемых в тыл советских войск.

Брянские леса уже в это время стали крупнейшей на оккупированной территории РСФСР партизанской зоной, где шло активное формирование партизанских отрядов и откуда направлялись разведывательно-диверсионные отряды и группы в районы Белорусского и Украинского Полесья.

Первым этапом подготовки отрядов к выполнению заданий был подбор их командного состава. Кандидатуры командиров отрядов (групп), их заместителей, начальников штабов и начальников разведки отбирались руководством НКВД по рекомендации командования ОМСБОНа из числа кадровых офицеров-чекистов и пограничников, имевших опыт разведывательной и диверсионной деятельности, в том числе в партизанских условиях, и обладавших качествами, необходимыми для руководства боевым коллективом, которому предстояло действовать в экстремальных условиях вражеского тыла. Из молодых офицеров предпочтение отдавалось тем, кто хорошо проявил себя в битве под Москвой.

Не менее важным для обеспечения идейной и моральной

сплоченности бойцов отряда в условиях предельной и ежеминутной опасности, постоянного риска, необычайного физического и психического напряжения, связанного с долгим пребыванием и борьбой в тылу врага, являлся подбор кандидатур комиссаров отрядов, парторгов и комсоргов.

Особое внимание их подбору уделяли комиссары бригады и ее политотдел во главе с его начальником подполковником Л. А. Студниковым.

Отбор личного состава отрядов был очень тщательным. Командиры отрядов набирали бойцов из разных подразделений 1-го и 2-го полков. Им предстояло пройти вместе по вражеским тылам сотни километров, в течение многих месяцев делить трудности и опасности, вместе ходить в разведку и на диверсии, громить вражеские гарнизоны, бороться с карателями.

Вот почему в течение двух-трех недель, пока отряды готовились к заданию – получали экипировку, интенсивно тренировались в условиях, близких к партизанским, пристреливали оружие, совершенствовали свои знания в минно-подрывном деле и т. д., командиры тщательно присматривались к бойцам, а бойцы – друг к другу. Все это делалось для того, чтобы в тыл врага выходили сплоченные, физически и морально готовые к выполнению задания боевые коллективы. Определившийся в своем составе отряд выделялся в самостоятельную боевую единицу. Иногда он поселялся изолированно, обычно в каком-либо дачном месте Подмосковья.

Необходимо было каждый отряд обеспечить специалистами разного профиля: подрывниками, разведчиками, бойцами-автоматчиками, радистами, врачами и санинструкторами. Подобрать такой состав в ряде случаев было чрезвычайно трудно. Не обходилось и без накладок. Так, недостаточно учитывался такой психологический фактор, как боевое содружество бойцов определенных взводов и рот, которое сложилось в битве под Москвой и в ходе других фронтовых операций. Это приводило к тому, что затягивались сроки «притирки» бойцов и командиров друг к другу. Это отрицательно сказывалось на первом этапе боевой жизни отрядов.

Серьезная трудность, которую приходилось преодолевать ОМСБОНу в течение всех лет войны, заключалась в том, что материально-техническое обеспечение бригады далеко не соответствовало масштабам и значимости стоящих перед нею задач. Снабжение ОМСБОНа и созданных на его базе партизанских отрядов и бригад было недостаточным. В этом нашло отражение состояние снабжения всей Красной Армии в начальный период войны.

Острая нужда испытывалась прежде всего в автоматах, минах различных образцов, взрывчатке. А ведь ОМСБОНу приходилось выделять из своих скудных резервов мины и взрывчатку для местных партизан и подпольщиков. Отряды снабжались устаревшими, громоздкими типами источников питания раций.

Но вот отряд сформировался. Начинался период упорной учебы и тренировок в условиях, приближенных к партизанским. «Целые дни, – вспоминает А. В. Цессарский, врач второго отряда Д. Н. Медведева, – проводил отряд в тренировочных походах по лесу. Мы учились пользоваться компасом, двигаться по азимуту. Устраивали учебные засады. Занятиями руководил комиссар отряда Стехов. Он придумывал различные задачи и требовал для их выполнения выдумки и смекалки. Тут он присматривался к людям, выяснял их силы и возможности» {13}. В программу боевой подготовки входило и изучение конкретного опыта разведывательной и диверсионной деятельности «бывалых» воинов, вернувшихся с первых заданий. Отрабатывались способы закладки учебных мин под рельсы и их маскировки. Занятия проводились ночами на магистралях Московской железной дороги {14}. Большое внимание уделялось лыжной и парашютной подготовке.

В ряде случаев в тыл врага направлялось одновременно несколько отрядов. Каждый отряд или группу отрядов до линии фронта сопровождали представители штаба бригады или командиры полков ОМСБОНа. На них возлагалась задача организации перехода линии фронта, осуществления связи со штабами фронта и армий и с фронтовой разведкой. Последняя выделяла для отрядов ОМСБОНа проводников или же группы разведчиков, одновременно с ними уходившие на задания в тыл врага.

Проводы первых отрядов в тыл врага проходили в ОМСБОНе в торжественной обстановке. Все свободные от нарядов бойцы и командиры провожали товарищей добрыми напутствиями и пожеланиями успехов и скорой встречи с ними в тылу врага.

В жизни ОМСБОНа такие проводы на задания и встречи однополчан по их возвращении в бригаду стали доброй традицией.

В феврале – июне 1942 г. за линию фронта ушло более 20 отрядов {15}.

Переход линии фронта в этот период осуществлялся в основном на флангах центральной группировки немецко-фашистских армий, противостоящей войскам Западного и Калининского фронтов. Здесь не было сплошной линии фронта. Отдельные узлы обороны чередовались с промежуточными

участками – зонами патрулирования и наблюдения. Именно эти участки и избирались как места переходов в тыл врага. Их хорошо знали и ими пользовались армейские разведчики – проводники омсбоновских отрядов.

«Иногда фронтовые части, – **вспоминает М. Ф. Орлов , неоднократно сопровождавший отряды,** – чтобы облегчить переход, завязывали бои с гитлеровцами на соседних участках и отвлекали их внимание» {16}.

Переходы линии фронта боевыми подразделениями, какими являлись омсбоновские отряды, всегда были сопряжены с неимоверными трудностями, опасностью, риском. Не случайно командиры и бойцы отрядов считали такой переход едва ли не самой трудной частью задания.

К сожалению, подготовка отрядов не включала в программу тактику перехода линии фронта, слабо обобщался опыт предшествующих отрядов. Из-за отсутствия четких разведданных, которыми должна была обеспечить отряды армейская разведка, они нередко сталкивались с непредвиденными обстоятельствами: то на их пути неожиданно возникала глубоко эшелонированная оборона, то оказывалась сплошная линия фронта там, где предполагалось «окно», и т. д. В результате отрядам нередко приходилось прорываться с боем, неся значительные потери, или откладывать сроки перехода, или изменять его место. Но переход линии фронта был в лучшем случае половиной дела. Отрядам предстояло пройти сотни километров в прифронтовой полосе, густо нашпигованной воинскими частями, охранными отрядами и полицией. Наиболее опасными на маршрутах движения были переходы железнодорожных и шоссейных магистралей и водных рубежей. Ситуация в прифронтовом тылу часто менялась, отряды сталкивались с неожиданным появлением новых гарнизонов. Их подстерегали засады. Вслед за ними по лыжне, оставлявшей предательский след, устремлялись в погоню охранники и полицейские.

Но мужественным бойцам – «москвичам», как их называли местные жители, «ночным призракам», как их окрестили немцы, – помогали местное население и партизаны. Несмотря на неимоверные трудности, опасности и жертвы, «москвичи» чувствовали себя на родной земле прочно и уверенно. Они несли с собою привет Большой земли, укрепляли веру в победу над врагом, в близкое освобождение, вдохновляли сотни и тысячи людей на активную борьбу с оккупантами и предателями и сами черпали силы из родников народного патриотизма. Важное значение для развития партизанского движения и усиления партизанских ударов по врагу на этом этапе имела

организаторская работа омсбоновских отрядов по объединению мелких разрозненных групп местных партизан в сводные отряды под руководством наиболее опытных командиров. В ряде случаев руководство новыми отрядами поручалось офицерам и сержантам-омсбоновцам. С лета 1942 г. вся деятельность омсбоновских спецгрупп и отрядов координировалась с Центральным, Белорусским и Украинским штабами партизанского движения.

Проследуем маршрутами бойцов ОМСБОНа, уходивших в тыл врага в начале 1942 г., по следам их памяти, подкрепленной достоверностью документов, попытаемся разделить с ними и трудности партизанского быта и борьбы, и радость боевых удач, и горечь потерь.

В «Смоленском треугольнике»

В ходе зимнего наступления 1941/42 г. Красная Армия нанесла тяжелый урон группам немецко-фашистских армий «Центр» и «Север». Гитлеровцы начали спешную переброску войск с Запада на советско-германский фронт.

В начале 1942 г. Ставка Верховного Главнокомандования и штаб Западного фронта особенно остро нуждались в подробной информации о планах находящегося в Смоленске штаба группы немецко-фашистских армий «Центр», о расположенных в этом районе тыловых службах и аэродромах противника, об интенсивности и характере военных перевозок по железнодорожным и шоссейным магистралям Орша – Смоленск – Дорогобуж – Вязьма, Витебск – Смоленск, Витебск – Орша. Стратегическое значение этого «треугольника» определялось и тем, что здесь вдоль Минского шоссе проходила (на глубине 1 м) линия связи, соединявшая штаб группы армий «Центр» и фронт с Берлином.

Вместе с тем все эти объекты в «Смоленском треугольнике» в очень слабой степени подвергались в то время партизанским ударам. Плохо работала и партизанская разведка: в Центр поступали лишь отдельные, отрывочные сведения {17}.

Для сбора разведывательной информации, срыва военных перевозок, всемерного выведения из строя стратегической линии связи и железнодорожных магистралей штаб Западного фронта попросил Наркомат внутренних дел направить в треугольник Смоленск – Орша – Витебск семь разведывательно-диверсионных отрядов в составе 250 человек {18}.

В срочном порядке в казармах в Лосиноостровском (ныне г. Бабушкин), где располагались тогда 1-й и 2-й полки ОМСБОНа, шло формирование отрядов. Первые четыре возглавили старшие лейтенанты Н. А. Балашов и С. Л. Матросов, капитаны Н. С. Артамонов и Г. Ф. Шевченко. Общее руководство ими было возложено на майора П. А. Коровина. В состав отрядов вошли и воины-спортсмены, и бывшие преподаватели и студенты Московского института физической культуры М. Емец, Ф. Белинский, И. Орлов, В. Апреликов, И. Любимов, Е. Репин, Н. Солнцев (отряд Балашова); П. Кураев, С. Телков, Н. Чуканов, Терентьев (отряд Шевченко); А. Едличко, В. Масляков, С. Расторгуев (отряд Матросова); С. Лявданский (отряд Артамонова) и др. {19} Одновременно офицерам Ф. Ф. Озмителю, Г. М. Хвостову и М. К. Бажанову было поручено сформировать еще три отряда. В конце марта 1942 г. семь отрядов в составе 259

офицеров и солдат были переброшены за линию фронта {20}. Об этом командир бригады полковник М. Ф. Орлов доложил командующему Западным фронтом Г. К. Жукову. На рапорте – резолюция полководца, так определяющая основные задачи отрядов:

«1. Уничтожить (так в подл. – *Авт* .) железные дороги Смоленск – Орша, Смоленск – Вязьма, Смоленск – Рославль, Кричев – Рославль;

2. Разведка и точный учет подхода (очевидно, подвозок. – *Авт* .) по этим линиям к Западному фронту;

3. Вскрывать средоточие войск в районе Минск, Бобруйск, Витебск, Гомель» {21}.

Одновременно о посылке отрядов было доложено генерал-полковнику И. С. Коневу {22}.

По выполнении спецзаданий фронта этим отрядам было предписано возвратиться в Москву.

Боевой опыт, накопленный ими на смоленской земле, имел для омсбоновцев чрезвычайно важное значение. Его особая ценность заключалась в том, что впервые был осуществлен единовременный выход в тыл врага целой группы отрядов, имевших общую задачу и действовавших на одной территории. И также впервые стратегически важным магистралям наносился массированный долговременный удар.

Источники позволяют с достаточной определенностью и полнотой проследить боевой путь этих отрядов, их разведывательную и диверсионную деятельность, рассказать о ее результатах. Этот путь был наполнен партизанскими буднями и героическими свершениями, непрерывной борьбой с охранниками и преследовавшими отряды карателями. Он был связан с преодолением неимоверных трудностей и с тяжелыми утратами. Но он имел своим главным итогом успешное выполнение ответственного задания. Непрерывными ударами по коммуникациям была оказана существенная помощь фронту. Верховное командование Советской Армии получило важные разведданные общестратегического значения.

Линию фронта отряды переходили в ночь на 31 марта 1942 г. на позициях 16-й армии генерала Рокоссовского (участок Козельск – Киров) с помощью армейских разведчиков {23}. Фашистам удалось обнаружить бойцов. Отряды понесли первые потери. Тогда фронтовые части по приказу члена Военного совета 16-й армии А. А. Лобачева завязали отвлекающие бои и помогли омсбоновцам пробраться в тыл врага. В условиях затянувшейся снежной и морозной зимы 1942 г. переход линии фронта и последующий поход отрядов в заданный район оказались

неимоверно трудными. К тому же фашисты сразу же засекли их и преследовали буквально по пятам. Приходилось преодолевать и неожиданные препятствия. На пути отрядов лежало Варшавское шоссе, проходившее на этом участке по высокой насыпи. Фашисты облили ее водой. Образовались высокие снежно-ледяные валы. Пришлось, применив саперные лопатки, вырубать ступеньки и подниматься по этой самодельной лестнице. При переходе шоссе был убит спортсмен-омсбоновец лыжник Ф. Белинский. Была повреждена рация. Связь группы П. Коровина с Центром и штабом фронта прервалась на целых три недели {24}.

12 апреля 1942 г. группа майора П. Коровина вышла в район Дорогобужа и остановилась в д. Петрово, где размещался штаб партизанской дивизии В. С. Воронченко. В этом же районе действовала 1-я дивизия конного корпуса генерала Белова. Майор Коровин установил связь с командиром дивизии генералом Барановым.

У д. Глинки четыре отряда группы разошлись на отведенные для них участки магистрали Дорогобуж – Смоленск {25}. С начала апреля до июля 1942 г. действовали их разведчики и подрывники, ведя наблюдение за военными перевозками, пуская под откос эшелоны, минируя шоссе, взрывая мосты.

Особенно эффективными были единовременные выходы всех четырех отрядов группы П. А. Коровина на магистраль Смоленск – Вязьма. Дважды они выводили ее из строя одновременно и на большом протяжении. В этих операциях особенно отличились подрывные группы В. Апреликова, М. Бортового {26} и И. К. Щербы (отряд Артамонова). Последняя взорвала фугасом в 120 кг тола водопропускную трубу на магистрали Москва – Минск, надолго выведя ее из строя {27}.

За период с 18 апреля по 13 мая 1942 г. подрывники четырех отрядов установили 70 мин. Были уничтожены 11 эшелонов врага, железнодорожный и шоссейный мосты, подорвано 46 автомашин, четыре тягача, три мотоцикла. Движение на железных дорогах было прервано в общей сложности на 50 суток. Враг потерял около 2600 солдат и офицеров. Была оказана помощь 12 партизанским отрядам. Через линию фронта провели около 400 окруженцев и партизан {28}.

После выполнения задания 8 июня отряды соединились у д. Кучерово для совместного выхода в советский тыл и в 20-х числах июня 1942 г. вышли к д. Савинки. Но 25 июня радиосвязь с группой отрядов Коровина вновь была потеряна.

Отряду Н. С. Артамонова удалось вернуться самостоятельно, перейдя линию фронта на соседнем участке, но не удалось избежать потерь: погибли бойцы. Лявданский, Шадрин,

Филиппов, Горюнов, радистка Таня {29}. Значительно сложнее оказалась обстановка под Юхновом, где попытались перейти линию фронта остальные три отряда. Долгое время командованию ОМСБОНа ничего не было известно о судьбе отрядов Балашова, Матросова, Шевченко. В апреле 1943 г. воины этих отрядов были исключены из списков бригады, как пропавшие без вести. Только в 1980 гг. ветеранам отряда В. А. Корзенкову и Л. Д. Картошкину удалось в результате многолетних, настойчивых и кропотливых поисков, в которых им помогали юные следопыты Москвы и Смоленской и Калужской областей, восстановить правду о судьбе офицеров и бойцов этих отрядов.

«Большинство потерь мы понесли тогда, когда, выполнив задание, пробивались к своим», – **вспоминает участник событий омсбоновец В. Типаков** {30}.

Судьба трех отрядов сложилась трагически. Они совершили труднейший поход по болотистой местности. При подходе к линии фронта майор Коровин направил к передовой две группы разведчиков. Однако место перехода линии фронта было выбрано неудачно. Разведке так и не удалось обнаружить прохода в линиях глубокой обороны немцев.

Обе группы не вернулись из разведки. Как позже выяснилось, группа А. Катулина погибла в бою с фронтовыми подразделениями немцев. Группа Бурондасова, понеся потери, сумела прорваться через линию фронта.

27 июня у д. Савинки фашисты окружили отряд Коровина плотным кольцом. С утра завязался тяжелый бой. В самом начале сражения был ранен в ногу капитан Коровин. Командование принял лейтенант Г. Шевченко. Он лично возглавил штурмовую группу и повел ее в атаку. Трижды поднимал он в атаку бойцов. В первых рядах в атаку шли студенты Института физкультуры В. Масляков, А. Тепляков, М. Ковальский, П. Кураев, И. Орлов. У Шевченко был в бою выбит глаз, оторвало левую кисть, но отважный воин продолжал сражаться. В последний момент боя бойцы-инфизкультовцы поднялись в атаку в полный рост, штурмуя пулеметные гнезда врага. Но силы были неравными. Раненые сражались до последнего патрона. В списке павших воинов-омсбоновцев из отряда Коровина, хранящемся в ЦМ внутренних войск МВД СССР, названо 81 имя, и в их числе – 14 студентов и преподавателей ЦГОЛИФКа.

Имена павших занесены на мемориальную доску, установленную на территории совхоза «Климовский» Юхновского района Калужской области {31}.

Фашистам удалось захватить 11 тяжелораненых в плен. Среди них оказались П. Коровин и Г. Шевченко. Вскоре раненых

поместили в эшелон и направили в Германию. В районе Борисова майору П. А. Коровину удалось проломить пол вагона и бежать. Вместе с ним бежали 70 советских военнопленных. Вскоре Коровин прибыл в отряд «Мстители» {32}. Г. Шевченко оказался в фашистском концлагере, где возглавил подпольную коммунистическую организацию. Фашисты казнили героя. Перед казнью он подарил лагерному врачу Лобадину портсигар с надписью: «Доктору Лобадину от смертника Г. Шевченко. Москва. Инфизкульт». Спустя много лет этот портсигар был передан участниками Сопротивления Музею Центрального государственного института физической культуры {33} [17] .

28 февраля 1942 г. в тыл врага из Москвы направился отряд «Грозный» под командованием Ф. Ф. Озмителя в составе 29 бойцов. Начальником разведки отряда был лейтенант госбезопасности С. Буторов. В состав отряда входили младший лейтенант Н. Пеньков, подрывники Г. Демидов, П. Антипов, А. Казицкий, пулеметчики И. Пешков, В. Зорин, военфельдшер З. Чернышова и др. Основной целью отряда было ведение разведывательной и диверсионной работы. Линию фронта перешли в районе г. Демидова. 29 марта, перейдя с помощью местных партизан Володи Куриленко и Ивана Борисова железную дорогу и шоссе Смоленск – Витебск {34}, вышли в Дубровенский район Витебской области. Здесь, близ д. Озеры, расположились лагерем.

На пути к заданному месту отряд неоднократно выдерживал бой с противником. У д. Хохловка бойцы «Грозного» разгромили немецкий обоз. В бою был ранен боец И. Грудский {35} [18] . Была повреждена рация. Связь с Центром временно прервалась.

На подходе к железной дороге Витебск – Смоленск отряд был обнаружен немцами и… вновь исчез! Фашисты тщетно искали его в лесах и близлежащих селах: по решению Озмителя отряд залег в овраг на открытой местности в снегу. Расчет командира на то, что здесь враг искать его не будет, вполне оправдал себя.

Рядом с «Грозным» в Дубровенском районе действовал разведотряд под командованием старшины Н. Соколова. При участии Ф. Ф. Озмителя был создан местный отряд под командованием лейтенанта госбезопасности Н. Талерко. Ф. Ф. Озмитель при необходимости возглавлял действия всех трех отрядов {36}.

На боевом счету «Грозного» было девять эшелонов с живой силой и техникой врага, сотни убитых гитлеровцев и полицейских. Отряд потерял бойцов В. Лазарева, Н. Пенькова, А. Гуревича.

Наряду с разведкой и диверсиями отряд «Грозный» успешно

выполнял и специальные задания. Так, в конце лета 1942 г. разведчики отряда информировали Центр о том, что от станции Красное в сторону Смоленска прошли два эшелона с офицерами и солдатами, одетыми в красноармейскую форму. Как выяснилось, это была особая команда «Зондерфербанд Граукопф» в составе 313 человек, имевшая задание пробраться в действующий в тылу врага конный корпус генерала П. А. Белова, убить командира, склонить бойцов к переходу на сторону немцев или деморализовать корпус. Коварный план был сорван Советским командованием, направившим по сигналу «Грозного» в Вяземские леса десантников-парашютистов {37}.

В сентябре 1942 г. «Грозный» вернулся в Москву.

29 марта 1942 г. в «Смоленский треугольник» вышел отряд «Новатор» капитана Г. М. Хвостова в составе 37 человек. Среди командиров и бойцов отряда – парторг П. Пилюгин, радист Б. Баталов, подрывники и разведчики В. Хатунцев, А. Нахмансон, Д. Киселев, В. Крохин, братья Ю. и Б. Калашниковы, В. Пронин, А. Малюгин. Целью отряда было: сбор разведывательных данных о железнодорожной магистрали Витебск – Смоленск, проведение диверсий и срыв перевозок по ней. От базы отряда в лесном урочище Узнош-Мох пролегли партизанские тропы к железной дороге.

Разведчикам отряда Н. Панову, А. Гонтюрову, С. Будаеву, братьям Калашниковым удалось дополнительно разведать и нанести на карту расположение гарнизонов, нащупать наиболее уязвимые места в охране дороги. Разведчики собрали также сведения о дислокации и перемещениях оккупационных войск и полицейских формированиях, о методах и приемах борьбы с партизанами, о системе охраны коммуникаций.

Сообщая Центру о настроении населения оккупированных территорий, капитан Г. М. Хвостов особо отмечал: «Абсолютное большинство населения хорошо относится к партизанам, оказывая им всестороннюю помощь» {38}.

Каждую диверсию обычно предваряло тщательное изучение на месте системы охраны дороги и подступов к намеченному месту минирования.

…Много часов пролежал 7 апреля 1942 г. сержант В. Крохин, наблюдая «железку», изучая интенсивность движения, маршрут патрулей и периодичность их смены, намечая подходы к полотну. Его подрывной группе в составе младшего командира А. Нахмансона, Л. Гладышева, Л. Гладкова, Г. Гребнева, И. Крылова и В. Антонова предстояло установить девять мин замедленного действия на участке между станциями Плоская и Голынка. На вторые сутки сержанту Нахмансону удалось установить две мины,

после чего группа залегла на дневку в 1,5 км от железной дороги. Прикрываясь кустарником, вырыли в снегу яму диаметром 10 м и глубиной 30 см. Вскоре немцы засекли подрывников. Бойцы заняли круговую оборону. Первая атака немцев была отбита. В перестрелке был убит В. Крохин, а А. Нахмансон ранен в обе ноги. Выбирая место дневки, бойцы не учли, что оно оказалось зажатым между железной дорогой и проходящим совсем рядом шоссе. А отсюда угрожала главная опасность.

Вскоре по шоссе со стороны ст. Плоская к месту недавнего боя подошли две машины с немцами. Нахмансон, невзирая на раны, продолжал командовать группой. Он приказал поставить все оставшиеся мины на боевой взвод, а сам, взяв две мины, залег на максимально возможном отдалении от товарищей. Завязался бой, во время которого неожиданно для остальных бойцов почти одновременно взорвались обе мины Нахмансона, который был разорван на части. Его пять товарищей, воспользовавшись растерянностью врага, отступившего на 500 м, стали поспешно отходить к лесу. Опомнившись, немцы открыли по ним огонь. Пал, сраженный пулей, Гладков. Четверо оставшихся подрывников во главе с Гладышевым пришли на базу отряда Каминского в д. Б. Арестово [19] . В тяжелом положении оказалась через некоторое время и подрывная группа А. Гонтюрова из отряда капитана Хвостова в составе П. Пилюгина, Б. Баталова, А. Малюгина, В. Хатунцева, Б. Калашникова, Д. Киселева. Семи бойцам, вооруженным карабинами, винтовками, ручным пулеметом и гранатами, пришлось выдержать 12-часовой бой с 70 немцами и полицаями. Омсбоновцы сражались геройски, отбив три атаки противника. До последнего дыхания били по врагу из пулемета А. Малюгин, А. Гонтюров, П. Пилюгин. Шестерых врагов уничтожил из снайперской винтовки В. Хатунцев, продолжая сражаться, несмотря на ранение. Открыв минометный огонь, немцы вновь пошли в атаку. В. Хатунцев, Б. Калашников, Д. Киселев отбили ее гранатами. И в это время на помощь товарищам прибыл основной состав отряда. Партизаны выиграли бой {39}.

Только в течение первого месяца подрывниками отряда Хвостова было сброшено под откос 10 эшелонов противника. При этом они использовали новые системы мин – мины замедленного действия (МЗД). В мае 1942 г. подрывники отряда перенесли действия на линию Смоленск – Гусино.

Встревоженные размахом диверсионных действий отряда, фашисты всполошились. Распространился слух о том, что в их тыл был заброшен целый полк Красной Армии {40}. Против отряда были брошены регулярные части карателей, усиленные

минометами и поддержанные авиацией.

В тяжелых боях отряд понес большие потери. Уже к середине июля в строю оставалось 13 бойцов. Выполнив задание, отряд в августе 1942 г. вернулся на Большую землю. На боевом счету было десять эшелонов противника, 12 автомашин. В Центр было передано пять особо важных донесений {41}.

28 февраля 1942 г. на одном из участков Калининского фронта в тыл врага вышел отряд «Сатурн» под командованием капитана А. И. Воропаева. Комиссаром отряда был А. Н. Гармс, начальником штаба – П. Предтеченский, начальником разведки – Ф. С. Рядчиков {42}.

В состав отряда «Сатурн» входило 27 человек, в том числе семь партизан-медведевцев. В их числе были уроженец Смоленска разведчик М. Петров (Макс), успешно действовавший в отряде «Митя», а также воины-спортсмены А. Кирш, К. Иванов, Л. Цирульников, И. Базылев, И. Рогачев, прославленная лыжница, трехкратная чемпионка страны Л. Кулакова {43}.

Основными задачами отряда были: разведка территорий и объектов в зоне размещения штабов и управлений группы армий «Центр»; разведка и разгром немецкой школы разведчиков в Красном Бору; проведение разведки и диверсий на железнодорожной линии Смоленск – Витебск {44}. Зимой 1941/42 г. эта магистраль оставалась фактически единственной, снабжавшей немецко-фашистские войска, противостоящие Западному фронту, так как магистраль Смоленск – Сухиничи была перерезана партизанами местного отряда «Дедушка» и конным корпусом генерала Белова.

Отряд обосновался в 35 км от Смоленска, в «Соколиной даче» [20] Демидовского леса, и с самого же начала действовал в Смоленской области совместно с бригадой «Бати» – Н. З. Коляды – и партизанским полком С. Гришина {45}.

Много раз выходили на диверсии подрывники отряда. Группа К. Иванова в составе А. Кирша, Л. Цирульникова, И. Базылева и местного партизана из отряда И. Р. Шлапакова комсомольца В. Куриленко установила на одном из перегонов мину. Но взрыва не произошло. Минер А. Кирш на следующую ночь вернулся к заряду, нашел неисправность и заменил электродетонатор. Этот эпизод не был единичным в практике подрывников ОМСБОНа – слишком труден и опасен был путь на «железку», слишком дорогими были каждая мина и каждый заряд тола. И важно было заставить каждую мину сработать, с каким бы риском это ни было связано! На этот раз мина «сработала»: был пущен под откос эшелон с живой силой врага. Погибло до 300 фашистов {46}.

Вскоре после прибытия на базу отряд «Сатурн» приступил к

решению разведывательных задач. Первым в Смоленск был направлен уроженец этого города Максим Петров (Макс).

Переодевшись в штатское, он ушел в город, но в назначенный срок не вернулся на базу. Пришедшая в отряд из Смоленска участница местного подполья учительница Л. А. Младова сообщила, что по возвращении из Смоленска Макс был схвачен полицейскими в д. Бабки. Они передали его гестаповцам. Мужественный патриот был подвергнут зверским пыткам, но фашистам не удалось сломить его волю. 4 марта 1942 г. М. К. Петров был расстрелян на площади. Сотни согнанных фашистами людей стали свидетелями его геройской смерти. Среди них была и Л. Младова {47}. Отважная подпольщица продолжила его дело и передала в отряд много важных сведений. Но 16 мая 1942 г. она была выдана предателем и разделила участь Макса. После зверских пыток Л. Младова была расстреляна у д. Лентьево {48}.

Разведчики отряда «Сатурн» сумели быстро наладить связь с местными партизанами, организовали подпольные группы в Смоленске, неоднократно ходили в город. Разведгруппами Ф. Рябчикова и А. Кирша были добыты сведения о местах средоточия вражеских эшелонов и об аэродромах противника в районе Смоленска.

Эти данные стали ориентирами для советской бомбардировочной авиации. В результате успешного налета были уничтожены на земле 35 самолетов противника, казармы летчиков и бензобаза {49}. Л. Кулаковой с разведчицей из местного отряда удалось проникнуть в поселок Красный Бор и собрать сведения о находившейся здесь школе шпионов-радистов «Сатурн» {50} [21] .

Данные о переброске противником войск и грузов из Вязьмы в Смоленск и о скоплении войск на стыке Западного и Брянского фронтов, полученные разведчиками отрядов ОМСБОНа, помогли командованию Западного фронта разгадать готовящийся маневр врага – нанесение удара по флангам советских войск.

Для получения разведданных в Смоленск трижды ходила Л. Кулакова {51}.

23 апреля 1942 г. группа бойцов под командованием начальника штаба отряда П. Предтеченского возвращалась с успешной операции, предпринятой против полицейских. На пути в лагерь у д. Линьки наткнулись на танковую засаду. В неравном бою погибли П. Предтеченский, В. Бородин, Е. Долголеев, Е. Снохин, смертельно ранена Л. Кулакова {52}.

11 мая при возвращении с задания группа К. Иванова была окружена карателями в хате старосты – связного отряда Е. Цирульникова (выдала бойцов его сестра, проживавшая

напротив). До начала боя К. Иванов высадил в окно двух малолетних детей хозяина и тем спас им жизнь, но сам вскоре был убит в перестрелке. Дважды раненный В. Куриленко и А. Кирш продолжали борьбу. Фашисты подожгли избу.

Тогда А. Кирш, бывший в отряде переводчиком, пошел на хитрость и крикнул по-немецки: «Прекратите стрельбу! Это недоразумение! Вы бьете по своим!» Воспользовавшись замешательством немцев, А. Кирш и В. Куриленко покинули избу. Их прикрыл огнем с чердака хозяин дома. Киршу удалось донести Володю Куриленко на себе до д. Зыки, откуда на подводе он пытался доставить его в лагерь, но по пути герой скончался.

Имя его навсегда вошло в историю Великой Отечественной войны. Прах Героя Советского Союза В. Куриленко после войны был перенесен к стене Смоленского кремля {53}.

Подрывники отряда «Сатурн» пустили под откос семь эшелонов с живой силой и техникой, уничтожили до 2 тыс. немецких солдат и офицеров. Отряд перевел через линию фронта 564 бойца. В боях с фашистами погибли семь человек {54}.

Исключительно трудным оказался путь в «Смоленский треугольник» и для отряда «Особые» под командованием старшего лейтенанта М. К. Бажанова. Только 10 дней довелось бойцам отдохнуть в Москве. В конце марта 1942 г. отряд в составе 35 человек вышел на новое задание. Во вражеский тыл направлялся боевой коллектив, обогащенный опытом смелых действий на фронте и в тылу врага, испытавший радость боевых удач и горечь тяжелых утрат. Состав был пополнен воинами-спортсменами. Комиссаром отряда стал лейтенант госбезопасности А. И. Авдеев, описавший впоследствии боевой путь «Особых» в книге «Там помнят о нас» (М., 1985). В состав отряда входили в числе других воины-спортсмены: штангист В. Крылов, боксер С. Щербаков, фехтовальщик С. Корнилов, футболист Г. Иванов, боксеры Высоцкий и В. Лозовский, а также Б. Галушкин, А. Моргунов, И. Келишев, В. Правдин, П. Маркин, Н. Голохматов, бойцы И. Макропуло, П. Широков, военфельдшер А. Вергун {55}. Сержант Голохматов отличался особой смелостью и находчивостью. Это о нем писала газета «Победа за нами»: «Для него нет невыполнимого задания» {56}.

29 марта 1942 г. отряд перешел на лыжах линию фронта в районе Трубилова, на болотистом участке между деревнями Соминки и Бель. С ходу он углубился в тыл врага, стремясь быстрее оставить позади самую опасную – фронтовую – зону, насыщенную укрепленными участками и гарнизонами. Однако даже для бойцов этого отряда путь с грузом до 50 кг на бойца оказался непосильно тяжелым. В течение ночи удавалось пройти

не более 10 км.

По пути на базу препятствиями встали железнодорожная магистраль и шоссе Смоленск – Витебск, проходившие на сравнительно небольшом расстоянии и по насыпям высотой до 20–25 м. Последние километры оказались самыми трудными: труднопреодолимой преградой встала на маршруте отряда река Березина, покрытая предательски тонким апрельским льдом с полыньями. Пришлось оставить в тайнике часть груза – мешки с толом и мины. Форсировали Березину ночью, лежа на лыжах и отталкиваясь руками ото льда.

5 апреля отряд прибыл к месту назначения, в район местечка Бабиновичи. В лесу с вековыми соснами приступили к устройству временного лагеря. В тот же день радист В. Ковров передал в Центр первую радиограмму: «Прибыли на основную базу благополучно. Ведем разведку района расположения отряда и объектов противника» {57}. 7 апреля группа бойцов под командованием Б. Галушкина была направлена за грузом взрывчатки, оставленным в пути. И уже в апреле на железнодорожную магистраль вышли первые четыре группы подрывников. И сразу же столкнулись с непредвиденными трудностями: на их пути оказались засады, охрана дороги была усилена. При закладке мины трагически погиб командир отделения С. Корнилов. Группа В. Правдина была обстреляна немецким патрулем {58}.

Но неудачи не обескуражили бойцов отряда. Подрывники быстро научились работать с минами замедленного действия. И вскоре группы И. Макропуло и С. Щербакова пустили под откос первые эшелоны врага с живой силой и техникой {59}.

За период с 29 марта по 23 июля 1942 г. отряд Бажанова на участке Красное – Осиновка подорвал 11 эшелонов, взорвал железнодорожное полотно в 53 местах, передал 5 ценных разведданных о скоплениях немецко-фашистских войск. Бойцами отряда было уничтожено 1500 фашистских солдат и офицеров {60}.

Обрадовала омсбоновцев и неожиданная встреча с однополчанами из отряда «Грозный». После потери рации этот отряд не имел связи с Москвой. Центр поручил «Особым» найти товарищей. Оказалось, что они находятся рядом, и разведчики «Грозного», узнав от местных жителей о появлении нового отряда «москвичей», сами явились к «Особым».

М. Бажанов сразу же направился на встречу с Ф. Озмителем. Оба отряда продолжительное время действовали в тесном контакте.

В начале апреля 1942 г. «Особые» выдержали свой первый бой

с карателями и принудили их отступить.

В бою был ранен В. Правдин. Пришлось искать новое место для базы отряда. Ею стал сосновый бор близ ст. Красное на магистрали Смоленск – Орша.

Сюда и вернулась группа Б. Галушкина, которой пришлось выдержать шестичасовой бой с фашистами на берегу Березины. Карателей на группу навел предатель-староста д. Могильня, в которой бойцы взяли подводы для доставки на базу груза.

В неравном бою погиб В. Кунин. В. Крылов и М. Лобов, прикрывшие товарищей, форсировавших на плоту Березину, были ранены, схвачены фашистами и позднее расстреляны в застенках гестапо {61}.

С середины апреля диверсионная деятельность отряда значительно активизировалась. Особенно частыми стали выходы на «железку» после получения из Москвы груза со взрывчаткой и минами.

27 мая 1942 г. Бажанов получил радиограмму из Центра: «Обстановка требует максимального усиления разведки о воинских перевозках противника по железной дороге и шоссейным магистралям. Необходимо вскрыть: количество поездов, колонн транспорта, проходящих в каждом направлении, характер грузов, рода войск, количество, наличие техники, особенно танков, артиллерии, нумерацию частей, пункты перевалки и сосредоточения войск и грузов. Одновременно с усилением разведки активизируйте боевые действия. Особенно на железной дороге. Регулярно информируйте Центр» {62}.

Эта радиограмма интересна как документ, наглядно знакомящий с руководящей деятельностью Центра. Она свидетельствует как о том, какая именно информация интересовала Центр и штаб фронта, так и о том, что в каждом отдельном случае Центр детально конкретизировал задачи разведывательной и диверсионной деятельности, уделяя первой приоритетное значение.

Выполняя приказ Центра, отряд в мае – июле 1942 г. активизировал свою деятельность. Так, только за период с 31 мая по 7 июня 1942 г. на шоссе Смоленск – Орша было подорвано 11 автомашин, в том числе три легковых. Было убито до 40 солдат и офицеров. 16 июля подорвали воинский эшелон из семи классных вагонов, среди убитых – генерал и много офицеров. В ночь на 18 июля группа И. Рогожина взорвала эшелон на перегоне Смоленск – Орша. Было уничтожено 17 вагонов с живой силой и техникой {63}.

В мае 1942 г. группе бойцов отряда в составе шести бойцов-спортсменов под командованием лейтенанта Б. Галушкина было

поручено необычное задание. Во время минирования железнодорожного полотна 12 мая 1942 г. в бою с немцами, охранявшими дорогу, был тяжело ранен минер студент Инфизкульта С. Несынов [22] . Его доставили в лагерь, где были приняты все возможные меры для спасения жизни бойца. Но он нуждался в квалифицированной хирургической помощи и длительном лечении в госпитале. Решение пришло сразу: вынести Несынова на Большую землю. Центр дал разрешение на выход группы сопровождения с раненым товарищем в советский тыл. Одновременно было приказано доставить в Москву секретные материалы, добытые разведчиками отряда и представлявшие исключительную ценность для Советского командования и органов госбезопасности {64}.

18 дней длился беспримерный по своей дерзости, трудности и проявленными бойцами упорству и героизму поход группы лейтенанта Б. Галушкина, включавший бойцов П. Маркина, С. Щербакова, В. Правдина, И. Головенкова, А. Андреева (выполнял функции санитара) за линию фронта. В условиях весенней распутицы, через леса и болота, обходя гарнизоны и населенные пункты, преодолевая железнодорожные магистрали и большаки, голод и холод, неся по очереди самодельные носилки с раненым товарищем, группа упорно и самоотверженно продвигалась по азимуту на восток. На всем протяжении необычного пути в 120 км длиною бойцы заботливо ухаживали за С. Несыновым, перевязывая его, стараясь облегчить мучительную боль. Группе довелось выдержать не один бой с противником.

Приведем только два эпизода этого необычного похода.

…На шестой день пути Галушкин принял решение зайти в деревню, чтобы дать группе отдохнуть и достать продовольствие. Остановились в крайней хате, помыли и перевязали Несынова. Хозяин накормил бойцов и предложил переспать в хате. Но Галушкина что-то насторожило. Спать ушли в сарай. Включив карманный фонарь, Галушкин обнаружил люк с дверцей – тайный ход в огород, за которым был лес. На рассвете в деревню нагрянул конный отряд немцев, предупрежденных предателем – хозяином хаты. Каратели нацелили на сарай пулемет. Но группа благополучно ушла через люк в лес, оставив в сарае мину-ловушку. Вторая мина была поставлена у входа в болото. На нее наткнулись немцы, а их овчарки оказались бесполезны в болоте… {65} В один из последних дней похода группа услышала сильную перестрелку. Выяснилось, что группа оказалась в тылу у карателей, окруживших местный партизанский отряд. Галушкин мгновенно принял решение. Оставив в надежном месте раненого, автоматчики неожиданно ударили по фашистам с тыла. Это

вызвало у немцев панику и замешательство. Партизаны воспользовались этим и прорвали вражеское кольцо. Они выразили благодарность за неожиданную помощь, снабдили галушкинцев продуктами и дали проводника, который провел их к линии фронта в районе Щучьего озера. Здесь группа выдержала свой последний на маршруте и самый тяжелый бой. В минуту наибольшей опасности командир привязал секретные документы к гранате и отдал Несынову. Тот без слов понял командира…

Но с фронта уже шла помощь: по приказу Москвы навстречу группе с боем прорвались армейцы и вывели ее в расположение своей части. Это произошло 5 июня 1942 г. Необычное задание было выполнено – и без потерь! {66} [23]

Волнующими были встречи возвращавшихся из вражеского тыла бойцов с однополчанами. Тяжело переживали омсбоновцы известие о гибели боевых друзей, гордились подвигами товарищей, множившими боевые традиции части. А семь отрядов продолжали успешно выполнять задания фронта.

Приведем еще несколько примеров из летописи диверсионных действий омсбоновских отрядов в «Смоленском треугольнике».

В январе 1942 г. подрывная группа В. Крылова в составе Н. Ананьева, П. Маркина, Г. Иванова, И. Макропуло, И. Келишева, Н. Голохматова (отряд Бажанова) получила приказ уничтожить мост через реку Жиздру на перегоне Судомир – Сухиничи. Операция длилась 14 часов на 40-градусном морозе! Двигались к мосту на лыжах под огнем врага. Крылову и Ананьеву удалось снять часовых, после чего подрывники подвесили заряд к опоре. В. Крылов поджег шнур – и мост взлетел на воздух. Группа, несмотря на сильный огонь противника, успешно отошла {67}.

В отряд П. Шемякина поступило донесение о том, что по перегону Ново-Белица – Добруш (железная дорога Гомель – Харьков) проследуют в такое-то время эшелоны с танками и живой силой. Оба состава были пущены под откос {68}. Восемь эшелонов на этом участке уничтожила подрывная группа А. Завгороднего {69}.

2 мая 1942 г. у станции Заольша (под Лиозно) подрывники отряда Ф. Озмителя взорвали крупный эшелон с танками, автомашинами и боеприпасами. Движение на дороге Витебск – Смоленск было остановлено на 28 часов {70}.

За период с 27 мая по 16 августа 1942 г. подрывники этого отряда подорвали на перегоне между станциями Осиповка и Красное (магистраль Минск – Смоленск) пять эшелонов с живой силой и техникой врага. Было убито и ранено около 900 офицеров и солдат {71}.

Группой подрывников отряда Шевченко под командованием комиссара А. З. Катулина на перегоне Колодная – Духовская был взорван железнодорожный мост с проходившим по нему эшелоном с танками и артиллерией. На участке образовался большой затор. Три ночи подряд этот участок дороги бомбила советская авиация, наведенная на объект разведчиками отряда. 10 суток дорога бездействовала {72}.

20 апреля 1942 г. подрывники группы Бажанова «отметили» день рождения Гитлера выходом четырех групп на железную дорогу Смоленск – Вязьма. Ими впервые были применены мины «стаканчики», начиненные новым взрывчатым веществом. Командование предупредило минеров о том, что ни один «стаканчик» не должен попасть к врагу. И когда вследствие ошибки подрывника И. Домашнева мина не взорвалась, подрывники вернулись к месту ее установки, нашли мину и заставили ее сработать {73}.

Приведем некоторые итоги омсбоновского массированного удара по «Смоленскому треугольнику».

Только в течение первого месяца их действий подрывники семи отрядов установили на магистралях 70 мин. В 18 местах им удалось разрушить полотно железных дорог. Было взорвано три моста, пущено под откос 11 эшелонов. В общей сложности движение поездов было прервано на 20 суток {74}.

Особенно успешно действовал отряд капитана Бажанова. За восемь месяцев пребывания в тылу врага его бойцы подорвали 10 эшелонов, взорвали мост на шоссе Орша – Смоленск, 29 автомашин с вражескими солдатами и военными грузами; разрушили в 53 местах железнодорожную магистраль и в 40 местах – телеграфную и телефонную связь противника; разгромили шесть вражеских гарнизонов {75}. Исключительную ценность представляли добытые разведчиками отряда данные.

Но и отряд понес тяжелые потери. В беспрерывных боях с карателями, патрулями, засадами и во время диверсионных операций бойцы отряда выдержали 53 столкновения с врагом – погибло 12 бойцов и офицеров {76}. 18 июля в лагере произошел трагический случай: при взрыве самодельной мины погиб боец А. Моргунов и был тяжело ранен командир отряда. Вскоре отряду было приказано возвращаться на Большую землю. 30 июля, преодолев труднопроходимое, топкое болото, отряд перешел линию фронта близ д. Большие Черкасы. С собой омсбоновцы привели группу партизан призывного возраста {77}.

В итоге действий трех отрядов – Бажанова, Хвостова и Артамонова – было пущено под откос 25 воинских эшелонов с живой силой и техникой, уничтожено 46 автомашин, передано

Центру и штабу Западного фронта 26 разведданных. Бойцы выдержали 67 боевых столкновений с противником. Было уничтожено 1600 гитлеровских солдат и офицеров (в том числе 1400 в ходе диверсионных актов) {78}. Потери отрядов составляли: убитыми, утонувшими при форсировании Днепра и подорвавшимися на своих минах – 17, пропавшими без вести – 12, ранеными – 18 человек {79}.

Омсбоновские отряды в течение зимы 1941/42 г. неоднократно направлялись также в распоряжение командующих фронтами и армиями для выполнения конкретных заданий непосредственно на фронте. Так, в феврале 1942 г. на Западный фронт для восстановления правительственной связи отбыла отдельная рота в составе 250 человек под командованием капитана П. В. Иванова {80}.

Командовавший в начале 1942 г. Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков высоко оценил действия омсбоновцев, оказавших фронту существенную помощь. Начальник инженерных войск фронта **генерал-майор М. Воробьев** , в свою очередь, в письме руководству НКВД от 24 декабря 1942 г. отмечал:

«Выделявшиеся из состава Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР по просьбе командования Западным фронтом в марте 1942 г. отряды по разрушению коммуникаций в тылу врага с задачей справились и подтвердили целесообразность высылки таковых» {81}.

На следующем этапе войны, когда определился решающий перевес сил на стороне Советской Армии и стратегическая инициатива целиком перешла к ней, отпала необходимость в непосредственном участии формирований ОМСБОНа во фронтовых операциях. После Курской битвы помощь ОМСБОНа армиям фронта выражалась главным образом в разведывательных и диверсионных действиях его отрядов в тылу врага. Вместе с тем отряды ОМСБОНа по мере их соединения с наступавшими частями Советской Армии участвовали в решении боевых задач, в подавлении сопротивления окруженных немецко-фашистских частей, в разминировании освобожденных городов и населенных пунктов, в выявлении и обезвреживании вражеской агентуры.

Путь в леса Брянщины и Белоруссии

В конце зимы 1941/42 г. командование ОМСБОНа широко использовало для засылки в тыл врага Суражские или Витебские «ворота» – лесной коридор на участке армий Калининского фронта, ведущий в лесные массивы Витебщины и Северной Смоленщины.

Этим путем, проложенным разведчиками 4-й Ударной армии и партизанами, прошли многие омсбоновские отряды. Многие из них находились в тылу врага долгие месяцы, годы, вырастая в бригады и соединения.

Основной перевалочной базой стал старинный русский город Торопец. Отсюда отряды уходили в леса Смоленской и Ленинградской областей и в Белоруссию.

5 марта 1942 г. между Велижем и Усвятами линию фронта пересек отряд, ставший героическим, «Неуловимые» под командованием майора М. С. Прудникова, командира 1-го батальона 2-го мотострелкового полка ОМСБОНа. Отряд в составе 29 человек был сформирован в своей основе из бойцов этого батальона. Комиссаром отряда был назначен политрук Б. Л. Глезин, начальником разведки – А. А. Чернышов, начальником штаба – П. А. Корабельников, военфельдшером – А. Павлюченкова, радистом – В. Пинаев. В состав отряда входили также его парторг И. Попов, лейтенант Щенников, старшина П. Широков, сержант Б. Табачников, известный снайпер и подрывник Е. Телегуев, подрывники Х. Бадоев [24] , В. Никольский, Л. Друч, И. Безбородов, Н. Рогачев, М. Шаров, С. Пушкин, Э. Соломон.

Путь отряда от Торопца через болота и лесные массивы пролег к хутору Забелье. По пути отряд сделал остановки в деревнях Сычево и Крутилево. В последней каратели попытались навязать отряду бой, но М. С. Прудников вовремя увел «Неуловимых». Уже 15 марта 1942 г. группа подрывников в составе Попова, Волкова, Индыкова, Константинова, Палихи во главе с командиром отряда взорвала железнодорожный мост у ст. Опухлики, где находились фашистские бронепоезда, и парализовала их действия. Так был открыт счет диверсиям {82}.

Придя в Полоцкий район, отряд расположился в лесу близ д. Зеленки и сразу же приступил к выполнению боевых задач. Прежде всего была установлена связь с Полоцким подпольным РК партии и местными партизанами. Отряд стал быстро пополняться. В его состав влились партизанские группы И. Комлева, П. Лученка, А. Пятойкина, М. Чеверикина, А. Меркуля, сотни местных жителей, окруженцев, беженцев из лагерей {83}.

Подводя первые итоги организационной и политической деятельности отряда, **М. С. Прудников радировал в Центр** 21 июня 1942 г.:

«Организовано семь отрядов. Всего людей около семисот. В сорока населенных пунктах по существу народная власть. В селах и деревнях партизанские семьи охраняются партизанами и созданными группами самообороны. С целью затруднить проникновение немцев в партизанский район взорвано и сожжено двадцать мостов, созданы заминированные завалы. Организацию отрядов, несмотря на сильное противодействие гитлеровцев, продолжаем» {84}.

Тем самым «Неуловимые» внесли свой весомый вклад в создание крупного партизанского края на стыке РСФСР, Белоруссии и Латвии, который стал основной базой дальнейшего развития партизанской борьбы в трех соседних республиках {85}.

Летом 1942 г. в Витебской области в значительной степени благодаря действиям «Неуловимых» резко возросло число диверсий. Только в течение июня было осуществлено 50 диверсий {86}. «Неуловимые» оказали помощь местному отряду П. М. Машерова, будущего Первого секретаря ЦК Компартии Белорусии, члена Политбюро ЦК ВКП (б), в трудный для него момент.

В целом за весь период действия «Неуловимыми» было создано 16 отрядов, входивших в одноименную бригаду, а позже – в соединение {87}. Их командирами, как правило, назначались опытные офицеры и сержанты Якимов, Широков, Дюжин, Тищенко, Лученок, Четверяков, Бадоев {88}. В мае 1943 г. М. Прудников был отозван в Москву. Командиром бригады стал майор А. Г. Морозов, начальником штаба – его однофамилец С. С. Морозов, начальником разведки – Н. В. Волков.

В сентябре 1943 г. был получен приказ Центра о переходе бригады из Полоцкого района Витебской области в Барановичскую область.

«В условиях осенней распутицы, а затем начавшейся зимы, – **вспоминает полковник А. Морозов,** – подвергаясь бомбежкам фашистской авиации и ведя бои с полицейскими гарнизонами, бригада прошла около 450 километров» {89}.

Во время рейда велась разведка, совершались диверсии, широко проводилась разъяснительная работа среди населения. К 10 декабря 1943 г. достигли Налибокской пущи. Штаб бригады разместился в деревнях Бакшты и Заберезь, а отряды расположились по окраинам пущи, территории партизанского края площадью около 400 кв. км. Был установлен тесный контакт с подпольным Барановичским ОК КП(б) Б. А. Морозов и комиссар

бригады В. Безенцев были введены в состав Юратишковского райкома КП(б)Б.

Боевая активность бригады все более возрастала. Только с января по июль 1944 г. было пущено под откос 103 эшелона. За этот же период было взорвано 10 мостов. Враг потерял убитыми и ранеными до 5 тыс. человек и 253 – пленными {90}. В начале июля 1944 г. бригада в составе 1132 бойцов соединилась с Красной Армией {91}.

Путь в тыл врага для целого ряда первых омсбоновских отрядов, уходивших зимой 1942 г. в Брянские леса, Смоленскую область, на территорию Белорусского и Украинского Полесья, начинался и в Калужской области, на боевых участках, занимаемых 16-й и 10-й армиями Западного фронта.

В конце января 1942 г. был создан отряд «Славный». В его состав вошли и бойцы отряда Васина, отведенного на отдых в прифронтовой тыл. Командиром «Славного» был назначен старший лейтенант А. П. Шестаков, комиссаром – политрук В. С. Пегов, начальником штаба – старший лейтенант И. Ф. Медведченко, начальником разведки – В. В. Рыкин, врачом – И. Ю. Давыдов.

«Илья Давыдов, – **писал М. Ф. Орлов,** – буквально перед самой войной окончил медицинский институт, но в полку он приобрел репутацию хорошего хирурга. В душе Илья был романтиком, писал стихи, а в бою часто забывал, что его главным оружием является скальпель, а не старый чекистский «маузер» в колодке, которыми, кстати сказать, поспешили вооружиться все наши молодые врачи» {92}.

Полковник в отставке И. Ю. Давыдов стал впоследствии автором книг «Юность уходит в бой», «Священная высота» и др., в которых описаны боевые дела и подвиги бойцов и командиров «Славного». Основной задачей отряда являлись разведывательные и диверсионные действия в районе железной дороги Брянск – Гомель и оказание помощи в развитии партизанского движения. Вместе с группой воинов-спортсменов, пополнивших отряд, командование отряда срочно прибыло в Козельск. Здесь окончательно определился боевой состав «Славного», включавшего 49 офицеров и бойцов. В их числе было 18 заслуженных мастеров и мастеров спорта. Командирами подразделений и бойцами отряда стали штангист Н. Шатов, гребец А. Долгушин, дискоболы А. Исаев и Л. Митропольский, бегуны Г. Ермолаев и М. Иванькович, пловцы К. Мадэй и Е. Мельников (военфельдшер отряда), борец Б. Газиев, акробат В. Семенов. Некоторое время отряд в своем новом составе находился в Козельске. Шел короткий, но очень важный период

сплочения отряда, проверки командиров и бойцов в ходе интенсивной учебы. Бойцы сразу же полюбили своего командира и прониклись доверием к нему.

«Невысокий коренастый крепыш капитан Шестаков с первых дней завоевал доверие именитых бойцов-спортсменов, – **вспоминает И. Давыдов** . – Он пользовался безграничным доверием, высоким командирским авторитетом» {93}.

Чувство особого уважения и доверия к командиру вызывал орден Красного Знамени, которым он был награжден за умелые действия под Москвой.

Перед выходом отряда в тыл врага А. П. Шестакова принял в штабе 16-й армии генерал К. К. Рокоссовский. Командующий армией уточнил задачи отряда и отдал распоряжение начальнику разведотдела армии обеспечить переход линии фронта отрядом {94}.

Местом перехода был выбран участок близ станции Пробуждение, у д. Маклаки, памятной омсбоновцам по тяжелым боям, которые вели здесь совсем недавно отряды Лазнюка, Горбачева, Васина и Бажанова.

В ночь на 20 февраля 1942 г. части 16-й армии открыли огонь на соседних участках фронта, отвлекая на себя внимание немцев. Это дало возможность отряду незаметно проскочить передовую линию {95}. Вот как описывает эту памятную для отряда ночь **И. Давыдов** :

«Полная луна светила мягко и, казалось, тревожно. Отряд лыжников, растянувшись в цепочку, тихо шел вдоль линии фронта. Многие бойцы тащили на веревках санки с вещевыми мешками и ящиками с боеприпасами. Второй взвод вез еще и до отказа нагруженную волокушу. Впереди легко скользил на лыжах головной дозор – Фролов, Коржуев, Долгушин и Ермолаев. С тыла колонну прикрывали пулеметчики Али Исаев и Иван Захаренков. Слева, совсем близко, то и дело взлетали осветительные ракеты. Временами слышались басовитые очереди крупнокалиберных пулеметов. К ним присоединялись иногда и отрывистые залпы артиллерийских батарей… В лунном мареве утонули Хлуднево и большая братская могила однополчан… Наш отряд принял сегодня от погибших товарищей эстафету подвига. Завтра ее примут другие» {96}.

В первую ночь удалось лишь ненамного оторваться от передовой: мешали тяжелый груз на волокушах, глубокий снег, жестокий мороз. Дневали в небольшом лесу, заняв круговую оборону и заминировав за собою лыжню. Следующей ночью у Людиновского большака расстались с фронтовыми разведчиками. Пятисуточный поход в глубокий тыл оказался неимоверно

трудным. Первым препятствием на пути отряда встали огромные снежные валы по обеим сторонам шоссе. На шестые сутки отряд достиг лесной деревушки Дутлово, расположенной на границе Брянских лесов. Здесь сделали первый теплый привал. Затем углубились в лес и тут, в центре Дятьковской партизанской зоны, устроили свой первый лагерь. Вскоре перешли в поселок Ивоть. Отсюда поддерживали связь с местными партизанами, а также с подпольными партийными органами Брянской области. Одновременно поддерживалась живая связь со штабами 16-й и 10-й армий. Разведгруппы Ерофеева и Сафонова дважды переходили линию фронта, доставляя в штабы важные сведения и секретные документы, и возвращались с запасами боеприпасов и медикаментов.

Вскоре отряд получил срочное задание от командования ОМСБОНа – найти терпящий бедствие отряд «Решительный», который под командованием лейтенанта А. Е. Чупеева в составе 30 человек вышел из Москвы почти одновременно со «Славным».

Отряд вели медведевцы М. Оборотов и А. Ковалев. В ночь со 2 на 3 марта 29 лыжников проникли в тыл противника в районе Дударовского стеклозавода и сразу же приступили к сбору разведданных. Часами маскируясь в глубоком снегу при морозе свыше 20°, бойцы вели наблюдение за продвижением вражеских эшелонов. Радист П. Смачных тут же передавал эти сведения в Центр. Разведчики обнаружили крупный склад с боеприпасами, а затем место дислокации танкового полка противника. Данные были переданы в Центр. Советской авиацией был совершен массированный налет на оба объекта {97}. Казалось, отряд начал свои действия успешно. Но вскоре обнаружилась плохая обеспеченность отряда. Отсутствие валенок привело к тяжелым обморожениям и гибели нескольких бойцов. Умер самый молодой в отряде солдат, московский комсомолец-доброволец В. Утевский, а вслед за ним – боец Давлетчин. Из-за отсутствия запасных частей вышла из строя рация. Отряд был лишен связи с Центром. Не на высоте оказалось и командование отряда: до железной дороги Орел – Брянск шли в заданном направлении, а затем сбились с маршрута. Спасло то, что в д. Гореликовы Дворики встретились с брянскими партизанами М. Дуки и М. Ромашина, которые сообщили об отряде Чупеева шестаковцам {98}. А. Зевелев переводил накопившиеся в брянских отрядах немецкие документы, которые передавались в Центр.

От них на поиск отряда «Решительный» были направлены партизаны Л. Митропольский, Г. Ермолаев, М. Шурупов. Одновременно парторг «Славного» В. Фролов и разведчик Б. Газаев были направлены на задание в Брянск. Близ д. Журиничи,

в доме лесника, они были окружены ротой эсэсовцев. Неравный бой длился несколько часов. Тяжело раненный Фролов был зверски добит штыками фашистов. В бою погиб и проводник из Людиновского партизанского отряда. Судьба Б. Газаева осталась неизвестной {99}. Только в конце апреля бойцы Ф. Бухман, С. Константинов, С. Дворецкий и П. Баранов и неутомимый Л. Митропольский нашли отряд Чупеева в районе Орловых Двориков. Вскоре группу чупеевцев переправили на базу шестаковцев {100}.

Спасая товарищей, настоящий боевой и спортивный подвиг совершил А. Долгушин. В течение всей ночи он переправлял на базу отряда «Славный» тяжело обмороженных чупеевцев через р. Болву, превратившуюся во время весеннего разлива в многокилометровое озеро. Вслед за тем свой подвиг врача совершил И. Давыдов. За сутки, почти без отдыха, он и военфельдшер чупеевцев М. Тарасов сделали 16 операций, спасая жизни товарищей, у многих из которых уже начиналась гангрена. Оперировали при свете свечей в партизанской землянке, обнесенной парашютной тканью. Приходилось использовать самые примитивные инструменты, жестко экономить обезболивающие средства. Когда подошла очередь оперировать А. Зевелева, у которого омертвели пальцы правой ноги, обезболивающих средств уже не стало. Пришлось резать пилой и ножовкой по живому. Это была смертельно опасная операция.

Впоследствии медицинская практика ОМСБОНа узнает немало примеров нечеловеческого напряжения сил, воли, предельной выдержки, проявленных и врачами, и оперируемыми бойцами бригады в тылу врага.

Тяжелораненых удалось эвакуировать в тыл на самолетах с партизанского аэродрома {101}. Для перевозки раненых на аэродром использовали узкоколейку, соединявшую Мальцевские заводы. Здесь пригодились навыки, сила и спортивная сноровка гребца А. Долгушина, который «оседлал» ручную дрезину. «Троллик», как ее называли в отряде, использовался для связи с местными партизанами и аэродромом, для перевозки грузов и раненых. Фашистские самолеты держали узкоколейку под постоянным прицелом. Однажды во время карательной операции фашистов А. Долгушин вез на дрезине пакет с донесением под обстрелом «фоккевульфа». В другой раз, зайдя в тыл врага, он неожиданным огнем заставил его отступить, оказав большую помощь местному отряду {102}.

Почти три месяца «Славный» находился в Дятьковском районе близ «партизанской столицы» – Дятькова. И все это время узкоколейка, соединявшая Дятьково с Батышевом, надежно

служила отряду.

За это время в «Славный» влились бойцы омсбоновских отрядов П. Куриленко и А. Чупеева. Отряд быстро рос за счет местных жителей, офицеров и солдат из числа «окруженцев» и военнопленных, бежавших из фашистских лагерей. Временно, по пути в заданный район, на базе «Славного» остановился и действовал вместе с ним омсбоновский отряд «Вперед» под командованием капитана П. Г. Шемякина.

Этот отряд вышел в тыл врага почти одновременно со «Славным».

В мае 1942 г. «Славный», форсировав Десну, вышел в Жиздринский район. Временной базой отряда стала д. Упрусы. 1 июня 1942 г. в расположение отряда «Славный» была сброшена спецгруппа лейтенанта Еремина «Ракета» в составе семи человек.

Радист отряда В. К. Владимирский вспоминает , что группа имела задание проникнуть в г. Орел, собрать важные разведданные и совершить акт возмездия над фашистским палачом – комендантом Орла. Первую часть задания группа выполнила, а вторую не удалось, так как фашистский генерал, опасаясь справедливой мести советских патриотов, отбыл в Берлин {103}.

Спецгруппа прошла по тылам врага свыше 500 км, собрала и передала в Центр много ценных разведданных {104}.

Летом 1942 г., удачно выйдя из блокированного карателями района, отряд «Славный» перешел в Клетнянский лес. Вскоре майор Шестаков был назначен командиром 3-й Клетнянской партизанской бригады, которая наносила смелые удары по вражеским гарнизонам на станциях Рассуха, Худилово и др. {105}. Впоследствии отряд действовал на территории Смоленской, Гомельской, Могилевской, Минской и Барановичской областей, пройдя по тылам врага несколько тысяч километров.

Отряд, один из самых боевых и результативных, за 2,5 года в тылу врага совершил сотни диверсий, выдержал десятки боевых схваток, уничтожил несколько тысяч фашистских офицеров и солдат и огромное количество боевой техники врага [25] . Но и сам «Славный» понес большие потери: в боях с карателями и при выполнении боевых заданий погибло 74 десантника, ранено 108 {106}. В июне 1944 г. трагически погиб командир отряда. После смерти Шестакова командование отрядом перешло к К. А. Мадэю. 7 июля отряд в количестве 315 бойцов соединился в Юратишковском районе Барановичской области с Красной Армией {107}.

Летом 1942 г. в Гомельскую область из Брянской перешел и

отряд «Вперед». Он был сформирован в начале 1942 г. Командиром отряда был капитан П. Г. Шемякин, комиссаром – П. Г. Малюгин, начальником штаба стал М. А. Шульгин, бывший начштаба отряда «Решительный», врачом – А. Бронзов. В состав отряда входило 30 человек, и в их числе спортсмены-воины: пловец И. Лобанов, боксеры А. Гибов, Ю. Облезов, волейболист А. Завгородний, бойцы Г. Коптенко, В. Голуб, О. Лоран-Астафьев. Переводчиком и разведчиком отряда был австриец Ф. Кропф {108}.

Свой боевой путь отряд начал с Красной площади. Перед Мавзолеем Ленина бойцы дали торжественную клятву с честью выполнить задание Родины. Так было положено начало одной из замечательных традиций бригады – начинать задание с клятвы у Мавзолея великого вождя {109}.

Основными задачами отряда были:

– сбор сведений о системе укреплений Гомеля – важного стратегического центра на юго-востоке Белоруссии, о находившихся там на переформировании вражеских частях, а также данных о штабе 221-й охранной дивизии и об управлении абвера;

– выведение из строя Гомельского железнодорожного узла и магистралей Гомель – Брянск, Гомель – Харьков, Гомель – Чернигов {110}.

Переход линии фронта был удачным.

«Наверное, как бы ни отличались условия перехода линии фронта, – **пишет О. Лоран-Астафьев** , – в целом они схожи – по ощущению опасности, по нервному напряжению и по большим физическим перегрузкам. У кого-то ломалась лыжа, застревала вдруг «волокуша», внезапно взлетали ослепительные ракеты, и немцы начинали обстрел дежурными пулеметами, чаще всего наугад, а тебе кажется, что ты обнаружен…» {111}

На пятые сутки отряд прибыл в Дятьковский район и здесь, у ст. Волынь, встретился с шестаковцами.

В тылу врага неоднократно происходили встречи омсбоновцев, предусмотренные запланированными маршрутами движения отрядов, и каждый раз все волновались и радовались. С особым нетерпением бойцы ждали писем от родных, газет (как правило, они были уже большой давности, но для них – свежие!), известий о боевых друзьях, об омсбоновских новостях.

Находясь в Дятьковском районе, шемякинцы провели ряд успешных операций. Их состав пополнился в июне 1942 г. партизанами Мглинского отряда Орловской области, понесшего в боях с карателями тяжелые потери. В это же время группа разведчиков под командованием Ф. Кропфа ушла в Гомельскую

область с заданием подыскать удобное место для нового лагеря.

А вскоре вслед за нею направился и весь отряд {112}.

По прибытии отряда в Гомельскую область подпольный обком партии созвал совещание всех командиров и комиссаров партизанских отрядов области. Капитан Шемякин информировал участников о положении на фронтах, о жизни Москвы и советского тыла. Выполняя директивы Центра и Центрального штаба партизанского движения (далее – ЦШПД) [26] , он предложил объединить действия мелких и разрозненных партизанских отрядов области. По решению совещания был создан объединенный штаб для координации действий всех партизанских отрядов области. Командиром штаба был избран П. Г. Шемякин, комиссаром – первый секретарь подпольного ОК КП(б)Б А. А. Куцак. В каждом отряде были введены должности начальников разведки. Охрану зоны деревень взяли на себя отряды самообороны {113}.

Аналогично действовали, выполняя директивы Центра, и другие отряды ОМСБОНа. Тем самым они выступали активными помощниками подпольных партийных органов в деле организационного оформления и укрепления партизанских зон в Белоруссии. Шемякинцы обеспечили штаб зоны походной радиостанцией, помогли наладить радиосвязь с Центральным и Белорусским штабами партизанского движения. Радисты отряда «Вперед» Ю. Колесников и С. Кузнецов обучили радистов местных отрядов пользованию рацией и приемам кодирования и расшифровки {114}. Прибытие шемякинцев как отряда «москвичей» явилось событием исключительной важности по своему политическому, нравственному и психологическому воздействию на партизан и местных жителей.

«Посланцы Большой земли… влили новые силы в ряды народных мстителей, принесли с собой еще большую уверенность в нашей победе», – вспоминал бывший командир местного отряда «Буря» Н. Михайлашев {115}.

Осенью 1943 г. бригада «Вперед» в составе 2 тыс. бойцов соединилась с Красной Армией. На ее счету было свыше 80 эшелонов врага, десятки боевых операций. В Центр неоднократно передавались ценнейшие разведданные {116}.

…В ночь на 7 марта 1942 г. в районе расположения 4-й Ударной армии линию фронта на участке между Велижем и Усвятами перешел на лыжах отряд «Боевой» в составе 45 бойцов под командованием старшего лейтенанта А. С. Горячева.

Комиссаром отряда был В. Л. Неклюдов, а с августа 1942 г., после того как А. С. Горячев был отозван в Москву, он стал его командиром, начальником разведки – бывший егерь В. М.

Хартулари, начальником штаба – В. М. Лидов, старшим радистом – С. Кустов. В составе отряда были альпинист Е. Иванов, заслуженный мастер спорта Л. Егоров, марафонец М. Андреев, спортсмены Н. Румак, И. Захаров, А. Наумов, В. Лебедев, Н. Иванов, Н. Подшиваленко, А. Анисимов, Г. Капустенок.

Разведчики 2-й стрелковой дивизии перевели отряд через линию фронта между Велижем и Усвятами. На вторые сутки перешли железнодорожную магистраль Витебск – Невель, а затем Полоцк – Невель.

Перед отрядом была поставлена задача всемерно срывать перевозки противника на участке Полоцк – Двинск. Но он имел и специальное чекистское задание – парализовать действия карательной экспедиции эсэсовской части, сформированной из спортсменов-фашистов, прошедших специальную подготовку и имевших опыт борьбы с партизанами и подпольщиками в оккупированных странах Европы.

Отряд действовал в Россонском, Полоцком, Дриссенском районах Витебской области, а в 1943–1944 гг. – в ряде районов Витебской и Гродненской областей и на юге Литовской ССР {117}. Более двух лет провели бойцы «Боевого» в тылу врага. В задачу отряда входило также всемерное содействие развитию партизанского движения на севере Белоруссии и в Литве. 20 июня 1944 г. отряд, личный состав которого составил к тому времени 317 бойцов и командиров, соединился с Красной Армией. Отряд потерял 16 бойцов.

Наиболее напряженным по числу переходов отрядами ОМСБОНа линии фронта через Суражские «ворота» явился, пожалуй, март 1942 г.: командиры отрядов стремились успеть выйти в тыл врага до начала весенней распутицы.

В числе первых вышел отряд капитана А. Миронова, действовавший в Псковском и Порховском районах {118}.

22 января 1942 г. из Москвы в тыл врага направился отряд «Победа» под командованием лейтенанта И. М. Кузина в составе 36 человек {119}. Около месяца шел отряд на лыжах по тылам противника к месту назначения – в Борисовский район Минской области, где действовал до 18 августа 1942 г. {120}. Один из первых по времени выхода отрядов «москвичей» в Белоруссию, он повсеместно притягивал к себе восторженное внимание местных жителей и партизан. Огромное впечатление производил внешний вид отряда: его армейская форма, выправка и дисциплинированность, его вооружение, ведь автоматы в это время не были в достатке даже в армии! Но более всего, пожалуй, привлекала походная радиостанция.

Радист отряда П. А. Соболев вспоминает о том, что,

оказавшись в тылу врага, он «окончательно убедился в великом значении связи, особенно в первые месяцы партизанского движения. Отряд, имевший, регулярную связь с Большой землей, как магнит притягивал другие отряды и местное население. Постоянная связь с Центром удваивала наши силы, поднимала настроение партизан, которые в трудных условиях с честью выполняли боевые задания» {121}.

Штаб отряда повсеместно устанавливал связи с местными партизанами и подпольем.

Прочную связь установили кузинцы с отрядом К. Заслонова. Отряд Кузина снабжал заслоновцев оружием и боеприпасами, минами и взрывчаткой.

Весной 1942 г. К. Заслонов вместе с комиссаром А. Андреевым и группой бойцов неоднократно приходил в отряд Кузина. Радист П. Соболев первым сообщил на Большую землю об этом отряде и помог Заслонову установить самостоятельную связь с Центром.

Бойцы отряда «Победа» выдержали не один бой с фашистскими войсками и полицейскими. Попав в засаду в одной из деревень, бойцы не растерялись. По приказу командира они окружили два взвода фашистов на подступах к деревне и в рукопашном бою уничтожили 35 фашистов, 7 человек было взято в плен. В числе трофеев были 2 автомата, 31 винтовка, станковый пулемет, 5 ручных ротных минометов {122}.

Отряд «Победа» пустил под откос 19 эшелонов с живой силой и техникой противника, уничтожил семь мостов, 111 танков и автомашин, в 30 боевых схватках уничтожил 2519 гитлеровцев {123}.

В начале марта 1942 г. линию фронта пересек отряд «Местные» в составе 25 человек, в основном пограничников и жителей Белоруссии (отсюда и название). Отряд возглавил подполковник С. А. Ваупшасов, принявший псевдоним Градов. Комиссаром отряда стал старший лейтенант Г. С. Морозкин, начальником штаба – капитан А. Г. Луньков, врачом – И. Лаврик. С. А. Ваупшасов включил в состав отряда несколько воинов-интернационалистов, и в их числе австрийца-шутцбундовца К. А. Добрицгофера, прозванного в отряде за силу и огромный рост Дубом. В конце 1941-го – начале 1942 г. отряд участвовал в боевых действиях под Москвой, ходил в тыл врага, истреблял вражеские десанты. В тыл врага уходил обстрелянный, спаянный фронтовой дружбой боевой коллектив. 5 марта 1942 г. вышли из Торопца. Фронт переходили на лыжах в районе Великих Лук, у д. Собакино. Армейские лыжники-сибиряки отвлекли внимание немцев. Однако вскоре после того, как отряд углубился в

немецкий тыл, он был обстрелян фашистами. В бою был ранен Добрицгофер, которого пришлось оставить в надежном месте [27]
.

Больше месяца продолжался боевой путь отряда к месту назначения. По пути организовывали митинги крестьян в деревнях Койки и Гурки. В д. Замошье уничтожили группу полицейских.

Трудным препятствием на пути отряда встала Березина: мост, отмеченный на карте командира, оказался сожженным. По доскам, проложенным поперек пролетов, перебрались на правый берег реки. В конце апреля отряд прибыл в Логойский район Минской области. В 50 км от Минска, в урочище Княжий Ключ (бывшее имение князя Радзивилла), разбили лагерь и приступили к выполнению основных задач: ведению непрерывной разведки в Минске и районе; содействию развития партизанского движения и подпольной борьбы; проведению диверсий на магистралях Минск – Бобруйск – Осиповичи, Минск – Барановичи, Мозырь – Пинск и на шоссейных дорогах {124}.

Сразу же по прибытии на место, **как вспоминал С. А. Ваупшасов** , «установили крепкую связь с местными партизанскими отрядами, многие из которых с нашей помощью выросли в крупные части. В большой отряд выросла и наша группа» {125}.

По инициативе С. А. Ваупшасова был создан Военный совет партизанского движения северо-восточной зоны Минской области. Председателем был избран подполковник Градов, заместителем – командир отряда «Мститель» майор В. Т. Воронянский.

На заседании Минского подпольного ОК КП(б)Б в конце февраля 1943 г. было решено, что подпольный горком партии будет находиться не в самом городе, а в партизанской зоне, вместе со спецотрядом Градова {126}.

Тогда же по рекомендации обкома в состав Минского горкома партии был введен Градов.
Рекомендуя Ваупшасова в состав подпольного горкома, секретарь Минского обкома КП(б)Б В. И. Козлов сказал:

«Он командует спецотрядом уже полтора года, и все это время отряд работает на Минск. Он связан с Градовым больше, чем другие наши партизанские формирования» {127}.

8 августа 1943 г. подпольный горком партии в составе 12 человек во главе с секретарем С. К. Лещеней прибыл в расположение бригады Градова {128}, штаб которой осуществлял координацию действий 23 партизанских отрядов зоны общей численностью 3,5 тыс. человек {129}. Объединенный отряд

Градова, включавший приданный ему отряд Кускова и группу «Овод» под командованием капитана И. И. Родина, прибывшую в мае 1942 г., насчитывал до 170 человек, а вскоре вырос в бригаду. Он имел связь с подпольными группами в Минске, Слуцке, Осиповичах, Бобруйске и других населенных пунктах. Более 400 подпольщиков выполняли задания, полученные от Центра и ЦШПД через Градова.

К началу 1944 г. бригада Градова выросла в крупное действующее партизанское соединение, включавшее 10 бригад и отрядов.

За два года подрывниками-градовцами было пущено под откос 187 эшелонов с живой силой и техникой врага, взорвано 42 моста, уничтожено более 14,5 тыс. фашистов, 82 автомашины, 69 танков, 28 орудий, 6 бронемашин. Градовцы разгромили 16 полицейских участков, 31 волостную и одну городскую управу. В районах области фактически была восстановлена Советская власть. Партизанские отряды стали органами этой власти {130}.

Подпольные группы, созданные отрядом Градова в белорусских городах, совершили 52 крупные диверсии, в том числе 40 – в Минске {131}.

С 1942 г. градовцы базировались в районе Червонного бора. Летний лагерь находился близ д. Маконь, в лесном массиве у Красного Берега на р. Волма (приток р. Свислочь), а зимний – у д. Кленовка, близ р. Свислочь. На своей базе градовцы продолжали принимать спецгруппы и спецотряды «москвичей». Так, в сентябре 1942 г. приняли группу «Береза» под командованием И. Вильджюнаса, которой помогли перейти в Литву {132}.

В мае 1943 г. к ним были сброшены группа капитана А. Ф. Козлова и группа «Юрий» майора Ю. Куцина, а в марте 1944 г. прибыл отряд старшего лейтенанта Д. И. Кузнецова.

Подполковник Градов осуществлял общее руководство борьбой партизан с карателями и деятельностью партизанской контрразведки. В начале июля 1944 г. отряд Градова получил приказ идти в Восточную Пруссию и в соответствии с ним начал продвижение к заданной цели. Но 6 июля 1944 г. в м. Самохваловичи (18 км от Минска) отряд остановили советские патрули. Выяснилось, что партизаны к этому времени оказались в «окружении» советских войск. Но в ряде мест между ними и партизанами находились разобщенные немецкие части, ушедшие в леса и продолжавшие сопротивление. Отряд занял участок обороны и удерживал его до подхода фронтовых частей.

В 23 часа 6 июля 1944 г. отряд вступил в Минск {113}.

7 июля произошла встреча командира отряда с минскими подпольщиками из группы Чирка, выполнявшими задание

Градова. В последние дни оккупации Минска и при отступлении немцев им удалось спасти от уничтожения заводы им. Мясникова, им. Кирова, им. Ворошилова, фабрику «Большевик», вторую электростанцию, а также Дом Красной Армии и здание Театра оперы и балета {134}.

18 марта 1942 г. из Торопца к фронту направился спецотряд под командованием П. Г. Лопатина («Дяди Коли») в составе 23 человек. Большую часть отряда составляли бойцы отряда «Митя», отсюда и его кодовое название «Бывалые». Комиссаром отряда был А. Езубчик (затем – Чулицкий), начальником разведки – В. Рудак, начальником штаба – В. Большаков. С «Дядей Колей» (Лопатиным) уходили также в тыл врага А. Красовский, И. Соколка, Г. Батура, П. Хмелевский, А. Волошин, Рудаков {135}.

12 мая отряд без потерь достиг Паликовского леса, где и разбил свой лагерь на островах на правом берегу Березины. Так было положено начало крупной партизанской бригаде. Отряд (затем бригада) действовал в Логойском, Смолевичском, Борисовском и Червенском районах Минской области. В бригаду «Дяди Коли» входили «Бывалые», а также шесть местных отрядов: «Коммунар», им. В. И. Чапаева, им. И. В. Сталина, «Буря», им. Ф. Э. Дзержинского, «За Отечество». 28 июня 1944 г. на встречу с Красной Армией под Минском вышло партизанское соединение общей численностью 1042 человека. На его счету было 132 воинских эшелона, 53 моста, 43 выведенных из строя промышленных предприятия и склада, 507 танков и автомашин. В 52 боевых схватках «Бывалые» вывели из строя 11,5 тыс. фашистских солдат и офицеров {136}.

В апреле 1942 г. к «Бывалым» была сброшена спецгруппа «Артур» под командованием И. Ф. Золотаря. В группу входили восемь человек, в том числе старший лейтенант В. Храмцов, минер П. Набоков, радистка Таня. Вначале группа действовала совместно с «Бывалыми», но вскоре выросла в отряд и перешла в Оршанский, затем в Смолевичский, Крупский и Толочинский районы Минской области, 2 июля 1944 г. на встречу с Красной Армией вышла бригада в составе более 300 человек {137}.

Из Торопца осенью 1942 г. начинался и рейд в тыл врага отряда «Боевой» под командованием А. К. Флегонтова. Комиссаром отряда был Г. Р. Червонков, начальником штаба – Ф. Ф. Тараненко, врачом – М. И. Лагутин, радистами – Н. Бушков и Хоробрых. Отряд в составе 132 человек – омсбоновцев и фронтовиков – был посажен на фронте на коней. Линию фронта перешли между Велижем и Усвятами в ночь на 21 августа 1942 г. {138}. Начался полуторамесячный рейд по белорусской земле. Бойцы отряда гордились тем, что их командир возглавлял

партизан Приморья.
Появление конного отряда Флегонтова вызывало чувство изумления, восхищения и гордости даже у видавших виды партизан.

«Посланцы Москвы, – **вспоминал Герой Советского Союза бывший командир 752-го партизанского отряда Минской области В. Ливенцев** , – и небольшие группы и подразделения покрупнее не единожды бывали в наших отрядах. Но такое случилось впервые: без малого полтораста конников в армейской форме, с положенными знаками различия – рейдовый кавалерийский отряд» {139}.

На вооружении отряда были автоматы, противотанковые ружья, мины с дистанционными взрывателями. Отряд, взаимодействуя с местными партизанами, сразу же стал наносить ощутимые удары по врагу. Так, в ночь на 26 августа 1942 г. подрывники вывели из строя 10-километровый участок железнодорожного полотна Витебск – Полоцк. Взорвали будку обходчика, водосточную трубу под полотном и само полотно. Дорога не работала в течение шести дней {140}.

В начале сентября «Боевой» форсировал Западную Двину, затем реки Цну, Свислочь, Плиссу. Отряд, непрерывно преследуемый врагами, двигался в ночное время, совершая обходные маневры, ложные возвраты с целью оторваться от карателей и запутать следы. За 52 дня рейда было пройдено более 600 км. На всем пути – от Полоцка через Жодино – Червень – Липень – Тальку до Червенского района – устанавливали связи с местными партизанами, проводили вместе с ними боевые операции и диверсии, обучали минно-подрывному делу местных партизан. По прибытии в Червенский район Минской области создали с согласия ЦШПД и местных отрядов бригаду в составе кавалерийского отряда «Боевой», местных отрядов Тихомирова, Ливенцева, Кузнецова, Филипских и прибывшего из-за линии фронта 44-го отряда под общим командованием А. К. Флегонтова.

Отряды, сохраняя относительную самостоятельность, совершали по планам, разработанным штабом бригады, совместные крупные диверсии, налеты на гарнизоны, удары по коммуникациям врага. Так, к концу декабря 1942 г. бригаде удалось парализовать железные дороги Могилев – Осиповичи, Минск – Москва, Минск – Бобруйск, которые действовали теперь с минимальной загрузкой. Фашисты были вынуждены до минимума сократить движение и на шоссейных дорогах Минской области {141}.

Бригада именовалась «За Родину». После гибели в одном из боев Флегонтова бригаде было присвоено имя ее командира.

В конце 1943 г. партизанская кавалерийская бригада им. Флегонтова под командованием Ф. Ф. Тараненко перебралась в Брестскую область {142}.

26 октября 1942 г. в Брестскую область была сброшена на парашютах спецгруппа «Сокол» под командованием подполковника К. П. Орловского (Роман). Опытный разведчик-чекист, он прекрасно знал эти места, где еще в Гражданскую войну командовал партизанским отрядом {143}. Группа имела целью содействовать развитию партизанского движения и активизации разведывательной и диверсионной работы в Барановичской, Брестской и Пинской областях. В составе группы было немало уроженцев этих мест. Она базировалась в глухих Машуковских лесах, неподалеку от г. Барановичи. Комиссаром был Г. Ивашкевич, радистом – А. Блинов. Вскоре в группу влилось несколько мелких местных партизанских отрядов. К Орловскому шли местные жители, «окруженцы», а также бежавшие из лагерей военнопленные. Однако вскоре случилось непредвиденное.

…В феврале 1943 г. К. П. Орловский разработал план операции под кодовым наименованием «Кабанья охота». Ее целью была ликвидация гауляйтера Белоруссии Кубе [28] и руководителя окружной фашистской администрации гебитскомиссара Фенса. Замысел был построен на основе данных разведки, полученных от связного – лесника В. Хапетского. Он сообщил о том, что гитлеровцы готовятся развлечь гауляйтера охотой на кабанов. Были сообщены время выхода, предполагаемое место охоты, маршрут движения.

16 февраля 1943 г. группа бойцов отряда во главе с командиром залегла в засаде. В шестом часу утра показалось 11 саней. К. П. Орловский принял решение: ждать возвращения фашистов с охоты и нанести удар в тот момент, когда они будут предельно утомлены, расслаблены и менее бдительны. В этом случае внезапность нападения давала большие шансы на успех операции.

Ждать в засаде, на снегу и морозе, пришлось долгих двенадцать часов. Но вот появились враги. Вся группа в предельном напряжении. В руках К. П. Орловского на изготовке к броску две головые шашки.

Вот как описаны дальнейшие события в книге «Мятежное сердце», посвященной Орловскому:

«Вот и сани, где в медвежьей дохе, блаженно развалившись, полулежал Фридрих Фенс. Орловский вскакивает на колено, кидает первую шашку. Взрыв! Завязывается перестрелка. Орловский следит за Фенсом, вновь поднимается, чтобы кинуть вторую шашку. Взмахивает рукой, но… шальная пуля попадает в

детонатор. Шашка взрывается в руке» {144}.

Боец-интернационалист испанец Хусто Лопес вытащил командира из-под огня, наложил самодельную шину на раненую руку и сделал перевязку. Тем самым он остановил кровотечение и фактически спас жизнь командиру. Группа продолжала бой. Перебив всех офицеров и эсэсовскую охрану, партизаны скрылись в лесу и затем доставили командира в ближайший партизанский отряд. Партизанский хирург В. А. Лекомцев начал делать Орловскому срочную операцию. Ее не смог прервать и налет фашистской авиации: операция была продолжена в лесу. Были ампутированы правая рука и кисть левой. При этом единственным инструментом под рукой хирурга оказалась слесарная ножовка. Не было обезболивающих средств. К. П. Орловский мужественно перенес операцию. Уже через три месяца он радировал в Москву: «Выздоровел. Приступил к командованию отрядом» {145}. Центр настаивал на возвращении Орловского в Москву, но он согласился на это только после третьего вызова, в конце августа 1943 г. {146} Специальная группа в составе врача, медсестры и 20 автоматчиков, проделав 200-километровый путь, доставила К. П. Орловского на партизанский аэродром, находившийся близ д. Загалье Любанского района Минской области, куда прибыл направленный за ним самолет {147}.

Летом 1943 г. отряд «Сокол» уже насчитывал до 200 бойцов. На его основе были созданы отряды им. Кирова и им. Свердлова. К этому времени сложилась и широкая сеть разведчиков и связных отряда, успешно действовавших в Барановичах, Бресте, Белостоке, Минске, Лунинце, в ряде городов Польши {148}.

Осенью 1943 г. командование отрядом принял заместитель Орловского Агабеков {149}. Но вскоре он возглавил вновь образованный отряд. Командование «Соколом» перешло к С. А. Никольскому {150}.

В августе 1943 г. из Москвы для усиления разведывательной и диверсионной деятельности на юге Западной Белоруссии был направлен отряд капитана А. Г. Миронова в составе 28 человек. Парашютисты приземлились в районе д. Песчанка Минской области, в расположении бригады Градова, оттуда в сопровождении группы проводников ушли на базу отряда «Сокол».

В мае 1943 г. в Минскую область была десантирована спецгруппа «Юрий» в составе 18 человек. Командиром группы был назначен опытный разведчик Ю. М. Куцин.

В состав группы были включены четыре немецких антифашиста. Группа имела целью проведение разведывательных и диверсионных действий в Минске и его окрестностях; оказание

помощи партизанам, обучение их подрывному делу; содействие развитию подпольного движения и его активизацию, организацию и осуществление актов возмездия над главными гитлеровскими палачами в Белоруссии и их приспешниками, предателями Родины {151}. Группа вначале базировалась в бригаде П. Г. Лопатина, а затем в бригаде Градова и в 1-й Минской бригаде.

Вскоре на улицах Минска появился разведчик отряда Карл Кляйнюнге с документами на имя обер-лейтенанта полевой жандармерии Отто Шульца. Разведчики отряда Градова связали его с минскими подпольщиками. Среди них он был известен под именем Виктор.

В подпольную группу, действовавшую под руководством группы «Юрий», входили: учительница М. П. Чижевская и ее дочь Елена, минская комсомолка, студентка медицинского института Н. П. Моисеева, доцент Белорусского университета Е. М. Зубкович, бухгалтер О. И. Беляева (Вербицкая), коммунисты Л. Драгун и Ф. Простак и др. Подпольщики обеспечивали разведчиков жильем в нелегальных квартирах, выполняли их задания. От группы «Юрий» в Центр поступали сведения о возводимых немцами в Минске и его районе оборонительных сооружениях, о перемещениях фашистских войск, о засылаемых в партизанские отряды и в советский тыл агентах противника. При участии разведчиков группы были созданы новые подпольные группы в Минске и окрестностях. Разведчики снабжали подпольщиков оружием, минами, антифашистской литературой, непосредственно участвовали в осуществляемых ими операциях.

С 26 июня по 30 октября 1942 г. в районе Мстиславль – Климовичи действовала группа старшего лейтенанта Метелкина в составе 14 человек {152}. Бойцы пустили под откос четыре эшелона, взорвали два моста, 15 промышленных предприятий и складов. В 19 боевых столкновениях было уничтожено 244 солдата и офицера противника {153}. В этом районе действовал отряд, в котором находился будущий академик Г. Н. Севостьянов [29] .

В июне 1942 г. в район ст. Зленка был заброшен разведывательно-диверсионный отряд «Храбрецы» в составе 14 человек под командованием А. М. Рабцевича. Комиссаром отряда был немецкий коммунист, политэмигрант К. Линке. В числе других бойцов отряда были Н. Рослик, М. Пискунов, С. Змушко, Г. Игнатов. Отряд проделал путь в 200 км к заданному месту действий, форсировав с помощью местных жителей-проводников реки Сож и Днепр. Свыше года «Храбрецы» успешно действовали на территории Бобруйского, Кировского и Жлобинского районов Минской области {154}. В конце 1943 г. по решению ЦШПД отряд

«Храбрецы» был направлен на запад. Его путь пролег по территории Полесской, Барановичской, Минской областей и далее – в Польшу и Германию. На боевом счету отряда свыше 200 диверсий, десятки ожесточенных схваток с врагом {155}.

В начале 1943 г. по заданию Калининского фронта в Белоруссию были направлены отряды лейтенантов Жидкова и Чикина, а в мае – Озмителя, Галушкина, Воропаева, Корниенко {156} [30] .

На Украину и в Белоруссию

Наряду с Белоруссией одними из главных направлений засылки отрядов и спецгрупп ОМСБОНа в 1942 г. являлись Украинское Полесье и Приднепровье.

Ставка Верховного Главнокомандования, штабы фронтов и армий, органы государственной безопасности нуждались в систематической информации, исходящей из районов Ровно, превращенного оккупационными властями в «столицу» Украины, Винницы, близ которой была ставка Гитлера на Восточном фронте, а также из Киева, Житомира, Львова и других крупнейших городов и транспортных узлов Правобережной и Западной Украины. Необходимо было усилить удары по стратегически важным коммуникациям противника и по военным объектам, оказывать всемерную помощь и поддержку подпольным партийным органам в развитии партизанского движения. Перед разведчиками ОМСБОНа была поставлена также задача сбора сведений о чудовищных преступлениях фашистских оккупантов и об ущербе, наносимом ими советскому народу.

Одним из первых летом 1942 г. на Украину был направлен отряд полковника Д. Н. Медведева «Победители» {157}. Комиссаром отряда стал заместитель командира 2-го полка ОМСБОНа по политчасти С. Т. Стехов, начальником штаба – майор Пашун, начальником разведки – С. Творогов, врачом – А. Цессарский. В составе отряда в тыл врага направлялся разведчик Н. И. Кузнецов, чье имя впоследствии станет легендарным. Д. Н. Медведев включил в состав отряда как его костяк бойцов и командиров, бывших с ним на первом задании в Брянских лесах. Очень тщательным был дополнительный отбор бойцов из состава 1-го и 2-го полков бригады.

Отряд «Победители» численностью около 100 человек, и в их числе 14 испанцев, перебрался из казарм в лагерь, где шла напряженная учеба.

Подготовка отряда к заданию заняла около месяца.

Одновременно в конспиративной квартире дома № 20 по ул. Карла Маркса (Москва) по особой программе готовился к заданию Н. И. Кузнецов, добиваясь полного перевоплощения в немецкого офицера Пауля Зиберта. Разведчика готовил капитан государственной безопасности Ф. И. Бакин. **Вот как описывает одну из их встреч на этой квартире А. В. Цессарский** :

«…капитан был впущен лишь после длительных переговоров через входную дверь и после того, как он тщательно обследовал лестничную клетку снизу доверху. Войдя в тускло освещенную

прихожую, он понял причину всех этих предосторожностей. Кузнецов был в полной форме вермахта, с Железным крестом и медалью за участие в зимней кампании под Москвой. Мундир отлично сидел на этом рослом, широкоплечем человеке, а твердый подбородок, тонкие, почти бескровные, крепко сжатые губы, правильный хрящеватый нос, высокий лоб – все свидетельствовало о чисто арийском происхождении. «Привыкаю к этой шкурке», – процедил сквозь зубы Кузнецов, приглашая Бакина в комнату» {158}.

Капитан приносил разведчику свежие берлинские газеты и журналы: надо было постоянно быть в курсе всех событий, происходивших в Третьем рейхе и в немецкой армии.

Местом действий отряда «Победители» были определены Сарненские леса. Однако с целью конспирации, стремясь отвлечь внимание фашистской контрразведки от этих мест, было решено выбросить отряд в Мозырские леса, откуда затем ему предстояло добираться пешком в заданный район. Подобный прием использовался в практике омсбоновских спецотрядов и спецгрупп многократно.

Решено было также десантировать отряд не одновременно, а группами в несколько заходов. Местом сбора всех групп отряда в тылу врага была определена местность близ села Мухоеды, на границе Полесской и Ровенской областей.

Но боевая действительность внесла существенные коррективы в этот план. На деле группы отряда вследствие разных причин, и в первую очередь из-за неточных выбросов с самолетов, оказывались оторванными одна от другой на расстоянии до 500 км. Путь некоторых из них к месту встречи отряда был сопряжен с трудными походами, тяжелыми боями и первыми потерями {159}.

Первая группа под командованием С. Творогова была сброшена южнее Житомира, в безлесной местности, в 300 км от намеченного пункта, и направилась к месту встречи. Вскоре связь с нею прервалась. Позднее выяснилось, что группу в 14 человек дважды окружали многократно превосходящие силы карателей. В первом бою медведевцы уничтожили более полусотни эсэсовцев, но потеряли девять товарищей. Окруженные вторично в одной из хат соседней деревни, пять бойцов приняли бой. Трое, в их числе и С. Творогов, были убиты. Лишь двоим удалось уйти. До конца войны, как позже выяснилось, они оставались в местном партизанском отряде {160}.

Вторая группа [31] была сброшена 10 июня 1942 г. в районе Толстого Леса, в 100 км севернее Киева. Это было вызвано тем, что командование бригады поручило группе оказать срочную

помощь разведчику из сброшенной в мае группы В. В. Кочеткова, который повредил ноги при приземлении. С этой целью с группой направлялся врач отряда Цессарский. Он и сделал пострадавшему срочную операцию [32] . Однако две следующие группы, Пашуна и Стехова, которые должен был принять В. В. Кочетков, были сброшены в других местах.

И лишь пятый самолет, в котором летели Д. Н. Медведев, А. А. Лукин, радистка А. Л. Шерстнева и группа испанцев, приземлился точно на костры Кочеткова.

Путь каждой из групп к месту встречи – в Мозырские леса – был чрезвычайно трудным и опасным. Пришлось выдержать не один бой с противником. Так, 25 июня 1942 г. в Мозырском лесу 25 медведевцев приняли бой со 160 карателями. Они уничтожили свыше 40 гитлеровцев, в том числе 7 офицеров, захватили большие трофеи. Но и отряд понес потери: были ранены испанец Флорежакс, бойцы Каминский, Пастоногов. Особенно тяжело переживали товарищи гибель в бою любимца отряда знаменитого конькобежца Анатолия Капчинского {161}.

В начале 1943 г. в Москву по вызову Центра был направлен А. А. Лукин. В конце февраля он вернулся в отряд. Вместе с ним приземлилась последняя группа отряда. В ее составе был боец Г. Шмуйловский.

В конце августа 1942 г. отряд Медведева пришел в Сарненские леса, ставшие его основной базой. Отряд «Победители» действовал под Ровно до весны 1944 г. в тесном контакте с Ровенскими ОК и ГК КП(б)У, местными партизанами и подпольщиками, а также с находившимися в Ровенской и Житомирской областях отрядами ОМСБОНа. Выполняя свою главную задачу – разведку, «Победители» с целью ее конспирации действовали как обычные партизанские отряды, совершая диверсии, меняя лагеря, маневрируя вблизи Ровно.

«Нас в лесах Ровенщины, – **пишет А. Цессарский** , – подстерегали многочисленные опасности: полицейские, каратели, националисты, провокаторы. Два года мы жили, не выпуская из рук оружия, не снимая сапог ни днем ни ночью… Чуть ли не каждую неделю мы разрушали свое жилье, переходили на новое место и строили вновь. Мы почти постоянно вели наступательные и оборонительные бои. Теряли товарищей, обретали новых» {162}.

Медведевцы постоянно ощущали поддержку и помощь Москвы. 8 октября 1942 г. в Цуманские леса были сброшены к «Победителям» врач В. Павлова, дочь болгарского революционера академика Тодора Павлова, и ее юный друг Асен Драганов.

На базы медведевцев и в 1943–1944 гг. неоднократно

сбрасывали спецгруппы однополчан. На их базах останавливались отряды омсбоновцев на пути к местам своего назначения. Так, осенью 1943 г. в Цуманских лесах, в урочище Лопатень, медведевцы принимали в своем лагере отряд «Олимп» под командованием В. А. Карасева. Однополчане вместе отметили 26-ю годовщину Великого Октября {163}.

К концу 1943 г. отряд «Победители» насчитывал 1500 офицеров и бойцов. Он выдержал около 92 открытых схваток с врагом. Подрывники отряда пустили под откос 80 эшелонов, взорвали четыре моста, уничтожили 106 танков и автомашин {164}. Но особое значение имели добытые медведевцами ценнейшие разведданные. Отряд находился в тылу врага до апреля 1944 г. «Победители» стойко выдерживали схватки с врагом, уничтожив 15 тыс. человек {165}. В начале апреля тяжело заболевший командир отряда Д. Н. Медведев был отправлен в Москву. 27 апреля в м. Цумань, где располагался отряд в составе 720 человек, прибыл майор С. И. Иванов, назначенный его командиром. Вскоре отряд, действовавший без малого два года в тылу врага, возвратился в Москву {166}.

14 марта 1942 г. в тыл врага ушел отряд «Ходоки» в составе 15 человек под командованием Е. И. Мирковского {167}. Отряд развернулся на границе Белоруссии и Украины и имел основной задачей выведение из строя железной дороги Чернигов – Овруч. Два с половиной года отряд действовал на территории Орловской, Гомельской, Черниговской, Житомирской и Брестской областей, проделав по тылам врага путь в 3,5 тыс. км. С момента выхода численность отряда возросла в 20 раз. Разведывательная, диверсионная и боевая деятельность отряда «Ходоки» отличалась особой находчивостью и дерзостью. Не случайно гитлеровское командование, потеряв надежду поймать Мирковского и разгромить отряд, назначило за голову командира огромную денежную премию {168}.

На боевом счету «Ходоков» – 51 пущенный под откос вражеский эшелон, 10 уничтоженных железнодорожных и шоссейных мостов, два самолета, 75 танков и автомашин. В 39 открытых столкновениях было убито и ранено 3959 офицеров и солдат фашистской армии {169}.

В августе 1942 г. в районе г. Олевска Житомирской области был сброшен на парашютах отряд подполковника Н. А. Прокопюка «Охотники» в составе 64 человек. Комиссаром был майор И. П. Галигузов, начальником штаба – старший лейтенант А. А. Горович. Отряд, выросший затем в бригаду, действовал вначале в Киевской области, в Цуманских лесах, затем на территории Западной Украины, а с начала 1944 г. – в Польше. К

этому времени Н. А. Прокопюк командовал уже соединением в составе четырех отрядов, общей численностью 1570 человек {170}.

Весной 1942 г. командованию ОМСБОНа было поручено сформировать отряд для выполнения особого задания Ставки в районе Запорожья. С этой целью была создана спецгруппа «Энергетики», состоящая из командира – лейтенанта В. П. Шепеля, мастера спорта, бывшего инструктора ДСО «Динамо», комиссара В. А. Ласкина, заместителя командира по разведке – капитана госбезопасности А. А. Вишневецкого, радистки А. Соболевой. В группу входили также омсбоновцы-спортсмены, уроженцы Днепропетровска, Запорожья и Крыма: И. Карсали, И. Оськин, И. Чапыга – «три Ивана», как называли их в отряде, В. Барсуков, Д. Коробка, Е. Погребной, Г. Лавриненко.

Вскоре в Центр поступило донесение: «В ночь с 18 на 19 мая 1942 года на самолете «Дуглас» нами переправлена в район Запорожья специальная разведывательная группа под кодовым названием «Энергетики». Группе поставлена задача – вести разведку в районе Запорожья и осуществлять диверсионные действия на участке железной дороги Синельниково – Севастополь. Выброска группы произведена над Днепровскими плавнями, приблизительно в 20–25 км южнее города Запорожье» {171}.

Однако «Энергетики» на связь с Центром не вышли. Позже выяснилось, что десантирование было неудачным: группа потеряла три грузовых парашюта с продовольствием, взрывчаткой и минами. От удара о ствол дерева был поврежден передатчик радиостанции «Север». Так с самого начала судьба группы «Энергетики» начала складываться драматически и вскоре трагически завершилась…

В ночь с 9 на 10 июня в плавни была сброшена поисковая группа «Моряки» под командованием старшины А. Собянина в составе радиста В. Иванова и подрывников И. Дудки и А. Ходарева. Десантники были обнаружены. Целые сутки длился бой четырех омсбоновцев против 400 карателей. Взять десантников живыми фашистам не удалось.

О судьбе группы «Энергетики» стало достоверно известно лишь после войны из материалов процесса над военными преступниками – предателями Родины и бывшими полицейскими, проходившего в Запорожье. Как выяснилось, в Днепровских плавнях лесниками были обнаружены парашюты и грузовые мешки. Вскоре немецкой охранке в Запорожье было сообщено о появлении в плавнях неизвестных людей. Против парашютистов были брошены каратели.

В бою с ними погибли И. Чапыга и Е. Погребной, тяжело ранен капитан Вишневецкий. Он был схвачен карателями и после пыток зверски убит. Остальным десантникам удалось оторваться от преследователей. Но у пос. Веселое Запорожской области они вновь были обнаружены в момент отдыха в скирде сена. Омсбоновцы заняли круговую оборону. Тогда фашисты подожгли сено. Но бой продолжался. Последними гранатами себя и приблизившихся к ним фашистов взорвали Шепель, Карсали, Соболева, Барсуков.

С конца 1942 г. определилась активизация партизанского движения. В приказе Верховного Главнокомандующего № 738 от 5 сентября 1942 г. «О задачах партизанского движения» конкретизировались цели, направления и способы боевых действий в тылу врага. В числе других в нем ставились задачи физического уничтожения противника, его боевой техники, уничтожения военных объектов, расширения диверсионной борьбы на коммуникациях врага, истребления гарнизонов, развития подпольного движения в городах, усиления разведки и контрразведки, организации новых партизанских отрядов. Этими указаниями Ставки руководствовались и омсбоновские отряды.

После Сталинградской и Курской битв в развитии партизанского движения на временно оккупированных территориях страны наступил новый этап: оно приняло подлинно всенародный характер. В 1943–1944 гг. в тылу противника сражалось около 1,5 млн народных мстителей {172}. Они опирались на всемерную помощь и поддержку населения и черпали новые силы из его рядов. Это способствовало тому, что усилившиеся попытки оккупационных властей подавить партизанское и подпольное движение, а также все чудовищные меры, направленные на ужесточение режима и уничтожение партизанских районов, оказывались, по сути, бесплодными: пламя партизанской борьбы разгоралось все шире, все более ощутимыми становились удары партизан и подпольщиков по фашистским оккупантам. Партизанское движение в этот период характеризовалось не только грандиозными масштабами, но и более высокой степенью организованности, централизацией и координацией руководства борьбой партизан и подпольщиков. Повсеместно в тылу врага были созданы обширные партизанские зоны, на территории которых была восстановлена советская власть, действовали советские законы. Партизанские бригады вырастали в мощные соединения, оснащенные новейшим оружием и обогащенные двухлетним опытом борьбы. Укрепилась связь партизан с советским тылом.

Тыл имел теперь большие возможности для регулярного

обеспечения партизан оружием, боеприпасами, взрывчаткой, минами, медикаментами, а также для эвакуации из партизанских зон раненых партизан, семей подпольщиков, детей. Партизанское движение превратилось в грозную силу, которая все больше влияла на ход вооруженной борьбы на советско-германском фронте {173}.

На развитии партизанского движения благоприятно сказалась активизация деятельности ОМСБОНа в тылу врага. Этому способствовало и изучение и обобщение накопленного опыта разведывательной и диверсионной деятельности. 23 августа 1942 г. командование ОМСБОНа с целью изучения накопленного опыта провело совещание командиров и комиссаров отрядов, вернувшихся из тыла врага. Своим опытом поделились лейтенант Каминский и политрук Москалев, капитан Хвостов и политрук Строганов, капитан Бажанов и лейтенант Авдеев, лейтенант Миронов и младший лейтенант Волжин, сержанты Крупа и Школьников {174}.

Подобные совещания командованием ОМСБОНа проводились неоднократно.

Особое внимание при этом уделялось разбору боевых, разведывательных и диверсионных операций, выявлению ошибок, упущений и недостатков при формировании спецотрядов и спецгрупп, организации их переброски за линию фронта и в руководстве их деятельностью в тылу врага. Выводы нашли отражение в материалах боевых отчетов и в итоговых документах, обобщающих боевой опыт ОМСБОНа и результаты его деятельности на фронтах и в тылу врага {175}.

* * *

*К лету 1943 г. резко возросло количество отрядов и групп бригады, действовавших на оккупированной территории {176}. Некоторые из них, как уже отмечалось, разрослись в бригады и соединения. Состав других, как диктовал характер их задания, оставался стабильным и не превышал 25–30 человек. Обычной стала посылка спецгрупп в составе опытных разведчиков, диверсантов, радистов, минеров в крупные партизанские соединения с целью обучения партизан и оказания помощи в выполнении наиболее ответственных заданий. Так, летом 1943 г. в соединение С. А. Ковпака была заброшена спецгруппа майора И. У. Юркина. Опытный чекист стал впоследствии начальником особого отдела 1-й Украинской советской партизанской дивизии им. С.А. Ковпака.

Тогда же на аэродром соединений генерала Сабурова прибыла группа «Вымпел» майора И. П. Шилова, направлявшаяся под Новоград-Волынский в первое Молдавское соединение партизан [33] .

Следует отметить, что в бригаде все время происходила смена отрядов и спецгрупп: возвращались с заданий «бывалые», одновременно создавались новые отряды и группы. Всего же к концу 1943 г. из состава ОМСБОНа было сформировано для действий в тылу врага 112 спецотрядов и спецгрупп общей численностью 2575 человек {177}. Число партизанских отрядов, организованных омсбоновцами из местного населения, достигло 40. В них состояло около 4300 человек. Около 2 тыс. лиц призывного возраста были переправлены омсбоновскими отрядами через линию фронта и переданы в распоряжение соответствующих военкоматов {178}.

При переправке отрядов в тыл врага все чаще стали прибегать к помощи авиации. Самолеты чаще стали совершать посадки в расположении отрядов Медведева, Градова, Шестакова, Лопатина. Омсбоновцы пользовались также аэродромами соединений Ковпака, Федорова, Сабурова. Тем самым появились возможности для организации смены личных составов отрядов; вызова командиров и комиссаров в Москву для отчетов, обмена информацией, инструктажей; посещения представителями командования ОМСБОНа и его штаба отрядов на местах и оказания им помощи; доставки на Большую землю раненых, военнопленных, важных документов и т. д. {179} Возможность переброски раненых в Москву имела принципиальное значение, так как этим не только создавались нормальные условия для оперативного вмешательства и лечения, но и укреплялся моральный дух бойцов отрядов и спецгрупп. В то же время эвакуация раненых увеличивала маневренность и дееспособность отрядов.

Все более весомым становился вклад омсбоновцев в общее дело борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в тылу врага. Отмечая это обстоятельство, бывший начальник Центрального штаба партизанского движения генерал П. К. Пономаренко писал о том, что большинство спецотрядов, спецгрупп, действовавших в тылу немецко-фашистских войск, было создано в ОМСБОНе и что превращение их в крупные отряды и соединения «способствовало росту партизанского движения, а с другой стороны, в огромной степени расширяло возможности для разведывательной и контрразведывательной работы» {180}. Оценивая боевые заслуги воинов ОМСБОНа, **П. К. Пономаренко писал далее** :

«Эти кадры бесстрашных организаторов и бойцов-чекистов

сыграли значительную роль в развитии всенародной борьбы в тылу противника» {181}.

Летом 1943 г. значительно расширилась география действий омсбоновских отрядов и групп в тылу врага. Наряду с Белоруссией и Украиной они сражались теперь в Крыму, Молдавии, Прибалтике, а с начала 1944 г. – на территории оккупированных стран Восточной и Центральной Европы в боевом содружестве с польскими, словацкими, чешскими, венгерскими, болгарскими, югославскими партизанами. В числе основных ошибок, недостатков и упущений в них отмечены следующие:

1. Недостаточная изученность штабом ОМСБОНа и его офицерами, ответственными за переброску групп в тыл врага, мест перехода линии фронтов или конкретных ситуаций в предполагаемом районе выброса парашютного десанта; ошибки штурманов и пилотов в ряде случаев приводили к трагическим последствиям. Имели место серьезные просчеты в подборе командиров отдельных спецотрядов и спецгрупп. В некоторых случаях неспособность командиров руководить отрядом проявлялась уже при попытке перехода линии фронта. Такие отряды отзывались Центром и расформировывались [34] . Хуже обстояло дело, когда несоответствие командира этой роли выявлялось в тылу врага. Так было, например, с Горячевым, отозванным в Москву, а также с офицерами Чупеевым и Ворошиловым. Но если первый оправдал себя впоследствии на новой должности в отряде Шестакова и пал смертью храбрых при выполнении боевого задания, то с Ворошиловым дело обстояло иначе. В значительной степени из-за некомпетентности и ошибочных действий командира отряд вскоре после выхода в тыл врага потерял 19 человек убитыми и пропавшими без вести, не успев фактически почти ничего сделать из основного задания. Имели место случаи, когда отдельные командиры, стремясь, очевидно, утвердить свой авторитет, шли на преступный шаг и без суда и следствия, без доказательства виновности приговаривали бойцов к расстрелу. Так были расстреляны красноармейцы И. Гриднев, Г. Пелипенко и Д. Шклярский [35] (отряды Ворошилова и Кузина) {182}. Случаи самочинных полевых судов имели место и в некоторых других отрядах.

2. Материальная база ОМСБОНа и соответственно материальная оснащенность отрядов, особенно в первый период войны (1941–1942 гг.), не соответствовали сложности и трудности задач, которые им приходилось решать в тылу врага. Они выходили в тыл с крупногабаритными рациями, батареями, с тяжелыми установками электродвижков и т. д. В отдельных

случаях на каждого бойца приходилось от 40 до 50 кг различных грузов. Это делало отряды немобильными, малоподвижными. Первые отряды были оснащены в основном карабинами. В суровые зимы 1941, 1942, 1943 гг. из-за недостатка валенок частыми были случаи обморожений. Крайне отрицательно сказывалась необеспеченность отрядов, и тем более подрывных групп, точными картами местности, а на имевшихся многое не соответствовало реальной действительности, что нередко приводило к опасным для отрядов ситуациям. Выше отмечалось, что фактическое отсутствие у бригады авиатранспортных средств сковывало оперативность десантников, принуждало многие отряды к чреватым потерями переходам линии фронта с последующим изнурительным и опасным многонедельным продвижением к месту базирования.

3. Выявились и недостатки в физической, спортивной, а в ряде случаев – и в специальной боевой подготовке бойцов. Следствием их были во многих случаях замедленное продвижение отрядов, гибель подрывников от неосторожного обращения со взрывчаткой и минами, неоправданные потери в бою. Нередкими были случаи потери радиосвязи отрядов с Центром и штабами фронтов. Вследствие потери связи, например, спецгруппа Н. И. Лапина (13 человек) вынуждена была вернуться с задания преждевременно {183}.

4. Подчас командованием ОМСБОНа отдавались приказы, принятые без учета реальной ситуации. Так, в 1944–1945 гг., в условиях успешных наступательных действий Красной Армии, многие отряды получали приказы о перемещении на запад, в том числе в Восточную Польшу, Словакию, Румынию, Венгрию, Восточную Пруссию. При этом не всегда было известно о физическом состоянии бойцов и командиров, многие из которых по 1,5–2 года и более без перерыва действовали в тылу врага и остро нуждались в психологической разрядке и отдыхе. О том, насколько важен учет психологического состояния бойцов, свидетельствует тот факт, что в отдельных отрядах имели место даже единичные случаи дезертирства и самострелов (это не относилось к основному составу бригады). Отряды нуждались в боевом и материальном переоснащении. А это не всегда удавалось своевременно осуществить. В ряде случаев командование ОМСБОНа не учитывало быстрых темпов продвижения советских войск, когда они обгоняли отходившие на запад отряды ОМСБОНа. Так было, например, с отрядами Медведева, Шестакова, Мадэя, Градова и некоторыми другими.

Не приходится доказывать, что своевременный учет этих недостатков и упущений способствовал бы более успешным

действиям спецотрядов и спецгрупп ОМСБОНа в тылу врага и меньшим потерям. Но в целом, как отмечали командование и штабы ОМСБОНа и фронтов, командиры спецотрядов и спецгрупп успешно справлялись с поставленными перед ними задачами, а их личный состав проявил сплоченность, выдержку, энергию, мужество и отвагу {184}.

* * *

Еще в августе 1942 г. в ОМСБОНе был сформирован отряд «Олимп» под командованием капитана-пограничника В. А. Карасева и комиссара М. И. Филоненко, умело действовавших в 1941 г. под Москвой и в Калужской области. Наименование отряда объяснялось тем, что ему первоначально предназначалось действовать в высокогорных районах Кавказа. Бойцы были обеспечены альпийским снаряжением, прошли горнолыжную подготовку. Но в начале 1943 г. в связи с коренным изменением положения на Юге в пользу советских войск необходимость в отправке отряда на Кавказ отпала. Ему предстояло теперь действовать на Украине, в районах Житомирской и Киевской, а затем и Ровенской областей, и решать задачи, поставленные командованием Украинского фронта {185}.

В январе 1943 г. отряд был доукомплектован: в него вошли боевые группы капитанов госбезопасности А. Пегушина и П. Перминова. Численность отряда составила 58 человек. Начальником штаба стал А. Пегушин, но вскоре после прибытия на место он был тяжело ранен и отправлен в Москву. Его сменил старший лейтенант пограничник Н. И. Крючков. Парторгом отряда был Е. Ивлиев, впоследствии ярко описавший его боевой путь в документальной повести «Были огненных лет». В составе отряда в числе других вышли в тыл врага воины-спортсмены Н. Новаторов, Э. Блицау (Марат), А. Гибов, Ю. Облезов, И. Лобанов, В. Рассадин, Х. Тбоев, Я. Тадеев, Н. Пасько, П. Ярославцев, В. Исаев, подрывник и переводчик А. Батян, радисты И. Хрисовой, Н. Тернюк, врач Н. Рогачева.

И на этот раз прозвучала клятва бойцов отряда у Мавзолея В. И. Ленина. 20 января 1943 г. отряд вышел из Москвы {186}. Путь лежал в Торопец, оттуда 9 февраля бойцы вышли к линии фронта.

Разведчики отряда и 4-й Ударной армии предложили смелый план перехода линии фронта по лощине, пролегавшей между двумя укрепленными фашистами высотками. На следующий день отряд и сопровождавшие его семь армейских разведчиков, идя на лыжах след в след, незаметно для врага прошли этим путем мимо

фашистских дозоров и дзотов и с ходу углубились на 10 км за линию фронта {187}.

Так начался 29-дневный поход отряда с северо-востока Белоруссии на юг республики и далее, за Припять, в район Овруча. На этом пути длиною до 2 тыс. км бойцам отряда пришлось преодолеть несколько железных и шоссейных дорог, форсировать десятки рек и речушек, в том числе Ловать, Западную Двину, Птичь, Березину, Свислочь и – в середине марта 1943 г., в условиях начавшегося ледохода, – Припять. Путь пролегал по бесконечным болотам, лесам и открытой местности. Пришлось выдержать не один бой с карателями, обходить гарнизоны, возможные засады и ловушки. Большая заслуга в том, что отряд проделал этот путь без потерь, принадлежит разведчикам и проводникам, которых повсеместно давали отряду белорусские партизаны. В начале апреля отряд достиг границы Белоруссии и Украины и здесь, в лесу у сел Мухоеды и Углы, разбил свой лагерь. Местом базы избрали песчаную возвышенность в центре окруженного лесами и болотами островка. Бойцы окрестили ее Лысая гора, а свой лагерь назвали Лысогорском. Вскоре разведка доложила, что в соседнем селе Толстый Лес остановилось на отдых соединение прославленного партизанского командира Героя Советского Союза генерала С. А. Ковпака. В. А. Карасев сразу же направился на встречу с ним {188}.

В соседних районах Гомельской и Житомирской областей действовали отряды Е. И. Мирковского, «Дяди Кости», соединения Маликова и Сабурова. Лагерь «Олимпа» располагался в восточной части этого обширного партизанского края. Вблизи лагеря создали временный аэродром.

Летом 1943 г. сюда был сброшен минно-подрывной отряд Е. А. Ободовского {189}.

Отряд Карасева поддерживал тесную связь с соседями и участвовал в совместных операциях. Он вобрал в себя несколько мелких разрозненных отрядов и стал быстро расти за счет местного населения. Из Лысогорска пути разведчиков, связных и подрывников отряда пролегли к Овручу, Житомиру, Киеву, Гомелю и к соединяющим их «железкам» и шоссейным магистралям [36] .

К этому времени Житомирская область стала одним из крупных очагов партизанского движения в фашистском тылу. Определенная доля заслуги в этом принадлежит и отряду «Олимп». Оккупационные и военные власти прилагали все усилия для подавления партизанского движения и подполья в крае, но вынуждены были в конце концов признаться в своем бессилии.

Так, гебитскомиссар Житомира генерал Лайзер доносил своему начальству, что он чувствует себя относительно спокойно только в трех районах Житомирщины, и назвал этот край большевистским островом {190}. Объединенные силы партизан вели успешную борьбу против карателей, нанося им большие потери. Но неизбежными были потери и у партизан. При разных обстоятельствах погибли бойцы отряда «Олимп» В. Божок, А. Новобранец, В. Баранов, Г. Бобров, А. Яицкий. Товарищи похоронили их на Лысой горе. Позднее их останки были перенесены в д. Рудня Мечная (Овручский район).

Осенью 1943 г. отряд получил приказ перейти в Ровенскую область и развернуть там разведывательную и диверсионную работу {191}. Проделав 500-километровый поход, отряд, получивший теперь имя Александра Невского, встретился под Ровно с отрядом Медведева и некоторое время находился на его базе в Берестянах. Здесь произошло совещание командиров омсбоновских отрядов. В совещании приняли участие Д. Медведев, Н. Прокопюк, В. Карасев. Был намечен план совместных ударов по врагу {192}. В январе 1944 г. начался героический рейд соединения по территории Украины, Белоруссии, а затем Польши, Чехословакии и Венгрии. Тысячи километров прошли с боями по тылам противника бойцы соединения, оказав братскую помощь партизанам и народам этих стран и с честью выполнив свой интернациональный долг. Два года действовали карасевцы в тылу врага, вписав много замечательных страниц в историю партизанского движения в нашей стране и в странах Восточной Европы. 13 февраля 1945 г. соединение им. Александра Невского в составе более 2 тыс. человек вышло навстречу Красной Армии.

В марте 1943 г. на базу соединения генерала Сабурова, находившегося в это время на территории Белоруссии, был сброшен на парашютах отряд им. Богдана Хмельницкого под командованием майора В. В. Лебедя. Бойцами отряда, насчитывавшего 20 человек, были воины ОМСБОНа, в основном бывшие студенты Института физической культуры – И. Келишев, Б. Бутенко, П. Печников, Г. Москаленко, С. Гурский, Ф. Донченко, Н. Кирсанов, Г. Скляр, И. Баранов; радистом – Н. Максимович.

Прибытие его на Украину совпало по времени с перемещением крупнейших соединений украинских партизан под командованием генералов Сабурова, Ковпака и Федорова в лесные районы Житомирской, Волынской и Ровенской областей.

Еще в Белоруссии отряд им. Богдана Хмельницкого вобрал в себя несколько групп, и в их числе прибывшую в августе 1943 г. из Москвы группу старшего лейтенанта Ф. Ф. Фонченко, партизан

из соединений Сабурова и из местных отрядов. Теперь в отряде было около 100 бойцов. Его гордостью стала конная разведка – 20 всадников. На пути к месту следования отряд совершил несколько диверсий и провел разведку в районах Шепетовки и Новограда-Волынского. Лагерь был разбит в Рододищенских лесах, на берегу р. Случь. Район разведывательных и диверсионных действий отряда простирался от Ровно до Кракова. Летом 1943 г. в помощь спецотряду им. Богдана Хмельницкого на Западную Украину была направлена спецгруппа в составе 22 человек {193}.

Весной 1944 г. отряд им. Богдана Хмельницкого ушел на запад и продолжал действовать в странах Восточной и Центральной Европы до конца войны {194}.

Начиная со второй половины 1943 г. командование ОМСБОНа уже имело возможность забрасывать в тыл врага крупные отряды, численностью до 150 человек. Таким был, например, отряд «Гвардия» капитана В. Н. Воронова, направленный в район оз. Белое (Ровенская область). В отряд входили старший лейтенант Ковалев, сержант Хусандинов, радисты Н. Кепанов и В. Рихтер. Выполнив разведзадание на Украине, отряд переместился в Полесскую, а затем в Пинскую и Брестскую области, где стал лагерем в районе Худлина. В 1944 г. отряд перешел в Августовские леса с целью активизации разведывательных и диверсионных действий в Литве и Восточной Пруссии {195}.

Командование ОМСБОНа уделяло большое внимание оказанию помощи Севастополю и партизанам Крыма. В 1942 г. в Крым были сброшены спецгруппы В. Аранова «Витязи» и Кахара Адашева «Крымчаки» {196}. В их состав входили крымчане-разведчики Кондратов и Т. Гайнанов, бойцы-спортсмены Н. Михайлиди, Г. Шиман, А. Зубочикянц, А. Давлетов, В. Давиденко, радист С. Полозов {197}.

В марте 1943 г. в Крым была направлена спецгруппа майора Арабаджиева «Соколы», в которую вошли старший лейтенант Н. Ф. Забаро, радист В. П. Бочков, младшие лейтенанты медслужбы Валентина Винниченко, Ирина Лошкарева, старший лейтенант Устер, старший сержант В. П. Дерибин, Р. Г. Анненков {198}. Арабаджиев взял на себя руководство деятельностью омсбоновских десантников в Крыму и связанных с ними подпольщиков. Вскоре было принято решение: в целях успешного выполнения разведывательных задач бойцам группы «Соколы» перейти на легальное положение и обосноваться в Симферополе и его окрестностях. С помощью подпольщиков-армян были добыты бланки паспортов и другие документы {199}. Арабаджиев превратился в ветеринарного врача, а Валентина Винниченко

стала кухаркой больницы с. Воинка, где была сильная подпольная группа. В сентябре 1943 г. по распоряжению Арабаджиева она перебралась в Симферополь {200}. По рации командованию Красной Армии были переданы важные разведданные {201}.

Подрывники успешно действовали на коммуникациях Крыма. Два эшелона пустил под откос К. Абашев {202}.

Инструктор-подрывник, бывший студент Института физкультуры Г. Шиман обучал своих земляков – крымских партизан минно-подрывному делу и сам участвовал в ряде крупных диверсионных операций – уничтожении железнодорожного моста, минировании магистралей и др. Им были уничтожены несколько автомашин и подорван эшелон – 12 вагонов с живой силой и техникой {203}. Пригодились и технические навыки Г. Шимана: он помог партизанам восстановить захваченный ими самолет {204}. К осени 1943 г. зона действий группы Арабаджиева значительно расширилась. Партизанские тропы подрывников пролегали в Перекоп, Джанкой, Сейтлер, Керчь, Феодосию, Бахчисарай {205}.

Но в ноябре 1943 г. подпольщикам Крыма был нанесен тяжелый удар. Предатель Ящинин выдал группу, действовавшую в Симферополе и на территории Северного Крыма. Эсэсовцы арестовали свыше 80 человек, и в их числе омсбоновских десантников. В застенках гестапо арестованных зверски пытали. Но фашистам не удалось сломить волю патриотов. В декабре 1943 г. десантники групп «Крымчаки» и «Соколы» – братья Кондратовы, Адашев, Коган, Забара, Зубочикянц, Устер, Мирошниченко, Маслов, Гричакин, Нилов, Терехов, Валентина Винниченко и Ирина Лошкарева – были расстреляны, а трупы их сброшены в колодец {206}. Этот тяжелейший удар не сломил воинов-десантников. С нарастающей результативностью борьбу продолжали испанцы Хосе и Педро, бойцы-спортсмены А. Сосунов, Ш. Хасанов, радист В. Вайншток, опытный минер В. Юдин. Последний действовал под псевдонимом Игорь. В отряде его в шутку именовали «хранителем казны»: ему была доверена сохранность 2 млн рейхсмарок, выделенных командованием для спецгруппы и крымских партизан. В Зуевском лесу деньги были переданы по назначению {207}.

В апреле 1944 г., накануне освобождения Крыма, десантники провели дерзкую операцию в самом Симферополе. 20 партизан, переодетых в немецкую форму, на двух машинах подъехали к дому бургомистра города. По данным разведки, здесь хранились большие запасы продовольствия, в котором остро нуждались голодавшие много месяцев партизаны и скрывавшиеся под их охраной местные жители. Бургомистр оказал сопротивление и

был убит. Захваченные в большом количестве колбаса, мясо, сало, зерно были доставлены в лагерь пятью бойцами {208}. Так была выполнена первая часть задачи. 15 бойцов остались в Симферополе с заданием нейтрализовать возможные действия немцев по истреблению жителей города и важных объектов.

…Разведка доносила, что в одном из дворов засела рота немцев. Группа смело атаковала ее, взяла в плен и обезоружила 97 человек. В этот же день в город вступили советские войска {209}.

* * *

*…Как уже отмечалось, места базирования и районы действия омсбоновских отрядов были относительно стабильными, хотя многим из них приходилось менять свои лагеря по нескольку раз на протяжении срока пребывания в тылу врага. Основной причиной перемещения того или иного отряда (бригады, соединения) в другой район действий, как правило, являлось коренное изменение положения на фронте вследствие успешных наступательных действий Красной Армии. В этом случае отряд обычно получал из Центра новое задание и шел на новое место, нередко располагавшееся за тысячи километров от старой базы. Стремительно наступавшие советские войска в 1944–1945 гг. часто обгоняли движущиеся к заданной местности отряды, и тогда они возвращались в Москву. Но многие омсбоновские отряды, вышедшие в немецкий тыл в 1942–1943 гг., и выросшие на их основе бригады и соединения продолжали действовать за линией фронта вплоть до завершающего этапа войны. Но если до конца 1944 г. они действовали на своей территории, повседневно ощущая помощь и поддержку населения, то на новом этапе этим отрядам и отдельным спецгруппам приходилось действовать за рубежами Родины, в совершенно иной обстановке и иных условиях.

…В середине октября 1943 г. соединение им. Александра Невского получило из Центра приказ: завершить операции в Житомирской области и выйти в район Ровно. Здесь гитлеровцы к этому времени сконцентрировали крупную группировку войск, предназначенную для уничтожения партизан в районе «столицы» Украины. Необходимо было прийти на помощь партизанам Ровенской и Львовской областей. Затем соединению предстояло продолжить путь на запад. 500-километровый поход был завершен к 7 ноября 1943 г. 26-ю годовщину Октября встречали в лагере Медведева. Но на следующий день началась карательная

операция. Бойцы обоих соединений в тяжелых боях отбили все атаки противника, разгромили его. Немцы и полицейские бежали, бросая раненых и трупы убитых. Были захвачены боевые трофеи. На следующий день оба соединения вместе ушли на запад {210}.

Соединению майора Карасева предстояло еще более полутора лет действовать в глубоком тылу врага. На его боевом счету к весне 1945 г. было 56 вражеских эшелонов, 27 взорванных мостов, 7 самолетов, 355 танков и автомашин, 100 открытых схваток с противником, в ходе которых было убито и ранено 6160 немецких солдат и офицеров, полицейских и бандеровцев. Соединение вобрало в себя 1960 человек. Было создано 24 новых партизанских отряда {211}.

9 октября 1943 г. в Житомирскую область был заброшен спецотряд старшего лейтенанта Гринько. Подрывники отряда подорвали мост на р. Вишья, задержав колонну фашистских танков. Это помогло партизанскому соединению генерала Наумова, оказавшемуся в кольце карателей, выйти из окружения без потерь. Ими же был взорван мост через Буг. 12 ноября 1943 г. подпольщики, связанные с отрядом, взорвали турбогенератор на заводе взрывотары, а также сожгли склад горючего и две казармы. В 1944–1945 гг. отряд действовал в Барановичской области и в Восточной Польше {212}.

В центре внимания командования ОМСБОНа на протяжении всего 1943 г. продолжала оставаться Белоруссия. К этому времени на ее территории сложились крупные партизанские зоны.

К началу 1944 г. партизаны Белоруссии контролировали территорию общей площадью 108 тыс. кв. км, т. е. 60 % всех временно оккупированных земель республики. Более трети этой территории приходилось на партизанские зоны. И почти в каждой партизанской зоне действовали отряды и спецгруппы ОМСБОНа. В 1943 г. их число значительно возросло.

Один за другим направлялись на базы бригад и соединений Градова, Прудникова, Лопатина отряды разведчиков и подрывников. Штаб ОМСБОНа периодически докладывал командованию о дислокации спецотрядов и спецгрупп в тылу врага на определенную дату. Данные наносились на большую карту, висевшую в кабинете начальника штаба (улица Чкалова, 36). Вот, например, данные на 25 марта 1944 г. о дислокации отрядов на территории Белоруссии:

1. Бригада капитана Лопатина (1800 чел.) – район действий – Минск – Борисов.

2. Отряд лейтенанта Распопова (33 чел.) – Пинск – Лунинец – Барановичи.

3. Отряд лейтенанта Шихова (45 чел.) – Лунинец –

Барановичи, Лунинец – Пинск.

4. Спецгруппа Дорошенко (15 чел.) – Барановичи – Минск.

5. Отряд майора Золотаря (150 чел.) – Минск – Борисов.

6. Отряд майора Никольского (160 чел.) – Лунинец – Борисов, Брест – Москва.

7. Отряд Парамонова (37 чел.) – Барановичи – Лунинец, Лунинец – Пинск.

8. Спецгруппа майора Волокитина (150 чел.) – Барановичи – Кобрин.

9. Бригада майора Морозова («Неуловимые» – 1400 чел.) – Минск – Барановичи, Минск – Молодечно, Лида – Барановичи.

10. Бригада подполковника Ваупшасова (600 чел.) – Минск – Бобруйск, Минск – Борисов, Минск – Слуцк.

11. Отряд старшего лейтенанта Кузнецова (30 чел.) – Минск – Бобруйск.

12. Спецгруппа Агабекова – в движении.

13. Спецгруппа капитана Воронова (88 чел.) – район Кобрина.

14. Отряд майора Коровина (50 чел.) – Брест – Холм {213}.

Происшедшие к этому времени перемены в масштабах и организации партизанского движения вызвали паническую тревогу у оккупационных властей. Об этом свидетельствует, в частности, донесение, поступившее в Берлин из Полоцка. «Мелкие разрозненные партизанские отряды, – отмечалось в нем, – превратились теперь в хорошо организованные боеспособные подразделения. Численность партизан в Полоцком и Россонском районах намного увеличилась… В конечном счете, – вынуждены были признать «правители города», – внутреннее положение в городах Полоцк, Себеж, Идрица определяется развитием партизанского движения» {214}. Этот документ – яркое свидетельство растерянности и полной беспомощности оккупационных властей. В нем дана и своеобразная оценка деятельности «Неуловимых». Отряды бригады располагались полукольцом к западу, северу и востоку от Полоцка и действовали в тесном контакте с соседними соединениями В. Е. Лобанка, Д. В. Тябута, И. А. Петракова, Батьки Миная – М. Шмырева и др. Таким образом, в Витебской области к этому времени сложилась крупная группировка омсбоновских отрядов. Так обстояло дело и в других партизанских зонах Белоруссии. Вплоть до освобождения республики летом 1944 г. на партизанские аэродромы один за другим спускались на парашютах спецотряды и группы десантников-москвичей. Некоторые из них шли к месту назначения через линию фронта, используя Витебские и Бобруйские «ворота».

28 мая 1943 г. в расположение бригады «Дяди Коли» (П. Г.

Лопатина), действовавшего под Борисовом, спустился на парашютах отряд «Гром» под командованием старшего лейтенанта Ф. Ф. Озмителя. В состав отряда он включил омсбоновцев, бывших с ним в тылу врага в 1942 г. в отряде «Грозный»: Г. Демидова, И. Пешкова, С. Солонинкина, Г. Симона, Н. Ефимова {215}.

В июле 1943 г. в районе Полоцка приземлился отряд «Максим» под командованием майора Л. М. Корчагина в составе 80 бойцов. Отсюда путь отряда пролег под Остров и Псков. В Ленинградской области отряд вел успешную разведку. Приведем только один факт. Бойцами отряда был взят в плен писарь дивизии «Норд» Вернер. Он сообщил много сведений. В течение недели их передавал в Москву радист отряда А. Крылов {216}.

Выполнив задание, отряд соединился с Красной Армией весной 1944 г.

Летом 1943 г. в свой отряд «Артур», входивший в бригаду «Дяди Коли», вернулся из Москвы его командир И. Ф. Золотарь. По приказу Центра он объединил отряды, выросшие из спецгрупп ОМСБОНа, в сводный, которому было присвоено имя Ф. Э. Дзержинского {217}. Туда же 10 августа была десантирована группа «Помощь» под командованием лейтенанта Б. Л. Галушкина (Лавра). Наименованием как бы подчеркивалось, что группа послана была для оказания помощи соединению П. Г. Лопатина {218}. В ее состав был включен опытный минер-инструктор Я. С. Штейнберг.

Основным заданием группы было проведение разведки и диверсий на транспортных коммуникациях и линиях связи противника. В состав группы входило 18 человек, и в их числе – заместитель командира лейтенант Б. Жуков, опытный разведчик И. Гудзь, разведчики и подрывники К. Кирпиченок, С. Панин, Г. Шиман, В. Дмитриев, А. Селезнев, С. Кушнир.

При приземлении группу постигла неудача: пропали тюки со взрывчаткой и продуктами. Об этом сразу же было сообщено в Центр. Вскоре группа на том же аэродроме в районе озера Палик принимала сброшенный с самолета груз. Вслед за тем в Центр поступило первое боевое донесение: «В августе 1943 г. группа «Помощь» приступила к работе. Полностью уничтожен направляющийся на фронт немецкий эшелон с боевой техникой… Лавр» {219}. Так был открыт боевой счет группы.

Таким образом, в Борисовской партизанской зоне летом 1943 г. сложилась вторая крупная партизанская группировка омсбоновцев, включавшая бригаду Лопатина, отряды «Гром» Озмителя, «Помощь» Б. Галушкина, «Артур» И. Золотаря и отряд чекиста Метелкина. В декабре 1943 г. четыре последних вошли в

объединенный отряд чекистов им. Ф. Э. Дзержинского.

Третья группировка омсбоновских отрядов находилась на юге Минской области и в Белорусском Полесье. Ее основу составляли бригады С. А. Ваупшасова (Градова) и К. П. Орловского.

Успешная деятельность омсбоновских спецотрядов и спецгрупп в тылу врага обеспечила им особое доверие высшего командования Красной Армии. Об этом убедительно свидетельствуют обращения командующих фронтами маршала Г. К. Жукова и генерала армии К. К. Рокоссовского в Ставку и к командованию ОМСБОНа с просьбой о направлении новых отрядов для выполнения особо важных конкретных заданий Центрального и Западного фронтов.

По их просьбе в мае 1943 г. в тыл центральной группировки фашистских войск отбыли спецотряды старшего лейтенанта Матвеева и лейтенантов С. А. Каминского и А. Н. Шихова в составе 24 человек каждый {220}. Они получили задание по проведению разведки и диверсионной работы на важнейших железнодорожных коммуникациях врага. При этом ставилась конкретная задача нанесения ударов по узловым железнодорожным станциям Унеча и Гомель. Омсбоновцы успешно справились с этой чрезвычайно сложной задачей [37] . Об этом убедительно свидетельствует оценка действий оперативных отрядов ОМСБОНа, данная командующим 1-м Белорусским фронтом генералом армии К. К. Рокоссовским. В телеграмме от 24 декабря 1943 г., адресованной в НКГБ СССР, он писал: «Учитывая успешную работу в тылу врага спецотрядов Вашего наркомата, действовавших под командованием тт. Каминского, Матвеева, Шихова и оказавших существенную помощь фронту в деле разрушения Унечского и Гомельского железнодорожных узлов противника, мы просим оказывать дальнейшую помощь Белорусскому фронту посылкой ваших диверсионно-разведывательных отрядов для воздействия на перевозки и разрушение основных железнодорожных коммуникаций в тылу противника» {221}. Конкретизируя задание, командующий фронтом поставил перед направляемыми в тыл врага отрядами задачу сбора данных о мероприятиях и действиях противника в районах Минска, Бобруйска, Пинска, железнодорожных станций Старушка и Лунинец; о месторасположении войск, аэродромов, складов, баз и других важных объектов; о перемещениях войск и характере грузовых военных перевозок и т. д.

Эти данные необходимы были командованию в связи с разработкой плана операции «Багратион», в осуществлении которого большое значение придавалось действиям партизан

Белоруссии.

В ответ на просьбу фронта командование ОМСБОНа сформировало в конце 1943 г. три новых спецотряда общей численностью 110 человек. Командование отрядами было поручено офицерам-чекистам А. Н. Шихову (отряд «Богатыри» – 46 человек), Д. П. Распопову (отряд «Борцы» – 32 человека), Д. И. Кузнецову (отряд «Молот» – 32 человека) {222}. Отряды получили задание: посредством диверсий «воздействовать на коммуникации и маневренность войск врага в его тылу в направлении действий Белорусского фронта и вести разведывательную работу» {223}. В состав отрядов были включены семь офицеров состава фронтовой разведки и три сержанта – фронтовых радиста {224}.

10 января 1944 г. все три отряда прибыли на Киевский вокзал столицы и погрузились в теплушки, прикрепленные к поезду «Москва – Брянск».

Путь через Брянск и Унечу лежал в г. Речица, где располагался штаб 1-го Белорусского фронта. За Брянском двери теплушек, несмотря на мороз, были раскрыты. Еще бы! Ведь многим бойцам эти места были так знакомы по прошлому, совсем недавнему заданию! Подрывники В. Голуб, В. Рассадин, Б. Бурондасов, Я. Фокин, Л. Семин, А. Завгородний, Д. Киселев, П. Бобров, Б. Мартынов с волнением всматривались в раскрывавшийся перед ними зимний пейзаж: по обе стороны недавно восстановленного пути то тут, то там виднелись еще не убранные, лежащие на боку разбитые паровозы и вагоны. Может быть, впервые так зримо и наглядно перед ними предстали результаты их боевых заданий. Сколько раз в составе отрядов Шихова, Каминского, Матвеева пробирались они короткими летними ночами 1943 г. к этой дороге! Какого напряжения сил и нервов стоила каждая операция! Как радовались сообщениям разведчиков и связных о ее итогах! Картины, разворачивавшиеся перед их глазами, воскрешали в памяти детали. Перебивая и дополняя друг друга, делились воспоминаниями с «новичками», которые с завистью смотрели на «бывалых» [38] .

В Речице командиры отрядов встретились с командующим фронтом генералом армии К. К. Рокоссовским, который уточнил задания и отдал распоряжение обеспечить отряды транспортом и доставить в недавно освобожденный партизанами Овруч. Морозным утром 14 января 1944 г. колонна мощных «Студебеккеров» двинулась в сторону Овруча, куда прибыла на следующий день {225}. Отсюда отрядам предстояло проникнуть через Бобруйские «ворота» в тыл врага и выйти в заданные районы действий. 17 января три отряда на восьми мощных

автомашинах были доставлены в д. Тартак, расположенную в 60 км за линией фронта. Это был редкий случай осуществления глубокого автодесанта в тыл врага {226}. Отсюда отрядам предстояло совершить лыжный переход к местам базирования. Бойцы несли на себе в общей сложности до 5 т различных грузов, включая рации, питание к ним, мины и тол.

В каждый отряд были включены офицеры связи с радистами от разведотдела Белорусского фронта для обеспечения службы информации и связи со штабом фронта.

Первоначально все три отряда передвигались вместе. Но обстановка в Полесье оказалась более сложной, чем предполагалось: сюда прибыли новые части и гитлеровцы организовали глубокоэшелонированную оборону, закрыв тем самым лесные «ворота», соединявшие Житомирскую область с партизанским краем. Отрядам было приказано самостоятельно перейти линию фронта и продвигаться к месту назначения.

По-разному сложился путь каждого из отрядов. Отряд «Богатыри» А. Н. Шихова в составе 46 человек перешел линию фронта в ночь на 8 февраля 1942 г. За десять суток бойцы прошли около 400 км, преодолели Пинские болота, форсировали реки Ствига, Моства и Припять, пересекли железную дорогу Мозырь – Пинск и 17 февраля, выдержав неоднократные бои с фашистскими войсками, прибыли в д. Чудны Барановичской области, которая и стала базой отряда {227}.

Отряд Д. П. Распопова «Борцы» в составе 32 человек перешел линию фронта 10 февраля 1944 г. в 40 км юго-восточнее Житковичей, прошел за 12 суток 460 км и, переправившись через реки Припять, Случь и Моства, стал лагерем в 40 км от железной дороги Барановичи – Лунинец. Объектом диверсионной деятельности отряда стал участок железной дороги Лунинец – Пинск {228}.

Сохранившийся в личном архиве полковника М. Ф. Орлова отчет командира отряда «Молот» старшего лейтенанта Д. И. Кузнецова дает достаточно подробное представление о боевом пути отряда и о результатах его диверсионных и разведывательных действий.

Отряд перешел линию фронта 16 февраля 1944 г. в 50 км юго-западнее ст. Житковичи. Его путь к месту назначения оказался наиболее длительным и трудным. Немцы преследовали отряд, навязывая ему тяжелые бои. Преодолев за 32 дня 650 км пути по лесам и болотам Полесской, Пинской и Минской областей, форсировав реки Ствигу, Припять и Случь, отряд 21 марта 1944 г. прибыл на базу Градова в Пуховичском районе Минской области {229}.

«Условия перехода, – **отмечалось в отчете** , – были исключительно трудными еще и потому, что 11 бойцов заболели сыпным тифом. В трудных условиях вражеского тыла бойцы быстро поправились и были возвращены в строй» {230}.

За этими скупыми строками – подлинный подвиг боевых друзей заболевших воинов, местных партизан и мирных жителей, приложивших все усилия для того, чтобы вернуть их в строй. Для местных жителей это было связано с огромным риском: малейшее подозрение в связях с партизанами грозило им и их семьям арестом, пытками и смертью. Но подлинный гуманизм и патриотизм советских людей помогли им преодолеть чувство страха и смело и мужественно выполнять свой гражданский долг. Сколько подобных, казалось бы, незаметных, но от этого не менее героических поступков было совершено советскими людьми в годы войны на временно оккупированных врагом территориях! Помощь и поддержка, оказываемые местными жителями партизанам и десантникам, в конечном счете являлись едва ли не главным условием успешного выполнения боевых заданий.

Отряд «Молот» действовал в треугольнике Минск – Слуцк – Бобруйск. Особое внимание при этом было обращено на стратегически важную для немцев железную дорогу Минск – Бобруйск.

Командир отряда Д. И. Кузнецов, худощавый, среднего роста, крепкого телосложения, стройный, подтянутый тридцатилетний офицер, в прошлом шуйский рабочий, до войны преподавал в Московском институте физической культуры.

Рядом с ним его заместитель лейтенант М. Артемьев выглядел коренастым крепышом. Начальнику разведки капитану А. Сабинину было более 45 лет. Молодым бойцам он казался чуть ли не стариком. Могли ли они в свои 18–20 лет представить себе тогда, насколько было ему тяжелее, чем им, переносить все выпавшие на долю отряда испытания! В полную меру они осознали это лишь много лет спустя. Но бойцы отряда быстро оценили его как чекиста и разведчика, мужественно и профессионально грамотно выполнявшего особое задание и оберегавшего отряд от вражеских лазутчиков.

Радистками отряда были Н. Тюрина, Л. Прохорова и В. Коваленко. Валерия Коваленко была самой юной в отряде: ей не исполнилось и 18, но партизанкой она стала уже в 16 лет на своей родине – Украине.

Бойцы заботливо опекали трех «музыкантш», как с легкой руки командира они называли радисток: несли в походах – сверх обязательной «выкладки» – питание для раций и трехногого «солдата» ДРП-6»и» – ручную динамомашину, чертыхаясь,

крутили ее во время радиосеансов. В отряде «Молот» действовал как инструктор-подрывник Ф. Курлат, участвовавший в ряде боевых операций.

…Когда бывшие бойцы отряда «Молот», ныне седые ветераны войны и труда, встречаясь, вспоминают пережитое, память прежде всего воскрешает детали неимоверно тяжелого, почти двухмесячного похода по лесным массивам и бесконечным, едва прихваченным тонким льдом болотам Полесья и Пинщины. Казалось, гнилая вода всей земли встала здесь неодолимой преградой на пути отряда.

22 января 1944 г. Центру была передана первая радиограмма:

«Линию фронта перешли с Украины западнее г. Овруч. Потерь не имеем» [39] .

Первые десятки километров шли на лыжах. Но вскоре пришлось от них отказаться: «ростепель», как говорят в Белоруссии, спутала все карты. Лыжи отдали местным партизанам, предусмотрительно оставив себе по одной лыжной палке. И они сослужили бойцам добрую службу. С их помощью они «ощупывали» лед, проверяя перед каждым шагом его прочность. А когда кто-либо из них, оступившись, проваливался в ледяную воду по пояс, а то и по шею и даже с головой, товарищи с помощью палок помогали ему вновь подняться на лед.

Радистка отряда Валерия Коваленко вспоминает:

«Монотонность ходьбы и усталость клонят ко сну. Как вскину глаза и немного распрямлюсь, вижу впереди себя высокую сутулую фигуру капитана Сабинина… Так шли уже много часов. Небо – низкое, хмуро-серое. Легкая поземка смела снег со льда. Под его тонким слоем угадывается черный зев болота. Вдруг раздался треск – и впереди уже нет фигуры капитана – лишь его голова торчит над полыньей. Он успел только вовремя разбросить по сторонам руки и, удержавшись надо льдом, растерянно произнес: «Товарищи! Что же это такое?!» Несмотря на серьезность положения, все, кто слышал эти слова, грохнули смехом. А я так просто залилась хохотом. И тут же была наказана: в следующее мгновение сама очутилась по пояс в воде».

На помощь Валерии поспешил старшина отряда Аверкин, но неудачно: лед треснул под ним, и он провалился под лед с головой. Когда он вынырнул, на нем не оказалось ни вещмешка, ни автомата, ни шапки-ушанки. Раз за разом, вновь и вновь Аверкин нырял под лед, пока не вынырнул с автоматом в руках. Это только несколько эпизодов «ледяного» похода отряда [40] .

Уже во время этого тяжелейшего маршрута по вражескому тылу отряд открыл счет своим боевым делам. Бойцы подрывали фашистские эшелоны, уничтожали полицейские комендатуры,

вели разведку, передавая ценные сведения в штаб 1-го Белорусского фронта и в Центр.

На всем пути отряду оказывали большую помощь и поддержку местные жители и партизаны. Повсюду известие о том, что идут «москвичи», передаваемое «народным телеграфом», обгоняло отряд. Бойцов радостно и тепло встречали, окружали вниманием и заботой, делясь с ними последним; засыпали вопросами о Москве, о положении на фронтах; со слезами на глазах рассказывали о жертвах страшных фашистских злодеяний, об изуверской жестокости бандеровцев и власовцев; просили бить врага без пощады.

Но это создавало и опасную ситуацию: о переходе тремя отрядами линии фронта вскоре узнали фашисты. На их пути появились засады полицаев и власовцев. Фашистское командование организовало настоящую охоту за десантниками: их преследовали кавалеристы, обстреливал бронепоезд, искали с воздуха самолеты-разведчики. Благодаря умелым действиям командиров и разведки каждый раз удавалось выходить из опасных положений и из небольших стычек с врагом без потерь.

Отряды проходили целые районы, где под охраной партизанских бригад и соединений была восстановлена советская власть, действовали советские законы. Незабываемое впечатление на бойцов произвели своей организованностью, дисциплиной, дерзкими, но тщательно подготовленными действиями конная бригада Тихомирова, соединение В. Козлова, бригада Мормулева.

В «партизанской столице» – с. Песочном – был свой клуб, под который была приспособлена длинная хозяйственная постройка. 2 марта 1944 г. бойцов отряда «Молот» пригласили в этот клуб на торжественное собрание и концерт, посвященные двухлетию отряда им. Щорса. Неожиданным сюрпризом для москвичей явился высокий исполнительский уровень некоторых номеров. Как выяснилось, выступали партизаны, в недавнем прошлом профессиональные артисты: гипнотизер из Смоленска, певец из Ленинграда и др. Взволнованно воспринимались партизанские песни, наполненные болью и гневом, в них звучал страстный призыв к борьбе с оккупантами. Концерт завершился выступлением радистки отряда Нади Тюриной. Она передала партизанам привет из далекой столицы, рассказала о положении на фронтах. В эту мартовскую ночь на поляне, освещенной серебристым светом полной луны, танцевали до рассвета.

И вновь поход по партизанским зонам и территории, контролируемой немцами и полицаями.

Не забыть лесных куреней, где ютились семьями, спасаясь от карателей и полицаев, жители полесских и пинских сел и

хуторов. Их косил страшный недуг – сыпной тиф. В связи с заболеванием бойцов «Молот» вынужден был приостановить движение. Заботу о больных взяли на себя фельдшер отряда И. Житло, радистки, партизанские врачи, местные жители с. Мрочки Гресского района Минской области. Благодаря их заботам все больные вернулись в строй.

В конце марта 1944 г. отряд прибыл без потерь на базу соединения Градова. Здесь произошла волнующая встреча с однополчанами, ушедшими в тыл врага в марте 1942 г. Уже самим своим видом лагерь создавал впечатление стабильности, уверенности, силы: добротные, отапливаемые зимние землянки, площадь для построений и занятий, стрельбище, медицинская часть, хозблок. К дереву прибит свежий номер стенгазеты. Нити связей тянулись отсюда более чем к 400 подпольным организациям и группам. Соединение Градова можно было по праву назвать интернациональным: среди бойцов были венгерские, австрийские, немецкие антифашисты и целая рота чехов и словаков. Как мы узнали, эта рота, с которой установили связь градовцы, прибыла в лагерь из Минска на грузовиках, с оружием и боеприпасами и сразу же активно включилась в борьбу с фашистами. По вечерам у партизанских костров звучали наряду с русскими и белорусскими задорные чешские и словацкие песни. В лагере хорошо была поставлена спортивная и физическая подготовка. Сказалась роль воинов-спортсменов!

На следующий по прибытии отряда день перед бойцами «Молота» выступил командир соединения. Ваупшасов ознакомил с конкретной обстановкой в районе будущих действий, с системой охраны железных дорог и выразил уверенность, что отряд выполнит свою задачу, обещав всемерную помощь.

В тот же день приказом командира отряда были созданы три группы подрывников под командованием Ф. Эскрибано (зона действия – участок железной дороги Минск – Бобруйск), В. Щетинина (участок Минск – Вильно), И. Бездудного (дорога Минск – Борисов). Но при этом основные усилия отряда были сосредоточены на магистрали Минск – Бобруйск. Приступили к работе и разведчики отряда, используя сложившиеся у градовцев широкие связи с подпольщиками.

Еще раньше в Центр начали поступать донесения о результатах разведывательных и диверсионных действий отрядов А. И. Шихова и Д. П. Распопова.

Выполнив задание и оказав существенную помощь фронту накануне операции «Багратион» и в период ее осуществления, все три отряда вернулись в Москву в августе 1944 г. [41] .

* * *

*В 1943–1944 гг. командование ОМСБОНа усилило помощь и партизанам республик Советской Прибалтики. В конце 1943 г. в Рудницкую пущу, под Вильнюсом, вышли две разведывательные группы отряда «Боевой». Они установили связь с литовскими и латышскими партизанами и с партизанами Польши. Одновременно в Литву прибыла оперативная группа майора С. И. Волокитина. В нее входили омсбоновцы-интернационалисты: испанцы, поляки, литовцы, немцы. Первая группа во главе с командиром успешно приземлилась в расположении отряда И. Вильджунаса. Вслед за тем в распоряжение С. Волокитина прибыл с территории Украины отряд «Гвардия». Вскоре из-под Минска пришла от Градова «немецкая» группа во главе с политруком Николаевым. Так сложился интернациональный отряд омсбоновцев под командованием Майора Серго, как звали в отряде командира. В него вошли отряды «Гвардия», «Гвадалахара», «Дружина», «Комета» и несколько малых групп. Объединенный штаб, располагавшийся под Вильнюсом, именовали Малым Центром: сюда поступали сведения от разведчиков, и отсюда они передавались в Большой Центр – Москву. А сведения эти шли из Литвы, Латвии, Польши, Восточной Пруссии, куда проникали разведчики Малого Центра.

Особое задание имел отряд «Гвадалахара»: его разведчики под видом офицеров и солдат испанской «Голубой дивизии» проникали в Вильнюс и Каунас. Ситуация осложнилась тем, что эта дивизия к тому времени была переведена в другое место. Но у наших разведчиков были безупречные документы, и они не вызывали подозрений. Им удалось собрать важные сведения и длительное время вести разведку в этих городах. Одновременно бойцы ОМСБОНа – поляки и немцы – вели разведку в Варшаве, Кракове, городах Восточной Пруссии. Бойцы интернационального отряда совершили ряд крупных диверсий. В августе 1944 г. отряд возвратился в Москву без потерь {231}.

Штрихи партизанского быта

Центром, командованием ОМСБОНа, командирами и политработниками спецотрядов и спецгрупп большое внимание уделялось организации быта десантников, их снабжению продовольствием, обеспечению медицинской помощью, налаживанию и ведению боевой и политической учебы и организации досуга бойцов. Все это способствовало укреплению морального и психологического климата, от чего не в последнем счете зависело и нормальное функционирование спецотрядов и спецгрупп в условиях вражеского тыла, и успешное выполнение поставленных перед ними задач.

Организаторами всей партийно-политической и воспитательной работы были комиссары отрядов и бригад, опиравшиеся на партийные и комсомольские организации. Их главной задачей являлось укрепление морально-политического духа бойцов и командиров. Решающую роль здесь играло правдивое слово о положении на фронтах и в бригаде.

В спецотрядах ОМСБОНа было немало замечательных комиссаров. В их ряду особо выделялся комиссар отряда «Победители» С. Т. Стехов. Он был душой и организатором политической и воспитательной работы, а в опасные минуты подавал личный пример храбрости и отваги. Не будет преувеличением отметить, что в подвигах бесстрашного разведчика Н. Кузнецова проявилась и большая, кропотливая работа его наставников Д. Н. Медведева и С. Т. Стехова.

Особое внимание уделялось работе с местными жителями.

Среди населения распространялись газеты, листовки, прокламации, сводки Информбюро, проводилась агитационная работа. Партизаны обучали местных жителей стрельбе, методам наблюдения за врагом и способам обороны. Бригада «Вперед», например, проводила такую работу в 30 деревнях {232}.

В отрядах, бригадах и соединениях действовали партийные и комсомольские ячейки, проводились их собрания. Обсуждались вопросы об авангардной роли коммунистов и комсомольцев в боевой жизни отрядов, о работе среди местного населения, о политучебе и воспитательной работе среди бойцов, о приеме новых членов в ряды партии, комсомола и др.

Так, в канун 25-й годовщины Октября кандидатом в члены партии был принят подрывник И. Любимов, на счету которого было четыре вражеских эшелона. Рекомендацию бойцу, бежавшему из фашистского плена, дал С. А. Ваупшасов. Тогда же в члены партии был принят боец Усольцев. На этом же собрании

была создана единая парторганизация отрядов бригады. Она насчитывала 32 члена и 16 кандидатов в члены партии {233}. В 1944 г. парторганизация уже насчитывала 100 коммунистов.

В отряде Бажанова накануне 1 мая 1942 г. в члены КПСС были приняты подрывники В. Дубенский и Н. Ананьев. Накануне, выполняя приказ Центра, они пустили под откос специальный эшелон с фашистской техникой.

В феврале 1943 г. в бригаде была оформлена комсомольская организация и избран комитет ВЛКСМ. Комсомольцы «Неуловимых» по заданию подпольного райкома партии помогли организовать в 20 населенных пунктах Полоцкого района подпольные комсомольские ячейки. Большую работу здесь провел комсорг отряда боец-ифлиец Д. Файнгелерент {234}.

Практиковались «летучие» партийные и комсомольские собрания, которые проводились перед очередным походом или боевой операцией. Так, в отряде «Олимп» в октябре 1943 г. перед его выходом в рейд под Ровно состоялось партийное собрание с повесткой дня: «Роль коммунистов в ответственном переходе». Были распределены конкретные обязанности между членами партии. Коммунисту С. Будницкому было поручено руководство подготовкой и распределением в пути среди местного населения сводок Совинформбюро, газет, листовок; коммунистам разведки – обеспечить четкую ее работу; коммунистам-врачам – контроль за работой медслужбы и т. д. {235}.

О формах и масштабах партийно-политической работы, проводимой в отрядах ОМСБОНа, свидетельствует пример парторганизации «Боевого». За время пребывания в тылу врага было проведено 46 общих партийно-комсомольских собраний, выпущено 290 боевых листков, 13 номеров отрядной газеты.

Только за десять месяцев (1943–1944 гг.) в Дриссенском, Россонском и Освейском районах было проведено около 150 собраний и бесед с местным населением; в них участвовало 10 тыс. человек. В гарнизон противника было заслано около 500 экземпляров сводок Совинформбюро. Общее руководство этой работой осуществляли батальонный комиссар А. Я. Мильцман и В. Н. Зеленецкая, ранее преподававшая марксизм-ленинизм в Московском историко-архивном институте [42] .

«…Коммунисты и комсомольцы, находясь на заданиях, показывали личный пример, были в авангарде всего личного состава. В боях с немецко-фашистскими захватчиками в глубоком тылу врага… коммунисты и комсомольцы показали, что они умеют свято хранить и умножать славные традиции нашей части», – отмечалось в отчете о боевой деятельности ОМСБОНа. Показательно, что из 5172 человек, награжденных в годы войны

орденами и медалями, 3939 были коммунистами и комсомольцами. Из 15 офицеров и бойцов ОМСБОНа, которым к весне 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза, 11 были коммунистами и комсомольцами [43] .

О высоком моральном духе бойцов омсбоновских отрядов убедительно свидетельствует и то обстоятельство, что в их жизни в тылу врага особое место занимала культурно-просветительная работа и художественная самодеятельность. Среди бойцов было немало известных артистов, музыкантов, чтецов, акробатов, начинающих поэтов, писателей и журналистов. Особый творческий дух в отряды вносили бойцы – бывшие студенты московских вузов, и прежде всего ифлийцы, а также воины-интернационалисты. В отрядах, бригадах и соединениях работали кружки художественной самодеятельности, драматические коллективы, агитбригады, концертные бригады. В бригаде «Неуловимые» был создан ансамбль песни и пляски, который дал сотни концертов для партизан и жителей деревень и сел партизанской зоны. Только в ноябре 1942 г. ансамбль дал 39 концертов, на которых присутствовало 6 тыс. человек {236}.

Огромной радостью для партизан и местных жителей была возможность увидеть советские кинофильмы. Так, в 1942 г. Москва прислала документальную ленту «Разгром немцев под Москвой». В отрядах, деревнях и селах Витебской области она демонстрировалась 300 раз. Ее успели просмотреть свыше 50 тыс. человек {237}. Трудно переоценить идейное, психологическое и моральное воздействие этих сеансов!

Омсбоновцы стремились отметить митингами и концертами каждую праздничную дату, которой посвящались и боевые подарки подрывников.

31 декабря 1943 г. медведевцы дали новогодний концерт для детей партизанских семей и окрестных сел в с. Верхополье. Выступали Максим Греков, бывший студент театрального училища им. Щукина, ифлиец С. Шишмарев, боец Мансура (Дед Мороз) и др.

«В самую большую избу села набилось много народа. Тесно. Приподнятое настроение, улыбки. Дети очень быстро перестали стесняться, зачарованно рассматривают маленькую елочку, украшенную самодельными игрушками, а на вершине елки – пятиконечная звезда. Партизаны, глядя на ребят, тоже оттаяли, на несколько мгновений забыв, где им приходится встречать этот добрый праздник» – так пишет об этом событии С. Стрельцов {238}.

Дед Мороз раздавал ребятам трофейные продукты – сахар, мед, консервы.

7 ноября 1943 г. в отряде состоялся интернациональный концерт, в котором приняли участие русские, грузины, белорусы, украинцы, армяне, осетины, поляки, испанцы, болгары. Каждая группа артистов выступала на родном языке. А. Драганов читал на болгарском языке стихи Х. Ботева, а В. Попова – в переводе на русский {239}. В этот день на лесной поляне спортсмены отряда провели спартакиаду, в которой приняли участие бойцы пяти взводов. Наградой победителям служили банки консервов {240}.

Драмкружок медведевцев репетировал «Гамлета» Шекспира. Роль Офелии взял на себя боец-ифлиец Г. Шмуйловский. Участники кружка Базанов, Цессарский, Шмуйловский сыграли перед бойцами сцены из оперы «Евгений Онегин» под сопровождение самодеятельного «оркестра». Однажды Базанов предложил бойцам завести рукописную книгу стихов любимых поэтов. Этой книгой зачитывались бойцы. В некоторых отрядах действовали даже библиотеки, скомплектованные из книг, взятых с собою бойцами или же найденных в деревнях и селах.

С большой любовью и старанием бойцы выпускали боевые листки и стенгазеты. Всеобщий смех вызывали острые карикатуры, дружеские шаржи, сатира и юмор.

Популярным видом искусства в отрядах была живопись. Многие партизанские художники в часы досуга рисовали бытовые и военные сцены, пейзажи, портреты боевых товарищей. В отряде Шемякина доброй славой пользовался художник Володя Рогинский. Он создал портреты разведчиков и подрывников Б. Смирнова, В. Рассадина, К. Смелова, С. Глебова и других, а к Новому году сделал сюрприз бойцам – из снега вылепил у входа в штабную землянку двух львов {241}.

У партизан была категорически запрещена игра в карты.

…Однажды комиссар медведевцев С. Т. Стехов как бы невзначай вырезал из дерева фигурку шахматного коня. Вскоре в отряде появилось 10 полных комплектов шахмат.

Спортивные тренировки, ежедневные зарядка и бег были нормой жизни омсбоновских отрядов.

Партизаны соседних отрядов совместно проводили свой досуг, обменивались концертными программами, устраивали соревнования по волейболу, шахматам, городкам. Так было, например, в отрядах В. Карасева, Н. Прокопюка, Д. Медведева.

Интенсивная духовная жизнь отрядов в тылу врага являлась важной составной партизанских будней, убедительно свидетельствовала о высоком моральном духе бойцов и командиров омсбоновских отрядов. «Сильными духом» назвал Д. Н. Медведев своих боевых друзей. И может быть, наиболее убедительным свидетельством силы духа омсбоновцев является

то, что и в экстремальных условиях партизанской жизни многие из них редкие свободные часы свои отдавали литературному и художественному творчеству.

Жизнь и борьба на грани ежечасного риска и предельная психологическая напряженность обостряли восприятие и порождали потребность запечатлеть увиденное и пережитое. Так, вопреки строжайшим запретам заполнялись дневники (как правило, на языке личного шифра), писались рассказы и очерки, зарождались замыслы будущих книг в партизанских «чумах», шалашах, землянках, а то и у пней, заменявших столы уединявшимся и сосредоточенным бойцам, и чаще других – ифлийцам. Друзья знали: в эти минуты мешать им и отвлекать их нельзя.

А. В. Цессарский в своей книге запечатлел образ одного из них – ифлийца Гриши Шмуйловского:

«Ночью, после первомайского праздника, возвращаясь от раненых к своему шалашу, я увидел Гришу у костра перед штабом. Он что-то быстро писал на листках бумаги. Я разобрал первую строчку: «Он был ранен в самом начале боя». «Ты пишешь рассказ, Гриша? О чем?» Он с трудом отвлекся от своих мыслей: «Я должен записать. Обо всем, что здесь происходит. О каждом. Должен. Ты понимаешь, я чувствую это как необходимость. Ты подумай… пройдет время, нас не будет – одних раньше, других позже… Но то, что мы делаем, что несем в сердце, что рождается здесь, в боях, вместе с нами это не должно погибнуть. Это должно войти в сердце потомков как частица их духовного богатства. В этом смысл наших страданий и радостей» {242}.

Несколько слов об организации партизанского быта. Первейшей заботой командования отрядов, а затем бригад и соединений было создание партизанской базы или лагеря. Начиналась эта работа с выбора наиболее подходящего места. Оно должно было отвечать целому ряду условий, таких, как относительная близость к основным объектам разведки и диверсий, скрытность и защищенность.

Более всего для лагеря подходили зеленые песчаные островки, окруженные труднопроходимыми болотами и лесами. Определив место, приступали к строительству лагеря. На временных стоянках строили шатровые шалаши: сходящиеся шатром слеги на половину высоты прикрывали густым слоем лапника, верхнюю часть шатра оставляли открытой для дыма, внутри шалаша горел костер, поддерживать огонь в котором входило в обязанности дневального. Спали по двое, подложив под себя один полушубок и накрываясь вторым.

Постоянная база представляла собой целый городок

относительно благоустроенных землянок, планировка и расположение которых определялись их назначением. Как правило, в центре лагеря размещались штабная землянка и землянка медчасти. Их окружали жилые землянки, где по отделениям размещались бойцы. Партизаны стремились по возможности благоустроить свой быт. Так, в лагере Градова в Гресском лесу землянки изнутри были обтянуты парашютным шелком. Лагеря больших отрядов и бригад имели развитые хозяйственные службы: столярные, сапожные, слесарные и швейные мастерские, конюшни, бани. Специальные площадки отводились для построений, ведения боевой и политической учебы. Неподалеку от лагерей расчищали площадки для приема авиасбросов и парашютистов. Подходы к лагерю, как правило, минировались. Минные заграждения имели оборонительную и сигнальную функции, так как взрывы предупреждали о приближении врага. В то же время они резко ограничивали маневренность карателей. Охрану осуществляли часовые, дозорные и выдвинутые на несколько километров от лагеря секреты.

В строительство каждого такого лагеря было вложено много труда и смекалки. Партизанская жизнь предъявляла серьезные требования к каждому бойцу. Нужно было владеть всеми видами оружия, минно-подрывной техникой, навыками разведчика и вместе с тем уметь делать все необходимое по хозяйству: строить шалаши и землянки, разжечь костер, молоть муку и печь хлеб, починить обувь и одежду, смастерить все необходимое, запрячь коня в телегу, сплести лапти, сварить обед, подоить корову, выкопать колодец и многое другое.

В лагерях омсбоновских отрядов соблюдался армейский порядок, в основе которого лежала безупречная дисциплина и неукоснительное соблюдение уставных требований. Был введен строжайший запрет на употребление спиртных напитков.

Вот как описывает лагерь отряда Градова бывший секретарь Минского горкома партии С. К. Лещеня:

«…Сразу бросилось в глаза, что в отряде поддерживается строгий порядок. Лагерь размещен в красивой березовой роще, неподалеку от деревни Боровцы. Палатки и шалаши выстроились будто солдаты на плацу, выдерживая равнение. Людей совсем мало. Большинство на заданиях, а те, что в лагере, заняты делом. Словом, впечатление такое, что ты не в партизанском отряде, а в кадровой воинской части» {243}.

Примерно такое же впечатление производил на местных партизан лагерь карасевцев:

«…Нам понравился лагерь Карасева. На небольшой

возвышенности протяженностью около 300 метров, зигзагообразно тянувшейся в густом сосновом бору, были построены землянки.

…Ближайшие подступы к лагерю были со всех сторон заминированы. По всему периметру вокруг лагеря были сооружены окопы, ходы сообщения, пулеметные ячейки. Причем это сделано надежно, по-хозяйски и надолго.

На берегу небольшой речушки была столовая, чуть далее – баня, срубленная из спиленных сосновых бревен» {244}.

Главной заботой хозяйственников являлось снабжение отрядов продовольствием. Большую помощь и поддержку в этом оказывало местное население. Так, в партизанских зонах Белоруссии хлеб, мясо, сало и другие продукты крестьяне сдавали партизанам организованно, в счет госпоставок, под соответствующие расписки. Но основным способом снабжения отрядов продовольствием были так называемые хозяйственные операции, часто представлявшие собой боевые столкновения с противником, нападения на его обозы и склады. Такой, например, была операция «Соль», осуществленная бойцами отряда «Олимп». С обеспечением солью в партизанских зонах было особенно тяжело. Остро ощущалось ее отсутствие и партизанами, и крестьянами.

Разведка отряда доложила, что из гарнизонной базы в Ельске выехал обоз с солью – восемь подвод под охраной колонны конников. Группа П. Ярославцева устроила засаду на дороге на перегоне Ельск – Новая Рудня, а у с. Будки противника поджидала кавалерийская группа Е. Ивлиева. Кавалеристы разгромили вражеских конников, охранявших ехавшего с обозом в фаэтоне шефа жандармов, и уничтожили прибывших на машине карателей. А группа П. Ярославцева захватила обоз. Взяв часть соли для нужд отряда, бойцы предложили повозочным везти соль в деревню, где ее раздали крестьянам {245}.

Большое внимание командование уделяло обеспечению продовольствием групп, уходящих на задание. С этой целью в отряде «Победители», например, было налажено производство копченых колбас {246}. Исключительное внимание уделялось охране лагерей и баз отрядов.

Специальная система контрольных пунктов с соответствующей сигнализацией помогала оповещать подрывные группы, находящиеся вне лагеря, о месте нахождения отряда или о месте возможной встречи в тех случаях, когда немцы начинали карательные операции и отряд вынужден был оставить прежний лагерь.

В обычные, будничные дни для всех бойцов, не бывших на

заданиях и в охране, проводилась боевая учеба. В бригадах и соединениях было налажено обучение вновь пришедших в отряды партизан из числа местных жителей. Занятия по особой программе вели офицеры и сержанты-омсбоновцы. Так, в бригаде «Неуловимые» занятия по тактике и минно-подрывному делу вели Х. Бадоев, А. Никольский, Е. Телегуев, Б. Табачников, Самосюк, Э. Соломон, В. Майский. Они же проводили занятия и в соседних партизанских соединениях {247}.

Постепенно бригады и соединения обрастали большим хозяйством. Так, в ноябре 1943 г. при выходе из Цуманских лесов колонна медведевцев растянулась на марше на 3 км. Обоз включал до 50 фурманок: везли раненых и боеприпасы, продовольствие – бочки с засоленными мясом и салом, ящики с колбасой, посуду, хозяйство оружейной, столярной и сапожной мастерских, трофеи {248}.

Партизанская жизнь требовала умения преодолевать повседневные испытания – труднейшие многокилометровые походы, когда груз каждого бойца часто достигал 40–50 кг; когда неделями не снимали с себя одежду и обувь, не мыли тело, более или менее сытно не ели; когда карательные экспедиции сменяли одна другую, а бой – ночные марш-броски и новые столкновения с врагами. Привычными явлениями, если к этому можно привыкнуть, были постоянное недоедание, а то и голод в течение длительного времени, холод, борьба со вшивостью, чесоткой, тифом, цингой. Требовались величайшая внутренняя мобилизованность каждого бойца, организованность и строжайшая дисциплина, чтобы выдержать эти испытания и быть всегда в боевой готовности.

Особую заботу в лагерях проявляли о больных и раненых. В центре внимания командования отрядами, бригадами и соединениями все время оставалась медицинская служба. Постепенно она обрастала автономным хозяйством, со своими землянками, операционными, аптеками, стоматологическими пунктами. Возглавляли медслужбу молодые военврачи, вчерашние выпускники медицинских институтов, приобретшие в тылу врага огромный практический и организационный опыт: И. Давыдов (отряд «Славный»), А. Цессарский, Щербинина, В. Павлова (отряд «Победители»), А. Савкова, Н. Рогачева, Н. Судоплатов, И. Смирнов (отряд «Олимп») и др. Геройски проявили себя в тылу врага военфельдшеры отрядов и групп, санитарки – бывшие студентки вузов З. Первушина, З. Чернышова, А. Павлюченкова. Впоследствии, по мере того как отряды вырастали в бригады и соединения, в каждой роте появлялась своя медицинская служба с военврачом, фельдшером,

санинструктором. Последних готовили в соединениях на специальных курсах.

Судьба раненых и больных, как вспоминает А. Цессарский, глубоко волновала весь отряд {249}. Для них создавали специальные кухни. Много усилий прилагалось для обеспечения медслужбы медикаментами и хирургическими инструментами. Их сбрасывали на парашютах, доставали через подпольщиков в городах.

Для больных и раненых заготовляли продукты, березовый сок, заячью капусту, чернику, малину, бруснику, клюкву, дикий чеснок, целебные травы; их поили хвойным настоем {250}.

И результаты героических усилий омсбоновских медиков были поистине поразительными: так, в условиях беспокойной партизанской жизни, с ее тревогами, боями, передвижениями, острой нехваткой самого необходимого, в бригаде Д. Н. Медведева из общего числа 250 раненых 238 были возвращены в строй! {251} Врачам-терапевтам приходилось уже в лагерных условиях овладевать специальностью хирургов. Ими были сделаны десятки сложнейших операций, и при этом многие, особенно в первые месяцы пребывания в тылу врага, – с помощью самых примитивных инструментов.

Так, А. Цессарский вынужден был ампутировать бойцу Фролову гангренозную ногу… дровяной пилой. Он же ампутировал поперечной пилой ногу Н. Фадееву, оперировал Хосе Гросса, у которого была разбита разрывной пулей лопатка, и многих других бойцов. К счастью, в его распоряжении был наркоз {252}. Ему же удалось спасти бойца Шаликова, раненного в область печени {253}. Особенно частыми были случаи легких ранений, а также обморожений, ожогов и… потертостей ног во время бесконечных партизанских походов.

Спасение раненых было делом всех бойцов. Приведем случай из практики отряда «Победители». В бою с карателями был ранен боец В. Быков. Требовалась срочная операция. В это время каратели подошли к лагерю, и необходимо было срочно уходить в глубь леса. Но Д. Н. Медведев приказал роте Базанова во что бы то ни стало задержать противника на 30 минут: столько требовалось А. Цессарскому для завершения операции. И партизаны, и врач сделали все возможное. Жизнь бойца была спасена, а отряд благополучно отошел в лес {254}.

Мы привели примеры из практики медслужбы отряда «Победители». Это объясняется тем, что ее опыт нашел подробное освещение в замечательной книге А. В. Цессарского «Записки партизанского врача». Но эти примеры были характерны для практики медицинских служб каждого из омсбоновских отрядов.

И каждый отряд стремился во что бы то ни стало обеспечить доставку тяжелораненых и тяжелобольных в прифронтовые госпитали и советский тыл.

Омсбоновские врачи оказывали медицинскую помощь местному населению, принимали роды, обходили больных, организовывали борьбу с эпидемиями, вели санитарно-гигиеническую пропаганду.

Партизаны помогали местным жителям сеять хлеб и убирать урожай.

…В августе 1942 г. бойцы «Неуловимых» вышли с крестьянами на уборку урожая. Им пыталась помешать фашистская авиация. Бойцы вели огонь по самолетам. В течение трех дней ими было сбито два бомбардировщика и один истребитель врага {255}.

На следующем этапе партизанской жизни не только усилилась борьба с захватчиками-фашистами, но и окрепли братские связи с местным населением, что и послужило залогом одержанных побед.

Во взаимодействии с армейскими частями (1942–1945 гг.)

На протяжении всех лет Великой Отечественной войны ОМСБОН силами своих подразделений и специальных формирований принимал самое непосредственное участие в боевых действиях на фронтах, и в первую очередь – в важнейших стратегических операциях Советской Армии, имевших решающее значение на разных этапах войны.

В 1942–1945 гг. формирования ОМСБОНа выполняли на фронтах задания Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии, командующих Западным и Брянским фронтами и 16-й армии, Северо-Кавказским, Степным, Воронежским и Закавказским фронтами, Штаба обороны Главного Кавказского хребта, а затем – командующих 1, 2, 3, 4-м Украинским и 1, 2, 3-м Белорусским фронтами.

Командование Красной Армии и штабы фронтов рассматривали ОМСБОН как специализированную воинскую часть, призванную сочетать выполнение особо ответственных заданий на фронте с разведывательно-диверсионной деятельностью в прифронтовом и глубоком тылу противника.

Опыт боевых действий подразделений ОМСБОНа на Калининском и Западном фронтах в период Московской битвы подтвердил необходимость и целесообразность использования крупных формирований и отдельных отрядов ОМСБОНа для решения специальных задач, а в случае необходимости – и участия в оборонительных и наступательных боях войск фронта.

Но основные задачи формирований ОМСБОНа на фронтах сводились к проведению минно-взрывных и заградительных работ на особо опасных участках; минированию важных объектов, подлежащих уничтожению на случай отступления советских войск; последующей ликвидации минных полей и заграждений, а также к обучению бойцов и офицеров регулярной армии минно-подрывному делу.

Предваряя наступательные действия советских войск на ряде участков фронта, омсбоновцы вместе с саперными частями прокладывали в минных полях проходы, по которым устремлялись в наступление наши танковые, артиллерийские и пехотные части. Воины ОМСБОНа разминировали созданные ими ранее минные поля, обнаруживали и обезвреживали минные заграждения противника; минные заряды, заложенные ими в гражданские, военные, промышленные и транспортные

сооружения в освобожденных населенных пунктах; обезвреживали склады боеприпасов, вражеские мины-ловушки. Эта работа была сопряжена с особой опасностью и приводила нередко к потерям. Многие офицеры и бойцы ОМСБОНа погибли по разным причинам на этих заданиях, ценой своей жизни обеспечивая безопасность советских воинов и мирных граждан, спасая от уничтожения боевую технику и народное достояние.

Когда же обстановка требовала непосредственного участия омсбоновских формирований в боевых действиях, они бок о бок с фронтовиками занимали оборонительные рубежи или же шли в наступление на врага, проявляя образцы героизма, стойкости, находчивости и мужества.

Как правило, формирования или спецотряды ОМСБОНа направлялись на тот или иной участок фронта по непосредственному предложению Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба, НКВД (МВД) СССР или же по просьбе командующих фронтами. После получения соответствующего приказа или распоряжения командование ОМСБОНа уточняло задание и согласовывало разработанный штабом бригады план действия с Генеральным штабом Красной Армии и со штабами фронтов. Так, командир ОМСБОНа полковник М. Ф. Орлов, а в 1942–1943 гг. полковник В. В. Гриднев неоднократно встречались по этим вопросам с начальником Генерального штаба Красной Армии маршалом Б. М. Шапошниковым, начальником Оперативного управления Генерального штаба генералом армии С. М. Штеменко, командующими Западным, Центральным, Брянским, Степным, Сталинградским, Белорусским, Украинским фронтами Г. К. Жуковым, К. К. Рокоссовским, И. С. Коневым и другими советскими полководцами. В Наркомат внутренних дел (министерство) неоднократно поступали просьбы от командующих фронтами о посылке на фронт и в прифронтовой и глубокий тыл врага отрядов ОМСБОНа. Обычно в таких документах содержалась высокая оценка результатов предшествующих действий омсбоновцев.

Вновь на Западном фронте

Как уже отмечалось, начало фронтовым традициям ОМСБОНа было положено в период Московской битвы, когда подразделения и спецотряды, сформированные из офицеров и бойцов 1-го и 2-го полков, выполняли задания командования Калининского и Западного фронтов, 4, 10-й и 16-й армий на многих участках фронта – от Московского моря до Каширы и Сухиничей. Боевые действия этих подразделений и отрядов продолжались с осени 1941-го до весны 1942 г., когда отдельные отряды и группы, выполнив задания и понеся значительные потери, вернулись в бригаду или же ушли в глубокий тыл противника. В соответствии с реальной обстановкой и состоянием того или иного отряда командование ОМСБОНа решало вопрос о его дальнейшем использовании: выходе в тыл врага, возвращении в бригаду на отдых и пополнение, расформировании и т. д. При формировании новых отрядов и групп для действий на фронте и в тылу врага предпочтение отдавалось воинам, хорошо проявившим себя в битве под Москвой и в составе первых отрядов, направленных в тыл врага.

Некоторые же подразделения и отряды ОМСБОНа оставались на фронте более длительное время и до особого распоряжения действовали в непосредственном подчинении командующих фронтовыми частями. Когда в феврале 1942 г. после выполнения задач, поставленных штабом 16-й армии, командир отряда старший лейтенант Бажанов запросил разрешения на выход отряда в глубокий тыл врага, командующий 16-й армией генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский и член Военного совета армии дивизионный комиссар А. А. Лобачев в своем приказе предписали ему «впредь до особого распоряжения оставаться в подчинении 322-й стрелковой дивизии» {1}. В соответствии с этим приказом отряд продолжал выполнять боевые задачи на участке 322-й дивизии и только в марте 1942 г. с согласия командования 16-й армии был направлен на отдых и переформирование в Москву.

Ранней весной 1942 г. по просьбе начальника инженерных войск Западного фронта генерал-майора М. Воробьева подразделения ОМСБОНа проводили проверку и разминирование ранее установленных воинами бригады минных полей и заграждений на фронте протяжением от Московского моря до Серпухова и Тулы {2}.

Одновременно пять команд подрывников бригады были направлены на борьбу с ледяными заторами на реке Москве во время весеннего паводка {3}.

В июне 1942 г. обстановка, сложившаяся на Западном и Брянском фронтах, вновь продиктовала необходимость направить в распоряжение командования этими фронтами крупное формирование омсбоновцев. От действовавших в тылу немецкой армии отрядов ОМСБОНа и от фронтовой разведки непрерывно поступали сведения о концентрации немецко-фашистских войск на стыке Западного и Брянского фронтов. Советскому командованию стало ясно, что гитлеровцы готовят фланговый удар против наших армий, прикрывавших подступы к Москве с запада и юго-запада.

Наступательная операция фашистских войск, получившая кодовое наименование Жиздринской, имела второстепенное, отвлекающее значение по отношению к основной, имевшей целью прорыв фашистских войск к Волге и на Кавказ. Однако в случае успеха немецких войск на этом участке фронта она могла создать реальную угрозу Москве. В любом случае эта операция призвана была, по расчетам немецкого командования, помешать переброске резервов Красной Армии на юг, где в это время разворачивалось решающее сражение летней кампании 1942 г.

Еще в феврале 1942 г. на Западный фронт для восстановления правительственной связи ушла отдельная рота в составе 250 человек под командованием капитана П. В. Иванова {4}. По указанию Генерального штаба и командующего Западным фронтом и в соответствии с приказом НКВД СССР командование ОМСБОНа сформировало сводный отряд из офицеров и бойцов 1-го и 2-го полков бригады численностью 1200 человек. Отряд под командованием М. Ф. Орлова прибыл на фронт и был направлен в район Белёва – Плавска – Мценска. Здесь за короткий срок омсбоновцами была создана система минно-подрывных заграждений. Одновременно омсбоновскому отряду «Славный» под командованием Шестакова, находившемуся в тылу фашистских войск, было дано задание вывести из строя железнодорожную магистраль Гомель – Брянск.

В конце 1942 г. Ставка Верховного Главнокомандования и Наркомат обороны СССР поставили перед Западным фронтом и НКВД СССР задачу нарушить коммуникации, обеспечивающие войска противника, находившиеся против Калининского, Западного и Брянского фронтов {5}. Во исполнение плана начальник инженерных войск Западного фронта генерал-майор М. П. Воробьев обратился в НКВД СССР с просьбой направить в распоряжение штаба фронта бойцов-минеров ОМСБОНа для включения их в сводные отряды в составе омсбоновцев, воинов 1-й Отдельной гвардейской бригады НКО и 9-го гвардейского батальона минеров Западного фронта {6}. Вскоре в штаб

Западного фронта выехали командир бригады полковник В. В. Гриднев и начальник инженерной службы подполковник М. Н. Шперов. Штаб фронта, как вспоминает генерал В. В. Гриднев, размещался в одном из довоенных санаториев в районе Малоярославца. Командующий Западным фронтом генерал-полковник И. С. Конев согласился с предложенным штабом ОМСБОНа планом заброски в тыл отрядов бригады и поставил перед ними конкретные задачи.

Находясь на фронте, омсбоновцы участвовали в оборонительных и наступательных боях, в поиске разведчиков, захвате «языков», обучали фронтовиков минно-подрывному делу, минировали объекты, подлежащие уничтожению на случай отступления советских войск. При этом широко использовался опыт, накопленный в битве за Москву осенью 1941-го и зимой 1941/42 г.

В конце 1942 г. в связи с наступательными операциями Красной Армии в районе Сталинграда и на Кавказе немецко-фашистское командование усилило маневрирование своих войск по железнодорожным и шоссейным коммуникациям на центральном участке фронта. Необходимо было наладить поступление точных разведывательных данных. На Западный фронт, в расположение 70-й Ударной армии, была направлена группа омсбоновцев во главе со старшим лейтенантом Г. Мазуровым, в состав которой входили спортсмены-воины С. Бабаев, В. Иванов, А. Крехов и др. Они организовали подготовку снайперов и охотников за «языками», ходили в разведку и на захват «языков». Так, в марте 1943 г. во встречном бою группа Мазурова уничтожила разведчиков противника и захватила в плен «языка», давшего ценные сведения штабу 70-й армии {7}.

Минеры ОМСБОНа из отряда Е. Ободовского разминировали объекты и обезвреживали мины противника в районе Тулы, в Лихвине, Белёве, Харькове и во многих других городах и населенных пунктах, освобожденных в 1941–1943 гг. от фашистской оккупации.

«Характерной для ОМСБОНа особенностью, – **отмечалось в приказе по инженерным войскам Западного фронта** , – является четкость и отличная организованность, выявленные при выполнении заданий фронта. Работой ОМСБОНа фронту оказана большая помощь» {8}.

В ходе боевых операций 1941–1942 гг. под Москвой и на Западном фронте бойцы и офицеры ОМСБОНа приобрели большой опыт минно-заградительных работ и разминирования в боевых условиях, а также опыт ведения разведки, диверсий, оборонительных и наступательных боев, перехода линии фронта,

действий в условиях прифронтового тыла врага. Воинам бригады доводилось выполнять самые разнообразные задания командующих фронтами и их штабов. Так, в январе 1942 г. два взвода 2-го мотострелкового полка ОМСБОНа под командованием лейтенанта Н. В. Лебедева обезвредили парашютный десант врага, заброшенный в Тульскую область {9}. Это был далеко не единичный случай успешных действий омсбоновцев по борьбе с вражескими парашютистами, разведчиками и диверсантами, забрасывавшимися разведслужбами врага в тыл Советской Армии.

Под Сталинградом и на Кавказе

Не менее значительным по масштабам и характеру боевых действий явилось участие формирований бригады в Сталинградской битве и в битве за Кавказ (1942–1943 гг.).

Летом 1942 г., в самый разгар боев в излучине Дона и на Северном Кавказе, командование ОМСБОНа получило приказ срочно направить сводный отряд для создания минно-заградительной зоны в районе Сталинграда и минирования объектов города {10}.

В состав отряда вошла группа Е. А. Ободовского, ранее действовавшая под Тулой, Калугой и на других участках Западного фронта. В числе ее бойцов были и испанские интернационалисты. В боях под Сталинградом отличился омсбоновец, снайпер, бывший охотник В. В. Лебедь. В августе – сентябре 1942 г. группа подрывников под командованием сержанта Ф. С. Леонова выполняла задания по минированию объектов в Сталинграде {11}. В разгар битвы на Сталинградский фронт была направлена группа снайперов в составе старшего лейтенанта М. И. Строганова, техника-лейтенанта Ващенко, младшего лейтенанта Черкасова, сержантов Маркова и Мешкова, младшего сержанта О. Шапиро. За короткий срок ими было уничтожено 64 офицера и солдата {12}. В 1942 г. на Кавказ было отправлено шесть оперативных отрядов общей численностью до 500 бойцов {13}. Им предстояло действовать в особо укрепленных районах – Орджоникидзевском, Грозненском, Махачкалинском – и на горных перевалах Главного Кавказского хребта {14}.

Возглавил это формирование командир ОМСБОНа полковник М. Ф. Орлов, назначенный также заместителем командира Орджоникидзевской дивизии НКВД {15}.

Как клятва омсбоновцев, отъезжавших на Кавказ, звучали стихи С. Гудзенко, опубликованные в те дни в газете «Победа за нами»:

Мы все уменье,
упорство и гнев
соберем в едином ударе
и отстоим бакинскую нефть
и сады цветущей Аджарии.
Нам нужно стоять,
как горный хребет,
стоять, как стена стальная.
Выход один —

и другого нет! —
выстоять,
не отступая! {16}

В тяжелейших условиях стремительного наступления фашистских войск воины оперативных отрядов в составе трех рот под командованием капитана С. Е. Скоробогатько и майора И. Ф. Пашина создавали минные поля и инженерные заграждения в районах Краснодара, Майкопа, Грозного, Махачкалы. Несмотря на постоянные бомбежки и обстрелы авиацией противника, ставили минные поля, а также минировали военные объекты. Было заложено свыше 730 фугасов, созданы завалы на площади 36,5 тыс. кв. м {17}. В феврале 1942 г. в распоряжение Закавказского фронта отбыли 5 групп, 659 офицеров и бойцов {18}, а в августе 1942 г. – 5 групп опытных альпинистов под командованием офицеров В. Михайлова, В. Дробицкого, В. Розова, А. Вульфа, Н. Машинова, Б. Грачева {19}, которые приняли участие в обороне Главного Кавказского хребта. Два взвода, которыми командовали младшие лейтенанты Семашко и Кутузов, были укомплектованы альпинистами. В их числе были австрийцы А. Мацек, Л. Штанцель, заслуженный мастер спорта Е. Абуков и др. {20}.

В условиях, сложившихся летом 1942 г. под Сталинградом, путь отряда к месту назначения – Тбилиси – был необычным: от Москвы до Астрахани ехали на поезде, неоднократно подвергаясь, особенно на отрезках маршрута Саратов – Сталинград и Сталинград – Астрахань, бомбежкам. В Астрахани отряд погрузился на пароход. Путь по Каспийскому морю до Дербента также был далеко не безопасным. От Дербента до Тбилиси ехали поездом. В Тбилиси отряд поступил в распоряжение командира 40-й Сухумской дивизии генерала Киселева. В армейских условиях формированию была придана структура обычного воинского подразделения: группы были преобразованы в роты. Так уж совпало, что в Тбилиси воины части, которая рождалась в первые дни войны на московском стадионе «Динамо», также были размещены под трибунами одноименного стадиона. На омсбоновцев были возложены задачи борьбы с вражескими горными стрелками и альпинистами, проведения минно-заградительных и взрывных работ на подступах к Главному Кавказскому хребту в районе Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорог и на перевалах.

По прибытии отрядов на место назначения их командование сразу же приступило к тренировочным учениям с целью привития бойцам навыков действий в горных условиях.

В программу учебы входили марш-броски по южным отрогам Кавказского хребта, отработка техники альпинизма, операции по захвату и ликвидации «вражеских десантов» и т. д. и т. д.

В распоряжение командующего Кавказским фронтом командование ОМСБОНа выделило также 14 групп альпинистов общей численностью 270 человек под командованием майора Н. К. Мишинова и три спецотряда в составе 130 бойцов и командиров {2l}. Младшие лейтенанты Семашко и Кутузов, инструкторы-альпинисты, офицеры Михайлов, Грачев, Целигоров, Лапушкин и альпинисты-тренеры С. Орлов, Ф. Родионов, В. Андреев и другие обучали бойцов и офицеров Закавказского фронта навыкам альпинизма и ведения боя в высокогорных условиях.

За короткий срок было подготовлено несколько отрядов воинов-альпинистов.

Вместе с тем воины-спортсмены активно включились в спортивную жизнь столицы Грузии. Они участвовали в показательных выступлениях, а также в чемпионате Тбилиси и Грузии по боксу и были горды тем, что звание чемпиона Тбилиси по боксу в 1942 г. выиграл омсбоновец С. Щербаков.

Ответственной частью боевого задания омсбоновцев являлись подготовка и уничтожение важных объектов на случай прорыва вражеских сил, а также обучение солдат фронта минно-подрывной деятельности, ведению боя в горных условиях и навыкам альпинизма.

Одновременно группа омсбоновцев, поступившая в распоряжение командования Северо-Кавказским фронтом, проводила минно-заградительные и взрывные операции непосредственно перед наступающим противником. Здесь отличились старший лейтенант Слонов, политрук М. Ракоши (венгерский интернационалист), старшина Тобилка, сержанты Гутман, Козейчук.

В обстановке стремительного наступления фашистских войск воины оперативных отрядов под командованием офицеров С. Скоробогатько и И. Пашина продолжали усиливать инженерные заграждения в районах Краснодара, Майкопа, Грозного, Махачкалы, минировать важные объекты в Грозненско-Майкопском нефтяном районе {22}.

Осенью 1942 г. линия фронта проходила по Главному Кавказскому хребту. Немецко-фашистские войска, основу которых составляли отборные альпийские и горно-стрелковые формирования, дошли до Мухторского перевала, заняли «Приют одиннадцати». Бои шли на подступах к г. Орджоникидзе. Враг рвался к Военно-Грузинской дороге. Фашистам удалось дойти до

Эльхотовых ворот – ущелья в начале этой дороги. Непосредственная опасность нависла над Южной Осетией и Тбилиси. В этих условиях омсбоновцы провели широкую разведку с целью уточнения сложившейся в районе Главного Кавказского хребта обстановки {23}.

В докладной М. Ф. Орлова командующему фронтом была дана подробная характеристика состояния перевалов Главного Кавказского хребта и их обороны. На основании этих данных был разработан план действий по усилению обороны перевалов {24}.

Бойцы майора Пашина минировали подступы к г. Орджоникидзе и важные объекты. В мастерских города ими было налажено производство самодельных противотанковых и противопехотных мин. Особые трудности, сопряженные с ежеминутной опасностью и предельным напряжением физических сил, представляли минно-заградительные работы на горных дорогах и перевалах… Взвод бойцов минировал дорогу Эльхотово – Орджоникидзе. Спортсмены-воины, используя альпийское оборудование, буквально повисали над скалами и в таком положении прорубали в гранитной породе ниши для закладки взрывчатки. Эта работа проводилась совместно с шахтерами Садонских рудников.

На участке Военно-Осетинской дороги до 35-го километра бойцами отряда было установлено 85 фугасов, в том числе 20 в скальных шурфах. Отряд установил также 11 скальных фугасов в нишах на оборонительных рубежах Дигорского и Гизельдонского ущелий. С 29 октября 1942 по 5 февраля 1943 г. было осуществлено минирование ближних подступов к г. Орджоникидзе. Под огнем врага и бомбежками было установлено свыше 8 тыс. мин {25}. При выполнении этих заданий особо отличились командиры групп минеров лейтенант Семашко и младший лейтенант Артемьев, командиры отделений старший сержант Егоров и сержант Гребнев, красноармейцы Алексеенко и Рябцев {26}.

Выполняя приказ командира дивизии войск НКВД генерал-майора Киселева, группа омсбоновцев подготовила из состава этой дивизии шесть отрядов для действий в тылу врага. Во главе каждого из этих отрядов были поставлены офицеры-омсбоновцы. 14 бойцов под командованием младшего лейтенанта М. Артемьева были отправлены под Гизель {27}. Бойцы ОМСБОНа участвовали и в боевых операциях. **Вот как описывает полковник М. Ф. Орлов один из эпизодов боевых действий отряда на Кавказе:**

«…В Заячьей балке пашинцы минировали участок под огнем противника. Действовать приходилось ночью, в темноте, в

условиях осенней распутицы. Противник вел непрерывный обстрел участка из пулеметов, артиллерии и минометов, освещая местность ракетами. Наши части занимали позицию позади минеров, в окопах, блиндажах, бронированных колпаках. Весь огонь врага приняли на себя отважные минеры. Но они продолжали самоотверженно работать. Для каждой мины надо было выкопать ямку, установить ее, вложить взрыватель, замаскировать ее. Все это следовало делать с предельной осторожностью. И все время прислушиваться, не лезут ли немцы. Приходилось и в грязь бултыхать, и лежать, не шевелясь, при каждой вражеской ракете – и так всю ночь. Рот и нос у каждого бойца были забиты грязью, а руки все исколоты колючками» {28}.

Группе подрывников под командованием С. Щербакова было приказано проникнуть в тыл врага и взорвать на горном перевале мост, по которому доставлялось горючее одному из танковых соединений противника. Подступы к мосту прикрывал фашистский дот. Сержант С. Щербаков и боец Г. Греков сумели незаметно подобраться к доту. Обложив его гранитный колпак головыми шашками, соединенными детонирующим шнуром, они взорвали дот и расчистили товарищам путь к мосту. Задание было выполнено {29}.

Передовым немецко-фашистским частям удалось прорваться к селению Гизель, находящемуся в 7 км от г. Орджоникидзе, а затем и к Огородной балке (окраина города). Рота омсбоновцев совместно с ударным батальоном участвовала в оборонительных и наступательных боях. Бойцы ходили в разведку, пробирались в тыл врага, нанося удары по его коммуникациям. В боях за освобождение Гизели отличились воины-спортсмены С. Щербаков, А. Гончаров, политрук роты В. Юдичев. Смелым броском бойцы роты зашли в тыл противника в районе селения Шестой километр и отрезали горным егерям путь к отступлению. В этом бою несколько бойцов были ранены. Был ранен в ногу С. Щербаков. Первую помощь им оказывали на поле боя военфельдшер Л. Потанина и санинструктор С. Ромашов.

В ноябре 1942 г. минеры ОМСБОНа прокладывали в минных полях проходы для перешедших в наступление войск генерала И. Масленникова. Тогда-то и увидели минеры бригады зримые результаты своей работы: на минных полях на подступах к г. Орджоникидзе нашли свой бесславный конец десятки танков, много автомашин, самоходок и другой техники врага, сотни фашистских солдат и офицеров.

Работа по разминированию минных полей и отдельных объектов в горной местности особенно опасной была в суровых условиях зимы. Взрыватели, снятые с предохранителей, напрочь

примерзали к минным коробкам, а обнаженные пальцы минеров мгновенно деревенели на морозном ветру.
Несмотря на все принятые меры, отряды не избежали потерь: вследствие личной неосторожности и по ряду других причин на собственных и вражеских минах подорвалось 12 бойцов бригады. Пришлось усилить внимание к вопросам безопасности работ. И здесь помогли смекалка и находчивость бойцов.

«На минном поле, – **вспоминает участник событий сержант А. Гончаров** , – выстраивалась группа подрывников в цепочку по одному с интервалом в 40–50 метров. Первый с помощью миноискателя и щупа отыскивал мину, второй ножом вырубал вокруг нее мерзлую землю, чтобы можно было захватить мину «кошкой», привязанной к длинному канату. Два солдата по команде старшего подрывника тянули за свободный конец каната и выдергивали мину из земли. Если она не взрывалась, то старший шел к ней уже безопасно и обезвреживал» {30}.

Во время наступательных боев на Северном Кавказе в начале 1943 г. батальон омсбоновцев под командованием М. Ф. Орлова в составе трех рот прошел боевой путь в 500 км от Эльхотовых ворот до Кубани. Группа альпинистов – воинов бригады – совершила восхождение на Эльбрус, сорвала с его вершины фашистский флаг и водрузила советский. Красное полотнище, гордо реявшее над величайшей вершиной Главного Кавказского хребта, явилось символом победы советских войск в битве за Кавказ и скорого освобождения всей территории Северного Кавказа от фашистских оккупантов. На всем пути от Орджоникидзе до Таманского полуострова минеры-омсбоновцы вместе с фронтовыми саперами шли впереди наступавших советских войск, расчищая им проходы в минных полях. На долю воинов бригады и здесь выпала опаснейшая работа по разминированию «своих» и вражеских минных полей, очищению освобожденных городов и других населенных пунктов, промышленных объектов от вражеских мин, «сюрпризов» и ловушек.

Отряд Пашина получил приказ зайти в тыл врага в районе селения Шестой километр и уничтожить находившийся там гарнизон. Совершив трудный марш по горной скалистой местности, отряд внезапно напал на фашистов и, уничтожив в бою свыше 450 немцев, открыл путь наступающим частям Красной Армии {31}.
Весной 1943 г. два взвода подрывников и разведчиков-омсбоновцев под командованием Г. Иванова, Кутузова и А. Гончарова участвовали в составе сводного батальона в количестве 300 человек в штурме переправы через речку-канал Курчанку и в

захвате плацдарма на ее правом, возвышенном берегу. Перед омсбоновцами была поставлена задача подавить огневые точки противника на высотках и помочь батальону овладеть ими.

«Мы двигались скрытно, ночью, – **вспоминает сержант А. Гончаров** , – но противнику все же удалось нас обнаружить {32}. Враг открыл огонь из шестиствольных минометов. Им ответили наши «катюши». Завязался бой на той стороне канала. По наступавшим вели прицельный огонь фашистские снайперы. С ними завязали «дуэль» снайперы-омсбоновцы – испанские интернационалисты Греверо и Рикардо» {33}.

Наступавшие наткнулись на яростное сопротивление укрепившихся на высотке немецких солдат. Особенно досаждал своим пулеметным огнем дот на склоне высотки. Десять бойцов во главе с Г. Крючковым пробрались к доту и, забросав его гранатами, уничтожили пулеметный расчет и дали ракетой сигнал к наступлению.

В другой раз немецкое командование бросило против наших солдат танки, стремясь обеспечить успех своей контратаки. Многие солдаты не устояли и стали покидать окопы. Тогда командир взвода Г. Иванов поднялся во весь рост навстречу танкам. Его поддержали солдаты. Контратака врага была отбита. Вечером того же дня Г. Иванов был смертельно ранен вражеской миной во время обхода позиций.

Летом 1943 г. омсбоновцы участвовали в освобождении г. Анапа, а затем в прорыве «Голубой линии» и в боях на подступах к станицам Крымской и Кавказской. Перед наступлением разведчики-омсбоновцы проникли в глубокий тыл противника и полученные сведения нанесли на карту системы оборонительных укреплений врага. Им удалось обнаружить, что на полуторакилометровом участке фронта нет немецких дотов и дзотов. Этим «окном» в системе укреплений противника и воспользовались наши наступающие части прорыва {34}.

Бойцы ОМСБОНа участвовали также в битве за Новороссийск и в боях за полное освобождение Таманского полуострова. Здесь, в плавнях устья Кубани, воины ОМСБОНа широко использовали опыт партизанской борьбы, накопленный к тому времени бойцами бригады в Брянских лесах, на Смоленщине, Украине и в Белоруссии. Они смело проникали в тыл врага, разрушали коммуникации, вели разведку, совместно с кубанскими партизанами осуществляли диверсии, помогая фронтовым частям, ведущим тяжелые бои.

При выполнении спецзаданий на Сталинградском и Кавказском фронтах отличились и были представлены к награждению 55 офицеров и бойцов ОМСБОНа, в их числе коммунисты и

комсомольцы Семашко, Юдичев, Бурондасов, Белонов, Евдокимов, Шолохов, Кузнецов, Каминский, Матвеев, Шеремет, испанцы Гонсалес, Диегас, Кастрельо. На их боевом счету были сотни подорвавшихся на минах и уничтоженных в боях танков, самоходок, артиллерийских орудий и минометов, тысячи фашистских солдат и офицеров {35}.

По обе стороны Курской дуги

Следующий этап боевого взаимодействия формирований ОМСБОНа с фронтовыми частями Красной Армии был связан с Курской битвой.

В начале 1943 г. три группы бойцов и офицеров бригады общей численностью 500 человек получили задание Ставки Верховного Главнокомандования по восстановлению и ремонту линий правительственной связи на территории Воронежской, Курской и Орловской областей. За предельно короткий срок было восстановлено и вновь построено 693 км линий связи. Эта задача в тяжелейших фронтовых условиях была выполнена бойцами бригады с оценкой «хорошо» {36}. Восстановление линии правительственной связи имело особое значение накануне Курской битвы.

Для Советского командования неоценимое значение имели добытые разведчиками-чекистами и переданные в Центр и в штаб Центрального фронта сведения о плане немецко-фашистского наступления в районе Курской дуги, о сроках его осуществления, о новых видах оружия, которые предполагало использовать гитлеровское командование, о дислокации и передвижениях частей немецкой армии [44] .

Весной 1943 г. около 1000 бойцов и офицеров ОМСБОНа были направлены в район Курской дуги в распоряжение командования 70-й и других армий. С ними на фронт прибыл комиссар ОМСБОНа А. С. Майсурадзе.

Наиболее существенную помощь фронту в ходе Курской битвы оказали спецотряды и спецгруппы ОМСБОНа и его разведчики, действовавшие во вражеском тылу. Непосредственно перед началом Курской битвы возникла острая необходимость в усилении ударов по важнейшим коммуникациям противника.

В мае 1943 г. командующий Центральным фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский и Военный совет фронта обратились в НКВД СССР с просьбой направить три отряда ОМСБОНа в тыл врага на участке этого фронта.

«Эти отряды, – **говорилось в письме Военного совета Центрального фронта** , – желательно использовать по их прямому назначению для совершения диверсий в глубоком тылу в интересах Брянского и Центрального фронтов с главной задачей воздействовать на перевозку из глубины в Брянск людей, боевой техники и боеприпасов и этим замедлить накопление им необходимых сил и средств на нашем направлении, а следовательно, *оттянуть сроки его наступления* . Это нам во всех

отношениях выгодно» {37}.

Командование ОМСБОНа поручило командиру 1-го мотострелкового полка бригады майору Н. Самусю сформировать три отряда для засылки в тыл Центрального фронта. Командование отрядами было поручено офицерам А. Н. Шихову, С. А. Каминскому, Н. Д. Матвееву. Командир ОМСБОНа полковник В. В. Гриднев выехал в штаб Центрального фронта для согласования плана переброски трех отрядов в тыл врага. Разведотдел фронта поставил перед этими отрядами и свои задачи. Через несколько дней под руководством майора Н. Самуса была осуществлена заброска двух отрядов с аэродрома в Ельце в расположение омсбоновского отряда «Вперед» (командир П. Шемякин), откуда они направились в заданные районы действий: отряд С. А. Каминского – в район железнодорожного узла Унеча, а отряды А. Н. Шихова и Н. Д. Матвеева – под Гомель {38}.

Необычными оказались проводы этих отрядов:

«…24 мая 1943 г., в воскресенье, в клубе части шел концерт шефов бригады – артистов Большого театра СССР. Перед бойцами выступали народные артисты СССР М. Д. Михайлов и И. С. Козловский. Во время выступления И. С. Козловского вдруг раздалась команда дежурного по части капитана: «Отряды Шихова, Матвеева, Каминского – в ружье!» Во дворе бойцов уже ожидали машины. Их провожали все участники и зрители концерта. Оркестр заиграл: «Прощай, любимый город», и М. Д. Михайлов и И. С. Козловский запели песню, подхваченную всеми присутствующими» [45] .

30 мая 1943 г. отряды А. Н. Шихова и С. А. Каминского десантировались в Чечерских лесах {39}. Отряд Н. Д. Матвеева был сброшен в Клетнянских лесах через месяц, уже в начале Курской битвы.

Пройдя свыше 160 км, отряд С. А. Каминского расположился в глубине Паньковского леса. Тотчас же разведчики и подрывники приступили к обследованию местности, наблюдению за интенсивностью движения на магистралях Унеча – Хутор Михайловский, Унеча – Гомель, Унеча – Кричев. Почти ежедневно выходили на задания подрывные группы старшины Широкова, сержантов Корюка и Бездудного. Немцы усилили охрану дорог, срочно соорудили систему дотов и дзотов, ввели патрулирование на танках. Авиация врага вела наблюдение за лесами, прилегающими к железной дороге, и бомбила их. Но все оказалось напрасным: шли под откос эшелоны, надолго выходили из строя целые участки дорог. Фактически в дни Курской битвы Унечский узел был парализован. Особо отличились подрывники

Широков, Житло, Щетинин, Фокин, Бездудный, Бобров, Семин, Богомолов. Неоднократно на «железку» выходили командиры – лейтенанты Каминский и Торопов. В июне 1943 г. бойцами отряда на участке Унеча – Хутор Михайловский было пущено под откос 6, а в июне – октябре на участках Унеча – Кричев и Унеча – Гомель – 9 военных эшелонов противника {40}. Одновременно разведчики отряда передавали одно за другим сообщения о местах сосредоточения вражеских войск. По этим донесениям советская авиация 22 раза бомбила скопления эшелонов и гарнизоны в Почепе, Клинцах, Унече, Гомеле {41}. В октябре 1943 г. бойцы отряда Каминского перерезали путь отступления фашистским войскам и удерживали четыре населенных пункта до подхода Красной Армии {42}.

Более 300 км пришлось пройти отряду А. Н. Шихова, минуя многочисленные гарнизоны, петляя и кружа во избежание столкновений с врагом, от Чечерских лесов до района Гомеля. Трижды отряд форсировал большие реки, дважды перебирался через железные дороги. В одном месте выдержали бой с карателями. Но до места дошли без потерь.

С середины июня, произведя рекогносцировку местности, А. Н. Шихов начал направлять подрывные группы на линии Гомель – Унеча и Гомель – Бахмач. Железнодорожные линии были выведены из строя на 15 суток. За короткий срок было подорвано 13 эшелонов. Особенно отличились подрывники Бурондасов, Ещенко и Зубков.

Отряд потерял заместителя командира лейтенанта Боровикова, бойцов Резницкого и Талалаева. Во время разведки гарнизона власовцев в 400 человек они напоролись в сарае на засаду немцев. Их зверски пытали и, не добившись ни слова, повесили.

…Проделав путь в 120 км, в начале июля 1943 г. в Паньковские леса прибыл отряд лейтенанта Н. Д. Матвеева. За три месяца на участках Унеча – Сураж и Унеча – Почеп подрывники отряда во главе с младшим лейтенантом С. Ляликовым, сержантами И. Дашуком, В. Цуриковым, К. Магером уничтожили 12 эшелонов противника {43}.

Весной и летом 1943 г., накануне Курской битвы, в Центр и в штаб Центрального фронта от разведчиков отрядов Шихова, Матвеева и Каминского поступило много важных разведданных. Они информировали о состоянии коммуникаций, интенсивности движения, характере перевозимых грузов, системе охраны дорог, о дислокации воинских частей в Смоленской, Гомельской, Витебской, Минской областях, о переброске фашистских войск из Франции, Алжира и из-под Ленинграда в район действий армий

«Центр» {44}.

12 мая 1943 г. в Москву поступило важное сообщение от командира разведгруппы Ю. М. Куцына, подтверждающее данные о предстоящем летом 1943 г. фашистском наступлении в районе Курска. Разведчиками группы были добыты и переправлены в Москву с партизанского аэродрома «Дяди Коли» схемы расположения фашистских войск на Курской дуге {45}.

На основании добытых омсбоновцами данных советская авиация нанесла мощные бомбовые удары по скоплениям войск на железнодорожных узлах Унеча, Гомель, Почеп {46}.

Выполнив задание, все три отряда осенью 1943 г. возвратились в Москву. Главным итогом их действий генерал армии К. К. Рокоссовский считал «оказание существенной помощи фронту в деле разрушения Унечского и Гомельского железнодорожных узлов противника» {47}.

Ощутимые удары по коммуникациям и крупным железнодорожным узлам противника в период Курской битвы наносили и другие отряды ОМСБОНа, действовавшие летом 1943 г. на Украине и в Белоруссии.

…Накануне Курской битвы в отряде Е. И. Мирковского стало известно, что гитлеровцы начали спешно восстанавливать железную дорогу Чернигов – Овруч. «С этой целью на станцию Радча, – вспоминает Герой Советского Союза Е. И. Мирковский, – был прислан венгерский батальон инженерных войск. Наш отряд получил задание сорвать восстановительные работы» {48}.

В штабе отряда был разработан и вскоре осуществлен необычный план операции.

Группа в составе 80 человек в одну из безлунных ночей окружила ст. Радча. Захватив в плен караульного обер-ефрейтора, партизаны предложили ему вместе с ними направиться к постам под видом смены караула. Так были заняты боевые посты на вышках. Сразу же после этого бойцы забросали гранатами окна офицерских помещений. Одновременно были обезоружены в караульном помещении внезапно разбуженные солдаты. Были захвачены без выстрела служебные помещения и склады.

Тотчас же после этого приступили к работе группы подрывников. Отпустив пленных солдат, отряд спешно отошел в лес, после чего подрывники завершили свое дело. Услышав взрывы, немцы из соседнего гарнизона послали в воздух сигнальную ракету: «Что случилось?» Зная условную сигнализацию врага, омсбоновцы пустили вверх ответные ракеты: «На станции все в порядке». Станция Радча и большой участок железной дороги Чернигов – Овруч и на этот раз были выведены из строя. Больше восстановительные работы на этом участке

гитлеровцами не производились {49}. Из участников операции командир отряда особо отметил командира разведгруппы С. Савельева, командиров подрывных групп – бойцов-спортсменов Н. Локтева и Д. Булкина, бойцов Б. Милославского и С. Новожилова, военфельдшера и разведчика Н. Мастюкова {50}.

Действовавший с весны 1942 г. на территории Белоруссии отряд «Храбрецы» под командованием А. М. Рабцевича получил в июле 1943 г. задание вывести из строя ст. Осиповичи – важный железнодорожный узел, через который шли интенсивные военные переброски живой силы и техники, в том числе новейших танков «Тигр» и самоходных орудий «Пантера» в район Курской дуги.

Командиру группы разведчиков отряда С. Змушко удалось установить связь с работником ст. Осиповичи Ф. А. Крыловичем, членом подпольной группы узла. Разведчики отряда снабдили его магнитными минами. Отважный подпольщик выбрал удачный момент и во время обхода путей сумел прикрепить две мины к цистернам эшелона с горюче-смазочными материалами, подходившего к станции.

В ночь с 29 на 30 июля 1943 г. жители Осиповичей были разбужены взрывом неимоверной силы, вслед за которым вскоре последовали другие: горели и взрывались цистерны наливного состава. Пламя перекинулось на соседние эшелоны с танками «Тигр» и авиабомбами. Гигантский огненный смерч взметнул вверх бочки с горючим и бомбы. Падая, они взрывались. Горели танки. Огонь перекинулся на станционное здание. Вскоре от него остались одни голые стены. Фашисты в панике приняли свершившееся за действия авиации и доложили в Берлин о том, что русские усиленно бомбят станцию. И только впоследствии гитлеровцы узнали о том, что станция и эшелоны с танками, горюче-смазочными материалами и авиабомбами были уничтожены в результате диверсии {51}.

Вывод из строя Осиповичей – железнодорожного узла на стратегически важной дороге – и уничтожение танков «Тигр» были особо ощутимым ударом для гитлеровского командования в те дни ожесточеннейших боев на Курской дуге.

Операция имела и еще один непредвиденный результат: в ночь взрыва разбежалась в страхе перед «бомбежкой» охрана расположенного вблизи г. Осиповичи концентрационного лагеря, и его узники – русские, белорусы, поляки, венгры, чехи, болгары – оказались на свободе и присоединились к партизанам {52}.

«Значение этой операции, – писал впоследствии генерал П. К. Пономаренко, начальник Центрального штаба партизанского движения, – было особенно велико в связи с тем, что оснащению немецких танковых дивизий новыми мощными танками «Тигр»

гитлеровское командование придавало особое значение. Известно, что даже начало операции «Цитадель» было отодвинуто Гитлером, пока не поступило в ударную группировку намеченное количество этих танков» {53}.

Бывший офицер Генерального штаба сухопутных войск Германии Э. Миддельдорф впоследствии назвал эту операцию «крупным успехом партизан».

На следующем этапе войны, когда определился решающий перевес сил на стороне Советской Армии и стратегическая инициатива целиком перешла к ней, отпала необходимость в непосредственном участии формирований ОМСБОНа во фронтовых операциях. После Курской битвы помощь ОМСБОНа армиям фронта выражалась главным образом в виде разведывательных и диверсионных действий его отрядов в тылу врага. Вместе с тем отряды ОМСБОНа по мере их соединения с наступавшими частями Советской Армии участвовали в решении боевых задач, в подавлении сопротивления окруженных немецко-фашистских частей, в разминировании освобожденных городов и населенных пунктов, в выявлении и обезвреживании вражеской агентуры. Их помощь в пополнении фронтовых частей выражалась в передаче в распоряжение военкоматов освобожденных территорий десятков тысяч партизан, влившихся в бригады омсбоновцев и подлежащих призыву в действующую армию по месту жительства.

В их лице фронтовые части получали надежное пополнение, обогащенное опытом партизанской борьбы, разведывательных и диверсионных действий. Кроме того, военкоматам было передано свыше 3100 лиц призывного возраста из числа местных жителей.

Подводя итоги боевых действий подразделений ОМСБОНа под Москвой, на Сталинградском, Центральном, Степном, Северо-Кавказском, Юго-Западном, 1-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах в 1941–1944 гг., командование бригады приводило убедительные цифры. Воины бригады провели 71 боевую операцию, в ходе которых уничтожили свыше 1000 солдат и офицеров противника, 40 танков, 238 грузовых машин {54}. Было выведено из строя 71,5 км железных, шоссейных дорог и автомагистралей; заложено свыше тысячи фугасов, установлено около 50 тыс. мин различных систем; взорвано 95 мостов; устроено 94 км лесных завалов; подготовлено к взрыву до 40 промышленных и других объектов. Бойцы этих подразделений захватили в качестве военных трофеев 45 орудий и минометов, 110 пулеметов, 21 самоходное орудие и танк, свыше 100 мотоциклов {55}.

Бойцами бригады было разминировано 335 зданий, блиндажей и

специальных объектов, 500 км нефтепровода, 53 минных поля, снято до 27 тыс. мин различных систем, обезврежены сотни авиабомб. Инструкторы бригады обучили свыше 4 тыс. солдат и офицеров минно-подрывному делу.

Сообщаем Центру

Разведчики докладывают

Как уже отмечалось, Ставка Верховного Главнокомандования и Наркомат внутренних дел ставили перед ОМСБОНом задачи по организации и проведению систематической, планомерной разведки, сбору военной, политической, экономической, социальной информации, необходимой для высшего командования Красной Армии, командования фронтами и для органов государственной безопасности, а также для центрального и местных партизанских штабов и подпольных партийных и советских органов. Разведывательные задачи стратегического, оперативного и тактического характера ставились перед отрядами, действовавшими в тылу врага. Для многих же сбор разведданных являлся основной задачей. Нередко речь шла об информации совершенно определенного, конкретного характера, а именно о подготовке врагом той или иной наступательной операции, о предполагаемом направлении удара; о степени концентрации сил врага и их составе; о новых видах вооружения и его количестве; об интенсивности и характере армейских перевозок по той или иной магистрали; о перемещениях сил противника; о промышленных объектах и состоянии военного производства и т. д. Четко налаженная разведка была необходима и для обеспечения условий жизни и борьбы партизанских отрядов, бригад и соединений и безопасности населения партизанских зон. Разведчиков принято называть глазами и ушами армейских штабов. Для партизанских штабов это определение являлось верным в еще большей степени. Лишь четко налаженная разведка могла помочь определить наиболее эффективное направление партизанских ударов по объектам важного значения, вражеским гарнизонам и по коммуникациям врага, а также своевременно оповестить о подготовке карательных экспедиций, их целях, сроках, составе и количестве задействованных сил и их вооружении. Все омсбоновские спецгруппы и спецотряды имели в своем составе отделы разведки, которые возглавляли опытные чекисты. На них же возлагалось и руководство ведением контрразведки, т. е. противоборством с разведкой врага, с засылкой противником агентуры в советский тыл, а также с вражеской агентурой, засылаемой в партизанские отряды и подпольные группы. Фашистская разведка прилагала особые усилия для засылки своих агентов в отряды, бригады и соединения ОМСБОНа. Поэтому наряду с агентурной разведкой, осуществляемой опытными резидентами, действовавшими иногда при поддержке спецотряда, и с разведкой тактической,

проводимой разведчиками спецгрупп и спецотрядов, а также разведчиками и связными подпольных групп, действовала еще оперативная разведка, усилия которой были направлены на решение задач по обеспечению безопасности данного отряда, бригады, соединения.

Эффективным способом добычи развединформации чекистскими группами являлась разведка боем (налеты на воинские штабы, узлы связи, комендатуры, полицейские участки), захват «языков», перехват связных, штабных работников и других военных должностных лиц.

Большую помощь чекистам-разведчикам в сборе важной информации, нередко стратегического назначения, оказывали подпольщики, устраивавшиеся по заданию партизанского руководства вольнонаемными в воинские части противника и их штабы, в комендатуры, столовые, прислугой на квартиры крупных чинов гитлеровской военной администрации.

Уже в первые недели войны в Центр стала поступать важная информация от разведчиков-чекистов, заброшенных в тыл врага или оставленных в крупных городах для работы в подполье. Так, еще накануне фашистской оккупации Одессы капитан государственной безопасности В. А. Молодцов (Бадаев) создал в городе партизанский отряд, ушедший в катакомбы, а также подпольную разведывательную группу «Форт». В составе обеих групп одесских партизан действовали и омсбоновцы. Из Одессы в Центр регулярно поступала информация о дислокации и перемещениях оккупационных войск, о размещении военных объектов (штабов, складов, казарм) о настроении солдат румынской оккупационной армии, о действиях фашистской администрации. Данными разведчиков Бадаева пользовалась советская авиация при проведении воздушных налетов на Одессу. Трижды из катакомб выходил в разведку в город и сам капитан Молодцов. 8 февраля 1942 г. он вместе с группой товарищей был выдан предателем. Мужественный чекист стойко перенес все пытки. Впервые он заговорил лишь тогда, когда ему предложили написать заявление о помиловании. В ответ на это В. А. Молодцов бросил в лицо фашистским палачам: « *Я – русский и на своей земле просить у врага пощады не собираюсь* «{1}. Вместе с В. А. Молодцовым были схвачены и казнены лучший разведчик, руководитель молодежной группы 16-летний Яков Гордиенко, разведчики и связные Марцышек, А. Гордиенко, А. Чижова {2}.

В Николаеве в начале войны разведывательную деятельность вела группа во главе с капитаном госбезопасности В. А. Лягиным. Выпускник Ленинградского индустриального института, он сумел устроиться на должность инженера планового отдела

Николаевского судостроительного завода, войти в доверие к фашистской администрации и легализоваться. Члены подпольной группы А. В. Соколов и И. Н. Коваленко работали на железной дороге, а А. П. Сидорчук – на военном аэродроме. Квартира В. А. Лягина считалась у фашистов «чисто немецким домом». Здесь устраивались встречи и вечера для администрации и офицеров. Это обеспечивало хорошую конспирацию и давало возможность, предрасполагая «гостей» к откровениям, узнавать важные сведения. Группа Лягина установила связь с николаевским и одесским подпольем и с партизанами в Херсонских плавнях. К весне 1943 г. руководимый Лягиным «Николаевский центр», насчитывавший до 70 человек, координировал действия тысячи подпольщиков.

Фашистской контрразведке летом 1943 г. удалось выследить В. А. Лягина. Командир группы и 42 подпольщика были расстреляны {3}.

В Киеве разведкой руководил чекист И. Д. Кудря. От подпольщиков (семь групп) шли важные сведения о положении в городе, о размещении и передвижении войск, о работе Киевского и Дарницкого железнодорожных узлов, о промышленных объектах и аэродромах.

И. Д. Кудря разделил участь В. А. Молодцова и В. А. Лягина. Посмертно каждому из них было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Начиная с лета 1942 г. организация и проведение разведки в тылу врага приняли повсеместный и более планомерный и регулярный характер. Значительную роль в этом сыграли спецотряды и спецгруппы ОМСБОНа, ставшие важными базами разведывательной деятельности, располагавшими надежными средствами для оперативной передачи разведданных в Центр и в штабы фронтов и армий. Таким центром на Правобережной Украине стал отряд «Победители» Д. Н. Медведева. Ведение разведки в фашистской «столице» Украины Ровно, а также в Киеве, Луцке, Ковно, Львове и других городах Правобережной и Западной Украины – такой была главная задача этого отряда. И хотя о героических делах разведчиков «Победителей» широко известно у нас и за рубежом, мы сочли необходимым вкратце напомнить о них в контексте истории ОМСБОНа. В своей разведывательной деятельности медведевцы опирались на широко разветвленную сеть подпольных групп и связных. Многие подпольщики по заданию командования устраивались на работу в административные учреждения, воинские части, офицерские столовые и кафе, в госпитали. Некоторым удалось наняться прислугой на квартиры высших офицеров гестапо и армии.

Подпольщики устраивались работать на военно-промышленные и транспортные предприятия, в воинские части, проникали в полицию и жандармерию городов Ровно, Сарны, Клесова и ряда других {4}. Медведевцы действовали в тесной связи с Ровенскими подпольными обкомами и горкомами партии и комсомола. По заданию отряда комсомольцы-разведчики вели наблюдения за штабами, передвижениями войск, военными объектами и передавали сведения в отряд {5}.

Из местных жителей в числе первых разведчиками медведевцев стала партизанская семья Струтинских. Семейный партизанский отряд в составе командира – Николая Владимировича Струтинского, его отца, Владимира Степановича, матери, Марфы Ильиничны, и еще пятерых их детей смело действовал в Ровенских лесах. После встречи с медведевцами он влился в отряд «Победители» вместе с примкнувшими к Струтинским красноармейцами {6}.

Подлинной народной героиней была Марфа Ильинична Струтинская. Проводив в партизаны шестерых сыновей, она вскоре вместе с мужем присоединилась к ним и в течение 1942 и 1943 гг. смело и находчиво действовала как связная и разведчица. В 1943 г. она получила от Медведева задание пройти в Луцк и выяснить, там ли находится гауляйтер Украины Кох. На базу она возвращалась с планом военных объектов города. На одном из хуторов М. И. Струтинская с группой прикрытия была окружена гитлеровцами и полицейскими. Партизаны приняли неравный бой. Полицейским удалось схватить М. И. Струтинскую. После зверских пыток она была расстреляна {7}. Ее напарнице Ядзе Урбанович, надевшей шубу Струтинской, в которую были зашиты добытые разведчицей в Луцке данные, удалось уйти от преследователей и добраться до отряда {8}.

Николай Струтинский до войны работал шофером в Ровно и прекрасно знал город. Он проявил себя не только как хороший разведчик, но и как мастер по изготовлению штампов и печатей. Вместе с врачом отряда А. В. Цессарским он создал в лагере своеобразную «походную канцелярию». Достали пишущие машинки с немецким и украинским шрифтами. Николай Струтинский изготовлял штампы и печати; подпольщики добывали бланки гитлеровских и полицейских документов; Цессарский печатал нужный текст; А. А. Лукин удачно подделывал подписи чинов фашистской и полицейской администрации. Так подпольщики, разведчики, связные обеспечивались надежными «аусвайсами» (оккупационными паспортами), командировочными удостоверениями, различными справками и другими документами {9}.

В августе 1942 г. на базу Медведева прибыл выдающийся советский разведчик Н. И. Кузнецов. Н. Струтинский стал его помощником и шофером. Отряд Д. Н. Медведева обеспечивал деятельность Н. И. Кузнецова всем необходимым, дал ему помощников и связных, снабжал документами, готовил квартиры, сообщал адреса явок и т. д. Д. Н. Медведев и С. Т. Стехов осуществляли руководство деятельностью разведчика, обеспечивали его связь с Москвой. Лагерь отряда являлся для Н. И. Кузнецова местом отдыха и психологически необходимого расслабления.

Первым в Ровно был направлен разведчик-омсбоновец Н. Приходько («Спокойный»), прибывший в отряд вместе с Н. И. Кузнецовым. Он был местным жителем, прекрасно знал город. В Ровно жили его брат Иван, заведовавший пекарней, и его жена, выдававшая себя за немку «фольксдойче». Они сразу же согласились помогать партизанам. Их квартира по адресу: Цементная ул., дом 6 стала явочной для отряда. Н. Приходько установил связь и со своими друзьями на ст. Здолбунов. В Ровно неоднократно ходили разведчики отряда Н. Струтинский и П. Вознюк (Шумный – был прозван так за то, что «между делом» убил в городе нескольких гитлеровцев, за что ему крепко досталось от командира, так как подобные действия могли помешать выполнению основного задания) {10}.

Только в ноябре 1942 г. в Ровно в полной экипировке немецкого офицера Пауля Зиберта был направлен Н. И. Кузнецов.

Из лагеря выехали в фургоне, которым правил Струтинский-отец. В город вошли пешком. В мундире, сшитом известным варшавским портным Шнейдером, со значком члена национал-социалистической партии в петлице, Пауль Зиберт, по легенде – офицер из семьи прусских аристократов, всем своим арийским обликом, чистейшим диалектом, безупречной формой и манерой поведения быстро завоевал доверие офицеров и верхушки военной администрации Ровно. Новые возможности открыл для него захваченный партизанами во время одной из операций значок члена фашистской партии {11}.

В Ровно Н. И. Кузнецов вначале останавливался на квартире И. Приходько или же у К. Домбровского, родственника Струтинских. Одним из первых местных жителей стал сотрудничать с партизанами К. Е. Довгер («Дядя Костя») – работник Плессового лесничества. Это ему удалось достать и передать «Победителям» план Ровно, на который были нанесены все наиболее значительные объекты. Разведчицей отряда стала и его дочь Валя Довгер. Ей удалось собрать данные о составе и численности войск гарнизона, о движении эшелонов на

магистрали. В дальнейшем она стала официальной «невестой» П. Зиберта и надежной помощницей Н. И. Кузнецова.

К началу 1943 г. в Ровно сложилась разветвленная сеть разведчиков отряда Д. Н. Медведева. Здесь под именем Янкевича, «тайного агента гестапо», действовал разведчик Шевчук, а под видом коммерсанта Яна Багинского – Николай Гнидюк. Их явка была в комиссионном магазине. Н. Гнидюк привлек к разведывательной работе жену убитого польского офицера Лидию Лисовскую и ее двоюродную сестру Майю Микоту. На них опирался в своей работе Н. И. Кузнецов, хотя они и не знали, что под именем Пауля Зиберта скрывается советский разведчик.

Вскоре он снял комнату в квартире Л. Лисовской (улица Легионеров, 15) {12}. Эта квартира считалась у офицеров истинно «немецкой». Здесь они проводили вечера, обменивались новостями. Все предрасполагало здесь к душевным излияниям и откровению. Много важных сведений было почерпнуто здесь Паулем Зибертом.

2 февраля 1943 г. Центр принял из Ровно сообщение о местонахождении крупного аэродрома. В результате налета советской авиации на нем было уничтожено свыше 100 самолетов.

Разведчиками «Победителей» под руководством А. А. Лукина была создана подпольная группа в городке и важном железнодорожном узле Здолбунове. Участники Здолбуновского подполья – Д. М. Красноголовцев, П. Бойко, А. Иванов, Полипчук и чех Иозеф, военный оператор станции, – регулярно передавали сведения о продвижении эшелонов, расположении военных объектов, частей гарнизона {13}. Ими была собрана ценнейшая информация о переброске немецких дивизий из Франции, Африки и из-под Ленинграда под Орел и Курск.

От майора гестапо Ортеля Н. Кузнецов узнал о том, что в Германии приступили к производству нового вида оружия – самолетов-снарядов, предназначенных для бомбардировки городов Англии. Сообщение было срочно передано в Центр {14}. Из того же источника Н. Кузнецов узнал о подготавливаемом гитлеровской разведкой покушении на руководителей союзнических стран – И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля во время Тегеранской конференции 1943 г. Из разговора с высшими офицерами Кузнецову удалось уточнить срок начала наступления немцев под Курском. Разведчики «Победителей» добыли и переправили в Москву два химических снаряда, начиненных новым видом ОВ.

Советское командование получило вещественное доказательство планов гитлеровцев о применении на фронте

газов. Своевременный меморандум Советского правительства сорвал осуществление злодейского замысла.

В. Довгер удалось устроиться на работу в экспедицию рейхскомиссариата Украины. От нее стала поступать важная оперативная информация. Так, ей удалось узнать о предстоящем приезде в Ровно гитлеровского министра Альфреда Розенберга, яростного идеолога расизма и геноцида {15}.

Одновременно отрядом Медведева велась разведка в городах Винница, Сарны, Львов и др. Отсюда также летом 1943 г. поступала информация о переброске немецких войск из-под Ленинграда, Франции, Африки на Курское направление {16}.

Аналогичные сведения были получены и Н. Кузнецовым. Переданные своевременно в Центр, они сыграли важную роль при разработке стратегического плана действий Советской Армии летом 1943 г. и определении Курско-Орловского направления как основного.

В Центр поступили сообщения о создании гитлеровцами системы мощных укреплений в районах Белой Церкви и Винницы. Вслед за тем были переданы точные данные о местонахождении ставки Гитлера на Восточном фронте, которая в 1942–1943 гг. находилась в 12 км от Винницы, близ с. Якушинцы. Тем самым разведчики «Победителей» подтвердили и уточнили информацию, поступившую к Советскому командованию от винницких подпольщиков и партизан еще в 1942 г. {17}

От Н. И. Кузнецова поступило также сообщение о том, что в Ровно прибыл и остановился в замке – резиденции гауляйтера Украины Коха – рейхсминистр Г. Геринг. Советская авиация совершила в тот же день налет на Ровно. «Шефу немецкой авиации» пришлось прятаться в бомбоубежище и покинуть Украину быстрее, чем он предполагал {18}.

Разведчики отряда «Победители» собрали для Центра и штабов армий важные сведения о дислокации частей власовцев, «казаков», «восточных легионов», созданных гитлеровцами из числа военнопленных – русских и солдат мусульманского происхождения. При этом назывались как прямые изменники Родины, так и те, кто в силу различных обстоятельств невольно оказался в этих войсках. Были переданы номера частей и фамилии их командиров {19} [46] .

Медведевцы регулярно сообщали о строительстве на оккупированной территории новых аэродромов, о числе вражеских самолетов на них. Под командованием начальника разведки отряда А. А. Лукина была проведена успешная операция по уничтожению фашистских самолетов на аэродроме в районе Мглина {20}.

От медведевцев поступала информация о заминированных фашистами объектах в городах и на железнодорожных станциях Правобережной Украины. В штабы Украинских фронтов поступали точные координаты минных полей, установленных фашистскими саперами в зоне обороны Киева и Правобережья Днепра.

В отряде «Победители» разработали и такой разведывательный прием, как использование «подвижной засады» на фурманках. Группа во главе с Паулем Зибертом – Н. И. Кузнецовым под видом шуцполицаев передвигалась на трех фурманках по шоссе навстречу штабной машине. Приблизившись к ней, партизаны неожиданно для немцев пустили в ход гранаты. Машина была разбита. Разведчиками были взяты в плен начальник отдела рейсхскомиссариата зондерфюрер граф Глан и имперский советник связи Райс, недавно прибывший из Берлина. На захваченную у них топографическую карту были нанесены данные о состоянии всех дорог Украины, а также трасса многожильного бронированного кабеля, связывавшего Берлин и с. Якушинцы. Это помогло уточнить место ставки Гитлера под Винницей. Разведчики узнали о существовании этого кабеля уже через месяц после его создания. Как выяснилось, фашисты уничтожили тогда 12 тыс. русских пленных, участвовавших в прокладке этого кабеля {21}.

Во время Сталинградской битвы разведчики Медведева добыли ценнейшие сведения о планах и действиях немецкого командования, направленных на деблокирование окруженных под Сталинградом фашистских войск.

Эти и другие данные были срочно переданы в Москву {22}.

Успешные действия советской разведки, и особенно таинственного резидента в Ровно, совершившего к тому же целую серию террористических актов [47] , вызывали ответную реакцию взбешенных гитлеровцев. В конце 1943 г. были приведены в действие все наличные силы гестапо, абвера, полиции и жандармерии. Участились случаи провалов явок и разгрома «маяков» – мест встречи связных и разведчиков с командирами и бойцами отряда «Победители».

12 февраля 1943 г. отряд «Победители» понес тяжелую потерю – погиб Н. Приходько. Возвращаясь в отряд с секретным пакетом, он нарвался на полицейскую засаду. Отважный воин принял бой и один противостоял врагам. Дважды раненный, он сумел уничтожить окружившую его группу полицейских и оторваться от погони, но вскоре был настигнут прибывшим на грузовике взводом жандармов. В последние минуты боя Николай привязал к гранате пакет с секретными документами и бросил ее

в жандармов, а сам застрелился {23}. Посмертно Н. Приходько было присвоено звание Героя Советского Союза.

С заданием доставить в отряд донесение от Н. И. Кузнецова на «маяк» был направлен боец отряда, бывший ифлиец Г. Шмуйловский в сопровождении юного подпольщика Миши Зайцева. Возвращаясь из-под Ровно, они также нарвались на засаду. Свыше часа вели неравный бой партизаны, но кончились патроны. Григорий приказал юноше уйти в лес и пробираться с пакетом в отряд, а сам прикрыл его отход. В перестрелке с бандеровцами Г. Шмуйловский был убит. На третий день товарищи нашли труп Шмуйловского и с почестями похоронили его {24}.

В Центр поступали важные разведданные и от других омсбоновских отрядов, действовавших на территории Украинского Полесья и Правобережья.

Отряду «Олимп» В. А. Карасева удалось направить в Киев группу разведчиков под командованием комиссара отряда М. И. Филоненко. Сведения поступали от подпольщиков И. Бевзюка, В. Барбаняги, Т. Гурандо {25}. Вслед за тем группа М. И. Филоненко подготовила «маяк» в 70 км от Киева, а в самом городе утвердилась вторая группа разведчиков в составе семи человек под командованием Михаила Учаева. Группа поселилась на Куреневке, предместье Киева {26}. В городе успешно работала и разведчица Юлия Костюченко, подготовленная опытными чекистами А. Я. Пегушиным и П. Р. Перминовым [48] .

В отряд начали поступать данные об обстановке в Киеве, о дислокации и численности гарнизона, о Дарницком аэродроме и железнодорожном узле. В августе 1943 г. эти данные послужили отправными ориентирами при проведении массированных налетов советской авиации на Киев. Особенно тяжелыми для немцев были последствия бомбежек Дарницкого железнодорожного узла, где скопилось много эшелонов, в том числе и с нефтью, а также уничтожения самолетов на соседнем аэродроме. Фашистам удалось выследить группу Михаила Учаева. Она была окружена в трехэтажном доме на Куреневке и целые сутки сражалась с фашистами. Все семеро разведчиков погибли, сражаясь до последнего патрона {27}. Гестаповцам удалось схватить Юлию Костюченко. Ее подвергли зверским пыткам и истязаниям. Разведчица погибла, оставаясь до конца верной своему долгу {28}.

Группа М. И. Филоненко добыла сведения о дислокации, численности и вооружении гитлеровских войск в районе Овруча. Разведчикам «Олимпа» удалось также получить и сообщить в Центр исключительно важные сведения о системе фашистских

укреплений на правом берегу Днепра – так называемом Днепровском вале {29}.

Эти данные были учтены командованием Красной Армии при выборе места захвата плацдарма на Днепре при наступлении в октябре – ноябре 1943 г. на Киев {30}.

Накануне наступления и в дни боев за Киев командование 1-го Украинского фронта систематически получало ценную информацию и от разведчиков отряда Е. И. Мирковского, действовавших совместно с разведчиками отряда им. Чапаева. Они вели разведку в районах Ковеля, Шепетовки, Бердичева, Винницы, Проскурова, Новограда-Волынского. Ими была захвачена штабная машина с секретными документами. По этим данным советская авиация разбомбила склад химических снарядов под Житомиром. Разведчики отряда «Храбрецы» А. М. Рабцевича добыли баллон с новым видом ОВ и две защитные накидки. Эти вещественные доказательства планов фашистов по использованию ОВ были доставлены в Москву {31}.

Разведчица отряда «Олимп» Ф. Ф. Пилипей летом и осенью 1943 г. более десяти раз переходила линию фронта с целью передачи в штаб 1-го Украинского фронта собранных карасевцами разведданных о характере, численности, вооружении и перемещениях германских воинских частей в прифронтовой полосе, проходящей по территории Полтавской и Сумской областей {32}. Тогда же командиром отряда им. Богдана Хмельницкого В. Лебедем была направлена в Шепетовку разведгруппа И. Келишева с радисткой Л. Тецкой. Разведчики изучили обстановку в городе и его окрестностях и создали здесь две подпольные группы {33}.

Деятельность разведчиков на Украине, под Смоленском и в Белоруссии накануне Курской битвы, и в том числе разведчиков ОМСБОНа, получила высокую оценку Г. К. Жукова. «Безусловно, благодаря блестящей работе советской разведки весной 1943 года, – писал он впоследствии, – мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед летним наступлением… Хорошо работающая разведка… была одним из слагаемых в сумме причин, обеспечивших успех этого величайшего сражения» {34}.

Результативной была и работа разведчиков омсбоновских отрядов, действовавших на территории Белоруссии и Литвы. Уже с весны 1942 г. отсюда начали поступать регулярные сообщения об интенсивности движения эшелонов на железнодорожных магистралях стратегического назначения и о системе их охраны. Так, разведчики отряда «Особые» докладывали Центру в апреле 1942 г., что по линии Смоленск – Орша ежесуточно проходят в

обе стороны от 20 до 24 эшелонов и что охрана дороги осуществляется тремя парными патрулями на каждом километре {35}.

Разведчики отрядов С. А. Ваупшасова и К. П. Орловского вели непрерывно наблюдения и собирали сведения в районах Минска, Центральной и Южной Белоруссии; П. Г. Лопатина и И. Ф. Золотаря – в районе Борисова и Орши; М. С. Прудникова – в Витебской области и Северной Белоруссии. Благодаря связи с разветвленной сетью подпольных организаций и посредством агентурной разведки они получали информацию также из городов Прибалтики, Польши и Восточной Пруссии.

Разведотдел бригады Градова имел хорошо налаженные связи практически почти со всеми подпольными группами Минска, Бобруйска, Осиповичей и других городов. Через одну из руководительниц Минского подполья – М. Б. Осипову, позднее Героя Советского Союза, почетного гражданина Минска, разведчиками П. Г. Лопатина и С. А. Ваупшасова поддерживалась связь с подпольщиками крупнейшей пригородной станции Колодищи. Отсюда поступали данные об интенсивности и направлении движения воинских эшелонов и другие сведения.

Радисты Градова ежедневно по три раза в день выходили в эфир на связь с Центром и со штабами фронтов. Шифровки содержали важные сведения о дислокации гитлеровских войск, подтягивании к фронту резервов, размещении складов с боеприпасами, взрывчатыми веществами, обмундированием и продовольствием. Передавались сообщения, характеризующие политическую и экономическую ситуации во вражеском тылу. Следует иметь в виду и то обстоятельство, что на базу омсбоновских отрядов разведотделы фронтов забрасывали своих разведчиков, которые отсюда сообщали добытые ими сведения своему командованию.

Из отряда Каминского в дни Курской битвы поступило 22 донесения о скоплениях фашистских войск на железнодорожных станциях Клинцы, Почеп, Унеча, Гомель. Все эти пункты были подвергнуты массированным ударам авиации {36}.

Разведчики отряда Неклюдова и связанные с ними подпольщики И. Костяк, С. Прищепенок, Ф. Дубровский и другие регулярно сообщали о движении эшелонов на линии Двинск – Полоцк {37}.

Путевой обходчик Исаев, связанный с отрядом А. Н. Шихова, сообщил тогда же о строительстве нового аэродрома в районе Гомеля. И сюда был направлен бомбовый удар советской авиации {38}.

Весной 1943 г. подпольщицы Г. Финская, В. Тоболевич, М. Ф.

Молокович, дом которой в Минске был явочным пунктом, и В. Стасен с помощью разведчиков отряда П. Г. Лопатина «Бывалые» установили связь с немецким офицером Карлом Кругом. При их содействии он был переправлен в отряд. Карл Круг был сотрудником разведотдела штаба военно-воздушных сил группы армий «Центр». От него советские разведчики узнали и передали в Москву координаты и ориентиры 42 фашистских военных аэродромов, а также информацию о системе их противовоздушной обороны, о типах самолетов, о размещении складов авиабомб и др. Карл Круг подтвердил правильность данных о том, что немцами планируется наступление в районе Курской дуги [49] . Он сообщил также, что с апреля 1943 г. немцы стягивают войска в район Орла, где готовится крупная наступательная операция. Вскоре он был переправлен в Москву {39}.

Разведотдел бригады «Дяди Коли» руководил и Борисовским подпольем. Здесь действовали Н. Капшай и подпольная молодежная группа Б. Кочана – Люся Чоловская, Г. Носов, В. Меняшкин и др. От них поступала регулярная информация обо всех изменениях военной и политической обстановки в г. Борисове и в районе, а также о деятельности находящихся там националистических и антибольшевистских центров. Они завербовали начальника паспортного отдела Борисовской полиции Федоренчука и с его помощью добыли 75 паспортов для партизан и подпольщиков. В ноябре 1943 г. Люся Чоловская была опознана охранкой на улице. После пыток ее расстреляли. Вскоре Г. Носов и Н. Меняшкин сумели захватить и доставить в лагерь отряда немецкого разведчика Берке. Но сам Носов попал в засаду и покончил с собой. Гестаповцами были схвачены и расстреляны Федоренчук и его сподвижник П. Парабкович {40}.

Бригада «Дяди Коли» имела разветвленную агентурную сеть в Минске, Орше, Молодечно. Отсюда также шли регулярные сообщения, передаваемые в Центр и в штаб 1-го Белорусского фронта. Особенно активизировалась деятельность разведчиков бригады весной и в начале лета 1943 г., накануне операции «Цитадель». В этот период разведчики «Дяди Коли» действовали в тесном контакте с бригадой С. А. Ваупшасова (Градова) и с «Неуловимыми» М. С. Прудникова. Разведотдел бригады «Неуловимых» в своей работе опирался на подпольщиков Витебска, Полоцка, Двинска, ряда других районных центров и железнодорожных узлов.

В Полоцке учительнице-подпольщице Лиле Костецкой удалось познакомиться с начальником паспортного стола гауптманом полиции Куртом Миллером, который оказался

антифашистом и согласился помогать подпольщикам и партизанам. Он поставлял бланки «аусвайсов», справок, сообщал секретные сведения, информировал о поступающих в полицию приказах и распоряжениях, о разрабатываемых гестапо, полицией и жандармерией планах, о происходящих изменениях в составе гарнизона, о предателях и т. д. При содействии Миллера был устроен взрыв в помещении полиции Полоцка с целью сокрытия фактов пропажи документов. Перед этим в лагерь «Неуловимых» были доставлены, а затем переправлены в Москву 30 комплектов бланков, паспортов и других документов {41}.

Документами, переданными К. Миллером, были снабжены многие разведчики, а также бывшие военнопленные и жители Полоцка, которым угрожала опасность. Благодаря этим документам группе советских медицинских сестер удалось уйти из Полоцка, а затем перейти линию фронта. Неоднократно на связь с Миллером ходили командир отряда М. С. Прудников, комиссар Б. Л. Глезин и начальник разведки П. А. Корабельников. Миллер и Л. Костецкая сообщили партизанам о подготовке крупной карательной экспедиции под кодовым наименованием «Нюрнберг» {42}.

Ценнейшая информация поступала к разведчикам ОМСБОНа самыми различными путями.

21 июня 1942 г. в районе Дретунь партизаны обстреляли и сбили пролетавший над лесом немецкий транспортный самолет «Ю-52». В нем был обнаружен портфель с топографическими картами. Как выяснилось, это были оперативные карты с нанесенными на них графическими планами боевых операций Центральной и Северной группировок немецко-фашистской армии {43}. Так в распоряжение Советского командования попали документы, которые помогли распознать и учесть стратегические замыслы высшего командования гитлеровской армии. Пропажа этих карт вызвала тревогу в ставке Гитлера. В те дни Курт Миллер доносил, что коменданту Полоцка поступило из Берлина срочное предписание: прочесать лес в районе д. Дретунь, где упал самолет, и во что бы то ни стало найти карты! {44} Тогда партизаны сожгли дотла остатки самолета, а Курту Миллеру было отдано распоряжение распустить слух о том, что самолет сгорел и в огне погибли секретные документы. Дезинформация, к которой не однажды прибегали разведчики, сработала и на этот раз {45}.

Аналогичный слух был распространен и в лагере отряда: исключительная важность добытых разведчиками сведений обязывала к особой конспирации.

Большую помощь разведчикам отряда оказывали

подпольщики-железнодорожники. Так, служащий товарной конторы ст. Краслава В. Н. Бураков раскрыл тайну грузов, перевозимых на платформах, груженных сеном и соломой: под ними оказались танки и артиллерийские орудия. Он помог узнать их общее количество и направление перевозок. В. Н. Бураков расшифровал тайну условных (кодовых) знаков на товарных вагонах. Оказалось, что в вагонах со знаком «желтый треугольник» перевозились снаряды; «зеленый квадратик» – мины, «черный конус» – патроны {46}.

В Полоцке, Браславле, Лепеле, Дриссе действовало свыше 20 молодых разведчиц «Неуловимых». Среди них выделялись своей активностью, неустрашимостью, находчивостью Лиля Костецкая, Татьяна Мариненко, Нина Мастецкая, Ольга Светлова, Клава Скотникова, Александра Вайонен. Молодые женщины, ежечасно рискуя своей жизнью, самоотверженно выполняли самые сложные задания разведотдела «Неуловимых». Около года действовала в Полоцке Лиля Костецкая. В марте 1943 г. гестаповцам удалось выследить и схватить отважную разведчицу. 8 марта на глазах у истязавших ее палачей Лиля бросилась в прорубь {47}.

Молодая учительница из с. Зеленки Татьяна Мариненко помогла разведчикам отряда восстановить нарушившиеся вследствие провалов связи с Полоцким подпольем. Ей удалось достать список агентов полиции, безопасности и СД в Полоцке, благодаря которому многие из них были обезврежены, а деятельность агентуры гестапо и СД парализована. От отважной разведчицы поступали сведения о составе и вооружении гарнизона города, о переформированиях фронтовых частей, о передвижении воинских эшелонов.

Ею же был доставлен в отряд план карательных операций против партизан, разработанный комендантом Полоцка. В августе 1942 г., во время боев с карателями в районе оз. Черное, Татьяна была направлена в разведку в д. Зеленки, но была выдана предателем вместе с братом и 29 жителями деревни, имевшими связь с партизанами. Все арестованные были подвергнуты страшным пыткам, но держались стойко до конца. Мужественных патриотов палачи расстреляли в д. Большие Жарцы {48}.

8 мая 1965 г. Т. С. Мариненко посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Фашистам удалось схватить и разведчицу Нину Мастецкую. Ее дальнейшая судьба сложилась необычно. Она считалась убитой выстрелом в затылок. Но рана оказалась не смертельной. Нина пришла в себя в братской могиле. К счастью, она лежала близко к поверхности и ей удалось выбраться из-под земли. Затем она пришла в лагерь «Неуловимых» и продолжала борьбу с

фашистами в составе отряда.

Не менее удивительно сложилась судьба разведчицы отряда Клавы Скотниковой: она дважды попадала в лапы гестаповцев, была подвергнута зверским пыткам. Ее расстреливали, но она осталась жива и сумела вернуться в строй {49}. Осенью 1943 г. Клава организовала переход в отряд 28 солдат из числа бывших военнопленных, оказавшихся в составе антисоветских формирований предателей Родины. Они прибыли из гарнизона д. Иказни на двух грузовиках, нагруженных оружием и боеприпасами. Сопровождавшие их немецкие офицеры оказали сопротивление и были убиты {50}.

19-летняя разведчица «Неуловимых» Александра Вайонен (Шура) обосновалась на крупном железнодорожном узле, связывавшем Белоруссию с Литвой, где был большой военный аэродром. Юный разведчик Николай Грибков сообщил в отряд, что на этом аэродроме работает группа пленных советских летчиков, которые задумали перелететь к партизанам на немецких самолетах и просят поддержки отряда.

Шура под видом переводчицы фельджандармерии Марты Вайс, якобы командированной из Полоцка, устроилась на работу и нашла по приметам одного из летчиков – Тиграна Айрапетяна. Связь была установлена. Вскоре Шура передала летчикам брусочек мыла, в котором они обнаружили пергамент.

На него был нанесен разработанный штабом и согласованный с другими отрядами план посадки самолетов, захваченных у немцев, на партизанском аэродроме в Налибокской пуще. Летчики воспользовались перемещением немецкого авиаполка из Беловежска в Белосток. Им удалось войти в доверие к командованию полка: ведение трех последних в строю самолетов фашисты доверили пленным летчикам Т. Айрапетяну, И. Минашвили и Остапову. Все трое благополучно приземлились на партизанском аэродроме и вошли в состав бригады. Послужили партизанам и немецкие самолеты {51}.

Успешной была и разведывательная деятельность многих других омсбоновских отрядов на территории Белоруссии.

Разведчик А. Бинкис из отряда П. Г. Лопатина захватил и доставил в лагерь из Борисова шефа деревообрабатывающего комбината капитана Гольдмана, который сообщил ценные сведения о положении в городе и состоянии экономики. Он же помог составить план освобождения работающих в городе военнопленных. Партизаны проникли в город и освободили 180 человек {52}.

От разведчиков этого отряда Качана, Капшая и Ржецкого поступали сообщения о деятельности расположенных в Борисове

белогвардейского так называемого «Союза борьбы против большевизма» (СБПБ) и штаба его молодежной организации «Национально-трудового союза нового поколения» (НТСНП), который был задуман оккупантами, белоэмигрантскими и антисоветскими лидерами как профашистская организация молодежи. Однако призыв записываться в НТСНП по сути оказался безответным: в городе насчитывалось не более 100 его членов {53}. Много сведений из Борисова поступало в отряд Лопатина и от разведчика Алехновича. С помощью подпольщицы Селинковой он устроился шофером к коменданту города полковнику Кёрнигу {54}.

Отряд «Вперед» П. Шемякина вел наблюдение за школой разведчиков в г. Заборье, куда были засланы И. Буракин и В. Ефимов. Однако оба попали в руки полиции и были зверски убиты.

После этого в местную полицию был заслан молодой разведчик Кремень из местных жителей. Ему удалось проникнуть в эту школу, созданную фашистами для подготовки шпионов и лжепартизан, организовать в ней подпольный партизанский взвод и переправить в лагерь схему расположения этой школы, комендатуры и гарнизона Заборья, нанесенную на тетрадный лист. Этой схемой воспользовались партизаны. 28 августа 1943 г. батальон Кондратовича окружил школу и ее охрану. Партизан поддержал подпольный взвод Кремня. Враг быстро прекратил сопротивление. Были захвачены пленные и трофеи {55}.

Успешно действовала в 1942–1943 гг. и группа заместителя начальника разведки отряда «Вперед» капитана Н. Михайлашева. Командир и разведчики группы И. Лобанов, Н. Харламов, К. Смелов, Б. Мартынов, О. Лоран, Б. Смирнов, В. Сиротин установили связь с подпольщиками Борисова и через них добывали секретные сведения, бланки документов, печатные издания на немецком, русском и белорусском языках, выявляли агентуру врага. Н. Михайлашев вскоре стал командиром самостоятельного отряда «Буря» {56}.

Результативной оказалась и деятельность в 1942 г. группы разведчиков отряда «Славный» в Сеще, возглавляемой лейтенантом Г. Софроновым. С помощью подпольщиков города ему удалось создать подпольную разведгруппу на военном аэродроме. Был захвачен и переправлен в лагерь, а затем в Москву ефрейтор-переводчик Сещенского аэродрома, давший важные показания {57}.

В течение 1942–1944 гг. ОМСБОН пополнялся опытными чекистами, прошедшими школу активной разведывательной и контрразведывательной деятельности. Они были направлены в

спецотряды и бригады, действовавшие в тылу врага.

Разведчики ОМСБОНа вели особый счет неслыханным преступлениям фашистов. В ноябре 1943 г. на основании их сообщений Градов передал в Москву радиограмму о зверском массовом истреблении советских граждан в Минском гетто и имена главных палачей. Эти данные наряду с другими сообщениями омсбоновцев фигурировали на Нюрнбергском процессе над главными фашистскими преступниками и на процессе в Минске {58}.

Пока источники не позволяют отразить во всей полноте огромную по масштабам и чрезвычайно важную по значению работу, проделанную в годы войны отдельными разведчиками ОМСБОНа и небольшими разведгруппами бригады. Многие из этих групп направлялись в местные партизанские отряды, бригады и соединения, беря на себя организацию и осуществление их разведывательной и контрразведывательной деятельности. Так было с упоминавшейся выше разведгруппой чекиста-омсбоновца И. Юркина в составе четырех офицеров, 35 разведчиков и шестерых радистов, действовавшей в соединении генерала С. А. Ковпака. Группа имела своей задачей ведение разведки и контрразведки, изучение методов действий фашистской разведки среди населения оккупированных территорий и в партизанских отрядах; осуществление диверсионных акций; организацию борьбы против националистических банд. Ей была придана 3-я рота под командованием старшего сержанта Карпенко. Свою работу чекисты начали с подбора и обучения связных и агентов, которые затем были направлены командованием соединения в Минск, Киев, Днепропетровск, Сарны и на железнодорожную станцию Пуховичи {59}.

Впоследствии И. Юркин стал начальником штаба Шалыгинского отряда партизанской дивизии им. С. А. Ковпака. Одновременно он продолжал руководить своей оперативной группой {60}.

Разведчики Юркина сообщали сведения о характере и интенсивности движения на железнодорожных магистралях Украины и Белоруссии, совершили ряд диверсионных актов {61}.

В начале 1944 г. группа И. Юркина вела активную разведку на обширной территории – от Сарны и Ковеля до Бреста. С помощью немецкого антифашиста шофера Гуго Роге разведчикам удалось захватить в качестве «языков» группу фашистских офицеров, сообщивших много важных сведений {62}.

Перед началом операции «Багратион» разведчики ОМСБОНа в Белоруссии значительно активизировали свою деятельность. С

начала 1944 г. в Центр и в штаб 1-го Белорусского фронта почти ежедневно поступали донесения от разведчиков отрядов С. А. Ваупшасова, Н. Д. Матвеева, К. П. Орловского, «Неуловимых», «Славного», из бригады «Дяди Коли» и от отрядов А. Н. Шихова, Д. П. Распопова, Д. И. Кузнецова. Так, матвеевцы сообщили о строительстве немцами мощных укреплений вдоль рек Ниша и Дрисса {63}.

Разведгруппы старшего сержанта Карпюка и младшего сержанта Михалева (отряд «Богатыри» А. Н. Шихова) добыли сведения о системе обороны гитлеровских войск в Белорусском Полесье (в районе Марлинских хуторов и Мозыря).

Под руководством начальника разведки отряда майора Н. А. Викторова были установлены связи с подпольщиками в городах Мозырь, Минск, Лунинец, Слуцк, Барановичи. Разведчики группы сержанта Г. Михалева Б. Бурондасов, Ф. Безруков, В. Голуб, П. Химин в апреле 1944 г. добыли сведения о военном объекте противника, расположенном под Барановичами, о передвижениях немецко-фашистских войск. Они же держали связь через учительницу Х. Г. Плевако с бургомистром А. Д. Бахманом. Переданные ими сведения были высоко оценены К. К. Рокоссовским {64}.

Вскоре в отряд поступило сообщение из Слуцка о том, что в районе города появилась крупная немецкая авиационная часть. Разведчики «Богатырей» и молодые подпольщицы Х. Г. Плевако (Людмила) и А. А. Сечко (Женя) получили задание: уточнить место нахождения аэродрома, выяснить систему его наземной и противовоздушной охраны. Девушкам удалось завязать знакомство с офицерами и солдатами из охраны аэродрома и наладить с ними «коммерческие связи» – они обменивали сало, масло, яйца и самогон на необходимые в быту материалы: резину, краски, бензин и т. д. Это удачное прикрытие позволило собрать сведения о месторасположении аэродрома, о количестве и марках самолетов, о направлениях и интенсивности разведывательных и бомбардировочных полетов. Данные были переданы в отряд и оттуда – в Центр. В результате налета советской авиации аэродром был уничтожен. Летчики, как доносила связная А. Соколова, разбомбили также склад авиабомб и бензохранилище {65}.

Выполняя задание, группа разведчиков в составе майора Викторова, Михалева и П. Химина наткнулась на фашистскую засаду, поддержанную двумя танкетками. В бою был убит Михалев. П. Химин и на этот раз оправдал свое отрядное прозвище Заговоренный. Разрывной пулей был рассечен приклад его автомата, но сам он остался невредимым {66}.

Центр почти ежедневно принимал также разведданные, поступающие из отрядов «Борцы» (Д. П. Распопов) и «Молот» (Д. И. Кузнецов).

К началу операции «Багратион» разведчиками-чекистами были добыты схемы многих оборонительных сооружений гитлеровцев; планы обороны городов Минск, Вильнюс, Брест, Бобруйск; регулярно сообщались сведения о передвижениях воинских эшелонов, о размещении аэродромов, складов и других объектов; о состоянии коммуникаций; о настроении солдат гитлеровской армии. Разведчики доносили о росте интенсивности перемещений воинских частей, о прибытии в Белоруссию новых частей и соединений различных родов войск и о местах их дислокации. Приведенные факты дают основание считать, что разведчики ОМСБОНа внесли ощутимый вклад в успешное проведение операции «Багратион», завершившейся освобождением Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

В течение 1944 г. продолжались и успешные действия омсбоновских разведчиков на оккупированной территории Западной Украины. В связи с разработкой планов наступательных операций 1-го Украинского фронта отрядам, действовавшим на территории Украинского Полесья, было приказано идти на запад для выполнения новых заданий. В середине января 1944 г. начал свой поход на запад отряд «Победители» Д. Н. Медведева. Предварительно командование отряда направило группу разведчиков в Луцк, Львов и другие населенные пункты Западной Украины с целью уточнения обстановки, установления связей с подпольем, поиска базы для отряда и подготовки условий для успешной работы Н. И. Кузнецова во Львове.

Всей этой работой разведчиков отряда руководили лично Д. Н. Медведев, С. Т. Стехов и начальник разведки А. А. Лукин. С ним действовали «смотритель луцкого маяка» В. Ступин, адъютант Лукина С. Рощин, врач отряда А. Цессарский и разведчик Б. Зюков. Он первым проник в Луцк, связался с подпольем, собрал ценные сведения о гарнизоне, о положении в городе, уточнил адреса квартир и явок. Подробно ознакомившись с этими данными и опираясь на них, в Луцк прибыл Пауль Зиберт – Н. И. Кузнецов. Местные подпольщики достали для него автомобиль «Фиат». Шоферами Пауля Зиберта стали вначале И. Белов, затем Я. Каминский {67}.

6 января 1944 г. группа разведчиков отряда в количестве 21 человека под командованием Б. Д. Крутикова была направлена во Львов для установления связей и подготовки квартир и явок {68}. Через несколько дней в с. Германувка А. Лукин, А. Цессарский, В. Ступин и С. Рощин простились с Н. И. Кузнецовым и его

«шоферами», уезжавшими во Львов. Никто из них не мог и подозревать тогда, что видит прославленного разведчика и боевого друга в последний раз.

А. Лукин уточнил задание Н. И. Кузнецова во Львове и снабдил его, И. Белова и Я. Каминского новыми надежными документами {69}.

Как известно, отряд Д. Н. Медведева на его маршруте обогнали стремительно наступавшие на запад части, и «Центр» дал приказ отряду возвращаться в Москву. Н. И. Кузнецов, совершив во Львове ряд смелых разведывательных и террористических акций [50] , сумел уйти в местный партизанский отряд. Но по существу, Н. Кузнецов не был должным образом обеспечен надежным прикрытием. Вскоре он погиб в схватке с бандеровцами у с. Боратин. Обстоятельства смерти героя полностью не выяснены. Но, как отмечает А. Цессарский, осуществленная военно-медицинскими экспертами эксгумация его тела при перенесении праха Н. И. Кузнецова с места первоначального захоронения во Львов дает основание предполагать, что в последнее мгновение боя геройски сражавшийся с предателями разведчик взорвал себя и окруживших его врагов гранатой {70}.

Даже такая далеко не полная картина разведывательной деятельности отрядов ОМСБОНа позволяет сделать вывод о том, что разведчиками бригады внесен большой вклад в осуществление планов Верховного Командования Красной Армии по разгрому фашизма.

Исключительно важное значение имело единоборство чекистов омсбоновских отрядов и групп с фашистской разведкой. Действия контрразведки были направлены на выявление и обезвреживание агентов фашистской разведки, вражеских разведчиков и диверсантов в партизанских отрядах и в глубоком советском тылу, разоблачение провокаторов, шпионов и убийц. Важными направлениями деятельности контрразведки были также проникновение в организованные гестапо и абвером школы по подготовке разведчиков и диверсантов, внедрение надежных людей в политические органы антисоветских профашистских организаций предателей Родины, в их военные формирования, в полицию и жандармерию.

Источники позволяют познакомить читателя с некоторыми, на наш взгляд, наиболее яркими и значительными эпизодами деятельности омсбоновских контрразведчиков в тылу врага.

Единоборство с опытным, умным и коварным врагом, каким являлась фашистская разведка, было делом чрезвычайно трудным, сложным и предельно опасным. Оно требовало максимальной собранности, оперативности, находчивости,

разнообразия форм и приемов борьбы, тщательной продуманности и подготовки каждой операции. Успех был бы невозможен без активной помощи и прямого участия в ней советских патриотов-подпольщиков.

Чекистская бдительность, усиленная профессиональным чутьем, не единожды помогала контрразведке отрядов выявлять вражеских агентов еще до перехода линии фронта. Так, во время пребывания отряда «Особые» М. Бажанова в прифронтовом поселке Спас-Заулок (март 1942 г.) лейтенантом Б. Галушкиным совместно с капитаном армейской разведки в рабочей столовой были задержаны три человека в красноармейской форме, облик и поведение которых вызвали определенные подозрения. Они были разоблачены как агенты вражеской разведки. В рюкзаках у них были обнаружены тол, мины, ампулы с сильным ядом, пачки советских денег {71}.

Гитлеровская администрация всячески стремилась привлечь местное население к борьбе с партизанами. С этой целью распространялись листовки и объявления, призывавшие указывать места дислокации партизан, за что были обещаны наделы земли, а за каждого убитого партизана – центнер хлеба и мера соли {72}. Поняв всю бесплодность таких попыток, фашисты все чаще стали забрасывать в партизанские отряды своих агентов.

В отряде Д. Н. Медведева «Победители» вызвал подозрение человек, представившийся как беженец из лагеря военнопленных и назвавший себя Героем Советского Союза. Как выяснилось, предатель воспользовался документами и именем убитого под Ленинградом воина-героя. Он был заслан в отряд с заданием убить командира и признался в этом после того, как у него были обнаружены порошки яда {73}.

В отряде А. Н. Шихова в 1943 г. была разоблачена как вражеская лазутчица 30-летняя работница кухни. Ей удалось передать врагам сообщение о местонахождении лагеря. Шпионка была своевременно разоблачена. До начала готовящейся фашистами карательной экспедиции отряд успел уйти из опасной зоны {74}.

Гитлеровцы прибегали к различным методам борьбы с партизанами, в том числе к созданию специальных подразделений для устройства засад, к засылке в отряды провокаторов, к организации лжепартизанских отрядов. Впрочем, последние быстро разоблачали себя как своей бездеятельностью, так и грабежами и жестоким отношением к местным жителям.

Агенты врага прибегали к различным приемам, чтобы войти в доверие к партизанам. Так в м. Березном учитель Ивановский умышленно спасал от фашистов врача-еврейку Резник – это

помогло ему войти в доверие к партизанам. Но с помощью той же Резник он вскоре был разоблачен разведчиками отряда Медведева как провокатор и гитлеровский агент. Выяснилось, что в прошлом он был царским офицером, белоэмигрантом и с довоенных лет работал на фашистскую разведку. Ивановский был схвачен и казнен по приговору партизанского суда {75}.

В бригаде П. Г. Лопатина был разоблачен агент Борисовской разведывательной школы. Он был заслан на базу бригады под фамилией Дзюбенко с задачей оговорить руководителя подпольной группы Б. Кочана, навести карателей на лагерь, а во время боя убить командиров {76}. В октябре 1942 г. в «Центр» поступил из бригады Лопатина список 182 агентов, заброшенных фашистской разведкой в тыл Красной Армии {77}.

В марте 1942 г. разведкой «Неуловимых» был разоблачен на хуторе Забелье провокатор Адамович, который должен был сообщить в Невель о маршруте движения отряда. Начальник разведки отряда П. А. Корабельников дезинформировал предателя, сообщив ему, что отряд возвращается в Торопец, в то время как бойцы продолжали движение к Полоцку {78}. Весной 1942 г. «Неуловимые» помогли местным партизанам разоблачить предателя Гомелько, который под именем капитана Сизова, якобы бежавшего из плена, проникал в ряды партизан, а затем выдавал списки отрядов полицейским. Предатель убил командира отряда Н. П. Сутырина, после чего попытался сбежать. Партизаны поймали вражеского лазутчика и расстреляли {79}.

Фашисты усиленно охотились и за бригадой Градова. Разведчики отряда докладывали, что в деревнях все чаще и чаще стали появляться подозрительные лица, допытывающиеся у жителей, как попасть в лагерь Градова. В самом лагере летом 1942 г. был разоблачен и расстрелян немецкий шпион {80}.

Для обнаружения местонахождения омсбоновских отрядов гитлеровцы нередко использовали радиопеленгаторы. Летом 1942 г. связные сообщили в отряд П. Шемякина, что фашистам удалось запеленговать радиостанцию отряда и обнаружить его лагерь и что они направили для внедрения в отряд трех агентов.

На следующий день постовыми были задержаны трое людей в форме красноармейцев. Они представились беглецами из плена. Но их выдала новенькая форма и… трикотажное нижнее белье немецкого производства {81}. В целом за годы войны чекистами-омсбоновцами были выявлены и обезврежены в партизанских отрядах сотни немецких агентов и их пособников {82}.

Фашисты пытались запеленговать и радиопередачи отряда Д. Н. Медведева. Тогда омсбоновцы пошли на хитрость: радисты начали давать сеансы в различных местах, на расстоянии до

20 км от лагеря. Фашистская разведка была направлена по ложному следу и не сумела точно определить местонахождение «Победителей» {83}.

В 1942 г. в районе г. Борисова обосновался крупный центр фашистской военной разведки. Связные доложили в отряд П. Лопатина, что при этом филиале абвера действует разведшкола, однако точное ее местонахождение было неизвестно. Разведчик Н. Капшай под видом художника проник в Борисов и рисовал портреты офицеров и солдат. Так он вошел в доверие к фашистам. Ему удалось уточнить, что школа находится в военном городке Печи. Большую помощь разведчикам отряда оказал, как отмечалось выше, бургомистр Борисова П. Ф. Парабкович, занимавший эту должность по заданию партизан. На его квартире партизанской засадой был захвачен командир разведшколы полковник Нивеллингер. Он был доставлен в лагерь бригады Лопатина, а оттуда срочно переправлен самолетом в Москву. От него, в частности, узнали имена и местонахождение многих агентов, заброшенных абвером в прифронтовую зону и в советский тыл {84}.

Борисовская школа продолжала оставаться в центре внимания контрразведки отрядов П. Лопатина, М. Прудникова, И. Золотаря и др.

Офицеру А. Чернову под ложным именем удалось проникнуть в лагерь для военнопленных, войти в доверие к начальству и завербоваться в разведчики абвера. Его направили на службу в канцелярию штаба Центральной группировки фашистских армий в Минске. Здесь оформлялись документы на разведчиков, окончивших школу в Печи и направлявшихся на задания. Из бригад П. Лопатина и М. Прудникова в Москву были переданы поименные списки и адреса нахождения более 140 агентов – выпускников Борисовской разведшколы, засланных в советский тыл {85}.

По пути из Клецка в Борисов в дом лесника заехал обер-лейтенант школы Фозе. Здесь он был захвачен партизанской засадой. Напуганного до смерти фашиста без труда удалось уговорить сыграть роль «подсадной утки». После этого на шоссе Бобруйск – Клецк им была остановлена машина майора Гозенберга, «профессора» разведшколы, который сменил Нивеллингера на посту ее начальника. Так в Москву попал второй шеф школы, дополнивший показания своего предшественника {86}. Этим школе был нанесен окончательный удар.

В мае 1942 г. в отряд лейтенанта Ф. Ф. Озмителя от разведчиц-подпольщиц Г. Меерович и О. Рыловой поступило сообщение о том, что через ст. Красное в сторону Смоленска

прошло два эшелона с офицерами и солдатами, одетыми в красноармейскую форму. Сообщение было передано в Центр, а оттуда – в штаб Западного фронта. Как выяснилось, под видом «окруженцев» действовали изменники Родины. Команда в 315 человек получила задание: пробраться в Дорогобужские леса и проникнуть в 1-й Гвардейский конный корпус генерала П. А. Белова; взять его в плен, а бойцов склонить к переходу на сторону немцев. Команда была разгромлена по пути к цели десантниками-парашютистами 4-го воздушно-десантного корпуса.

Была раскрыта тайна особого формирования «Зондербанд Граукопф» («Седая голова»). Оно находилось, как было установлено, в поселках Осинторфа (Витебская обл.). Здесь готовили шпионов, террористов, диверсантов, лжепартизан и лжеподпольщиков. Разведчики ОМСБОНа связались с курсантами школы и добились перехода 83 курсантов на сторону партизан. Они прибыли в лагерь Ф. Озмителя на подводах, груженных оружием, боеприпасами и продовольствием.

Отряд Шемякина от своей связной, проникшей в Гомель, получил в 1942 г. сведения о местонахождении шпионской школы в этом городе. Она специализировалась на подготовке и засылке агентов в партизанские отряды. В результате многие из них были разоблачены и обезврежены.

По заданию Центра разведчики и связные отряда А. Шихова «Богатыри» вели наблюдение за гитлеровской шпионской школой в районе Минска. Подпольщице Лидии Лавренюк удалось устроиться работать секретарем-переводчицей в городскую управу. Она познакомилась с немецким офицером-антифашистом по имени Александр, который передал ей списки преподавателей школы, фамилии и имена членов двух диверсионных групп, подготовленных к заброске в июне 1944 г. в советский тыл. Было сообщено место их выброски {88}.

Эти действия парализовали деятельность фашистских разведшкол, привели к развалу многих из них, сводили на нет усилия сотен агентов вражеской разведки в советском тылу.

Летом 1944 г. разведчики отряда «Славный» напали на след тайной школы агентов и диверсантов, расположенной в д. Копачи. По заданию Центра отряд ночью атаковал школу, захватил в плен несколько ее преподавателей и курсантов. Во время боя боец И. Садовников забросал гранатами пулеметное гнездо врага, но сам был убит {89}.

Разведчики бригады Шестакова и ее связные В. Ф. Палевич, Т. Тищенко, фельдшер Андросенко содействовали созданию подпольной группы в 3-й роте власовского батальона «Припять». 6 апреля 1943 г. рота в составе 130 человек с полным

вооружением перешла к партизанам и влилась в бригаду. Опираясь на донесение разведки, бригада наносила удары по гарнизонам противника и полицейским подразделениям на станциях Рассуха, Жудилово, Бельенковичи. Связанные с бригадой подпольщики с помощью разведчиков совершили ряд крупных диверсионных актов в Рогачеве, Бобруйске, Кричеве {90}. Нередко разведчикам приходилось принимать неравный бой с превосходящими силами врага. Так, летом 1943 г. четыре разведчика «Славного» смело приняли бой со 120 немцами. До конца героически сражались бойцы Лютов, Копылов, Коржуев. Трижды раненный Ермолаев, истекая кровью, сумел оторваться от врагов и добраться до лагеря {91}.

Мастером засад слыл в отряде разведчик и подрывник К. Мадэй. Однажды группа партизан под его командованием обстреляла колонну фашистов в составе 200 человек. Было уничтожено 60 человек, остальные разбежались. В другой раз он успешно провел две засады в один день {92}.

С декабря 1943 по август 1944 г. в треугольнике Брест – Холм – Парчев действовал спецотряд «Клим» майора П. А. Коровина. Начальником штаба отряда был старший лейтенант В. М. Лапушкин, радисткой – А. Т. Лапушкина-Анисимова. От разведчиков отряда в Центр и штаб Белорусского фронта поступило много разведывательных данных {93}.

С января по июль 1944 г. почти ежедневно передавались в Центр, в разведуправление Белорусского фронта и в штаб авиации дальнего действия сообщения разведчиков отряда «Молот» Д. И. Кузнецова. В частности, на основании их сообщений авиацией были уничтожены аэродром у д. Лошица, под Минском, с 10 самолетами и аэродром у д. Мочулино. Было убито 150 фашистских летчиков, разбиты склад боеприпасов фронтового значения и радиоузел в районе совхоза «Сенница» {94}.

Разведчики отряда установили связь с минским подпольем. Через местных подпольщиков была организована диверсия на одном из заводов города; был подорван на ст. Минск вспомогательный поезд, снабженный специальным оборудованием для ремонта и уничтожения железнодорожных путей.

Подпольщик Игнат в июне 1944 г. подложил в машинное отделение и под резервуар водокачки на ст. Тимковичи два мощных заряда. В результате взрывов накануне наступления Советской Армии на важной магистрали Слуцк – Барановичи была выведена из строя одна из станций {95}.

2 июня 1944 г. по просьбе командования Красной Армии

разведчики отряда добыли ценные данные о состоянии укрепленного пункта фашистов в районе Белой Лужи на шоссе Минск – Слуцк. Ими руководствовалось командование, разрабатывая операцию по разгрому укреппункта. Бойцы спецотряда действовали в качестве проводников и направляющих, участвовали в боях, в ходе которых было уничтожено до 300 солдат и офицеров противника, взяты боевые трофеи. Разгром этого узла обеспечил на этом участке быстрое продвижение советских войск на запад.

Объем книги позволил описать лишь небольшую часть из огромной массы фактов, характеризующих героические дела разведчиков ОМСБОНа. Пути и средства достижения поставленных перед индивидуальными исполнителями целей в каждом конкретном случае были различными, порой совершенно невероятными и фантастически неправдоподобными. Так, среди ветеранов ОМСБОНа особым уважением однополчан пользуется бывший чемпион Ленинграда по боксу И. Миклашевский. В годы войны чекист-разведчик получил задание: используя все возможности, попытаться добыть сведения о местах расположения особо засекреченных заводов немцев и уточнить характер их продукции. Были разработаны соответствующая легенда и план действий разведчика.

В соответствии с ними И. Миклашевский был переброшен в тыл врага и легализовался. Пользуясь положением известного боксера, И. Миклашевский получил право на участие в спортивных состязаниях, что дало ему возможность относительно свободного передвижения по Германии и оккупированной Европе, помогло собрать и передать по соответствующим каналам в Центр информацию особой секретности [51] . Результаты героических действий разведчиков ОМСБОНа во многом содействовали решению оперативных и стратегических задач Красной Армии на разных этапах Великой Отечественной войны.

Действуют подрывники

…И то, что может сделать он и тол
(пятнадцать килограммов),
не в силах целый батальон —
пусть даже смелых и упрямых!

С. Гудзенко.
«Подрывник»

Основным методом нанесения ударов по фашистам для бойцов «невидимого фронта» были диверсии на коммуникациях врага, на военных и промышленных объектах.

При осуществлении этих операций использовались толовые заряды и самые разнообразные минные устройства – от миниатюрных магнитных мин, мин замедленного действия (МЗД) и неизвлекаемых мин (НМ) до мощных фугасов. Среди подрывников-омсбоновцев были асы минно-подрывного дела, на личном счету которых от 10 до 20 и более пущенных под откос вражеских эшелонов, взорванные мосты, станционные сооружения и другие объекты. К их числу принадлежали Е. А. Телегуев (на личном счету – 16 эшелонов и 5 железнодорожных мостов), П. С. Лисицын (19 эшелонов), И. В. Майский (18), Э. Б. Соломон (Калошин – 17), Хаджибатыр Бадоев (до 20), В. Хазов (в 1942 г. только за четыре месяца взорвал 11 эшелонов), М. Пикунов (14 эшелонов), Н. Голохматов, И. Мокропуло, В. Широков, Б. Бурондасов, В. Масляков, К. Мадэй, Б. Семенов.

В источниках в числе лучших разведчиков и подрывников бригады называются также имена И. Бездудного, В. Бездушева, В. Голуба, Е. Иванова, И. Малявина, А. Соболева, Ф. Игнатова, П. Химина, Л. Семина, В. Щетинина, Я. Фокина, Д. Киселева, К. Горошанина, А. Гормозы, В. Яковлева, В. Рассадина, Б. Мартынова, Ф. Эскрибано, Ф. Безрукова {96}.

Большинство из них уходили в тыл врага по нескольку раз. Некоторые же действовали в тылу противника до двух и более лет без перерыва!

На протяжении всех лет войны менялись условия проведения диверсионных операций, особенно на железнодорожных магистралях и автодорогах.

Все более сложной и изощренной становилась система охраны железнодорожных станций и путей на перегонах. Если в 1941–1942 гг. дело ограничивалось, как правило,

патрулированием (обычно три парных патруля на каждый километр пути; с лета 1942 г. им придавали до 10 полицейских), то в 1943–1944 гг. система охраны дорог достигала предельной насыщенности боевой силой, техникой, средствами обнаружения и уничтожения подрывников и заложенных ими мин. Патрулирование на стратегически важных дорогах дополнялось устройством вышек для охраны, снабженных прожекторами и пулеметами, дотов; созданием открытых пространств, для чего на 200–300 м по обе стороны пути вырубались леса; установкой на подходах к путям мин-ловушек, шумовых устройств, проволочных заграждений. Наиболее тщательно охранялись железнодорожные мосты. Каждый из крупных мостов представлял собой настоящий оборонительный рубеж с колючей проволокой, минными заграждениями, системой вышек с пулеметами, дотами, прожекторными установками, ракетной сигнализацией. Через определенные промежутки времени по магистралям проходили бронепоезда, обстреливавшие лесные подходы к дорогам. Широко использовались хорошо обученные сторожевые собаки. Стремясь отвести толовые удары от паровозов и вагонов, немцы пускали впереди эшелонов пустые платформы. На особо опасных участках пути резко замедлялось движение транспорта, а на некоторых оно разрешалось лишь в дневные часы и только после тщательного осмотра соответствующего участка дороги в целях поиска мин.

Фашисты, с присущими им бесчеловечностью и пренебрежением ко всем международным нормам, принуждали к поиску мин местных жителей. Они заставляли их перепахивать землю на тех участках, где предполагалось наличие мин. Крестьяне в этих случаях, чтобы не подорваться на мине вместе с лошадью, использовали удлиненные вожжи. Чтобы не подводить крестьян, подрывники устанавливали мины после окончания их опаснейшей работы.

С весны 1943 г. фашистское командование значительно увеличило число охранных и полицейских гарнизонов в населенных пунктах, расположенных близ железнодорожных магистралей и шоссейных дорог. Серьезнейшей опасностью для групп подрывников стали вражеские засады, поджидавшие их на подступах к магистрали и на путях отхода к лесу. Их можно было ожидать и на любом отрезке маршрута за пределами партизанской зоны. А ведь подрывникам каждый раз приходилось проделывать огромный путь от лагеря к месту диверсии. Нередко партизанская тропа, пролегавшая по болотам, сквозь чащобы и буреломы, а в отдельных местах – и по открытой местности, растягивалась до 30–40 км. В некоторых случаях перед минерами ставилась задача проведения целевой диверсии на особо

отдаленных от базы магистралях. Тогда путь подрывников удлинялся до 100 и более километров. Обычно группе давался предельный срок возвращения на базу, как правило, неделя. Перед выходом каждой группы в штабе отряда уточнялось задание. Подрывников знакомили с последними донесениями связных и разведчиков о ситуации на предполагаемом маршруте движения группы и на магистрали. Это являлось исходным ориентиром для подрывников. На походе группа вела разведку и непрерывное наблюдение, уточняла обстановку и в зависимости от этого решала вопрос о реальном маршруте, а также о месте и конкретном способе совершения диверсии. В пути приходилось проявлять максимум осторожности в общении с местными жителями, чтобы не подвергать их смертельной опасности: ведь в случае обнаружения связей с партизанами их и их семьи ожидала жесточайшая кара. Опасались и вражеской агентуры. Забегая вперед, выразим глубокую благодарность местным жителям, сынам и дочерям Советской Родины. Несмотря на угрозы оккупантов и предателей-полицейских, беспощадно приводившиеся в действие, местные жители кормили подрывников, предоставляли им кров, возможность отдохнуть, согреться и обсушить одежду и обувь. Они же давали группам проводников, узнавали о результатах диверсий и через связных передавали эти сведения в отряды.

И все же, особенно на сравнительно коротких маршрутах, группы стремились избегать заходов в населенные пункты и обходить гарнизоны, делая нередко большие «крюки» в сторону от маршрута.

Смелость и находчивость подрывников, их высокая квалификация и постоянное стремление выполнить задание во что бы то ни стало успешно противостояли всем мерам и ухищрениям гитлеровской службы охраны дорог и полиции.

Чтобы обмануть бдительность патрулей и охранников, десантники временно прекращали диверсии на тех участках магистралей, где противник усиливал охрану, и переносили действия на соседние участки дорог, чтобы затем, когда бдительность врага притуплялась, вновь наносить удары на прежних участках.

Иногда, потеряв надежду проникнуть на магистраль на перегонах, подрывники дерзко шли на полустанки и станции и умудрялись ставить мины буквально под носом у охранников.

В 1943–1944 гг. подрывные группы стали численно крупнее: минеры действовали под прикрытием товарищей. Подойдя к дороге, группа залегала в пределах хорошей видимости железнодорожного полотна, изучала обстановку, вела

наблюдение, выбирала место подхода к полотну. Иногда это длилось несколько суток. Установка каждой мины требовала подлинного мастерства, предельного напряжения, внимания и нервов. Особую опасность представляла установка неизвлекаемых мин, способных сработать при малейшем прикосновении и от любого колебания почвы. Подрывники ОМСБОНа овладели этим искусством. Сотни таких мин были установлены ими на различных магистралях. Большого умения требовала и маскировка мин. На месте их установки не должно было оставаться никаких следов работы минеров. Нельзя было перемешивать сухие верхние слои земли с сырыми нижними – это сразу вызвало бы подозрение охранников. Лишнюю землю собирали в плащ-палатку и уносили с собой. Установив мину, сверху укладывали побеленные известью камешки – так они лежали вдоль полотна до минирования; отходя, стирали следы своего пребывания у дороги или же на станции (полустанке). А ведь делалось это все ночью, в абсолютной темноте, с максимальным соблюдением тишины: при малейшем звуке в небо тотчас же взмывали ракеты и охранники мгновенно открывали огонь!

В зависимости от обстановки и характера задания прибегали к разным способам минирования дорог и использовали различные системы мин. В большинстве случаев устанавливали мины со взрывателями замедленного действия. Иногда же приходилось прибегать к самому смелому и дерзкому приему установки мины – «под поезд». К нему прибегали обычно днем, обманув бдительность патрулей. В этих случаях минер, прикрываемый товарищами, при приближении поезда бежал к полотну дороги с минным зарядом и бикфордовым шнуром длиной не более 40 см. Мина ставилась буквально в 300–500 м от идущего поезда. Всего 40 секунд было в распоряжении подрывника для отхода, после того как он поджигал шнур. Требовались исключительная смелость и точность расчета и то особое мастерство, каким в совершенстве обладал, например, подрывник В. Хазов {97}. Неисчерпаемой была находчивость и неукротимой смелость этого подрывника. В канун 25-й годовщины Великого Октября подрывная группа Хазова вышла на очередное задание. Подрывники имели три мины. Первой был пущен под откос воинский эшелон с живой силой и техникой, были уничтожены паровоз и 28 вагонов. Фашисты начали преследование группы, идя за нею буквально по пятам. Но через сутки на соседнем участке железной дороги под откос пошел второй эшелон. Тогда немцы прекратили движение поездов по ночам. Но у подрывников осталась третья мина, которую теперь

нужно было заложить днем. И тогда В. Хазов, переодевшись в одежду крестьянина, примкнул к группе восстановителей и во время обеденного перерыва подсунул свой «узелок с обедом», ничем не отличающийся от крестьянских, в ямку под рельсы и незаметно скрылся. Под вечер в кювете лежал третий эшелон {98}.

В 1942 г. подрывники нередко использовали для минирования «под поезд» мины с соединенным с взрывателем шнуром. Минер бежал к полотну дороги с миной в руке, раскручивая шнур, у другого конца которого находился его напарник. Первый ставил мину и отбегал в сторону, второй дергал в нужный момент за кончик шнура. Рывок – и мина взрывалась под колесами паровоза или же определенного вагона (обычно старались взорвать второй или третий вагон, что давало наибольший эффект).

В ход пускались и самодельные мины, изобретенные самими подрывниками. Так, группа минеров соединения им. Александра Невского и слесарь-подпольщик Я. Каплюк создали самодельную мину «Самолет» и специально для нее особый тип взрывателя {99}.

Летом 1942 г. подрывник Д. Киселев из отряда капитана Г. М. Хвостова смастерил самодельный взрывной механизм с часовым замыкателем. Случилось так, что о мине с заранее запущенными в ход часами забыли. Нес ее подрывник Ю. Калашников в своем вещевом мешке. К счастью, об этом своевременно вспомнил сам изобретатель мины. Спасая товарища, он, рискуя собою, снял с него мешок. Мину успели расстрелять, предупредив несчастный случай. Подобных примеров взаимовыручки боевых друзей и проявленной при этом самоотверженности можно было бы привести немало.

Показательны и другие факты. По непреложному закону подрывникам бригады следовало во что бы то ни стало заставить сработать каждый толовый заряд: ведь взрывчатка была острым дефицитом. На счету была и каждая мина. Поэтому осечек в работе не должно было быть.

…Однажды группа О. Лоран-Астафьева, преодолев все препятствия, установила мину на одном из участков железной дороги Гомель – Харьков, но механизм не сработал. Командир группы и подрывники Завгородний и Шидловский вернулись на следующую ночь на полотно дороги, обнаружили мину, выявили причину неисправности: скосился штырь взрывателя нажимного действия – и вновь установили заряд {100}.

Через сутки группа минировала железную дорогу Гомель – Чернигов. В результате диверсий были пущены под откос три

эшелона с живой силой и техникой {101}. Этот подвиг повторил летом 1944 г. в аналогичных условиях подрывник Я. Фокин из группы Ф. Эскрибано на полустанке Талька дороги Бобруйск – Осиповичи. И здесь в результате диверсии был уничтожен воинский эшелон из 14 вагонов с живой силой и техникой [52]

В 1943–1944 гг. все чаще стали прибегать к установке неизвлекаемых мин с электродетонаторами. Большую изобретательность проявили подрывники ОМСБОНа и во время операций на шоссейных магистралях. Так, М. Ф. Орлов вспоминал, как весной 1942 г. группа подрывников-бажановцев использовала в качестве мины-ловушки немецкий мешок из-под сахара. В него вложили артиллерийский снаряд, 3 кг тола, мину и бросили на шоссе в расчете на то, что сахар привлечет внимание проезжающих военных. На эту ловушку попались офицеры, ехавшие в штабной машине {102}. Вскоре после этого бажановцы заминировали на проезжей части шоссе трофейный мотоцикл. Его попытался сбросить с дороги немецкий шофер грузовой машины. В результате в воздух взлетела машина со взводом солдат {103}.

Подрывники не прекращали своих операций и тогда, когда в отрядах кончались запасы мин и тола. И здесь выручала солдатская смекалка. В лесах и на полях встречалось много артиллерийских снарядов. Подрывники научились добывать из них тол. Так, в отряде «Боевой» этот способ добычи взрывчатки первым предложил начальник штаба, бывший артиллерист Л. А. Попковский. Боец-туляк Г. А. Семенов разработал технологию выплавки тола из снарядов на кострах. Удалось добыть 5,5 т тола. Этим опытом «Боевой» поделился с другими отрядами [53] . К этому способу добычи тола прибегали и бойцы отряда «Олимп». Когда в мае 1943 г. в отряде кончились запасы тола, бойцы были брошены на поиски оставшихся на полях и в лесах авиабомб, артиллерийских снарядов и мин. Их разряжали и затем выплавляли взрывчатку. Минеры отряда «Олимп» создали самодельную неизвлекаемую мину. При первом же ее применении был пущен под откос эшелон с 22 вагонами и тремя цистернами с горючим. Случилось так, что одновременно на втором пути на мине, поставленной местными партизанами, взорвался встречный поезд {104}.

Мощь толовых ударов омсбоновских подрывников фашисты начинали ощущать буквально с первых дней выхода того или иного отряда в тыл врага. И их интенсивность нарастала, несмотря на, казалось бы, самые изощренные меры противника.

Проследуем по следам диверсий отрядов «Славный», «Особые», «Местные», «Неуловимые», «Победители», «Олимп» и некоторых других, осуществленных в 1942 г. [54] .

20 июня 1942 г. группа Мадэя (отряд «Славный») пустила под откос воинский эшелон в 35 вагонов на дороге Брянск – Рославль {105}.

Двое суток пытались установить мину на железной дороге Брянск – Рославль подрывники-спортсмены Н. Шатов, Г. Ермолаев, С. Коржуев. На третьи сутки приняли решение: ставить заряд «под поезд». Приготовили самодельную мину – к толстой палке привязали две противотанковые гранаты на боевом взводе (каждая весом 1 кг). В полдень С. Коржуев дерзко поднялся во весь рост над насыпью и метнул заряд под паровоз. Эшелон из 55 вагонов с живой силой, автомашинами и танками до фронта не дошел. Подрывники благополучно вернулись на базу «Славного» {106}.

В мае 1942 г. подрывная группа лейтенанта Чупеева пустила под откос эшелон с танками на участке Москва – Брянск и уничтожила линию связи {107}.

В июне 1942 г. удары шестаковцев по железнодорожным магистралям участились. 7 июня была выведена из строя дорога на перегоне Брянск – Рославль (вновь группа Мадэя), а через два дня был осуществлен одновременный выход 11 групп на железные дороги и шоссейные магистрали Брянск – Рославль и Брянск – Гомель. Подрывникам на этот раз сопутствовала особая удача: были взорваны два железнодорожных моста, несколько эшелонов противника, уничтожены семь машин с живой силой и боеприпасами.

Группа подрывников-спортсменов в составе К. Мадэя, М. Семенова, Э. Бухмана, разведав систему охраны железнодорожного моста, решила использовать приемы акробатики: ночью, пробравшись к опоре моста, под самым носом у охраны они устроили пирамиду, внизу которой был К. Мадэй, а наверху – М. Семенов с зарядом, подвешенным на шею. В таком положении он заложил заряд в нишу опоры, после чего отошел с Бухманом в лес, а Мадэй поджег бикфордов шнур {108}.

Вскоре после этого лейтенант И. Егорычев, Мадэй и Семенов взорвали второй железнодорожный мост и более 2 км полотна на Урицкой ветке дороги {109}. В результате действий подрывных групп Н. Шатова, М. Семенова, М. Плетнева, В. Зайпольда, А. Исаева, П. Мартынова важные коммуникации противника были выведены из строя на длительный срок, а движение на них полностью парализовано.

В апреле – июне 1942 г. «Особые» также неоднократно радировали в Центр об успешных диверсиях. Так, 3 и 8 мая сообщалось о том, что у д. Шаховцы (под Оршей) были пущены под откос два специальных эшелона. Было уничтожено 20

классных вагонов с офицерами (подрывники Голохматов, Щербаков, Макропуло). 10 мая – третий (у д. Юганы), 19 мая – четвертый. На этот раз под откос пошли 15 вагонов с техникой и 5 цистерн с горючим (подрывная группа Сосульникова). Именно тогда при отходе был тяжело ранен осколками гранаты минер С. Насынов {110}.

26 апреля подрывниками отряда «Особые» в шести местах было разрушено полотно железной дороги на линии Смоленск – Орша. Она бездействовала 13 часов {111}. Не менее удачно подрывники отряда действовали и на шоссейных дорогах. Только за период с 31 мая по 7 июня на шоссе Смоленск – Орша ими было подорвано 11 автомашин, из них три легковые. Убито и ранено до 40 солдат и офицеров. С 21 по 30 июня было взорвано еще четыре автомашины. Тогда же бойцы отряда «Особые» разгромили базу солдат-ремонтников и сорвали ремонт шоссе. Теперь оно надолго было выведено из строя {112}.

Когда же фашисты попытались бросить против подрывников карателей, их встретила засада партизан и армейских разведчиков. В бою они использовали найденную в лесу советскую зенитку. Три грузовика с карателями подорвались на установленных бойцами отряда минах {113}.

В отряде «Неуловимые» одним из самых результативных подрывников был Х. Бадоев. Уже на одном из первых заданий его группа уничтожила два эшелона врага и железнодорожный мост. К осени 1943 г. личный счет подрывника перевалил за два десятка эшелонов! {114}

Непрерывно наращивал свои удары по врагу и отряд «Боевой». Так, 25 мая 1942 г. подрывники отряда взорвали железнодорожный мост на перегоне Полоцк – Невель. Через десять дней на том же участке была взорвана 18-метровая труба под полотном железной дороги. При взрыве с рельсов сошел бронепоезд.

В июне 1942 г. подрывники отряда совершили восемь крупных диверсий на железных дорогах. Был выведен из строя еще один мост.

В декабре 1942 г. группа М. Андреева взорвала на железной дороге Двинск – Полоцк второй бронепоезд. Через несколько дней ею же был взорван мост на перегоне Резекне – Себеж. Движение на дороге прекратилось на пять суток. Всего же в течение 1942 г. подрывниками отряда «Боевой» на железной дороге Двинск – Полоцк было взорвано 20 эшелонов [55] .

В Витебской области успешно действовали и подрывники «Неуловимых».

Уже через 10 дней после выхода в тыл врага, 15 марта

1942 г., отряд заявил о своем приходе первой крупной диверсией, осуществленной под командованием командира М. С. Прудникова: близ ст. Опухлики был взорван железнодорожный мост (исполнитель И. Палеха). 10 мая 1942 г. группа подрывников отряда уничтожила одну из крупнейших в Белоруссии – Полоцкую нефтебазу. Отсветы грандиозного пожара два дня были видны за десятки километров от Полоцка. Большая группа танковых войск была временно парализована. Операция была проведена подрывниками В. Никольским, И. Верхоглядом, И. Загряновым {115}.

В апреле 1942 г. три группы подрывников отряда одновременно вышли на подрыв трех мостов. Их возглавили М. Прудников, Б. Глезин, П. Широков. Все группы задания выполнили успешно и без потерь. Особая удача выпала на долю группы М. С. Прудникова – подрывники взорвали мост во время прохождения по нему эшелона {116}.

В мае отрядом были подведены итоги его диверсионной работы: за первые два месяца пребывания в тылу врага были взорваны 6 мостов, пущены под откос 13 эшелонов с живой силой и техникой, сожжена Полоцкая нефтебаза {117}. Противник усилил охрану объектов, преследование отряда и поиск его подрывных групп. Но они вновь и вновь и столь же громко «заявляли» о себе.

27 июня 1942 г. на железной дороге Полоцк – Двинск у ст. Борковичи группа в составе Верхогляда, Соломона, Гриценко, Светлицкого, Хамчановского зарядом тола в 27 кг, добытого из немецких противотанковых мин, взорвала еще один железнодорожный мост {118}.

Подходить к железной дороге и минировать ее становилось все труднее и опаснее.

…10 ноября 1942 г. группа Е. Телегуева вышла на задание на участке железной дороги Полоцк – Двинск. У самого полотна подрывники были обнаружены немецким патрулем с собаками. Но партизаны успели опередить врага и первыми открыли огонь. Проходивший в это время поезд отрезал партизан от преследователей, и группе удалось уйти. Диверсия была совершена на другом участке дороги {119}.

Успешно действовали и подпольщики отряда. Так, подпольщица Е. Титова с помощью мины, переданной из отряда, взорвала склад артиллерийских снарядов в д. Ропна {120}.

Уже в 1942 г. очень широким стал радиус действий подрывников отряда С. А. Ваупшасова (Градова). Весной и летом 1942 г. все чаще раздавались взрывы на железных дорогах Минск – Борисов и Минск – Осиповичи. Один из первых эшелонов был

пущен под откос у д. Скрынь в апреле 1942 г. группой Любимова. Перед ней поставили задачу уничтожить совершенно определенный состав, идущий в направлении Минска. Разведка установила время его прохождения на этом участке.

Решено было действовать методом «под поезд». Заранее распределили место каждого бойца и его задачу: двоим – прикрыть группу с флангов, двоим с зарядом в 10 кг тола – на полотно, одному – оставаться у конца шнура, чтобы дернуть его по сигналу руководителя группы. Задание было успешно выполнено {121}.

Но вскоре выяснилось, что один заряд не был способен полностью вывести из строя большой эшелон. С целью нанесения противнику более ощутимого урона командир подрывной группы Сермяжко предложил новый метод: подкладывать под большие эшелоны не один, а несколько (минимум три) зарядов, установленных одновременно. Этот способ был предварительно отработан на учебной тренировке, после чего под ст. Жодино вышли группа Сермяжко и штурмовая группа Усольцева в составе 38 человек. Диверсанты добились цели: был подорван эшелон с живой силой и техникой в составе 12 вагонов, а выскочившие из них и попытавшиеся дать партизанам бой фашисты были уничтожены штурмовой группой и группой прикрытия {122}. Одновременно вторая диверсия была совершена на участке Михановичи – Руденск, третья – у самого Минска. В результате враг потерял три паровоза и 52 вагона с живой силой и техникой.

Тотчас же в Центр была послана радиограмма с рапортом о боевом успехе. В ответной радиограмме Москва сообщала: «Советское правительство благодарит славных партизан и желает им новых успехов и подвигов во славу социалистической Родины. Представьте отличившихся участников к наградам орденами и медалями» {123}. Командир отряда Градов зачитал эту радиограмму перед строем.

Часто целью диверсионных действий омсбоновцев являлся какой-либо конкретный объект, названный в приказе Центра или штабами фронтов. Таким объектом мог быть железнодорожный мост или же эшелон определенного назначения (указывались и время прохождения по такому-то пути, и номер эшелона), промышленное или транспортное сооружение, нефтебаза, склад и т. д. В этих случаях прилагались все усилия диверсионных групп и подпольщиков, чтобы уничтожить именно конкретный объект, хотя это было связано с дополнительными трудностями: ведь особо важные объекты и специальные эшелоны усиленно охранялись.

В январе 1942 г. подрывная группа В. Крылова в составе Н.

Ананьева, П. Маркина, Г. Иванова, И. Макропуло, И. Келишева, Н. Голохматова (отряд Бажанова) получила приказ уничтожить мост через Жиздру на перегоне Судомир – Сухиничи. Операция длилась 14 часов на 40-градусном морозе! Двигались к мосту на лыжах под огнем врага. Крылову и Ананьеву удалось снять часовых; оставляя примерзшую кожу пальцев на металле, они подвесили к опоре заряд. В. Крылов поджег шнур – и группа под огнем противника поспешно отошла {124}.

Участники операции были награждены орденами и медалями. Грудь В. Крылова украсил орден Красного Знамени {125}.

В отряд П. Шемякина поступило донесение о том, что по перегону Ново-Белица – Добруш (дорога Гомель – Харьков) проследуют в такое-то время эшелоны с танками и живой силой. Оба состава были пущены под откос. Восемь эшелонов на этом участке пустила под откос группа А. Завгороднего {126}.

2 мая 1942 г. у ст. Заольша (под Витебском) подрывники отряда Ф. Озмителя В. Лазарев и Г. Демидов пустили под откос крупный эшелон с танками, автомашинами и боеприпасами. Движение на дороге Витебск – Смоленск было остановлено на 28 часов {127}.

За период с 27 мая по 16 августа 1942 г. подрывники этого отряда подорвали на перегоне между ст. Осиповка и Красное (дорога Минск – Смоленск) 5 эшелонов с живой силой и техникой врага, было убито и ранено до 900 офицеров и солдат {128}.

Перед подрывниками отряда капитана Хвостова летом 1942 г. была поставлена задача вывести из строя дорогу Смоленск – Орша. Подрывная группа В. Пронина в составе Ю. Калашникова, Д. Киселева, С. Будаева, Стародубова держала здесь врага в постоянном напряжении. Одновременно другие группы успешно действовали на железнодорожном пролете Орша – Витебск.

Большой успех выпал на долю группы подрывников отряда Шевченко под командованием комиссара А. З. Катулина: на перегоне Колодная – Духовская ею был взорван железнодорожный мост с проходившим по нему эшелоном с танками и артиллерией {129}. На участке образовался большой затор. Три ночи подряд этот участок дороги бомбила советская авиация, наведенная на объект разведчиками отряда. Десять суток дорога бездействовала {130}. В целом в «Смоленском треугольнике» омсбоновские отряды только за один месяц 1942 г. заложили 96 мин и подорвали 33 эшелона {131}.

Омсбоновские подрывники давали местным партизанам наглядный пример боевой активности.

Летом 1942 г. интенсивность действий подрывников в

Белоруссии резко возросла. Так, по официальным донесениям, поступавшим от немецкого командования в Берлин, в районе расположения группы войск «Митте» («Центр») только в июне 1942 г. было совершено 206 диверсий на железных дорогах, а в первой половине июня – 123 {132}. При этом наибольшее их число приходилось на участки, где действовали омсбоновские отряды. Своеобразный рекорд удалось установить подрывнику Е. Иванову. Стремясь вывести из строя одновременно обе колеи дороги, он заложил между рельсами фугас в 30 кг тола. Случилось так, что в момент взрыва в этом месте оказались три немецких эшелона. Было выведено из строя три паровоза и свыше 100 вагонов с живой силой и техникой. Немецкие патрули засекли подрывника и погнались за ним с собакой. Иванову удалось пристрелить ее и уйти от преследователей {133}. Летом 1943 г. Е. Иванов пустил под откос еще два эшелона с танками и артиллерией {134}. Но вскоре его постигло несчастье: в руках взорвался капсюль. Ему оторвало кисть одной руки и несколько пальцев на другой и ранило в бедро. Серьезно пострадало зрение {135}. Отважный воин срочно был переправлен на Большую землю.

В декабре 1942 г. немецкое командование вновь отмечало, что наиболее опасными были районы Полоцк – Витебск – Невель и Минск – Бобруйск – Гомель {136}.

В 1942 г. активно действовали и подрывники омсбоновских отрядов на Украине и в Крыму. Так, в марте 1942 г. группа под командованием испанца Мигеля Байсо подорвала под ст. Владиславовка (близ Феодосии) три эшелона. Против группы был брошен батальон гитлеровцев. В бою с ними погибла вся группа – десять испанцев и трое русских {137}.

В борьбе с охранниками погибла и группа майора Хоакина Фернандеса Фейхо, а сам он, окруженный врагами, покончил с собой {138}.

Подрывники испано-русской группы Хосе Фернандеса Виески, действовавшей в Белоруссии в составе бригады «Алексея», только с 15 июля по 15 августа 1942 г. спустили под откос 3 эшелона и подорвали 13 автомашин {139}. В той же бригаде группа майора испанской республиканской армии Энрико Гарсии Канеля активно действовала на железной дороге Витебск – Смоленск {140}.

Подрывники соединения С. А. Ковпака из группы омсбоновца И. Юркина в декабре 1942 г. в течение одной ночи подорвали четыре железнодорожных и шоссейных моста под г. Сарны, гарнизон которого надолго оказался в изоляции {141}. Тогда же разведчики Д. Н. Медведева узнали о том, что в г. Сарны

создается дом отдыха для гитлеровских офицеров-фронтовиков. Группа в составе 40 бойцов во главе с комиссаром С. Т. Стеховым устроила засаду и пустила под откос (подрывник Маликов) эшелон с летчиками, ехавшими на отдых. Было убито около 50 офицеров авиации, в том числе несколько высокопоставленных. Их трупы были отправлены в Берлин {142}. Но далеко не все складывалось для подрывников так удачно. 19 сентября 1942 г. группа медведевцев с помощью подпольщиков подготовила к взрыву здание кинотеатра «Виктория» в Овруче. Взрыв должен был произойти во время спектакля, который местные артисты давали для немецких офицеров. В операцию была вовлечена группа актеров. Однако в последний момент подпольщики были выданы немцам провокатором, проникшим в их ряды. Фашисты устроили публичную казнь директора театра А. С. Малолетнева (Писаренко) и младшего лейтенанта И. Г. Романова. Оба держались до конца героически {143}.

Ряд диверсионных актов омсбоновцев был направлен на срыв экономических планов гитлеровцев. Так, по заданию командира «Охотников» Н. А. Прокопюка в декабре 1942 г. группа М. И. Петрова проникла в пос. Дарманка Житомирской области и взорвала пущенный фашистами завод {144}.

В Белоруссии группа В. Хазова совместно с партизанами К. Заслонова в ночь на 1 мая 1942 г., обезоружив охрану, уничтожила крупные зерновые склады фашистов на участке Лепель – Орша. Той же группой был уничтожен спиртзавод {145}.

* * *

*Начало 1943 г. партизанами было ознаменовано переходом к массированным ударам по коммуникациям врага, в ходе которых боевые действия сочетались с минированием дорог и выведением их из строя на значительном расстоянии.

В Белоруссии первой такой стала операция под кодовым наименованием «Гранит», проведенная в январе 1943 г. {146}.

В числе первых прием одновременного вывода из строя железных дорог на большом участке омсбоновские отряды начали применять еще в 1942 г. в «Смоленском треугольнике».

Этот прием не раз использовали и в бригаде Градова.

Так, в апреле 1943 г. семь диверсионных групп отряда под командованием Любимова, Сермяжки, Ларионова, Афиногенова, Тихонова, Шечко и Мацкевича, действуя одновременно, вывели из строя на несколько суток магистрали Минск – Барановичи и Минск – Бобруйск {147}. Через месяц эти же магистрали вновь

были парализованы в результате одновременного налета 12 укрупненных групп отряда, вооруженных ручными пулеметами {148}.

16 июня 1943 г. подрывные группы бригады «За Родину» им. А. К. Флегонтова вышли на железную дорогу Минск – Борисов и под прикрытием боевых подразделений вывели ее из строя на расстоянии 3,5 км {149}.

В начале июня 1943 г. подрывники этой бригады дважды совершали массированные удары по железным дорогам Жодино – Плисса и Верейцы – Осиповичи.

Прием массированных ударов по железным дорогам доказал здесь свою эффективность. Родилась идея проведения «рельсовой войны» с целью полной дезорганизации работы транспортных коммуникаций врага. Ее инициатором выступил Центральный штаб партизанского движения. 24 июня 1943 г. идею одобрил ЦК КП(б) Белоруссии. 12 июля 1943 г. общий план «рельсовой войны», разработанный в ЦШПД под руководством полковника И. М. Наумова, был одобрен Ставкой Верховного Главнокомандования. По ее приказу за короткий срок в тыл врага было осуществлено около 400 самолетовылетов. Партизанам были доставлены сотни тонн тола, большое количество минно-подрывной техники {150}. К выполнению плана было привлечено 167 партизанских отрядов, бригад и групп. В их числе было не менее 50 омсбоновских [56] . 14 июля 1943 г. ЦШПД передал в эфир шифрованный текст приказа № 0042 «О партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага» {151}. С 25 июля по 15 августа 1943 г. железнодорожные магистрали в тылу врага подвергались непрерывным массированным ударам партизан. В результате накануне и в дни Курской битвы на территории Белоруссии, Украины и Прибалтики были выведены из строя основные магистрали, по которым шло обеспечение немецко-фашистских войск группы «Центр». Только в Белоруссии движение было парализовано на 46 магистралях. Перевозки по ним сократились почти вдвое. За три дня до начала Смоленского наступления, 3 августа 1943 г., первая «рельсовая война» достигла своей кульминации: в одну ночь на коммуникациях противника в Белоруссии вдоль фронта протяжением до 1000 км и в глубину до 750 км было подорвано более 45 тыс. рельсов {152}. Одновременно боевые группы – в их числе и омсбоновские – уничтожали патрулей и охранников, а подрывники выводили из строя станционные сооружения, мосты, трубы, небольшие полустанки.

Вслед за первым этапом «рельсовой войны» последовал второй – под кодовым наименованием «Концерт». В сентябре –

ноябре 1943 г. сотни подрывных групп и боевых подразделений партизан вновь вышли на железнодорожные и шоссейные магистрали Белоруссии, Прибалтики, Карелии, Украины, Молдавии, Крыма.

В ночь на 25 сентября 1943 г. на рельсы одновременно вышло более 120 тыс. партизан {153}. И на этот раз омсбоновские отряды, бригады и соединения также направили на коммуникации врага все свои наличные подрывные группы. Далее мы расскажем об их действиях. Здесь же важно отметить главное: в результате двух «рельсовых войн», осуществленных в 1943 г., только на магистралях Белоруссии было разрушено 211 тыс. рельсов, пущены под откос 2171 эшелон с живой силой и техникой, 6 бронепоездов, взорвано 295 железнодорожных мостов, выведено из строя 6 водонапорных башен, 32 водокачки {154}.

Скупые строки радиограмм и воспоминания участников позволяют более конкретно отразить вклад омсбоновских отрядов и групп в борьбу на коммуникациях врага в 1943–1944 гг.

В августе 1943 г. подрывники «Боевого» действовали на сравнительно небольшом (5 км), но очень хорошо укрепленном участке магистрали Минск – Москва. Применив метод внезапного массированного удара, бригада мощным огнем из минометов и автоматов вывела из строя доты противника, разогнала патрулей, после чего подрывники на широком участке разрушили полотно.

Всего же подрывниками отряда **капитана Неклюдова** за 2,5 года действий в тылу врага было взорвано 125 эшелонов, разбито и повреждено 113 автомашин и мотоциклов, 3 бронепоезда, 8 танков, взорвано 25 железнодорожных мостов {155}. В дни «рельсовой войны» подрывники отряда А. М. Рабцевича «Храбрецы» и связанные с ними подпольщики вывели из строя, как уже отмечалось, ст. Осиповичи.

Подрывники отряда **лейтенанта Каминского** (группы Бездудного и Карюка) в июле пустили под откос на линии Унеча – Гомель пять эшелонов, а в августе – три эшелона {156}.

Ими дважды временно выводился из строя участок железной дороги Унеча – Хутор Михайловский. Одновременно группа П. Химина в составе В. Богомолова, Е. Крючкова, П. Зуева уничтожила на шоссе Унеча – Костюковичи два грузовика с эсэсовцами {157}. На участках Унеча – Сураж и Унеча – Почеп подрывники отряда Н. Д. Матвеева уничтожили за три месяца 12 эшелонов, взорвали четыре моста {158}. Бойцы отряда Шихова, действуя на линии Гомель – Бахмач и Гомель – Унеча, подорвали 13 эшелонов и на 15 суток вывели дороги из строя {159}.

Подрывники «Неуловимых» вышли на магистраль Полоцк –

Двинск. На участках Полоцк – Барковичи и Полоцк – Шумилине дорога была парализована. Отличились группы под командованием Е. Телегуева и П. Лисицына. Только летом 1943 г. «Неуловимыми» был пущен под откос 21 эшелон, взорвано 5 мостов, выведено из строя много километров линий связи {160}. 132 эшелона противника, 507 автомашин, 9 танков и 7 самолетов было на счету у подрывников бригады П. Г. Лопатина {161}.

О некоторых из этих операций сообщалось в сводках Совинформбюро. Несмотря на все усилия и чрезвычайные меры, гитлеровская администрация вынуждена была расписаться в своем бессилии. Об этом убедительно свидетельствует донесение командира корпуса охранных войск группы армий «Центр» в ставку Гитлера: *«…количество взрывов на железных дорогах возросло до такой степени, что при настоящем положении их дальнейшее повторение может серьезно угрожать операциям на фронтах и их снабжению»* [57] . Невиданные по масштабам и своей результативности операции партизан на коммуникациях врага привели к срыву регулярного снабжения фронтовых частей гитлеровской армии в период Курской битвы и битвы за Днепр.

* * *

*В штабах омсбоновских отрядов и бригад разрабатывались планы многих крупных диверсий и на других объектах. В их осуществлении особая роль возлагалась на подпольщиков: ведь установить мины и заряды на строго охраняемых объектах могли только люди, имеющие к ним свободный допуск и не вызывающие у охраны подозрений. О масштабах этих операций свидетельствуют следующие данные: только за первые восемь месяцев действий в тылу врага отряд М. С. Прудникова совершил более 200 диверсий. Свыше 50 крупных диверсий было на счету отряда С. А. Ваупшасова, и подавляющее их большинство – в Минске. Много боевых операций было на счету «шестаковцев».

В 1942–1944 гг. около 70 раз – и в ночные часы, и среди белого дня – Минск и другие города сотрясали мощные взрывы зарядов, заложенных подпольщиками и подрывниками «Местных» {162}. В организации наиболее значительных диверсий принимали личное участие командиры отрядов и бригад.

Уже в декабре 1942 г. отряд Ваупшасова установил связь с гресскими партизанами, руководимыми бывшим председателем Селецкого сельсовета И. И. Коско, и через него – с подпольщиками Гресского района, а затем и Минска. С этой целью использовалась конспиративная квартира Р. П. Радкевича.

Так определился один из каналов снабжения Минского подполья взрывчаткой, магнитными минами, а также газетами и листовками {163}.

В 1942 г. была установлена также связь с подпольщиками вагоноремонтного завода им. Мясникова, руководимыми сменным мастером Г. Н. Красницким. С. А. Ваупшасов поставил перед подпольем задачу: всеми способами срывать ремонт вагонов на заводе {164}. В июне 1943 г. Ваупшасов и комиссар отряда И. М. Родин встречались с Красницким в д. Песчаное Рудненского района в связи с подготовкой крупной диверсии – вывода из строя завода, и в первую очередь двух карусельных станков новейших марок, только что установленных в ремонтном цехе. Уточнили план операции и адрес доставки взрывчатки (дом Б. П. Велимовича, г. Минск, ул. Юго-Западная, 49). Слесари-подпольщики Г. Подобед, В. Глинский, Ю. Вислоух, рискуя жизнью, переносили взрывчатку по частям на завод. Вначале им удалось взорвать котельную. Во второй раз они заложили заряды по 5 кг тола в траверзы карусельных станков. Во время пересменки Г. Подобед пришел в цех якобы для проведения профилактического осмотра карусельных станков. Улучив момент, он поджег шнуры взрывателей и тотчас же ушел в отряд Градова. Взрывом оба станка и весь ремонтный цех были выведены из строя {165}. Десятки изуродованных паровозов и сотни вагонов оставались неотремонтированными в течение длительного времени.

Отряд Ваупшасова был связан и с подпольными группами железнодорожного депо. Подпольщики по заданию командира только в июле – августе 1943 г. сорвали график ремонта более 100 паровозов {166}. В мае 1943 г. на ст. Рудненск был взорван эшелон с авиабомбами, а вскоре – эшелон с нефтеналивными цистернами на ст. Талька. Обе мины ставил подпольщик Н. Г. Гаврилов, связанный с отрядом Градова {167}. Он же передавал в отряд сведения о движении эшелонов на линиях Минск – Орша, Минск – Гомель, Минск – Молодечно {168}.

Разведчикам Градова удалось установить связь и с подпольными группами, действовавшими в Минской городской управе, на Минском молокозаводе и продовольственной базе {169}. Деятельностью последней руководил С. Я. Кривичанин. Подпольщики снабжали отряд продовольствием и солью {170}.

В январе 1944 г. подпольщики группы К. И. Мурашко из д. Сеница получили задание от подпольного Минского горкома КП(б)Б сорвать строительство радиолокационной станции «Медведица», предназначенной для связи Гитлера с группой немецких армий «Центр» и для перехвата радиограмм,

передаваемых Москвой партизанам. Большую помощь оказали подпольщикам разведчики и связные бригады Градова. Подпольщикам удалось установить связь с поляками – монтажниками станции. Последние добыли и передали связным отряда «Местные» экземпляр технической документации на строительство станции, который был переправлен Градовым в Москву. Вскоре подпольщики-поляки ушли на базу Градова. Строительство важного объекта было сорвано {171}.

Каждую мину, доставлявшуюся с огромным риском, подпольщики стремились как можно быстрее пустить в дело. Только несколько примеров. В д. Сенница юный подпольщик Анатолий Шпаковский взорвал склад снарядов, размещенный в здании школы. В Минске подпольщица Р. Волчек заложила мину в здание офицерской столовой, где работала официанткой. Погибло 22 высокопоставленных офицера {172}. Не успели фашисты опомниться от этого удара, как на воздух взлетела столовая в университетском городке Минска, оборудованная для обслуживания офицеров-эсэсовцев. Взрыв этот был приурочен ко времени ожидаемого прибытия в столовую гебитскомиссара Белоруссии Кубе. Однако он не приехал. От взрыва погибло 30 и было ранено 50 гестаповцев. Исполнителями были подпольщицы-комсомолки К. Гурьева и У. Козлова.

12 декабря 1943 г. подпольная группа К. И. Мурашко взорвала общежитие лётного состава на Минском аэродроме. Погибло несколько десятков летчиков. Непосредственными исполнительницами были официантка А. П. Никитина и уборщица З. Н. Василевская {173}.

Одновременно группой подпольщиц были подложены мины под цистерны с горючим и в два самолета, которые взорвались в воздухе {174}. В одном из них погибли генерал и два полковника авиации {175}.

В октябре 1943 г. подпольщик И. Буцевич взорвал два котла второй минской электростанции. После этого она перестала работать {176}. Тогда же в Минске взлетело на воздух здание 3-го отделения жандармерш. Этот акт был осуществлен по заданию Градова подпольной группой офицеров так называемого «корпуса самоохраны» во главе с майором Евгением {177}.

Во всех этих случаях – и это было правилом для всех омсбоновских отрядов – исполнители диверсий и их семьи предварительно уходили в лес к партизанам. Это позволило резко сократить количество провалов и число жертв фашистских палачей.

Отряд «Буря» бригады П. Г. Лопатина установил связь с подпольной группой завода им. Ворошилова (Минск), которую

возглавил коммунист И. Г. Матусевич.

Подпольщики выводили из строя станки, через врача В. Новицкого снабжали отряд медикаментами {178}.

Во всех этих случаях исполнители, как правило, получали мины, взрывчатку и взрывные устройства из леса. Так, минских подпольщиков снабжали отряды Градова и Лопатина, витебских и полоцких – «Неуловимые».

Десятки портативных мин, сотни килограммов взрывчатых веществ, рискуя жизнью, доставляли подпольщикам бойцы и связные омсбоновских отрядов. Для этого применялись самые различные уловки.

Однажды к Минску подъезжал воз, груженный сеном. Наверху сидела пожилая крестьянка в огромном тулупе. Остановив подводу, охранники стали прощупывать сено. Случилось так, что возница не удержалась на сене и, скатившись с воза, упала на землю. К ней подбежали двое полицейских, помогли встать. «Ну и тяжела ты, баба!» – с изумлением сказал один из них. Они так и не узнали, к счастью, что в подол тулупа было зашито несколько магнитных мин [58] .

В сентябре 1943 г. подпольщики отряда «Боевой» И. Н. Сильванович и В. П. Даль-Загайко взорвали в Вилейке здание Главного управления Центра тылового обслуживания фронта. В м. Глубокое подпольщик С. Игнатский взорвал офицерскую машину, сжег склад с зерном, взорвал здание комендатуры. Окруженный на вокзале немецкими жандармами, он в последний миг бросил в топившуюся печь мину, взорвав себя и 15 жандармов [59] .

В 1943 г. активизировали диверсионную деятельность и омсбоновские отряды на Украине.

43 крупные диверсии за год совершили бойцы и подпольщики отряда «Победители» Д. Н. Медведева. При этом значительно расширился радиус его действий. По указанию Центра в конце мая 1943 г. Д. Н. Медведев направил в район Ковеля саперную роту в составе 65 человек во главе с майором В. Фроловым (Дядя Володя) и лейтенантом К. Г. Маликовым {179}. Связной «Победителей» А. Горбовский организовал польский партизанский отряд в составе 100 человек. Подрывные группы отряда совершали диверсии на железной дороге Клесово – Коростень. В г. Сарны действовала подпольная группа Фидарова, в Здолбунове – Красноголовцева {180}.

Крупной удачей отряда был взрыв железнодорожного моста через р. Горинь у Здолбунова. После нескольких неудачных попыток остановились на следующем варианте. Работница почты подпольщица-полька Ванда Пилипчук доставила мину в

небольшом чемоданчике на явочную квартиру, затем пронесла его на станцию и отдала проводнику, согласившемуся сбросить чемоданчик с миной в момент прохождения поезда по мосту. Сама она доехала в том же поезде до моста и, убедившись, что задание выполнено, ушла в отряд. Дорога бездействовала на этом участке три недели {181}.

Разведчица В. Довгер доставила в отряд сведения о расположении важных объектов на ст. Виры со схемой их охраны. Это помогло разработать дерзкую операцию: на станцию были направлены три группы подрывников, которые, сняв охрану, одновременно взорвали железнодорожные ремонтные мастерские (группа Хосе Гросса), электростанцию (группа Маликова) и здание паровозного депо и мост (группы Кочеткова и Фадеева) {182}.

Необычной была и операция, осуществленная группой подрывников отряда Е. Мирковского совместно с подпольщиками ст. Радча. Здесь дислоцировался венгерский батальон инженерных войск. Проникнув на станцию и захватив здесь дежурного по гарнизону – венгерского обер-ефрейтора, бойцы отряда с его помощью сняли все посты, а затем забросали офицерские комнаты гранатами и обезоружили гарнизон.

После этого одна группа бойцов пошла на минирование объектов на станции, вторая овладела служебными помещениями и складами. Так была сорвана попытка немцев восстановить движение на дороге Чернигов – Овруч. Венгерские пленные в количестве 200 человек были отпущены. Исполнителями смелой операции были воины-спортсмены омсбоновцы С. Савельев – командир разведывательной группы, С. Новожилов, Б. Милославский, Н. Мастюков, Н. Локтев, Д. Булкин {183}.

Подрывниками и подпольщиками отряда была взорвана электростанция в Житомире {184}. Там же группа в составе М. Карапузова, С. Полищука, Т. Мешкова, Н. Крамского, К. Анисимова захватила в офицерской столовой капитана войск СС Армина с ценными документами, взорвала кабинет гебитскомиссара Житомира Магиса, здание редакции националистической газеты «Голос Волыни» и телеграф. Эти действия вызвали панику. Город был оцеплен войсками. Из Фастова был вызван эшелон с охранными войсками {185}.

Свыше 20 раз подрывники отряда выводили из строя подземный кабель, соединявший Берлин с фронтом, уничтожили несколько складов. Магис справедливо заподозрил «почерк» Мирковского во всем этом и объявил за его голову награду в 50 тыс. марок {186}.

Весной 1943 г. Центр радировал в отряд А. Рабцевича:

«Усильте диверсии на железных дорогах. Используйте магнитные мины для подрыва эшелонов» {187}. Подрывники отряда усилили удары по магистралям Бобруйск – Жлобин и Жлобин – Калинковичи: 14 эшелонов взорвал подрывник Михаил Пикусов, погибший впоследствии в бою с немцами. Выполняя задание, погибли Иван Шинкевич, Николай Говорушко, Кузьма Кучер {188}.

…Группа подрывника Г. Науменко пустила под откос эшелон, в вагонах которого оказались баллоны с новым видом ОВ и защитной одеждой. Образцы баллонов и накидки были доставлены в отряд и оттуда переправлены в Москву {189}.

С момента прибытия на Украину в марте 1943 г. все громче стали заявлять о себе подрывники и подпольщики отряда «Олимп» В. Карасева. Подрывные группы отряда непрерывно наносили удары по магистралям Житомир – Овруч, Овруч – Мозырь, Мозырь – Пинск, Олевск – Киев, Калинковичи – Гомель {190}. На шоссейных дорогах и реках Норин, Припять, Желонь, Словечно, Уж, Тетерев были сожжены деревянные мосты {191}.

Немецкая администрация вынуждена была специальными приказами запретить в ночное время движение на железных дорогах и шоссе и усилить их охрану.

А в штабе отряда в это время разрабатывался план операции, получившей название Овручской. В Овруче – крупном железнодорожном узле – размещались гебитскомиссариат, возглавляемый штандартенфюрером, штабы воинских частей и их охрана, гестапо, жандармерия, администрация округа. В отряд поступило сообщение о зверствах фашистских властей и карателей в Овруче, его окрестностях, житомирских лесах. Было решено отомстить палачам.

Группа разведчиков отряда, возглавляемая А. Батяном, в течение длительного времени вела наблюдение за обстановкой в городе, и особенно за зданием гебитскомиссариата. А. Батяну удалось связаться со слесарем городской водопроводной сети Ф. Федосенко, имевшим пропуск в это здание, и через него – с истопником паровой котельной кригскомиссариата Я. Каплюком {192}. Последний помог снять план трехэтажного здания и уточнить расположение в нем служб. Как выяснилось, на первом этаже размещались казармы карательных и охранных отрядов, на втором – их штабы, службы и офицерские спальни, на третьем – кабинеты и квартиры гебитскомиссара Венцеля и его заместителей, гестапо, спальни высших офицеров {193}. Центр утвердил план операции и направил с этой целью в отряд два самолета со взрывчаткой. Встал вопрос о способе ее доставки в Овруч. Выполнение задачи взял на себя Я. Каплюк. Смелый

подпольщик многократно проделывал путь в 40 км из Овруча в лагерь отряда, откуда уносил тол к себе домой. Его жена и дети вместе с обедом носили по частям тол в котельную гебитскомиссариата. Каждый раз это было связано со смертельным риском. Постепенно под углем скопилось 150 кг тола {194}.

Затем в котельную – также по частям – было перенесено специальное взрывное устройство, созданное омсбоновцами-подрывниками Е. Ивлиевым, М. Минаевым, Э. Блицау, М. Журко {195}.

14 сентября 1943 г. Я. Каплюк установил взрывное устройство с часовым механизмом и покинул здание кригскомиссариата. В тот же день он уже был в лагере отряда. Его жена и дети были вывезены туда заранее.

…В тот же вечер в здании гебитскомиссариата был торжественный прием в честь 10-летия прихода Гитлера к власти. Для офицеров давался любительский спектакль. К полуночи все разошлись по квартирам и казармам.

А через два часа небольшой городок потряс взрыв колоссальной силы: сработало взрывное устройство в котельной, и от детонации взорвался также находившийся в здании склад боеприпасов. Под обломками дома остались трупы более 40 немецких офицеров и чинов военной и гражданской администрации, много солдат {196}. В Берлин прибыло шесть гробов с останками высокопоставленных лиц. Таким был партизанский «подарок» фюреру к этой годовщине.

В сентябре – октябре подрывники отряда «Олимп» вывели из строя железнодорожные станции Игнатполь, Белокоровичи, Новоград-Волынский; мощные взрывы потрясли Житомир и Коростень; упали в реки фермы трех мостов {197}.

* * *

*В 1944 г. разведывательная и диверсионная деятельность омсбоновских отрядов и групп и выросших на их основе партизанских бригад и соединений имела ряд особенностей.

Значительно расширились масштабы партизанского движения. В тылу врага теперь действовала миллионная армия партизан, обогащенная трехлетним опытом борьбы и вооруженная значительно лучше, чем прежде. Она контролировала большую часть оккупированных врагом территорий и получала теперь регулярную помощь советского тыла. В тылу врага фашистам противостояли крупные

партизанские бригады и соединения, способные решать масштабные боевые задачи.

В Белоруссии весной 1944 г. действовало 145 бригад и 89 отдельных партизанских отрядов {198}. С ними были связаны около 30 тыс. подпольщиков, связных и разведчиков {199}. Только в Минске действовало более тысячи подпольщиков, которые за три года совершили 1500 диверсий {200}.

В условиях окончательного перехода стратегической и наступательной инициативы к Советской Армии действия партизан, как правило, предусматривались и в значительной степени определялись планами наступательных операций тех или иных фронтов и армий и согласовывались с их штабами. Значительно улучшилось обеспечение партизан. Так, с января по август 1944 г. к партизанам республики 3864 раза прилетали самолеты с Большой земли. Они сбросили или доставили на лесные аэродромы 1155 т различных грузов, вывезли сотни раненых {201}. Это позволило усилить удары по вражеским коммуникациям: за шесть месяцев было совершено 3730 диверсий {202}.

С другой стороны, быстрое продвижение Красной Армии на том или ином участке фронта к границам нашей Родины во все большей степени способствовало росту мобильности омсбоновских отрядов, бригад и соединений, их продвижению на запад.

Повышение мобильности отрядов, бригад и соединений, рост ожесточенности борьбы в тылу врага в 1944 г. были вызваны также усилением карательных действий немецко-фашистского командования против партизан.

Немецкое командование прилагало огромные усилия, чтобы обезопасить свой тыл. Оно вынуждено было держать на оккупированных территориях огромные силы.

Стремясь «очистить» прифронтовой тыл от партизан, фашистское командование все чаще бросало против них идущие на фронт полки и дивизии, поддержанные танками, артиллерией, авиацией. Только в Белоруссии за три года оккупации (июль 1941 – июль 1944 г.) было осуществлено более 130 карательных операций. В них одновременно участвовало от 30 до 100 тыс. солдат и офицеров {203}. В этих условиях разведывательная и диверсионная работа во все большей степени сочеталась с боевыми действиями против карателей, жандармерии, полиции, националистических банд.

Ее результаты имели большое значение и явились существенным вкладом в осуществление всех стратегических операций Красной Армии в 1944 г. **Вот как писал об этом применительно к**

операции «Багратион» маршал Г. К. Жуков:

«Разгром немецкой группы армий «Центр» проходил в тесном взаимодействии с партизанами. В ходе наступления наших войск партизаны провели ряд операций на железных и шоссейных дорогах, разрушая мосты и важные железнодорожные сооружения… Активные действия партизан на тыловых путях немецких войск парализовали деятельность снабжающих органов и перевозки, что еще более подорвало моральное состояние немецких солдат и офицеров» {204}. **Приведем и авторитетное свидетельство крупного гитлеровского генерала Г. Гудериана:** «…малая война за линией фронта… оказала решающее влияние на исход целых сражений, например в 1944 г. на центральном участке Восточного фронта» {205}.

С определением «решающее влияние» вряд ли можно согласиться. Здесь явное преувеличение, вполне, впрочем, объяснимое с точки зрения немецкого командования: иначе бы пришлось открыто признаться в превосходстве советской стратегии. Но само по себе это признание весьма примечательно.

Значительный вклад в общее дело партизанской борьбы в 1944 г. внесли омсбоновские отряды, бригады и соединения. В Ставку и штабы фронтов почти ежедневно поступали донесения омсбоновских разведчиков.

Много сведений отряду «Богатыри» сообщила из Минска его связная Лидия Лавренюк – Уралочка {206}. Прямую связь со штабом генерала Рокоссовского поддерживали также Д. И. Кузнецов, Д. П. Распопов {207}.

А. Морозов, командир «Неуловимых», докладывал в июне 1944 г. о наблюдаемом разведчиками большом передвижении войск через Вильнюс в сторону Минска {208}. Разведчики отряда Волокитина добыли особо секретный приказ о сосредоточении в районе Вильнюса крупной вражеской группировки, имевшей целью задержать наступление Красной Армии на Восточную Пруссию. Эти данные немедленно были переданы в Центр. Чрезвычайный характер имело и сообщение, поступившее от товарища Серго, о немецком плане вывоза из Каунасского гестапо еврейских детей и их уничтожения. Благодаря своевременным действиям партизан Шумаускаса (полковника Казимира) были спасены сотни детей {209}.

Но основное внимание накануне наступления советских войск омсбоновцы уделяли диверсиям на коммуникациях врага.

Зимой и весной 1944 г. подрывники бригады Градова систематически выводили из строя стратегически важные и особо охраняемые участки прифронтовых железных дорог Минск – Осиповичи и Минск – Столбцы, а также параллельно идущие

шоссейные дороги {210}. Одна только подрывная группа Ф. Боровика в июне – июле 1944 г. подорвала шесть эшелонов противника.

Командовавший в этот период бригадой «Неуловимые» **майор А. Морозов отмечает** :

«Вообще можно сказать, что наибольший урон противнику наша бригада нанесла своей диверсионной деятельностью. Все ее бойцы хорошо владели ее техникой и тактикой. Материальная база и технические средства также были достаточными» {211}.

Ударам в 1944 г. подвергались дороги Минск – Молодечно, Лида – Молодечно, Гродно – Вильнюс, Лида – Вильнюс, Молодечно – Вильнюс. С этой целью в дальние рейды каждый месяц уходили две-три группы подрывников {212}. Так, с 27 по 30 мая в районе Руднецкой пущи действовали усиленные группы капитана Щербины и лейтенанта Полунина. В пути группы вступали в бой с гарнизонами противника, нанося ему серьезные потери. Группе Полунина удалось вывести из строя железнодорожный разъезд на участке Лида – Молодечно, а обеим группам – парализовать работу Вильнюсского железнодорожного узла {213}.

В июне 1944 г., в разгар «рельсовой войны», девять отрядов бригады под общим руководством А. Морозова и М. Рыбакова с боем захватили ст. Юратишки и вывели ее из строя. Были уничтожены станционные сооружения, путевое хозяйство, склады, мастерские, лесопильный завод. Партизаны смело атаковали прибывший на станцию поезд, убив и ранив в общей сложности свыше 300 солдат и офицеров. Движение на дороге было остановлено на сутки.

Всего же подрывники бригады совершили в июне 1944 г. 49 диверсий, подорвали 21 эшелон с живой силой и техникой {214}. В эти дни подрывник отряда Александр Солисюк пустил под откос свой 20-й эшелон {215}. Особенно памятной для него стала диверсия под Лидой в мае 1944 г. На этот раз подрывники поставили на пути, в 80 м от идущего паровоза, заряд со взрывателем с шомполами. И хотя впереди паровоза шло шесть пустых платформ, заряд благодаря точно рассчитанной высоте шомполов взорвался под паровозом. Так был уничтожен эшелон с танками и живой силой {216}.

43 эшелона подорвали в течение шести месяцев 1944 г. подрывники отряда «Боевой» [60] .

Несколько эшелонов с живой силой и техникой спустили под откос подрывники из отряда Б. Галушкина И. Гудзь, С. Кушнир, С. Панин, Г. Шиман, А. Селезнев. Ими же было подорвано на шоссейных дорогах несколько автомашин {217}.

В ночь с 7 на 8 апреля 1944 г. подрывной группой Ф. Эскрибано из отряда Д. Кузнецова был взорван бронепоезд на полустанке Каменевка (у ст. Талька) на участке дороги Марьина Горка – Осиповичи. При содействии местного жителя – 16-летнего Ивана Соловьянчика – группа под носом у фашистской охраны проникла на полустанок, и подрывники Я. Фокин и Е. Лазаревич заложили неизвлекаемую мину. При отходе группу накрыл луч прожектора, и ее обстреляли из пулеметов и пушек. Но бойцам удалось благополучно добежать до спасительного леса. «В этот момент, – вспоминает подрывник Л. Семин, – ярко-белая вспышка как молния осветила всю местность. Сильный взрыв потряс воздух, за ним последовало пять взрывных ударов». Группа еще не успела вернуться на базу, а там уже были известны результаты диверсии. «Как вам удалось накрыть эту «цель»? – спрашивал у Эскрибано С. Ваупшасов. – Ведь мы так долго охотились за нею!» Центр и командование фронтом специальной радиограммой объявили группе особую благодарность и пожелали новых успехов. Через несколько дней группа, в которую входил и автор этих строк, вновь вышла на задание. Нас вновь вел тот же проводник Иван. Майская ночь коротка. Дважды подрывники безуспешно пытались пройти к путям на перегонах, но их засекали и обстреливали часовые и патрули. Тогда Иван предложил проникнуть на ст. Верейцы в расчете на то, что фашисты меньше всего ждут нас на станции и поэтому там охрана будет не столь бдительной. Удачно обойдя посты, Иван вывел группу к полотну железной дороги. Фелиппэ и Иван залегли в охранении. Я. Фокин и Е. Лазаревич быстро установили на первом пути мину нажимного действия. Мы с Л. Семиным на втором пути ставили неизвлекаемую мину. Работа требовала особой осторожности: контакты электровзрывателя – коварные спирали – могли сомкнуться при малейшей оплошности. Нельзя было оставлять никаких следов: ведь при утреннем обходе фашисты тщательно проверяют пути. Выбираем землю, кладем в плащ-палатку. Ставим толовый заряд, на него – минный ящик с щепкой-предохранителем, не дающим спиралям сомкнуться. И вдруг в воздух взвилась ракета. Упали в тень стоящего на соседних путях вагона. К счастью, фашисты нас не заметили. Быстро зарываем мину, сняв с предохранителя, выкладываем вдоль пути камешки, забеленные известью, и уходим, унося в плащ-палатке лишнюю землю.

Группа спешно отошла к лесу. В этот момент со стороны Марьиной Горки раздался мерный стук колес – эшелон набирал скорость (на перегонах, опасаясь мин, поезда шли медленно, а промежуточные станции проскакивали на большой скорости). «На

мою идет!» – сказал Фокин. Сердце стучит в унисон долгим секундам напряженного ожидания: сейчас, еще миг, еще!.. Но эшелон проскочил станцию, продолжая свой путь на фронт. Мина не сработала! Трудно передать состояние Якова: такого у него, опытного подрывника, еще не бывало! Он тут же заявил: «Я сам на следующую ночь пойду на станцию, найду мину, исправлю ошибку! Нельзя, чтобы зря пропадало столько тола!»

– Ну что ж! Пойдем все вместе! – сказал Фелиппэ. Долгий летний день провели в лесу, а с наступлением вечера стали пробираться к станции. Залегли в небольшом овражке, заросшем кустарником, метрах в ста от полотна дороги, вдоль которого прогуливались немцы с девушками. Нельзя было и рукой шевельнуть, отогнать от себя комаров: движение ветки или руки могло быть замечено. Наконец стемнело, все стихло. «Пора!» – сказал Фелиппэ. На этот раз усилили охранение. К полотну подползли Яков Фокин и Женя Лазаревич. Как же долго их не было, ведь секунды казались нам часами! Наконец мы уловили впереди движение в кустах. «Порядок!» – шепнул Яков. «Отходим!» – шепотом скомандовал Фелиппэ. Только в лесу немногословный Яков доложил: «Еле нашел чертову мину! Оказывается, стержень стал под углом, не вертикально. Вот почему она не сработала».

Минут через двадцать лес вздрогнул от удара двух последовавших один за другим взрывов: случилось так, что обе мины сработали почти одновременно. Было уничтожено два паровоза, 16 платформ с пушками, 14 платформ с танками. Движение на дороге было прервано на много часов.

Неоднократно выходили на задание и подрывные группы С. Щетинина, В. Рассадина, И. Бездудного. За шесть месяцев подрывниками отряда «Молот» было пущено под откос 2 бронепоезда и 15 эшелонов с живой силой и техникой. Было разрушено 790 м железнодорожного полотна, около 1200 м телефонно-телеграфных линий, взорваны водокачка и 78 грузовых автомашин. Завершающей операцией отряда явился огневой налет на железнодорожный мост близ ст. Талька. Вот как сообщалось об этом в радиограмме в Центр:

«27 июня 1944 г. Дельгадо Фелиппэ Эскрибано, Евгений Лазаревич, Яков Фокин, Феликс Курлат, Леонид Семин, Иван Палеха, Петр Зуев, местные жители Соловьянчик, Воронич, подойдя к охране железнодорожного моста (на 100 метров) через реку Талька в районе станции Талька, совершили внезапный налет на охрану противника. Противник испугался и сам взорвал мост, думая, что это части Красной Армии» [61] .

На ст. Осиповичи остались недвижимыми и были захвачены

фронтовыми частями в качестве трофеев несколько воинских эшелонов врага.

О частоте и интенсивности омсбоновских ударов по железнодорожным коммуникациям противника накануне операции «Багратион» (причем только на одной магистрали Минск – Осиповичи и силами одного отряда) свидетельствуют данные по отряду «Молот» за период с 31 марта по 23 апреля 1944 г.

31 марта подрывники П. Бобров и В. Щетинин с помощью местных жителей Зайцева и Сонько подорвали эшелон и вывели из строя железную дорогу на участке Осиповичи – Марьина Горка. Движение было остановлено на 11 часов.

7 апреля под ст. Талька пошел под откос эшелон с танками и артиллерией (12 платформ), а на следующий день под Бобруйском – еще один (5 классных вагонов с офицерами и 6 платформ).

Через пять дней группа И. Бездудного нанесла новый удар у разъезда Дрычин. В результате диверсии был пущен под откос эшелон с живой силой – убито и ранено свыше 250 солдат и офицеров. Движение на участке Дрычин – Рудня приостановлено на 42 часа.

23 апреля под ст. Марьина Горка пошел под откос бронепоезд – 2 бронепаровоза, 7 вагонов и платформ. Погибло 80 фашистских солдат и офицеров.

Через две недели взлетела на воздух водокачка на ст. Тимковичи, а 19 мая был сброшен под откос эшелон с боеприпасами и артиллерией под ст. Верейцы. И вновь движение на дороге остановилось на 24 часа. После этого удара немцы бросили на охрану дороги два бронепоезда. Но 21 мая один из них был подорван на участке разъезд Осеевка – Дубки. Было разбито 3 бронепаровоза, 7 броневагонов, 6 бронеплатформ, убито и ранено 60 человек {218}.

Не ушел от партизанского удара и второй бронепоезд. В целом подрывными группами отряда Д. И. Кузнецова было пущено под откос 17 воинских эшелонов, уничтожено 4 самолета, 124 автомашины и танка, убито 926 фашистских солдат и офицеров {219}.

За период с 22 февраля по 22 июня 1944 г. подрывники отряда «Богатыри» пустили под откос 43 вражеских эшелона; было разбито 47 паровозов и 347 вагонов, 10 цистерн с горючим, 9 броневагонов, уничтожено 2450 фашистских солдат и офицеров. Отряд выдержал 11 боевых столкновений с противником, в ходе которых были убиты десятки фашистских офицеров и солдат. Отряд потерь не имел {220}.

Подрывники отряда «Борцы» – группы А. Соболева, Н. Харламова, В. Бездушева и др. – пустили под откос 23 эшелона, взорвали два железнодорожных моста, один бронепоезд (группа Ф. Безрукова), дежурное помещение вокзала на ст. Мельковичи {221}.

В целом в результате действий трех отрядов были пущены под откос 83 эшелона с живой силой и техникой, 3 бронепоезда, взорвано 3 железнодорожных моста. В течение четырех месяцев была дезорганизована работа фронтовых коммуникаций противника общей протяженностью свыше 2 тыс. км.

По заданию Белорусского фронта в январе 1944 г. в Барановичскую область была направлена группа «Запорожцы» под командованием лейтенанта Парамонова. Подрывники группы действовали на участках Лунинец – Пинск и Лунинец – Барановичи. Только в январе 1944 г. ими было пущено под откос семь эшелонов противника, взорван железнодорожный мост в районе ст. Буда. На двое суток было задержано продвижение к фронту 21 воинского эшелона. Диверсии способствовали дезорганизации движения на дороге. Вскоре в районе ст. Буда произошло столкновение двух встречных воинских эшелонов. В результате были искарежены 20 платформ с танками и автомашинами и четыре вагона с солдатами и офицерами. Стремясь скрыть от начальства действительную причину катастрофы, гитлеровцы арестовали весь служебный персонал ст. Буда и расстреляли 50 полицейских {222}.

Многие из упомянутых выше операций являлись эпизодами «рельсовой войны» 1944 г. **О ее месте и значении в операции «Багратион» убедительно свидетельствует высказывание немецкого офицера Гакенгольца** :

«Начало разгрома группы армий «Центр» было положено действиями 240 тыс. партизан Белоруссии, которые за одну ночь (19–20 июня) взорвали все железные дороги западнее Минска в десяти тысячах мест… и прервали транспортную систему» [62] . В целом же с 20 по 26 июня 1944 г. было перебито на железных дорогах Белоруссии свыше 300 тыс. рельсов. На этот раз повсеместно железнодорожные пути рвались в обоих встречных направлениях – с фронта и на фронт {223}.

В Гомельской области оккупанты ощущали на себе результаты действий отряда «Буря» под командованием Героя Советского Союза капитана Н. А. Михайлашева: его подрывниками было пущено под откос 43 вражеских эшелона. В самом Гомеле были уничтожены узел связи ставки Гитлера с Восточным фронтом и электростанция. Чекисты отряда проникли в контрразведку врага, помогли обезвредить многих его агентов и

добыли ценные сведения. В июле 1944 г. отряд участвовал совместно с советскими танкистами в освобождении г. Сморгонь {224}.

Лицом к лицу с врагом

Имея своей задачей разведку и диверсии, омсбоновские отряды и группы и выросшие на их основе бригады и соединения вместе с тем осуществляли смелые боевые операции.

Активными боевыми действиями были отмечены уже самые выходы отрядов в тыл врага в 1942 г. Так, в марте 1942 г. группа лыжников отряда «Славный» во главе с командиром устроила в Брянских лесах засаду против роты эсэсовцев в поселке Сукремль и уничтожила более 50 гестаповцев. Бойцами «Славного» также были разгромлены полицейские гарнизоны в Рогнединском районе {225}. Примерно тогда же по пути к месту базирования отряд С. А. Ваупшасова совместно с местным отрядом Воронянского (Дяди Васи) разгромил гарнизон в волостном центре Заречье {226}. В июне 1942 г. бойцы «Славного» разгромили гарнизоны охранников на участке железной дороги Клетня – Красное и в с. Кучеево. К первой годовщине начала войны они совершили налет на крупный гарнизон в с. Брезготка {227}.

…Разведчики отряда из группы К. Мадэя выяснили, что в селе стоит охранный гарнизон и остановились на ночлег две маршевые пехотные роты, которым были приданы три тягача с орудиями и бронемашина. Операцией руководил командир «Славного» майор А. Шестаков. Сняв бесшумно постовых, бойцы дали сигнал ракетой. Ворвавшись в село, они окружили и подожгли караульное помещение. Подрывники взорвали тягачи, орудия и бронемашину. Опомнившись, немцы открыли огонь. Тогда врач Давыдов и бойцы Шатов и Яковлев подавили гранатами крупнокалиберный пулемет. Вскоре с гарнизоном было покончено.

Летопись ОМСБОНа хранит множество других примеров стойкости, мужества и героизма, проявленных воинами бригады в многочисленных схватках с превосходящими силами противника.

Зимой 1942 г. группа А. Гантюрова (отряд Хвостова) в составе П. Пилюгина, радиста Б. Баталова, пулеметчика А. Малюгина, снайпера В. Хатунцева, подрывников Б. Калашникова и Д. Киселева попала в засаду. Семь воинов были окружены 70 немцами и полицейскими. Бой длился 12 часов – с 8 утра до 20 часов вечера. Враг дважды атаковал партизан, но безуспешно… Упал смертельно раненный Малюгин. Пулемет подхватил парторг, но вскоре и он был убит. Был ранен В. Хатунцев, но продолжал бой и убил шесть фашистов. Мужественно сражались Гантюров, Баталов, Калашников, Киселев.

…Получив подкрепление, немцы вновь атаковали пятерых бойцов. И вновь вынуждены были залечь. У партизан патроны были на исходе. Тогда в ход пошли гранаты. И в этот момент по врагу с тыла ударили хвостовцы: шум боя был услышан на базе, и командир прислал подкрепление. Немцы, оставив десятки трупов, поспешно отступили {228}. В начале апреля 1942 г. бойцы группы Иванова (отряд Воропаева) разгромили полицейский гарнизон в д. Лосени {229}.

…Когда группа В. Котова из того же отряда была окружена 150 немцами, поддержанными тремя танками, бойцы не дрогнули, приняли бой и прорвали кольцо окружения без потерь {230}.

Вскоре после этого разведчики отряда обнаружили под д. Холм четыре танкетки (очевидно, оставшиеся с 1941 г. на поле боя). Красноармеец А. Е. Шубин отремонтировал их. При поддержке танкеток отряд провел ряд успешных операций {231}.

Летом 1942 г. группа В. М. Пронина (отряд Хвостова) в составе Дорофеева, Киселева, Будаева, Хатунцева, возвращаясь с задания, залегла у шоссе и обстреляла штабную машину. Были убиты шофер и офицер. Второй офицер был взят в плен. Были захвачены важные документы и знамя фашистской части {232}.

Тогда же группа В. Кочергина (отряд Воропаева) залегла в засаду во ржи близ шоссейной дороги. Вскоре показались две машины. Партизаны открыли огонь. В бою было уничтожено свыше 50 немцев {233}. Тем же летом бойцы отряда старшего лейтенанта Кузина попали в деревне в засаду. Командир поставил задачу окружить и уничтожить врага. Завязался рукопашный бой против 60 немцев. Бойцы уничтожили 35 фашистов, семерых взяли в плен. В качестве трофеев были захвачены два автомата, 31 винтовка, один станковый и пять ручных пулеметов и ротный миномет {234}. В июне 1942 г. группа Михайлова разоружила 15 полицейских {235}.

11 августа 1942 г. немцы, прибывшие на 67 автомашинах, блокировали лес, в котором базировался отряд Озмителя. Бой длился двое суток.

К вечеру второго дня противник получил мощное подкрепление – танки и бронемашины. Но отряд не дрогнул. Бойцы сражались умело. Так, станковый пулеметчик Зареев уничтожил расчет немецкой пушки и до 30 солдат и офицеров. В критический момент по врагу открыл огонь из 45-миллиметрового орудия расчет сержанта Смирнова. Меняя позиции, партизанские артиллеристы уничтожили расчеты пулеметов и одного орудия. Уничтожив до 200 немцев, отряд вышел из окружения без потерь {236}.

18 октября 1943 г. отряд «Победители» Д. Н. Медведева выдержал бой с 700 карателями. Затем бойцы решили разгромить гарнизон полицейских в соседнем селе. Атаку возглавил помкомвзвода сержант Л. Мачарет, бывший студент МГУ. Он довел бойцов до середины села, но был сражен вражеской пулей {237}. В результате смелой атаки было уничтожено до 300 полицаев {238}.

…Четыре разведчика отряда «Славный» капитана Шестакова приняли бой со 120 немцами и уничтожили десятки фашистов. В этом бою трое бойцов – Лютов, Копылов и Коржуев – были убиты, а трижды раненному и истекающему кровью Ермолаеву удалось оторваться от врага и добраться до базы отряда {239}.

Бойцы отряда «Вперед» во главе с Викторовым совершили налет на гарнизон в районном центре Гордеевка {240}, а отряда «Боевой» – на гарнизоны в местечках Паршаново, Кривичи, Лужки. Были сожжены здания волостных управ, нескольких контор, складов, мостов, выведен из строя ряд промышленных предприятий [63] . Несколько успешных операций под командованием своего комиссара С. Т. Стехова совершили медведевцы. Так, в мае 1943 г. ими был отбит обоз с продовольствием, захваченный у местных жителей. Все награбленное немцами было им возвращено {241}. 31 июня 1943 г. медведевцы разгромили гарнизон немцев в с. Красная Горка. Во время атаки майор Стехов был ранен, но до конца продолжал руководить операцией {242}.

Летом 1943 г. на Витебщине усилили удары по гарнизонам немцев и полицейских «Неуловимые». Под командованием Шинкарева был разгромлен гарнизон численностью до 250 немецких солдат в м. Лужки {243}.

В 1943 г. бригада получила особое задание – спасти детей из детского дома в с. Быковщина, под Полоцком. Нашей разведке стало известно, что гитлеровцы разработали план вывоза и уничтожения детей этого дома, основанного еще в 1924 г. по инициативе Ф. Э. Дзержинского. Из Центра поступила радиограмма с приказом: «Спасение детского дома считать боевой задачей». Отряд Комлева разгромил полицейский гарнизон в селах Быковщине и Луначарское, захватив много продуктов и белья, и передал все это в детский дом. Вскоре 250 детей во главе с директором дома Станкевичем были вывезены в лес, а затем переправлены за линию фронта {244}.

Вспоминая об этом, впоследствии **М. С. Прудников писал** :

«…восстанавливая в памяти всю свою партизанскую жизнь, я не могу найти более дорогого воспоминания, чем ребятишки, которым наши бойцы с помощью местных жителей вернули

жизнь, солнце, улыбку» {245}.

Бойцы отряда Градова совместно с группой комиссара Г. Москалева разгромили гарнизон в с. Обчак, уничтожив казарму и склад с боеприпасами. В бою погиб боец П. П. Грунтович {246}.

В этот период участились факты перехода к партизанам солдат и офицеров вражеских гарнизонов. Так, в мае 1943 г. в лагерь Градова прибыли немецкий полковник – начальник ПВО Минска – и летчик. Они привезли с собою двух спасенных ими женщин из гетто и их детей {247}.

Белорусские отряды во все большей степени становились интернациональными. К осени 1943 г. в них уже было более 400 чехов и словаков, 60 французов, 31 бельгиец, 16 голландцев, 24 австрийца. В сентябре 1943 г. коммунист Шандор Надь привел в отряд «Храбрецы» большую группу венгерских офицеров и солдат {248}.

Несколько раньше в бригаду П. Г. Лопатина перешел с оружием взвод словаков под командованием Войтеха Шатары, который нес охрану на шоссе Минск – Москва {249}.

В январе 1944 г. взвод из отряда И. Золотаря в бою с эсэсовским батальоном уничтожил четыре танка и десятки гитлеровцев, не потеряв ни одного бойца {250}.

8 мая 1944 г. бойцы отряда Шестакова совершили налет на немецкое животноводческое хозяйство на территории совхоза «Новоселки». Проводник-мельник подвел взвод М. Шурупова к зданию казармы. Бойцы забросали их гранатами. Под прикрытием взвода Шурупова рота К. Мадэя захватила скот, лошадей и повозки. В бою был убит боец М. Коробицын, тяжело ранен боец П. Борисов. Вскоре он был доставлен самолетом в Москву {251}. В апреле 1944 г. «Неуловимые» разгромили гарнизон эсэсовцев в м. Юратишки.

Совершив 22-километровый марш, 243 бойца под командованием С. Морозова и М. Рыбакова с ходу начали бой. Штурмовые группы А. Александрова, Н. Полунина, В. Гриненко, М. Мышко, А. Дубровинского, Т. Сапожкова, П. Лученка, А. Дюжина ворвались в м. Юратишки по заранее разработанному плану, атаковали казармы и охраняемые немцами объекты. Бой длился 1,5 часа. Были разгромлены штабы полка и батальона. В бою было убито свыше 100 гитлеровцев, 112 эсэсовцев было взято в плен. Захватив документы, оружие, боеприпасы и продовольствие, отряд поспешно отошел. В бою погибли командир одного из отрядов И. Комлев и несколько бойцов. Командир бригады **А. Морозов писал** :

«Никогда не забыть слез радости и ликования жителей деревень, через которые мы вели колонну эсэсовцев! Передать это

словами невозможно!» {252}

20 июня 1944 г. бригада вновь штурмовала гарнизон ст. Юратишки. Операцией вновь руководили С. Морозов и М. Рыбаков. «Казармы и сооружения обнесены проволочными заграждениями, укреплены дзотами, – пишет А. Морозов. – Кроме легкого и тяжелого автоматического оружия на вооружении фашистов были минометы. В четырех километрах от станции, в местечке Юратишки, стоял гарнизон примерно из 250 оккупантов, имевший легкие танки» {253}. Атака шла с трех направлений одновременно. Преодолевая сопротивление гарнизона и солдат прибывшего на станцию эшелона – они попали под перекрестный огонь немцев и партизан, партизаны уничтожили более 300 фашистских офицеров и солдат, подожгли склады, мастерские, лесопилку, вагоны, взрывали станционные сооружения {254}.

В период наступления советских войск омсбоновские бригады совместно с другими партизанскими отрядами и соединениями решали боевые задачи, поставленные командованием наступающих фронтов.

Так, в июне 1944 г. бригада Градова и отряд Д. И. Кузнецова участвовали в борьбе с окруженными под Минском и ушедшими в леса немецкими частями. В плен было взято много вражеских солдат и офицеров.

В августе бригада им. Флегонтова вместе с прорвавшимся передовым батальоном Советской Армии держала оборону на р. Припять до подхода основных частей Советской Армии {255}.

В эти дни отряд подвел итоги своих действий. Он прошел по тылам врага свыше 3 тыс. км; бойцами отряда было подорвано 92 эшелона, 155 автомашин, 5 водокачек, 64 железнодорожных и шоссейных моста, уничтожено 5 броневиков и танков, убито и ранено свыше 3 тыс. немецких солдат и офицеров {256}.

23 – 25 сентября 1944 г. отряд Каминского, перерезав гитлеровцам путь к отступлению, занял оборону в четырех населенных пунктах и удерживал их до подхода наших частей. Было уничтожено много фашистских солдат, захвачено 700 пленных, боевая техника. Населенные пункты были спасены от уничтожения {257}.

Успешно решали боевые задачи и омсбоновские отряды на Украине. Осенью 1944 г. отряд Д. Н. Медведева «Победители» подвел итоги своей борьбы в тылу врага. В Центр и штабы фронтов было передано много ценных сведений о работе транспорта и движении вражеских войск и их штабов, о действиях оккупационных властей, о положении на временно оккупированных территориях. Бойцами отряда, проведшего до

100 боев с врагом, было уничтожено до 12 тыс. гитлеровцев. За два года отряд понес большие потери: было убито 110 офицеров и бойцов, 230 человек ранено {258}. Боевые действия омсбоновцев получили высокую оценку советских военачальников. **Ветеран ОМСБОНа В. Цыганко свидетельствует** :

«…в 1961 году мне посчастливилось познакомиться с К. К. Рокоссовским. Он очень тепло говорил о помощи, оказанной партизанами Белоруссии фронту. И хотя с тех пор прошло немало времени, маршал хорошо помнил о тех заданиях, которые нам давались, о том, как выполняли их десантники, о моих товарищах по отряду, геройски сражавшихся в тылу врага» {259}.

Борьба с карателями

Наши представления об истории омсбоновских отрядов были бы неполными и искаженными, если не иметь в виду, что вся их деятельность проходила в обстановке почти непрерывной борьбы с карателями. К проведению карательных операций против партизан немецким командованием широко привлекались специальные охранные войска, эсэсовские части, воинские соединения, направлявшиеся на фронт, полиция и жандармерия.

Понятия «карательная экспедиция», «блокада», «прочес леса» буквально с первых дней истории всенародной борьбы в тылу врага прочно вошли в партизанский лексикон, а сами они стали привычными явлениями партизанских будней (если можно считать «привычными» эти едва ли не самые тяжелые, а нередко и трагические события). Карательные экспедиции несли с собой непрерывные многодневные бои, блокады и связанные с ними голод и холод, бесчисленные жертвы беспощадно уничтожаемых мирных жителей сел и деревень партизанских зон, необходимость постоянных перемещений отрядов, частой смены мест базирования, неизбежные тяжелые потери.

В этой борьбе партизаны опирались на помощь и поддержку подпольщиков и связных. Они, как правило, стремились своевременно предупреждать о предстоящей карательной экспедиции, ее планах и сроках, составе и количестве задействованных сил карателей. Это в значительной степени снимало преимущество внезапности нападения и многократного количественного перевеса сил противника.

На разных этапах истории партизанского движения изменялись масштабы и методы действий карателей и соответственно тактика партизанской войны. На начальном этапе, когда фашистам противостояли сравнительно небольшие и разрозненные силы партизан, они достаточно смело шли в леса относительно небольшими силами. Но начиная с 1943 г. им пришлось уже считаться с наличием крупных партизанских зон, охраняемых бригадами и соединениями, и со сложившейся в них системой оборонительных укреплений. Она включала минные заграждения, секреты, засады. Приходилось учитывать и то, что у партизан была налажена служба наблюдения и связи (к ней широко привлекались и жители партизанских зон). Значительно улучшилось вооружение партизан. Они приобретали все больший опыт борьбы с карателями, совершенствовалась и менялась тактика этой борьбы. В ее основе, как отмечал С. А. Ваупшасов, была маневренность: «…в одних случаях умение мгновенно

рассредоточиться, рассыпаться, исчезнуть для противника, в других – так же быстро собраться в кулак» {260}. Это позволяло сохранять основные силы и в то же время изматывать врага, обрекаемого на действия «вслепую» и на большие потери. Гнев фашистов обрушивался на стариков, женщин и детей, не успевших надежно спрятаться в лесах и болотах или уйти под защиту партизан. А в Берлин шли «победные» реляции и рапорты о полной ликвидации партизан в таком-то районе. Впрочем, их лживость обнаруживалась очень быстро благодаря все усиливавшимся ударам по врагу неуловимых народных мстителей!

Летопись героической борьбы омсбоновцев против карателей полна многими яркими событиями и фактами. Следует иметь в виду, что «москвичи», как правило, были вооружены автоматами и обладали фронтовым опытом. В планах борьбы с карателями, разрабатываемых в партизанских объединенных штабах, «москвичам»-автоматчикам уделялась особая роль групп прикрытия при вынужденных отходах и маневрах отрядов и ударных групп прорыва вражеского окружения.

С карателями имели дело буквально с первых дней пребывания в тылу врага отряды, ушедшие на задание зимой и весной 1942 г.

15 февраля 1942 г. свыше 5 тыс. гитлеровцев было брошено против партизан Дриссенского и Освейского районов, где действовал отряд «Боевой». Совместными усилиями омсбоновцев и местных партизан каратели были отброшены. В бою отличилась группа лейтенанта Румака [64] . В марте 1942 г. отряд противостоял двум полкам регулярных немецких войск, «прочесывавших» леса в треугольнике Невель – Клястицы – Бытча. Фашистские палачи сожгли 15 деревень, убили 59 мирных жителей {261}. 4 июля 1942 г. в районе хутора Половинники (шоссе Полоцк – Идрица) бойцы отряда в количестве 40 человек разгромили карательный отряд немцев из дивизии, переброшенной из Франции {262}.

Отряд С. А. Ваупшасова (Градова) «Местные» в 1942 г. успешно использовал тактику предупреждающего удара. Узнав о готовящихся карательных экспедициях, он неожиданными налетами на штабы стремился обезглавить карателей. Нередко в борьбе с врагом использовалась найденная в лесах советская военная техника. Так, летом 1942 г. Градов организовал засаду против карателей в районе Макони, использовав при этом отремонтированный танк. Потеряв до 30 человек, эсэсовцы в панике бежали {263}.

В июне 1942 г. «Местные» совместно с отрядом «Мститель»,

опережая карателей, нанесли удар по гарнизонам в Крайске и в Долгинове {264}. Через месяц немцы в количестве 3 тыс. человек окружили район площадки градовцев для приема грузов и парашютистов.

Около 300 партизан, бывших в бригаде, заняли круговую оборону. С тыла по врагу ударила группа Цыганкова. Немцы поспешно отступили. **В тот день Центр радировал Градову** :

«Поздравляем с удачным боем. Берегите личный состав. Отойдите в наиболее безопасное место. До получения ваших сигналов самолетов посылать не будем» {265}.

Отряды Градова, Воронянского и Долганова, выполняя директиву Центра, после этого боя сумели оторваться от основных сил карателей и уйти за р. Вилия {266}.

…В апреле 1942 г. до 400 немцев окружили лагерь «Неуловимых» в Забелье (Витебская обл.). Отряду удалось оторваться от карателей и уйти в глубь леса. Гитлеровцы распространили слух о его полном уничтожении {267}.

Вскоре гитлеровцы окружили новый лагерь отряда. Карателей отвлекла группа Широкова, взорвавшая лесопильный завод у разъезда Алеша. Но «Неуловимым» вновь, в третий раз, пришлось переменить базу. На этот раз местом лагеря был избран островок среди болот, у озера Звериного (в 30 км от Полоцка) {268}.

14 июня немцы, выйдя двумя колоннами из Полоцка, окружили отряд у д. Сухой Бор. В этот момент с задания возвращалась группа Е. Телегуева и с ходу ударила с тыла по карателям из автоматов. Фашисты поспешно отошли к грузовикам и вернулись в Полоцк {269}.

Вскоре бойцы отряда разгромили две карательные экспедиции. Действуя мелкими группами, партизаны дезорганизовали врага, укрепившегося у Дретуни. Не помогла фашистам и артиллерия. Партизаны уничтожили восемь автомашин, 70 гитлеровцев и вернули крестьянам награбленное карателями добро {270}.

В конце июня 1942 г. разведчик отряда «Неуловимых» Корабельников нашел у убитого немецкого лейтенанта Вюрца карту и документы, которые свидетельствовали о предстоящей карательной экспедиции против «Неуловимых». На этот раз должны были выступить мотополк, поддержанный артиллерией и минометами, особый батальон эсэсовцев и полицейские.

С 20 июля в течение двух недель отряд вел непрерывные бои с карателями.

2 августа сомкнулось кольцо блокады. Оставался один путь отхода – по непроходимому болоту на юг. Партизаны спешно построили плетеные щиты-трапы, с помощью которых они

преодолели болото и ушли к д. Серпушки. Когда стало известно о подготовке немцами новой экспедиции, ударная группа автоматчиков под командованием комиссара Глезина нанесла фашистам предупреждающий удар у пос. Сухой Бор. Бригада ушла за железную дорогу Полоцк – Идрица. А в это время две встречные колонны карателей вели между собою бой: каждая из них принимала другую за «Неуловимых». Отряд же в середине августа вернулся на свою базу {271}.

В ноябре 1942 г. разведчики отряда достали документы, свидетельствующие о том, что немцы создали специальное формирование для борьбы с партизанами – группу «Нюрнберг» – во главе с группенфюрером СС, генерал-лейтенантом полиции Готбергом. В ответ на это в Витебской области был создан объединенный штаб партизанских соединений для борьбы с карателями {272}.

Летом 1942 г. участились карательные экспедиции против отрядов, действовавших в «Смоленском треугольнике». Две недели отряд Ф. Озмителя вел бои под Оршей против 286-й охранной дивизии, поддержанной артиллерией и авиацией. Командир не дал окружить и уничтожить отряд и вывел его из опасной зоны {273}.

В конце 1942-го – начале 1943 г. в треугольнике Витебск – Полоцк – Невель против 10 партизанских бригад и отрядов были брошены регулярные войска, поддержанные танками, бронемашинами и авиацией.

Здесь действовала эсэсовская бригада Дирлевангера, созданная по инициативе Гитлера. Перед ней была поставлена задача захвата рабочей силы и скота для Германии. Однако, по признанию самого Дирлевангера, «операция… не имела желаемого успеха». Крестьяне прятали хлеб и скот, уходили в «леса. Их защищали объединенные силы партизан, и в их числе бригады «Неуловимые» и «Дядя Коля» и отряд «Боевой» [65] .

В 1942 г. гитлеровское командование предприняло карательную экспедицию против брянских партизан силами более 10 дивизий. Блокировав леса, каратели бомбили их с воздуха, обстреливали артиллерией и из минометов. Чтобы лишить партизан поддержки и снабжения, немцы стремились планомерно выселить всех жителей из примыкавших к лесам сел и деревень.

Надолго запомнился партизанам «Славного» попковский бой. Гитлеровцы превосходили партизан в 15 раз. Против отряда было брошено пять танков. Боем руководил парторг отряда лейтенант В. Фролов. Воины-спортсмены подбили все пять танков и только по приказу командования оставили с. Попково {274}.

Буквально через месяц после высадки выдержал первый бой с

карателями отряд «Победители». Тогда 25 партизан заставили отступить 160 карателей {275}. Это было у станции Толстый Лес. С. Т. Стехов повел бойцов в атаку. В ходе боя воин-спортсмен Капчинский уничтожил противотанковой гранатой пулеметный расчет немцев, но сам был прострелен 12 пулями. Друзья похоронили героя на месте гибели. В результате рукопашного боя враг был отброшен. Были захвачены несколько пленных, 2 пулемета, 20 винтовок, 6 пистолетов.

У пленного офицера была найдена карта с точным указанием местонахождения лагеря «Победителей». Пришлось спешно искать новое место для базы отряда. В этом бою несколько бойцов отряда получили ранение {276}.

За тяжелоранеными был послан самолет летчика 101-го авиаполка Владимирова. Но самолет пострадал при приземлении. Пришлось запросить новый. В ночь с 12 на 13 ноября летчик Бибиков и штурман Тюрин приземлились на посадочной площадке Михалино (близ г. Сарны) {277}. Медведевцам были доставлены боеприпасы, газеты и почта. Летчики вывезли экипаж Владимирова (5 человек), 13 раненых медведевцев и документы, добытые Н. Кузнецовым {278}.

Это была одна из первых посадок самолета у партизан. «Радовались удаче не только партизаны, – вспоминает очевидец, – не было конца восторгам и жителей села, когда самолет пронесся над крышами их домов и плавно сел на площадку, освещая все вокруг светом своих фар» {279}.

Неоднократно вел бои с карателями и отряд Шемякина.

Во время одной из блокад сюда была сброшена на парашюте разведчица Л. Н. Кулакова-Грязнова. Ее встретили в лесу и привели в отряд М. Шульгин и В. Рассадин {280}. В январе 1943 г. шемякинцы дважды шли на прорыв блокады в Клетнянских лесах. Во втором прорыве участвовали и шестаковцы. После того как массированный прорыв не удался, партизаны рассредоточились и стали прорываться небольшими группами во многих местах сразу, внеся растерянность в ряды противника. Это позволило группам просочиться через «окна» и уйти от преследователей.

Во время блокады Чечерского партизанского района шестью тыс. карателей отряд П. Шемякина, ведя непрерывные бои, уничтожил до 150 гитлеровцев и прорвался в Паньковский лес {281}.

Умение маневрировать, сбивать противника с толку внезапными молниеносными ударами, создавать численное и огневое превосходство в местах прорывов, незаметно ускользать от превосходящих сил противника, заманивать его в ловушки и

засады отличало тактику борьбы партизан с карателями в 1943–1944 гг. Разработка и применение такой тактики отличали действия омсбоновских командиров. Некоторые из них (В. Карасев, Ф. Тараненко) умело использовали рейдовые марши кавалерии. Так, однажды отряд «Олимп» неожиданно встретился в селе с хозяйственным батальоном немцев. Карасев молниеносно перекрыл все улицы села и бросил конников в тыл врага. Немцы сдались без боя {282}. В другой раз Карасев направил в тыл карателям Е. Ободовского с пятью автоматчиками и приказал создать видимость большого подразделения. Каратели были отогнаны {283}. В борьбе с карателями важное, а нередко и решающее значение имела своевременная и четкая информация, поступавшая от связных и разведчиков. Так, в отряд Карасева поступило донесение о том, что вскоре из Ельска должен выступить крупный отряд карателей для уничтожения партизанской базы в Овручских лесах. В. Карасев срочно направил на шоссе Ельск – Овруч до 60 минеров и автоматчиков. Были заминированы шоссе и все объездные дороги, устроены засады. На минах взорвалось 10 машин с солдатами. Карательная экспедиция была сорвана {284}. В борьбе с партизанами каратели применяли и такой варварский прием, как поджог леса. Так было и весной 1943 г., когда фашисты пытались противопоставить партизанам стену сплошного огня, чтобы заставить их, уходя от него, двигаться навстречу засаде. Но Карасев смело повел бойцов через огонь на прорыв и вывел отряд из горящего леса {285}. Партизаны намочили одежду; лошадей и повозки покрыли мокрым брезентом.

«Эти минуты, – **пишет бывший парторг отряда Е. Ивлиев** , – каждому партизану запомнились на всю жизнь. Огонь бушевал. От его порывов лошадей бросало в стороны, их все время приходилось сдерживать. Сверху падали пылающие сучья. Едкий дым слепил глаза. Со всех сторон слышался храп лошадей. С повозок доносились стоны раненых. Колонну с десятком груженых повозок и кавалерийский эскадрон пришлось растянуть по меньшей мере на километр из-за опасности взрыва боеприпасов… Когда сошлись – не узнали друг друга. Все были в копоти, саже, золе… А вокруг, будто окаменевшие, тускло поблескивали и кое-где дымились сосны, судорожно тянулись к небу голые ветви. Ветер и лес откликались незнакомым, глухим стоном. Ни зверей, ни птиц – ничего живого. Большая часть векового леса сгорела за несколько часов» {286}.

Но цели своей каратели не достигли.

После Сталинградской и Курской битв и во время битвы за Днепр число карательных операций против партизан Украины и

Белоруссии резко возросло: почти в каждую из них были вовлечены крупные силы противника, авиация, артиллерия, танки. В тылу врага фактически не прекращались вспыхивавшие то тут, то там тяжелые и, как правило, безуспешные для противника бои.

7 ноября 1943 г. на лагерь «Победителей», где шел праздничный митинг, совершила налет немецкая авиация. А вечером, когда у костра шел концерт самодеятельности, командир получил донесение о том, что все близлежащие села заняты карателями. Штаб решил принять вызов врага и дать ему бой на подступах к базе. Были усилены посты, выставлены секреты, минированы подходы к лагерю. Непрерывно поступали донесения разведчиков. Вскоре пришло сообщение: от с. Берестяны движется колонна карателей в 1500 человек с артиллерией и минометами. Ей навстречу выступила рота Базанова, а навстречу второй колонне карателей, наступавшей с противоположной стороны, – бойцы 4-й роты. Завязался многочасовой бой. Несколько раз поднимал свою роту в атаку А. Базанов. Во время одной из них было уничтожено два вражеских пулеметных расчета. В отряде появились первые потери – было убито 12 человек, и среди них командир взвода А. Драганов.

В разгар боя командир приказал В. Семенову обойти карателей с тыла и разгромить их командный пункт. Рота В. Семенова в самый критический момент боя захватила вражескую артиллерийскую батарею и повернула ее против командного пункта немцев. Во время атаки штаба и батареи было убито более 20 гитлеровских офицеров, и в их числе командующий экспедиционным корпусом генерал Пиппер, за свою жестокость прозванный «мастером смерти». Примечательно, что во время боя партизаны, используя немецкую систему сигнализации, направили авиацию врага против карателей. Захватив большие трофеи, отряд, измотанный боями, совершил марш-бросок на 80 км к северу от прежней базы {287}.

Свыше 60 крупных карательных операций отразили в 1943 г. партизаны Белоруссии {288}. Против них действовало 250 тыс. фашистских солдат и офицеров {289}.

…В январе 1943 г. от С. А. Ваупшасова в Центр поступила тревожная радиограмма:

«Противник проводит карательную экспедицию. Из блокированного района прорываемся в Полесье. Держать с вами связь этими днями не будем. Ждите наших позывных!» {290}

В этот трудный момент Москва успела передать партизанам сводку Совинформбюро об итогах Сталинградской битвы {291}. Радостная весть окрылила бойцов, придав им новые силы.

Сбивая заслоны врага, градовцы отошли в Любанский район, а затем вернулись в Гресские леса {292}.

В дни празднования 26-й годовщины Великого Октября бригада Градова вновь выдержала бой с карателями. Потеряв до 30 человек, фашисты отступили.

В течение целого месяца – с 21 мая по 21 июня 1943 г. – вели бои с карателями отряд «Боевой», бригада «Дяди Коли». Фашистам удалось занять Бегомль и партизанский аэродром. В боях погиб сержант В. Д. Ферьев. Раненный в ногу, он был окружен фашистами и взорвал себя и врагов. 4 июня свыше 100 карателей окружили разведгруппу Г. А. Садовского в составе 9 человек, группа во главе с командиром погибла в бою с карателями [66] .

Описывая бои партизан с карателями летом 1943 г. в Борисовских лесах, И. Ф. Золотарь отмечал, что особенно ценной в этом бою оказалась поддержка московских автоматчиков из отрядов Озмителя и Галушкина {293}. Они прибыли со своими отрядами в район оз. Палик в самый разгар боев с карателями. Гитлеровцы бросили против Борисовско-Бегомльской партизанской зоны крупные силы. 16 дней партизаны, отбивая атаки, отходили на север. Но и в этих условиях П. Г. Лопатин успел принять на аэродроме у д. Пострежье самолет и переправить перешедшего к партизанам немецкого офицера Карла Круга [67] .

В борьбе с карателями важную роль сыграло умелое маневрирование в Должанских болотах. Немцы атаковали Павловский остров, где заняли оборону партизаны. Автоматчики Озмителя и Галушкина отбили атаку карателей, принудили их отступить и прикрыли отход бригады «Дяди Коли». Так победой партизан завершилась и эта блокада, длившаяся целый месяц {294}.

В феврале 1944 г. свыше 1000 карателей вновь выступили против бригады П. Г. Лопатина, стоявшей в д. Ганцевичи. На базе было в тот момент 300 бойцов. Партизаны с боями отошли к д. Замошье. Каратели с трех сторон начали теснить их к пойме р. Цна. В особенно тяжелом положении оказался отряд Я. Жуковского. На помощь ему было брошено 70 автоматчиков во главе с Б. Галушкиным. Командир и автоматчик Юрченко, Шиман и Аксенов ворвались в Замошье и открыли огонь по танкистам, вызвав замешательство врага. Это позволило партизанам прорвать блокаду {295}.

Тогда же отбивал атаки карателей отряд А. Н. Шихова. Прикрывая его отход, группа во главе с Г. И. Боровиковым, заместителем командира, до последнего сражалась с врагом {296}.

1944 год оказался особенно тяжелым для партизан Белоруссии, Украины и Прибалтики и действовавших там омсбоновских отрядов, бригад и соединений. Бои с карателями стали теперь фактически повседневным явлением партизанских будней. Блокады партизанских районов и зон следовали одна за другой. «Партизанские районы были опоясаны железным кольцом дивизий, снятых с фронта и отправлявшихся на фронт», – вспоминал С. А. Ваупшасов {297}. Теперь уже почти каждая операция немцев осуществлялась при поддержке танков, авиации и артиллерии.

В январе – феврале 1944 г. фашисты силами девяти особых формирований блокировали Слуцкий, Стародорожский и Любанский районы. Партизаны Минской, Юго-Западной и Южной зон, действия которых координировал объединенный штаб во главе с Градовым, вышли из окружения и перешли временно в другие районы {298}.

21 февраля в Полесье против партизан была брошена отозванная с фронта 8-я мадьярская дивизия. Упорная оборона партизан на Днепровско-Бугском канале продолжалась до 40 суток {299}. В борьбе с карателями принимали активное участие бывший в это время на пути в заданный район отряд «Молот» Д. И. Кузнецова.

Фактически борьба одновременно велась на всей территории партизанской республики. Характерной особенностью ее являлось широкое использование в борьбе с партизанами регулярных армейских мотопехотных, танковых и артиллерийских частей, направлявшихся на фронт.

В апреле – июне 1944 г. против 16 партизанских бригад Борисово-Бегомльской и Лепельской зон гитлеровское командование проводило одну за другой – и при этом почти без перерыва – карательные экспедиции и сквозные «прочесы» лесов под кодовыми названиями «Прогулка под Троицу», «Фрюллингфест» («Праздник весны») и «Баклан». Их целью было полное уничтожение партизан, обеспечение безопасности прифронтового тыла и бесперебойной работы железных и шоссейных дорог, снабжавших центральный участок Восточного фронта.

В этих кампаниях принимали одновременно участие от трех полков до шести армейских и охранных эсэсовских дивизий, которым были приданы 70 самолетов, 137 танков, 235 орудий {300}.

Положение партизан обеих зон было необычайно трудным, порой критическим. Карателям в составе двух дивизий пехоты, танковой дивизии «Викинг» и кавалерийского корпуса в 8 тыс.

сабель дважды удавалось прижать партизан к району оз. Палик, но основной цели – их уничтожения – они не добились.

В первый раз за 20 дней боев фашисты потеряли до 2 тыс. убитыми и ранеными солдат и офицеров, 8 танков, 12 автомашин, 2 бронемашины, 16 повозок с боеприпасами {301}. Во второй раз им удалось рассечь силы партизан на две группировки. Но каждая из них в течение девяти дней – с 8 по 15 июня 1944 г. – в полном окружении продолжала бои с противником. Партизаны сорвали попытку врага навести переправу через р. Березину. Большую помощь им оказала советская авиация, бомбившая карателей. На совещании партизанских командиров, в котором участвовали Р. Н. Мачульский, П. Г. Лопатин, Ф. Ф. Озмитель, И. Ф. Золотарь, Б. Л. Галушкин и другие, было принято решение идти на штурм укреплений врага и поручить Ф. Ф. Озмителю и Б. Л. Галушкину возглавить штурмовые группы {302}. В результате восьми бригадам Борисовско-Бегомльской и четырем бригадам Полоцко-Лепельской зоны удалось прорваться на запад и юго-запад, а шести оршанским бригадам – в восточном направлении. Как отмечалось, в осуществлении плана прорыва блокады решающая роль предназначалась отрядам Ф. Озмителя и Б. Галушкина. Разведчики отрядов установили, что враг создал три линии укреплений, нащупали участок возможного прорыва – у д. Маковье. Первой на левом фланге пошла на прорыв штурмовая группа лейтенанта Галушкина, а вслед за ней на правом – старшего лейтенанта Озмителя. Прорвав две линии укреплений, группа Галушкина ворвалась в д. Маковье, в районе совхоза им. Воровского. Галушкин с бойцами взорвали дзот и гранатами подавили артиллерийскую батарею, после чего предстояло броском преодолеть открытое пространство. Здесь Галушкина настиг смертельный удар осколком снаряда или мины {303}. Группа продолжала бой. Штурмовой группе Озмителя также удалось прорвать все три линии укреплений врага. Пробив брешь в позиции врага, обе штурмовые группы продолжали действовать по разработанному ими плану. Они расширили зону прорыва. В образовавшийся коридор хлынула основная масса партизан и отступавших с ними местных жителей. Автоматчики двух отрядов прикрывали коридор с флангов, мужественно отбивая атаки врага. Ф. Ф. Озмитель прикрывал колонну до отхода последних партизан. Прорывались под непрерывным огнем противника. Необходимо было подавить вражеский дзот. На штурм бойцов повел сам командир, но был тяжело ранен. Сержант Набоков оттащил его в сторону. Озмитель приказал ему ползти в укрытие. Сам же он, осознав безнадежность своего положения и опасаясь возможности плена, взорвал себя гранатой {304}. На соседнем

участке при штурме дзота был убит боец Я. С. Штемберг {305}. 14 июня 1944 г. отступавшие немецкие части в составе двух пехотных дивизий, танковой дивизии «Викинг» и кавалерийского корпуса в 8000 сабель окружили партизан в зоне, где находился отряд Н. А. Прокопюка. В окружении оказалось свыше 1500 бойцов и многочисленные семейные лагеря. Враг в 20 раз превосходил силы партизан. Это были опытные фронтовые части, отходившие под ударом Красной Армии, сражавшиеся с отчаянием обреченных. Партизаны геройски противостояли им.

На участке роты лейтенанта М. Петрова наступало два батальона противника. Атака была отбита. Враг бросил в бой легкие танки, но бойцы отбили и танковую атаку. Тогда немцы вызвали авиацию. Самолеты совершили шесть заходов, стремясь уничтожить роту с воздуха.

Бой длился 14 часов. Рота, выдержав 16 атак, неоднократно переходила в контратаки. Взбешенные стойкостью и упорством партизан, немцы подожгли лес и вновь пошли в атаку. Петров поднял роту в контратаку. Враг поспешно отступил. Бойцы отбили артиллерийскую батарею, захватив три 75-миллиметровых орудия и два батальонных миномета. Петров продолжал преследовать отступавшего врага, но был сражен автоматной очередью {306}. Рота М. Петрова обеспечила возможность прорыва кольца окружения. Партизаны одержали победу и в этом единоборстве с карателями.

Фактически не выходили из боев с карателями и «Неуловимые». В мае 1944 г. в Центр поступила радиограмма с сообщением А. Морозова: «Все атаки отбиты, подбито четыре вражеских танкетки, один бронетранспортер…» {307} Как вспоминал А. Морозов, с 30 апреля по 14 июля почти ежедневно район расположения бригады и населенные пункты зоны бомбили и обстреливали вражеские самолеты (до 7 «юнкерсов» одновременно!) {308}. 5 мая 1944 г. отряд М. Мышко в течение трех часов вел бой с тремя ротами эсэсовцев у д. Кирвеле {309}. 13 мая группа Дюжина обратила в бегство карателей у д. Купревичи. Через два дня группа Щербины отбила атаку двух рот эсэсовцев, поддержанных артиллерией. 17 мая партизаны были разбужены разрывами снарядов. После артиллерийского обстрела девять рот эсэсовцев и полицейских под прикрытием 30 самолетов начали наступление на партизанскую зону. Основной удар на правом фланге выдержал отряд Чеверикина, где враг создал десятикратное превосходство своих сил. Каратели подожгли лес, заняли несколько деревень, но под ударом подоспевших основных сил партизан поспешно отошли.

С 31 мая по 8 июня каратели несколько раз пытались

овладеть д. Бакшты, но каждый раз отбрасывались назад контратаками ударных сил бригады, возглавляемых С. Морозовым. Через неделю враг предпринял новую попытку овладеть «партизанской столицей» Бакшты, но добиться своей цели и уничтожить основные силы бригады ему не удалось {310}.

Безуспешными оказались и все попытки карателей покончить с отрядом С. Волокитина, хотя от лазутчицы врагам стало известно местонахождение «Малого Центра». Обложив Нарочанскую пущу, каратели направились к этому месту, но отряд успел вовремя уйти {311}.

Стремясь обеспечить безопасность своих коммуникаций на железнодорожных магистралях и шоссейных дорог Минск – Слуцк, Осиповичи – Бобруйск, Варшава – Минск, фашисты силами трех полков, поддержанных танками и артиллерией, блокировали район дислокации бригад и отрядов Западного и Южного минских партизанских соединений. Каратели одновременно вышли из Пуховичей, Руденска, Шацка. Так началась 12-дневная блокада, которую С. А. Ваупшасов охарактеризовал позже как «самую тяжелую блокировку» {312}. Карателей поддерживала танковая бригада и эскадрилья бомбардировщиков {313}.

Как отмечает в своей книге бывший секретарь Минского подпольного ГК П(б)Б С. К. Лещеня, «…противник перенес главный удар по оказавшемуся в блокаде отряду С. А. Ваупшасова, бригадам «Беларусь» и 2-й Минской, отряду им. М. И. Калинина» {314}.

В течение трех суток обороняли Гресский лес бойцы бригады Градова. Врагу, несмотря на неоднократные попытки, не удалось форсировать р. Птичь. 3 июня 1944 г. каратели прорвались на левом фланге соседней бригады Каледы и вышли в тыл бригады Градова. Командование приняло решение покинуть Гресский лес и предупредило об этом жителей деревень партизанской зоны. Враг попытался атаковать отходивших партизан, но напоролся на минные поля. Бригаде удалось оторваться от фашистов.

4 июня 1944 г. на совещании командиров бригад и отрядов зоны при участии секретарей подпольных Минского ГК КП(б)Б и райкомов партии было решено прорываться из окружения и ударить по врагу с тыла {315}.

В этот самый критический день блокады, наполненный непрерывными и тяжелыми боями, противнику удалось занять несколько деревень партизанской зоны. Положение партизан стало угрожающим. В тот день был создан единый штаб для руководства всеми партизанскими силами, попавшими в окружение, который возглавил С. А. Ваупшасов. Штаб принял единственно правильное решение – отходить лесами на восток, к

р. Птичь. Двигались всю ночь, и утром 5 тыс. партизан и местных жителей вышли на полуостров, защищенный с востока р. Птичь, с юга и запада – труднопроходимыми болотами. Разведчики Ваупшасова доложили, что путь на Птичь еще свободен, и он настоял на немедленной переправе. Срочно навели бревенчатую переправу и под прикрытием автоматчиков отрядов «Молот» и «Местные» партизаны и мирные жители переправились на восточный берег Птичи. Последними Птичь форсировали бойцы отряда «Молот». На следующий день к фашистам пришло пополнение со стороны ст. Талька. Вновь реальной стала угроза окружения партизан. Двое суток их позиции бомбила авиация. По просьбе Ваупшасова Центр обеспечил партизанам поддержку советской авиации.

В ночь на 8 июня блокированные силы партизан пошли на прорыв позиций врага с целью выхода из окружения. Была создана ударная группа прорыва из автоматчиков, в состав которой вошли омсбоновцы отрядов С. А. Ваупшасова и Д. И. Кузнецова. Форсировав болото, ударная группа смяла заслоны врага и обеспечила выход всей окруженной группировки в район Заречья, на оставленный накануне полуостров Битень, образуемый изгибом Птичи. Карательная экспедиция захлебнулась.

Ударной силой обороны соединения были автоматчики Градова и Кузнецова. Они успешно отбивали многочисленные атаки врага, проникли в тыл противника и нанесли ему неожиданный удар, заставив спешно отступить. Они первыми шли в контратаки и на прорыв, в последний, самый тяжелый день блокады, выдержав двенадцать атак фашистов, перешли в контрнаступление с целью прорыва и вывода соединения из кольца блокады.

«Я повел к месту прорыва группу автоматчиков Дмитрия Кузнецова, – **вспоминал С. А. Ваупшасов** . – Мы сошлись с немцами лицом к лицу, стреляли почти в упор. Враг не выдержал удара и бежал» {316}.

В этой контратаке отличились лейтенант Ф. Д. Эскрибано, сержанты и бойцы В. Рассадин, И. Иванников, Б. Мартынов, Я. Фокин, Л. Семин, Д. Киселев. Вот как вспоминается этот эпизод одному из авторов этой книги, участнику событий:

«…Шел двенадцатый день изнурительных боев. Днем мы отбивали непрерывные атаки, а ночами совершали быстрые броски, стремясь оторваться от врага и выйти из окружения. Измотанные боями, голодные, спавшие лишь урывками, мы отбивали в этот день одну атаку за другой. После одной из них мы почувствовали, что и враг на пределе, и бросились в

контратаку. Помню бегущих с автоматами Фелиппэ, Рассадина, Завгороднего. Справа от меня шел в полный рост, поливая врага из ручного пулемета, партизан-градовец. И вдруг он покачнулся и упал: разрывная пуля пробила левое плечо и оставила под ключицей рваную рану. Товарищи подобрали его, а позже бережно несли его на самодельных носилках во время прорыва кольца блокады. Атака продолжалась. Немцы спешно отступили, оставив несколько трупов. Вскоре и мы залегли. Но нас насторожило то, с каким упорством немцы пытались притянуть к себе труп одного из убитых. Мы с Рассадиным подползли к трупу. Убитый был, как оказалось, офицером. Забрав полевую сумку, оружие и патроны, мы отползли назад. В сумке оказались ценнейшие документы о расположении сил противника в прифронтовой полосе» [68] .

Приведем также **отрывок из воспоминаний В. Рассадина** :

«…После длительного и изнурительного марша по болоту мы наконец вышли на песчаную гряду, поросшую лесом. Выставили секреты. Все остальные бойцы попадали на землю и уснули мертвецким сном. Но вскоре мы были подняты по тревоге: один из секретов доложил о подходе к гряде большого карательного отряда. Автоматчики срочно развернулись в цепь. Немецкая цепь появилась как-то неожиданно для нас. Прозвучала команда, и мы почти в упор открыли огонь из автоматов и пулеметов. Какой же это был огонь! Все были охвачены азартом боя. Такого плотного огневого удара немцы не ожидали, а когда автоматчики перешли в контратаку, враг дрогнул и побежал, побросав убитых и раненых» [69] .

С утра 8 июня 1944 г. фашисты стали спешно сниматься с занятых ими рубежей. Блокада и на этот раз сорвалась. Свое бессилие и злобу фашисты срывали на мирных жителях. Тысячи людей были угнаны в Германию, сотни стариков, женщин, детей зверски замучены и сожжены. Тактика «выжженной земли» осуществлялась на наших глазах с фашистской жестокостью и циничной последовательностью. Но дни пребывания врага на белорусской земле были уже сочтены. В каждой из карательных экспедиций удары фашистов были направлены против объединенных партизанских сил, и борьбу с ними вели все партизанские отряды, бригады и соединения. Но при этом особая роль в борьбе с ними не случайно принадлежала спецотрядам и спецгруппам ОМСБОНа, которые имели фронтовой опыт, были вооружены автоматами, обеспечивали радиосвязь с Центром.

По приговору партизан

Партизаны ОМСБОНа вели строгий учет бесчеловечным злодеяниям гитлеровских палачей на оккупированных территориях. На основании приговоров, вынесенных партизанами, омсбоновцы осуществили 87 актов возмездия. Подготовка и свершение каждого такого акта требовали большого опыта, смелости, находчивости. Необходимы были точное знание и учет конкретной обстановки, в частности сложной системы охраны гитлеровских палачей. На них – инициаторов и руководителей злодейских акций, жертвами которых были сотни тысяч зверски замученных и убитых мирных граждан и военнопленных, – в первую очередь и были направлены акты справедливого возмездия. Каждому из них предшествовала тщательная разведка, поиск конкретных исполнителей, разработка различных вариантов их действий, обеспечение их боевыми средствами (мины, взрыватели, взрывчатка, оружие и т. д.). В этой работе штабы и разведка спецотрядов и спецгрупп опирались на активную помощь подпольщиков и связных. Нередко последние добровольно брали на себя роль непосредственных исполнителей акта возмездия. В этих случаях делалось все возможное для обеспечения безопасности их и членов их семей.

Каждый свершенный акт возмездия, особенно над высшими представителями гитлеровской администрации, имел широкий общественный резонанс и большое психологическое и нравственное значение. Он утверждал неминуемость наказания главных преступников, торжество справедливости, непобедимость народа, силу духа и волю к борьбе которого не могли сломить самые жестокие репрессии.

Палачом номер 1 белорусского народа был назван гитлеровский наместник в Белоруссии гауляйтер фон Кубе. Его приезд в Минск в сентябре 1941 г. сразу же был отмечен ужесточением режима, усилением репрессий, систематическим проведением акций массового уничтожения советских граждан. Стало известно, что генеральный комиссар лично руководил расстрелами мирных людей в 1941–1943 гг.

Палачу был вынесен справедливый приговор народа. Но осуществить его удалось не сразу. За Кубе «охотились» долго и настойчиво партизаны многих отрядов, в том числе С. А. Ваупшасова, П. Г. Лопатина, И. Ф. Золотаря, Д. И. Кеймаха и др. Общее руководство и координацию действий возглавлял Центр и Минские областной и городской комитеты КП(б)Б.

…Летом 1943 г. группа разведчиков из бригады Градова проникла на южную окраину Минска, несколько дней просидев в засаде на шоссе Минск – Локшица, в районе которого была загородная резиденция Кубе. Однако в эти дни машина гауляйтера на этой дороге так и не появилась {317}. В конце августа 1943 г. Градов вновь направил в Минск группу «охотников»: стало известно, что на 6 сентября намечен большой банкет по поводу 10-летия прихода Гитлера к власти. Тогда-то и был осуществлен взрыв в офицерской столовой. Погибло 36 высокопоставленных фашистских офицеров и чиновников. Но Кубе на банкет не явился {318}. Вскоре одному из подпольщиков удалось попасть на прием к Кубе, но его поведение вызвало подозрение охраны, и он был убит при возникшей перестрелке {319}.

Примерно тогда же Ваупшасов направил в Минск разведчика «Местных» Гейнца Линке с заданием установить связь с Е. Мазаник, работавшей горничной в квартире Кубе. К тому времени она уже была связана с разведкой другого отряда и заподозрила в нем провокатора. Е. Г. Мазаник привлекла к участию в операции М. П. Осипову – связную трех отрядов: Градова, П. Лопатина и И. Золотаря {320}. С нею была связана и разведчица отряда «Буря» и бригады «Дяди Коли» Н. В. Троян {321}. Дело медленно, но упорно продвигалось вперед. Чекисты омсбоновских отрядов через подпольщиков доставили в Минск магнитные мины и взрыватели. Они хранились на квартире подпольщика Н. П. Дрозда (Минск, ул. Заславская, 33). Непосредственным руководителем операции на ее завершающем этапе был командир спецотряда армейской разведки Д. М. Кеймах. 21 сентября 1943 г. Е. Г. Мазаник удалось пронести магнитную мину в спальню В. Кубе и установить ее в постели гауляйтера. Поздно вечером он вернулся с «очередного» расстрела советских людей. А через несколько часов раздался взрыв, отголоски которого по-разному отдались в Берлине и в Белоруссии.

«Гитлер метал громы и молнии, – **писал И. Золотарь** . – Десятки эсэсовцев поплатились головой за то, что плохо охраняли Кубе. По всей Германии был объявлен недельный траур… А на оккупированной гитлеровцами советской земле люди отмечали это событие как праздник. Взрыв в спальне жестокого временщика показал, как непрочно было положение немцев и как велико бесстрашие советских людей, борющихся за освобождение своей Родины» {322}.

Таким образом, приговор над Кубе был приведен в исполнение благодаря усилиям нескольких партизанских отрядов и спецгрупп, и в их числе омсбоновских, и связанных с ними

подпольщиков. Непосредственно же приговор народа был осуществлен патриотами Минска. Убийство Кубе имело международный резонанс: о нем сообщали радиостанции Лондона, Парижа, Берлина, Стокгольма. Все три исполнительницы воли белорусского народа – **Е. Мазаник, М. Осипова, Н. Троян** – благополучно ушли из Минска к партизанам. Вскоре они были **удостоены звания Героя Советского Союза** .

Прибыв в Москву, Н. В. Троян официально была зачислена в состав ОМСБОНа.

Сменивший Кубе после его бесславной гибели на посту генерального комиссара Белоруссии группенфюрер СС генерал-лейтенант Готтберг приказал уничтожить жителей нескольких улиц Минска. В ответ на усиление репрессий жестокий палач также был приговорен к смерти.

Разведчикам группы «Юрий» стало известно, что на 30 октября 1943 г. в резиденции минского гебитскомиссара Фрайтага в Лошице (близ Минска) назначено совещание высокопоставленных гитлеровцев с участием Готтберга. Был разработан план операции, осуществлением которого руководил лично командир группы Ю. М. Куцын. Из отряда в Минск были переправлены мины, гранаты, взрывчатка. К. Кляйнюнге изобрел специальное минное устройство и сам доставил его в Лошицу, где передал его через подпольщицу О. Вербицкую исполнителям М. и Е. Чижевским и Н. Моисеевой (все три женщины служили на вилле Фрайтага). Они сумели перенести мину в особняк и установить в печи гостиной. Но фашистам удалось обнаружить мину и арестовать подпольщиц. Отважных патриоток зверски пытали, но они мужественно выдержали все пытки и достойно встретили казнь {323}.

На Украине исполнителями смертных приговоров над целым рядом главарей фашистской администрации явились бойцы отрядов Д. Медведева, Е. Мирковского, В. Карасева, Н. Прокопюка и связанные с ними подпольщики.

1 мая 1943 г. в помещение районной комендатуры в Овруче вошла группа немецких офицеров. Неожиданно для захваченных врасплох эсэсовцев они приказали им сложить оружие. Затем был зачитан и приведен в исполнение приговор над убийцей и садистом фон Армином. Исполнителями были разведчики из отряда Е. Мирковского: Н. Крамской, К. Анисимов, А. Мешков, С. Полищук, М. Карапузов, В. Шамякин. Все они благополучно вернулись на базу {324}.

Читателю, очевидно, хорошо известно, что на Украине ряд актов возмездия над фашистскими палачами совершил

легендарный разведчик **Н. И. Кузнецов** .

Напомним, что в Ровно он вел постоянную охоту на гауляйтера Украины Коха. Здесь Н. И. Кузнецовым были убиты оберфюрер СС, верховный судья Украины А. Функ, заместитель рейхскомиссара Украины генерал Г. Кнут, министерский советник финансов Г. Гель, гитлеровский палач А. Виннер {325}. Им же было осуществлено дерзкое похищение командующего карательной экспедицией генерал-майора фон Эльгена, взятого в собственной резиденции на Мельничной улице вместе с документами особой секретности {326}. Накануне этого события фон Эльген успел отправить в Германию очередные 20 чемоданов с награбленным на Украине добром. Тогда же он хвастал перед своим окружением, что уничтожит всех партизан в радиусе 100 км от Ровно и что будет беседовать с Медведевым в партизанском лагере {327}.

Партизаны предоставили главарю карателей такую возможность прежде, чем он предполагал.

Н. И. Кузнецовым был смертельно ранен в Ровно и гауляйтер Даргель. В «столице Украины» партизаны за годы войны привели в исполнение смертные приговоры над 13 высшими чинами «всеукраинского гестапо». Фашистам пришлось сменить все руководство местными гестапо и фельджандармерией {328}.

В феврале 1944 г. в течение только одной недели Н. И. Кузнецов совершил целый ряд смелых террористических актов во Львове. 18 февраля 1944 г. Пауль Зиберт присутствовал в Оперном театре на совещании представителей администрации и командования «дистрикта Галиция». В Центр поступила ценнейшая информация {329}.

А на следующий день «средь бела дня», как сообщала шведская газета «Автенбладет», во Львове были убиты вице-губернатор Галиции доктор Бауэр и высокопоставленный чиновник Шнайдер {330}. 12 февраля на мосту у Куровичей при попытке задержать машину П. Зиберта (Н. Кузнецова) им был убит майор фельджандармерии Кантер {331}.

Осуществить эти дерзкие акты возмездия, ошеломившие врага и вызвавшие панику и растерянность фашистской администрации Ровно и Львова, Н. И. Кузнецов мог только при поддержке партизан отряда Д. Н. Медведева и связанных с ним подпольщиков – Н. Струтинского, А. Каминского, В. Довгер, Н. Гнатюка, Б. Зюкова, Л. Лисовской.

Тактика физического уничтожения фашистских палачей по партизанским и всенародным приговорам требует дальнейшего анализа и всесторонней оценки с позиций марксистско-ленинской методологии. Каждый такой акт, бесспорно, являлся проявлением

справедливого возмездия военным преступникам за совершенные ими злодеяния. Подготовка и осуществление буквально каждого такого акта были связаны для непосредственных исполнителей со смертельным риском и предельным психическим накалом. Они требовали от них крайнего напряжения духовных и физических сил, готовности к самопожертвованию, подлинного героизма. Эти акции несомненно демонстрировали силу партизанского движения, вызывали подъем патриотических сил населения оккупированных территорий. Но нельзя не отметить и то, что они вызывали и такую ответную реакцию, как массовое истребление мирных жителей. Так было, например, после убийства гауляйтера Кубе, когда в Минске были уничтожены тысячи мирных жителей. Так было и после покушения на фон Готтберга, когда фашисты убили в районе Конаровки более 1000 человек, а остальных жителей этого района Минска увезли в лагерь смерти Тростенец. Так было и в ряде других случаев.

Сказанное выше отнюдь не умаляет героизма непосредственных исполнителей народной воли и величия их подвига.

* * *

*Одной из задач, поставленных командованием перед спецотрядами ОМСБОНа, было оказание содействия партизанам и подпольщикам в спасении жизни советских людей, которым грозила опасность. Так, группа «Юрий» с помощью подпольщиков неоднократно переправляла к партизанам жителей Минска, как правило – с семьями, а также бежавших из лагерей для военнопленных советских офицеров и солдат.

В июне 1943 г. по инициативе Градова начался вывод населения из Минска в леса, под защиту партизан бригады. Тогда же при бригаде был создан семейный лагерь, в котором первоначально было 100 семей.

По заданию Центра разведчики отряда при содействии подпольщиков успешно провели операцию по спасению и вывозу из Минска в лагерь 1-й Минской бригады видного советского ученого, историка-востоковеда, профессора Белорусского университета академика Н. М. Никольского с его семьей и научным архивом. Фашисты попытались пробиться в расположение бригады и вновь захватить ученого. Во время боев с карателями Н. М. Никольского и его семью надежно охраняли бойцы отряда «Юрий». Вскоре он был доставлен на самолете в Москву. В семье Ю. М. Куцына хранится нотариально заверенная копия свидетельства, в котором Н. М. Никольский удостоверяет

этот факт и выражает глубокую признательность своим спасителям и командиру группы.

В период оккупации не прекращалась научная и экспериментальная деятельность селекционной станции Белорусской Академии наук в Заозерье (под Минском).

В декабре 1943 г. немцы ужесточили режим на станции. Возникла реальная угроза ее ограбления и уничтожения. Сотрудники станции при содействии подпольщиков и партизан Градова сумели спрятать часть запасов выведенных ими ценных сортов картофеля, зерновых и зернобобовых культур и научный архив. Это создало возможность быстрого возобновления на станции селекционной работы после освобождения Белоруссии. В марте 1944 г. руководитель станции академик П. И. Альсмик с женой были доставлены в лагерь Ваупшасова {332}.

Вскоре С. А. Ваупшасов докладывал на заседании Минского подпольного горкома партии об опыте создания семейного лагеря. Минский горком рекомендовал всем отрядам Южной зоны изучить и использовать этот опыт в целях спасения жизней советских людей {333}.

В 1943–1944 гг. «семейные лагеря» были созданы при многих партизанских базах. Они объединяли десятки тысяч советских людей, спасенных от фашистского порабощения и угрозы уничтожения.

В 1944 г. перед освобождением Белоруссии одной из важнейших для партизан стала задача спасения советских людей от угрозы уничтожения или угона в Германию. Для ее решения использовались самые различные средства. Так, подпольщик Н. Г. Гаврилов и машинист Н. М. Маркевич вывозили военнопленных из Минска в тендере паровоза, а затем переправляли в лагерь Градова {334}. Железнодорожники способствовали бегству из эшелонов советских людей, угоняемых фашистами в Германию.

Комсомольцы-подпольщики Минска организовали побег из лагерного госпиталя находившихся там на лечении военнопленных и переправку их на базу бригады П. Г. Лопатина {335}.

За пределами Родины

С начала 1944 г. тылы фашистских армий стали перемещаться в оккупированные фашистами страны Восточной Европы: Польшу, Чехословакию, Югославию. Фронт все ближе подходил и к границам стран – союзниц фашистской Германии – Румынии и Венгрии. Народы стран Восточной Европы усилили борьбу против оккупантов и их ставленников в своих странах. Эта борьба проходила в тяжелой обстановке, еще более осложнявшейся внутренними противоречиями в движении Сопротивления.

Засылка небольших разведывательных и диверсионных групп и индивидуальных разведчиков в эти страны осуществлялась ОМСБОНом под руководством Центра.

Так, генерал И. Винаров вспоминал, что еще летом 1941 г. из Крыма в Болгарию были направлены группы подрывников и парашютистов. Зимой 1941/42 г. около Варшавы приземлились несколько групп поляков. Из бойцов интернационального батальона ОМСБОНа формировались и первые группы, сброшенные в Югославию, Австрию, Румынию, Венгрию {1}.

С начала 1944 г. радисты бригад, соединений и отрядов ОМСБОНа стали принимать указания Центра: «С приближением фронта, не дожидаясь дальнейших распоряжений, двигаться на запад» {2}.

С весны 1944 г. на территорию стран Восточной Европы на помощь их борющимся народам один за другим уходили омсбоновские бригады и соединения – Н. Прокопюка, В. Карасева, И. Золотаря, Е. Мирковского, А. Рабцевича и др. Рейд каждого отряда проходил в тяжелых боях. Особенно тяжелым для отряда Карасева было форсирование Буга.

Центральный штаб партизанского движения, в свою очередь, направил в сопредельные страны отряды и соединения П. Вершигоры (им. С. А. Ковпака), М. Наумова, И. Борана, В. Чепиги, М. Неделина, С. Санкова, В. Галицкого, И. Яковлева. Появление на территории Польши и Словакии мощных партизанских соединений изменило обстановку в партизанском движении этих стран в пользу его демократического направления, способствовало активизации действий местных партизан, росту их рядов, их качественному преобразованию. Значительно улучшилось, стало профессионально более грамотным, опытным и решительным управление партизанским движением. Более ощутимыми стали удары по общему для всех народов Европы врагу.

…В январе – мае 1944 г. в Люблинское воеводство Польши по частям стали прибывать партизанские соединения им. Александра Невского под командованием В. Карасева и «Охотники» Н. Прокопюка. Люблинщина превратилась теперь в партизанский край: в Липских и Яновских лесах действовало в мае 1944 г. до 3 тыс. партизан. Омсбоновцы развернули здесь разведывательную и диверсионную деятельность. Подрывные группы при активной поддержке польских патриотов и в тесном контакте с польскими партизанами успешно действовали на железных дорогах Ковель – Люблин – Варшава, Брест – Хелм, Брест – Краков. Партизаны освободили ряд городов и множество населенных пунктов Польши {3}.

В целом весной 1944 г. в Польше действовало 7 соединений и 26 отдельных отрядов советских партизан. Их общая численность достигала 12 тыс. человек {4}. Значительную часть этих соединений и отрядов представляли омсбоновские формирования.

С первых дней пребывания в Польше омсбоновским соединениям совместно с другими советскими и польскими партизанами пришлось вести почти непрерывные бои с регулярными частями фашистской армии, гестаповцами, охранными войсками. Так, в июне 1944 г. соединения В. Карасева и Н. Прокопюка совместно с партизанами Армии Людовой стойко противостояли в Яновских, а затем в Билгорайских лесах многократно превосходящим силам немцев. Карательная акция – одна из крупнейших за всю войну – была разработана в Кракове, в резиденции гитлеровского наместника в Польше Франка, при участии Розенберга {5}. В ходе карательных операций «Штурмвинд-1» и «Штурмвинд-2» фашистское командование бросило против партизан три фронтовые дивизии. Захваченный в плен гауптман, служивший в штабе карателей, показал, что их общее число достигало 30 тыс. человек. Он же назвал срок генерального наступления фашистов – 14 июня {6}. Вот несколько эпизодов борьбы омсбоновцев с карателями. Партизанскими гранатами была разорвана гусеница и выведена из строя пушка фашистского танка. Беспомощно замерший танк был окружен бойцами. В. Карасев вскочил на танк и стукнул по люку рукояткой маузера: «А ну – вылезайте! Heraus! Schnell, schnell!» – скомандовал он. Офицер – командир танка – застрелился, а два танкиста сдались партизанам. В офицерском планшете была найдена карта с указанием точного места расположения лагеря карасевцев, указаны направления ударов карателей и время начала общего штурма. Так бойцами В. Карасева был захвачен оперативный план командующего

карательной экспедицией Кратцера.

Партизанам удалось опередить действия карателей, вовремя покинуть лагерь, оставив небольшой заслон. Боец А. Данилевский наступавших фашистов встретил огнем из захваченного танка. Немцы нарвались на мины, заложенные на подступах к покинутому лагерю, потеряли все ориентиры и завязали бой… между собой. Взвод Лисицына проник в тыл врага, сжег автомашины карателей. Они поспешно отступили, а Карасев соединился с основными силами партизан {7}. Польские и советские партизаны приняли решение дать бой карателям. Было создано объединенное командование в составе Н. А. Прокопюка, В. А. Карасева и А. А. Боровича (начальник штаба). Командиры польских отрядов выразили свое согласие с этим решением и готовность подчиняться объединенному командованию. Партизаны заняли круговую оборону на «пятачке» поперечником в 3,5 км. Опытный минер Е. А. Ободовский руководил минированием подступов к линии обороны партизан. Последние удачно использовали и то обстоятельство, что им стала известна система сигнализации врага {8}.

13 июня бойцы омсбоновских отрядов выдержали тяжелый бой под Шклярней. Исключительный героизм проявил младший лейтенант М. И. Петров.

Полторы тысячи партизан были окружены плотным кольцом немецких войск, состоящих из двух пехотных дивизий, танковой дивизии «Викинг», кавалерийского корпуса в 8 тыс. сабель. Немцы беспрерывно бомбили позиции партизан. Последние заняли круговую оборону. Против артиллерии и минометных расчетов противника были брошены штурмовые группы, в которые входили взвод М. Ляпушкина, отделение Д. Червякова из соединения им. Александра Невского и рота М. Петрова из бригады В. Чепиги. Отделению Д. Червякова удалось уничтожить три орудия и захватить вражескую пушку и две повозки со снарядами {9}.

На соседнем участке автоматчики уничтожили колонну фашистов, сбившихся у мостика через реку; огнем из противотанковых ружей были подавлены артиллерийский и минометный расчеты; автоматчики отбили атаку и второй колонны, наступавшей от хутора и прикрывавшейся высокой рожью {10}.

В другом месте немцам удалось потеснить польскую бригаду им. Ванды Василевской. На помощь ей пришел Н. А. Прокопюк с двумя взводами из роты А. Лаврова. Положение было восстановлено {11}.

М. И. Петров с бойцами сражались на направлении главного

удара врага. Немцы предприняли на этом участке 16 атак, но не смогли сломить сопротивление омсбоновцев. Бойцы Петрова отбили танковую атаку, захватили вражеские орудия и минометы и расширили плацдарм. Тогда враги подожгли лес. В ответ Петров поднял партизан в атаку. Немцы не выдержали натиска атакующих и стали отходить. Петров с бойцами продолжал преследовать врага, расширяя прорыв. План карателей расчленить силы партизан и разгромить их по частям был сорван. Но мужественный командир был сражен автоматной очередью {12}. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Когда немцы вызвали авиацию, партизаны, зная систему сигнализации врага, умело направили ее бомбовые удары против позиций карателей. Бойцы Карасева захватили в бою фашистский танк.

В непрерывном яновском бою, длившемся 14 часов, партизаны одержали победу и в ночь на 15 июня 1944 г. вышли из окружения и ушли в Сольскую пущу. При прорыве использовалась трофейная артиллерия. Пригодились навыки артиллериста Д. Червякова {13}.

Еще до выхода основных сил соединения им. Александра Невского в Польшу В. Карасев направил туда группы А. Батяна и И. Таранченко. Группа А. Батяна закрепилась здесь. На ее основе было создано затем самостоятельное соединение, действовавшее на юге Польши под командованием И. Ф. Золотаря {14}.

По пути в Краковское воеводство группа А. Батяна установила связи с польскими патриотами и при поддержке местного населения провела ряд успешных разведывательных и диверсионных операций. Бойцы разгромили в г. Илжа гарнизон, продовольственные склады и все учреждения, сотрудничавшие с оккупантами. Польские патриоты помогли отряду форсировать Вислу. Рабочие вагоноремонтных мастерских г. Новый Сонч помогли восстановить вышедшую из строя рацию. 14 июня 1944 г. группа прибыла на место назначения и стала лагерем у хутора Невцова, в 3 км восточнее горы Радзиевой {15}.

Судьба группы И. М. Таранченко сложилась трагично. Она была заброшена в Польшу на поиск группы Батяна в то время, когда неожиданно с нею прервалась радиосвязь. Группа Таранченко оказалась в очень опасном треугольнике, замкнутом р. Сан, шоссейной и железной дорогами и насыщенном немецкими гарнизонами. Трое суток омсбоновцы вели непрерывные бои, то вырываясь из окружения, то вновь попадая во вражеское кольцо. Группа понесла тяжелые потери {16}. Вскоре она вошла в состав соединения И. Золотаря. Заместителями командира стали: по разведке – капитан С. Н.

Пушков, по строевой части – старший лейтенант А. Н. Батян, по политической – старший лейтенант И. М. Таранченко, врачом – капитан медицинской службы Н. П. Судоплатов. Соединение стало лагерем вначале у «Орлиного гнезда», затем – у Салтыковой поляны {17}.

Так на юге Краковского воеводства, в Карпатах, близ города Новый Тарг, на высокогорной поляне Явожино начало действовать новое партизанское соединение. Вскоре немцы ощутили на себе силу его ударов. Батальоны А. Батяна и И. Таранченко совместно с польскими патриотами взорвали армейский склад фаустпатронов в г. Новый Сонч. Операцией руководили П. Перминов и К. Пич. Это способствовало успешному продвижению 76-й зенитно-артиллерийской дивизии Советской Армии, совместно с партизанами освобождавшей Новый Сонч. Действия партизан спасли этот город от уничтожения. После войны П. Р. Перминов и И. Ф. Золотарь за этот подвиг были избраны почетными гражданами г. Новый Сонч и награждены орденом Польской Народной Республики «Золотой крест Виртути Милитари» {18}.

Разведчики И. Таранченко сообщили в Центр, что в районе р. Сан расположены подземные заводы, изготовляющие патроны «Фау-2», и полигон для их испытаний {19}. Разведчики группы Минаева захватили в плен важного нацистского чиновника, который сообщил, что в силезских городах Николау, Катовицы, Петровцы находятся военные заводы Г. Геринга. От него же поступили сведения о 14 крупных заводах на территории Германии и о системе их противовоздушной обороны {20}. Эти сведения использовала советская бомбардировочная авиация.

Разведчики А. Батяна передали полученную от подпольщиков Кракова важную информацию о военных объектах противника в городе. Об объеме информации свидетельствует тот факт, что радисты передавали в Москву текст в течение двух суток {21}.

Вскоре Центр получил от В. Карасева сообщение о том, что в Краков специальным поездом из Берлина прибыл Гиммлер, чтобы лично возглавить операцию по уничтожению партизан, и что он остановился в королевском замке Вавель, ставшем резиденцией наместника Франка {22}.

Разведгруппа А. Коваленко из бригады Н. Прокопюка, также перебазировавшейся на юг Польши, установила связь с командующим 2-м округом Армии Людовой подполковником Мечиславом Мочаром и действовала совместно с его разведкой. Было установлено местонахождение двух танковых дивизий немцев в районе Ковеля, разведана система оборонительных сооружений в районе Краков – Новый Торг, выявлены важные

объекты в районе Нового Сонча и на ст. Холм {23}.

Разведчики И. Золотаря выяснили с помощью поляков и сообщили в Центр сведения о дислокации и передвижениях немецких войск на территории южных воеводств Польши, о расположении складов и аэродромов, о системе оборонительных укреплений на путях предстоящего наступления 1-го и 4-го Украинских фронтов {24}.

Совместно с отрядами Армии Людовой подрывники бригады И. Золотаря дезорганизовали перевозки на железных дорогах Юзефов – Билгорей, Юзефов – Александров, Александров – Билгорей, Тарногруден – Люблин, вывели из строя дорогу Львов – Варшава {25}.

Ряд диверсий было совершено и на автомагистралях Польши.

Минируя шоссе, подрывник И. Савченко увидел, что к месту закладки мины приближается большая машина с эсэсовцами, и подорвал ее вместе с собой {26}.

Рота отряда совершила смелый налет на вражеский военный городок в Яблоньке. Взвод Секачева захватил мост и открыл огонь по казармам. С тыла его поддерживал взвод Меняшкина. Захватив трофеи, бойцы, не понеся потерь, ушли в горы {27}.

Вскоре бойцы И. Золотаря разгромили жандармский гарнизон в поселке Засадня и захватили склад продовольствия в м. Лонско {28}.

Успешным был и осуществленный 16 октября 1944 г. совместно с поляками налет на немецкий гарнизон в с. Гарклева {29}.

Немцы ответили новой карательной экспедицией, имевшей целью захват «партизанской столицы» Охотницы. Партизаны временно отошли. Немцы захватили в плен жителей деревни и сообщили об уничтожении отряда. Но через несколько дней отряд вернулся в Охотницы, освободив всех заложников {30}.

В Польше, в районе городов Парчев, Луков, Влодива, около полугода успешно действовал и отряд майора Коровина. Через Польшу пролег путь омсбоновских соединений и отрядов в Словакию и Венгрию.

В Словакии ширилась борьба партизан против правительства гитлеровского ставленника Тисо и частей «глинковской гвардии», созданной по образцу фашистских эсэсовских частей.

В 1944–1945 гг. на территории Словакии действовало свыше 17 тыс. советских партизан, а в Чехии и Моравии в начале 1945 г. боевые операции вели 14 партизанских бригад и 12 советско-чехословацких отрядов {31}.

На помощь партизанам Чехии, Моравии и Словакии по просьбе представителей чехословацкого правительства в Москве

были направлены советские партизанские отряды, бригады и соединения. Были созданы также совместные советско-чехословацкие интернациональные отряды.

Словацкий национальный комитет обратился за помощью к советским партизанам, действовавшим на территории республики. В их числе были соединения им. Александра Невского, В. А. Карасева, бригада Н. А. Прокопюка и ряд омсбоновских спецотрядов.

Соединение им. Александра Невского пришло в Среднюю Словакию из Польши через Дукельский перевал {32}. Партизан провел словацкий офицер И. Сабо. Вначале база соединения была на горном хребте у с. Криж. Здесь действовал партизанский аэродром. В. Карасева в Словакии знали под именем полковника Степанова.

5 сентября 1944 г. в районе Лупиковского перевала на территории Восточной Словетчины вышла бригада подполковника Н. А. Прокопюка {33}. Она базировалась к югу от партизанского центра края – с. Зубно на высоте 511 м и была здесь тогда единственной советской партизанской частью {34}. В течение сентября – октября 1944 г. одни за другими в Словакию пробивались с боями отряд В. А. Квитинского, выросший вскоре в советско-словацкую партизанскую бригаду «Готвальд», отряд им. Д. Пожарского, соединение М. И. Шукаева, бригада А. Е. Егорова и другие советские партизанские отряды {35}. Впоследствии руководители Чехословакии отмечали, что они принесли с собой «замечательный дух советских бойцов, дух ненависти к врагу, дух решимости в борьбе с фашистами. Советские партизаны показали чешскому и словацкому народам, как нужно бить фашистов, и убедили в том, что в этой борьбе должны участвовать широкие народные массы» {36}.

В г. Склобин состоялась встреча командиров советских партизанских частей с представителями командования Средней Словакии. Был согласован план борьбы с немецкими карателями.

18 октября 1944 г. соединение В. Карасева выдержало тяжелейший бой с карателями восточнее г. Банска-Штявница. Прорвав кольцо окружения, карасевцы двинулись на юг Словакии и расположились в районе г. Кошица {37}.

…Разведка В. Карасева установила, что в Черговских лесах на туристической базе укрепились восставшие словацкие воины во главе с подпоручиком Ф. Соколом. Сюда стягивались и другие подразделения словацких повстанцев. Карасев направил туда отряды офицеров М. Чиркуна, Н. Касаткина, Цыхана. Они вошли в объединенный штаб восставших. В распоряжении штаба было свыше 5 тыс. бойцов, образовавших соединение «Юг» {38}.

Партизаны соединения вели в Словакии активные разведывательные и диверсионные действия.

Подрывники соединения В. Карасева, действуя на дорогах, ведущих из Польши в Словакию, взорвали мосты на участке между Люботином и Липянами. Во многих местах они вывели из строя участки железных дорог Пряшев – Новый Сонч и Зволен – Будапешт. Последняя бездействовала девять дней. Были взорваны также мосты у с. Дуркив и на ст. Пустое Поле. Последний в момент прохождения по нему автоколонны немцев взорвали подрывники групп Солодовникова и Карпенко. Выведя из строя также телефонно-телеграфную линию, группы ушли в горы {39}.

Группа В. Тихонова пробралась до границ Угорщины и подорвала железнодорожные пути на магистрали Кошице – Новая Весь. Немцам удалось восстановить движение, но вскоре дорога вновь была выведена из строя {40}. Магистрали Кошицкого железнодорожного узла подвергались ударам подрывников соединения им. Александра Невского в течение всей зимы 1944/45 г. Активно действовал здесь подрывник Д. Червяков {41}.

…На рассвете 24 сентября 1944 г. началось наступление карателей на позиции бригады Н. А. Прокопюка. Омсбоновцы стойко держали высоту. Но словацкие части не смогли удержать с. Зубно. В этот критический момент партизанам оказала помощь авиация 1-го Украинского фронта. Советские самолеты бомбили немецкую артиллерию, танки и мотопехоту. Это помогло бригаде оторваться от противника, а затем в течение трех суток удерживать Русский перевал в Восточных Бескидах. 30 сентября по приказу Центра бригада вырвалась из вражеского окружения и вышла навстречу наступавшим частям Красной Армии {42}.

Соединение Карасева ушло в горы и, преодолевая тяжелейшие испытания горных переходов и боев в зимних условиях, стало пробиваться в Венгрию, навстречу армиям фронта. Соединение действовало в Венгрии в тесном контакте с отрядом им. Ш. Петефи под командованием капитана И. Фабри {43}.

Путь соединению прокладывали разведчики под командованием польского патриота С. Вроньского. В ночь под Новый 1945 год партизаны соединились с румынскими частями, ставшими союзниками Красной Армии.

В дни боев за Будапешт бойцы В. А. Карасева вместе с отрядом Иосифа Фабри заняли на одном из участков фронта, близ г. Шальготарьян, ряд господствующих высот и удерживали их до подхода фронтовых частей. Оборона этого плацдарма имела важное значение: он прикрывал кратчайший путь в Австрию и Южную Германию. Поскольку в долине были советские войска,

захват этой позиции дал бы фашистским частям большое преимущество.

Тяжелая обстановка сложилась на участке, обороняемом подразделением словацких добровольцев соединения. Фашисты непрерывно атаковали их позиции. Был ранен командир отряда т. Сикора. Командование словаками принял Д. Червяков и смело повел бойцов в контратаку. Позицию удалось отстоять. Бой длился всю последующую ночь. На рассвете на помощь партизанам пришли советские части. Так было и на других участках обороны. Партизаны отразили шесть атак противника, но понесли тяжелые потери {44}.

В 1944 г. на одной из подмосковных дач шло формирование и обучение интернационального отряда под командованием Ф. Кропфа. Австрийский коммунист, шутцбундовец, опытный альпинист, он имел уже опыт партизанской борьбы в Брянской области и на территории Гомельщины. В отряд были включены наряду с омсбоновцами-австрийцами опытные командиры, разведчики и подрывники – Б. Смирнов (заместитель командира), В. Сиротин, О. Лоран-Астафьев [70] . После нескольких неудачных попыток отряд был сброшен на парашютах к партизанам Югославии. Здесь он действовал непродолжительное время. Затем Ф. Кропфу, прекрасно знавшему австрийские Альпы, удалось без потерь провести отряд на территорию Австрии {45}.

Взбешенные смелыми диверсиями омсбоновцев, фашисты упорно преследовали отряд, неоднократно навязывали ему неравные бои, окружали, но Ф. Кропф каждый раз уходил от карателей и вскоре заявлял о себе в другом месте. Однако отряд не избежал потерь.

Возвращаясь с минирования железной дороги (был пущен под откос очередной эшелон врага), группа В. Сиротина нарвалась на немецкую засаду. Командир забросал противника гранатами и дал возможность уйти группе, но сам он погиб от вражеской пули {46}.

Несколько небольших отрядов и разведывательных групп омсбоновцев было заброшено в 1942–1944 гг. на территорию Румынии. С весны 1944 г. здесь действовал отряд майора Л. Корчагина. В труднейших условиях горной лесистой местности, постоянно находясь в движении, используя для отдыха пещеры, отряд собрал много ценной разведывательной информации. В частности, удалось разведать и нанести на карту пути вероятного движения советских войск через горные перевалы и долины, а также важные оборонительные узлы противника в районе г. Брашов. Радист отряда А. Крылов (это было его четвертое задание!) работал в чрезвычайных условиях – при постоянном

преследовании отряда и поиске радиопередатчика пеленгаторами, но он сумел передать в эфир добытую информацию. По приказу Центра отряд вышел на соединение с Советской Армией {47}.

В таких же условиях действовал в Румынии и разведотряд Кондратовича, радистами которого были Л. Лобанова и В. Бортник. Центру было передано много сведений, почерпнутых из наблюдений за транспортными магистралями. По ориентирам, переданным отрядом, успешно действовала советская бомбардировочная авиация {48}.

На последнем этапе войны Центр по просьбе Ставки и командующих фронтами направил несколько спецгрупп омсбоновцев в Восточную Пруссию и на территорию Германии, в район Берлина, где разведчикам ОМСБОНа приходилось действовать в особо трудных условиях. Опасности провала и гибели подстерегали их ежеминутно. Действовать приходилось в прифронтовых условиях, часто на территориях, предельно насыщенных гарнизонами и превращенных в сплошную зону обороны, в окружении враждебно настроенного населения и при его повышенной бдительности. Здесь было немало провалов и потерь, но в целом и эта задача оказалась по силам воинам ОМСБОНа. При этом в ряде случаев спецгруппы и индивидуальные разведчики входили в контакт с немецкими антифашистами и ощущали их помощь и поддержку.

В 1944 г. ушел с Украины в Августовские леса отряд Воронова «Гвардия» в составе 150 человек. Бойцы отряда вели здесь активную разведку и совершили ряд смелых диверсионных актов {49}.

Осенью 1944 г. под Кенигсберг была сброшена разведывательная группа, целью которой было наведение советской авиации на объекты и ведение разведки. В состав группы входило восемь человек, в их числе радистка А. Н. Панова. Разведчики успели передать Центру немало важной информации. Однако вскоре группа была обнаружена фашистами. Все разведчики и радистка Ася героически погибли в неравном бою {50}.

Группа «Корректировщики», действовавшая там же, устроила засаду на шоссе и уничтожила крупного чиновника из Главного управления имперской безопасности. Разведчики неоднократно вызывали на объекты советскую бомбардировочную авиацию {51}.

По их данным были совершены массированные удары авиации по магистралям Кенигсберг – Тильзит, Кенигсберг – Каунас. В составе группы было 12 омсбоновцев, в том числе

радист Н. Мартынов и разведчик Э. Майоров. Фашисты упорно охотились за отрядом. Пришлось рассредоточиться – на четыре группы – по тройкам. Тройка Э. Майорова вела бой с засадой у дороги. Фашистам удалось схватить раненого бойца после того, как им были расстреляны все патроны. После зверских пыток они подвергли его чудовищно жестокой смерти, закопав живым в землю {52}.

В январе 1945 г. под Берлин была сброшена спецгруппа «Грозные» лейтенанта С. С. Семченка в составе 15 человек {53}. Каждый из бойцов уже имел опыт боевых операций в тылу врага. Но теперь им предстояло действовать в непосредственной близости от фашистской столицы. Десант остался незамеченным. До рассвета группе удалось достичь ближайшего леса, где десантники провели свой первый день на территории Германии. С наступлением темноты углубились в лес и наткнулись на одинокий дом. Окружив его и убедившись в том, что в доме, кроме мирных жителей, никого нет, разведчики вошли внутрь. «За столом, – вспоминает радист группы Ф. Тихонов, – чинно сидели несколько женщин и ужинали. Наше внезапное появление привело их в ужас. Вообще-то их можно понять! Какими только не рисовали нас гитлеровцы, как только не стращала геббельсовская пропаганда немецкий народ приходом русских солдат! И вот мы стоим на пороге… Женщины понемногу пришли в себя. Мы уточнили наше местонахождение» {54}. Как выяснилось, группа попала в район Альтхорста, что в 100 км от Берлина. Действовать пришлось внутри фашистского укрепленного района. Несмотря на всю сложность и опасность обстановки, разведчикам «Грозного» удалось собрать и передать в Центр особо ценную информацию о дислокации немецко-фашистских войск, о строительстве оборонительных сооружений, о военных и промышленных объектах, о настроении фашистской армии и населения. Группа успешно действовала до весны 1945 г., когда без потерь вышла навстречу Советской Армии {55}. Вместе с некоторыми другими однополчанами она встретила День Победы в поверженном Берлине. Помощь воинов ОМСБОНа народам Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Венгрии, Румынии и антифашистам Германии в их борьбе с гитлеровской тиранией и оккупантами была действенным проявлением их интернационального долга и составной частью огромного вклада советского народа и его армии в дело освобождения Восточной и Центральной Европы от фашизма.

Заключение

Летом 1945 г. командование ОМСБОНа подвело итоги боевой деятельности бригады. В тылу врага было пущено под откос 1415 вражеских эшелонов с живой силой, техникой, боеприпасами, горючим, а также пять бронепоездов; уничтожено 1232 паровоза; вагонов, платформ, цистерн – 13 181; 2323 автомашины, тягачей, мотоциклов; подорвано 92,2 км рельсовых путей; взорвано 335 железнодорожных и шоссейных мостов. Движение поездов приостанавливалось более 450 раз. Было истреблено 145 танков и бронемашин, сбит 51 самолет. Выведено из строя около 700 км кабеля телефонно-телеграфных линий, в том числе до 240 км кабеля, связывавшего командование немецкого Восточного фронта с гитлеровской ставкой. Осуществлено более 400 других диверсионных актов, в результате которых, в частности, было взорвано и сожжено 344 промпредприятия и склада {1}.

Воинами ОМСБОНа было проведено 1084 боевых столкновения с противником, разгромлено 122 гарнизона, жандармских и полицейских управлений, комендатур и штабов. В открытом бою и в результате диверсионных актов было уничтожено 136 130 солдат и офицеров противника. Было ликвидировано 87 видных представителей гитлеровских оккупантов и 2045 фашистских агентов и пособников врага {2}. В качестве трофеев было захвачено 45 орудий и минометов, 110 пулеметов, более 850 винтовок и автоматов; танков, самоходных орудий, тягачей – 21, более 100 мотоциклов и велосипедов {3}.

Эти цифры не включают важнейших результатов разведывательной деятельности чекистов-омсбоновцев, как и итогов их вклада в развитие партизанского движения на временно оккупированных территориях СССР и стран Восточной Европы.

Омсбоновцы повсеместно разделяли с жителями временно оккупированных территорий СССР и стран Восточной Европы, с воинами Красной Армии и партизанами радость освобождения от фашистских захватчиков. Наиболее памятным событием, предшествующим празднику Победы, явился парад партизан 16 июля 1944 г. в Минске.

В нем приняли участие и партизаны-омсбоновцы, действовавшие в лесах Белоруссии.

«С 6 июля, – вспоминал С. А. Ваупшасов, – в Минск со всей освобожденной к тому времени республики стали прибывать партизанские бригады и отряды. Город не мог вместить такого количества людей… Площади и улицы столицы были с утра до

вечера запружены местными жителями и партизанами. Происходили радостные встречи товарищей по оружию, родных, близких. Песни лились во всех концах города» {4}.

На трибуну вместе с секретарем ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко, командующим 3-м Белорусским фронтом генералом армии И. Д. Черняховским, секретарем Минского обкома партии В. И. Козловым поднялись командир ОМСБОНа полковник М. Ф. Орлов, командиры партизанских отрядов и соединений бригады: С. А. Ваупшасов, Д. И. Кузнецов, А. Н. Шихов, Д. П. Распопов. В колоннах партизан четким шагом прошли бойцы омсбоновских отрядов {5}.

А через год воины ОМСБОНа участвовали в Параде Победы на Красной площади.

При выполнении заданий командования на фронте и в тылу врага геройски погибло более тысячи бойцов и офицеров бригады.

Родина свято чтит светлую память героев-чекистов. Улицы Москвы, Одессы, Брянска, Львова, Ровно, Минска, Свердловска и других городов названы именами Д. Медведева, В. Молодцова, Л. Паперника, Б. Галушкина, Ф. Озмителя, Н. Кузнецова. В Ровенской области его именем назвали город Кузнецовск. В столице воздвигнуты памятники Д. Медведеву, Л. Кулаковой, студентам-спортсменам, во Львове – Н. Кузнецову, в Николаеве – В. Лягину, в д. Мышковицы – К. Орловскому, на Маковьем поле (Борисовский район Минской области) – Ф. Озмителю и Б. Галушкину, в д. Хлуднево Калужской области – 22 героям-лыжникам. Неподалеку – в с. Попково Сухиничского района – поднялся обелиск на могиле Г. Пыльнова. В д. Приволье Руднянского района Смоленской области установлен памятник омсбоновцам П. Пилюгину и В. Мамочкину. На Гомельщине стоит обелиск на могиле А. Долгушина. Памятник омсбоновцам отряда «Энергетики» стоит в Запорожье.

Имена героев ОМСБОНа увековечены в наименованиях учреждений, школ, спортивных сооружений, пограничных застав.

В честь воинов-спортсменов ОМСБОНа проводятся спортивные мемориалы им. братьев С. и Г. Знаменских, А. Капчинского, Л. Кулаковой, Г. Мазурова и др. Имена Л. Кулаковой, А. Долгушина, А. Капчинского, Б. Галушкина, В. Крылова, Г. Пыльнова решением Всесоюзного слета олимпийцев (1976 г.) навечно включены в список Олимпийской команды СССР.

Документы и материалы, свидетельствующие о славных делах омсбоновцев, можно видеть на стендах и в витринах музеев РСФСР, Украины, Белоруссии, республик Прибалтики. Многие

школьные музеи посвящены ОМСБОНу, его отдельным отрядам, спецгруппам, героям. По местам героических подвигов отрядов ежегодно идут отряды юных следопытов. Группы «Поиск» выявляют все новые имена и новые факты.

Подвиги омсбоновцев были высоко оценены Родиной. Высокого звания Героя Советского Союза были удостоены: О. С. Бычок, С. А. Ваупшасов, Б. Л. Галушкин, Б. Губертас, В. А. Карасев, Ю. А. Колесников, И. Д. Кудря, Н. И. Кузнецов, П. Г. Лопатин, В. А. Лягин, Т. С. Мариненко, Д. Н. Медведев, Е. И. Мирковский, Н. А. Михайлашев, В. А. Молодцов, В. Л. Неклюдов, Т. Ф. Новак, Ф. Ф. Озмитель, К. П. Орловский, Л. Х. Паперник, Н. А. Прокопюк, М. С. Прудников, М. И. Петров, Н. Т. Приходько, А. М. Рабцевич, Н. В. Троян, А. Н. Шихов.

Орденами и медалями СССР было награждено 5172 воина бригады {6}.

Многие из них были награждены орденами и медалями Польши, Болгарии, Югославии, Чехословакии, ГДР.

Бригадная газета «Победа за нами» писала в одном из своих последних номеров: «Наша часть – ровесница Великой Отечественной войны. Она создана в июне 1941 года и прошла большой путь от Москвы до Берлина… Трудными и необычными были задания, которые выполняли наши бойцы, сержанты и офицеры с 1941 по 1945 год. Действуя в глубоком тылу противника, минируя подступы к столице, ведя разведывательную работу на фронтах, формируя партизанские отряды, они всегда проявляли мужество и героизм, показывали образцы воинского мастерства, выносливости, смелости» {7}.

«За время Отечественной войны, – писал в Отчете о боевой деятельности бригады в 1941–1945 гг. ее командир полковник М. Ф. Орлов, – ОМСБОН получал самые разнообразные по характеру и содержанию задачи и всюду с поставленными задачами справлялся успешно, какими бы сложными они ни были» {8}. Справедливость этих емких по смыслу и предельно лаконичных и сдержанных по форме слов, как надеются авторы, всем своим содержанием подтверждает эта книга о вкладе воинов бригады в общенародное дело великой Победы и о подвигах ее бойцов и командиров.

Ветераны ОМСБОНа и сегодня в строю. В их рядах – рабочие и колхозники, известные поэты, писатели, журналисты, ученые, руководители крупных предприятий. Два ветерана стали лауреатами Государственной премии СССР, трое – академиками, трое – докторами и многие – кандидатами наук.

На фронте и во вражеском тылу отряды и группы ОМСБОНа сражались в тесном взаимодействии с частями Красной Армии и

партизанскими соединениями. Это было важнейшим условием успешной борьбы. История ОМСБОНа – выдающаяся страница отечественной истории, борьбы партизан и партизанок, освободителей стран Европы от фашистского гнета.

Послесловие

Люди бригады

Славный путь прошли люди бригады. О некоторых из них можно сказать подробнее (о ком сохранились или разысканы на сегодняшний день данные), жизненный и боевой путь других из-за недостатка материала можно обозначить лишь штрихами.

Выделяется несколько общих характерных моментов из биографий командиров и комиссаров: активная комсомольская работа в годы зарождения этой организации и ее становления; раннее вступление в партию большевиков; участие в боевых действиях на фронтах Гражданской войны, в борьбе с бандитизмом и контрреволюционным басмачеством; активная роль в социалистическом строительстве; направление партией на учебу, упорное овладение знаниями, особенно военными; опыт работы в разведке и контрразведке; служба в погранвойсках; выполнение интернационалистского долга. Все это характерно было для биографий командного состава бригады, о чем и шла речь на страницах книги.

Одним из руководителей партизанского движения и непосредственным организатором отрядов ОМСБОРНа был Павел Анатольевич Судоплатов. Его деятельность в этом направлении отражена в книгах «Special Tasks» [71] , «Разведка и Кремль» и некоторых других. До этого ни в каких других книгах имя П. А. Судоплатова не упоминалось. Это было связано с тем, что долгое время его имя было засекречено, а затем многие годы он провел «в застенках» по «Делу Берии».

Родился П. А. Судоплатов в 1907 г. в г. Мелитополе. Его старший брат Николай в 1918 г. вступил в Красную Армию, а после стал бойцом отряда ЧК. Павел Судоплатов в двенадцатилетнем возрасте бежал из дома и присоединился к красноармейскому полку. Там первоначально он был телеграфистом и шифровальщиком. С этого времени, как считает сам Павел Анатольевич, и началась его служба в ВЧК. В 1927 г. Судоплатов был направлен в Харьков для работы в ГПУ Украины. В начале 1930-х годов был переведен в Москву. Здесь он получил назначение в Иностранный отдел ОГПУ. Именно тогда поизошла его встреча со знаменитыми чекистами Артузовым и Шпигельгласом. Начинается подготовка для работы Судоплатова за рубежом. …Германия, Чехословакия, Франция – страны, в которых ему пришлось действовать. Так, одно из важных и наиболее сложных заданий, которое ему довелось выполнить, – ликвидация известного западноукраинского националиста Коновальца. П. А. Судоплатов был награжден двумя орденами

Красного Знамени, один из которых ему вручал лично М. И. Калинин, и орденом Красной Звезды.

Весь 1937-й и часть 1938 года Судоплатов неоднократно выезжал на Запад с секретными заданиями. Вернувшись в Москву, он получил указание готовить операцию против Троцкого. В первый же день Великой Отечественной войны Судоплатов возглавил разведывательно-диверсионную работу в тылу немецко-фашистской армии. Уже в последующие дни июня 1941 г. создается «Особая группа» при НКВД. Ее руководителем назначается Павел Анатольевич. Главная задача «Особой группы» состояла в организации партизанской борьбы на оккупированной фашистами территории нашей страны.

Так фактически было положено начало создания ОМСБОНа, во главе которого в течение всей войны был генерал-лейтенант П. А. Судоплатов. О самоотверженной борьбе Отдельной мотострелковой бригады с фашизмом шла речь на страницах нашей книги.

Заместителем начальника Особой группы, а затем командиром бригады с 15 октября 1941 г. был полковник Михаил Федорович Орлов.

Родился он в рабочем поселке Белёвского уезда Тульской губернии в семье рабочего-слесаря. В 1919 г. вступил в РКСМ и начал работать уполномоченным укома комсомола по организации волостных ячеек, а затем стал председателем (так тогда называлась эта должность) райкома комсомола.

В декабре 1920 г. добровольно вступил в Красную Армию и участвовал в боях по разгрому антисоветских мятежей, затем становится кремлевским курсантом (Объединенная военная школа им. ВЦИК). По Ленинскому призыву в 1924 г. вступает кандидатом в члены ВКП(б), а в феврале 1926 г. – в члены партии. В 1930–1931 гг. принимал участие в борьбе с бандитизмом в Азербайджане и с басмачеством в Средней Азии. Длительное время он служил в войсках НКВД, работал в военных учебных заведениях.

Перед началом Великой Отечественной войны Михаил Федорович работал в должности начальника Себежского военного училища НКВД и одновременно учился заочно в Военной академии им. М. В. Фрунзе {1}.

Имя ныне покойного Михаила Федоровича Орлова упоминалось. Подчеркнем, что оно неотделимо от всех в буквальном смысле этого слова дел бригады. Он же, по сути, явился и ее первым биографом.

Комиссаром ОМСБОНа был назначен высококвалифицированный инженер, а затем чекист Алексей

Алексеевич Максимов. Это был «человек, – писал М. Ф. Орлов, – большого ума и редкого обаяния, живой, энергичный, остроумный, он действительно стал душой нашей бригады» {2}.

Великим счастьем для ОМСБОНа было то, что почти все ее комиссары были такими, «с которых делают жизнь». Преемником Максимова стал полковой комиссар Арчил Степанович Майсурадзе – депутат Верховного Совета СССР первого созыва.

Он был воспитанником комсомола Грузии и по комсомольской путевке стал политработником-пограничником. Комиссаром он прошел весь свой путь в годы Великой Отечественной войны, а по ее завершении многие годы работал в Главном политическом управлении Советской Армии.

В ОМСБОНе имелся политотдел. С первого дня его создания и до часа расформирования во главе его стоял Лев Александрович Студников, бывший батрак, а затем, как и многие другие политработники старшего поколения, комсомольский работник 20-х годов. Он работал на Северном Кавказе (одно время был секретарем Грозненского горкома, ответственным инструктором Северо-Кавказского крайкома и секретарем Чечено-Ингушского обкома комсомола). Дальнейший его путь также характерен для многих комсомольских вожаков: в 1930 г. вступает в партию, а затем ЦК ВКП(б) мобилизует его на партийно-политическую работу в Красную Армию.

Чтобы стать настоящим комиссаром, мало было иметь комсомольский задор и опыт работы с молодежью, необходимы были знания. Лев Александрович командируется на учебу в Военно-политическую академию им. В. И. Ленина.

Учеба прерывалась дважды: в 1939 г. в связи с развернувшейся борьбой с японскими милитаристами на р. Халхин-Гол, куда Студников направляется в качестве представителя ГлавПУРа РККА, и в 1940 г. – из-за войны с белофиннами. Помощник начальника Политического управления 9-й армии оказался на высоте комиссарского звания. Академию Студников окончил в июне 1941 г., в канун Великой Отечественной войны. Приход в бригаду опытного политработника с академическим образованием, помноженным на опыт двух войн, имел большое значение и свидетельствовал о том, как тщательно формировался политаппарат бригады. Л. А. Студников сыграл значительную роль в жизни ОМСБОНа. Отметим, что он был инициатором создания школы младшего политсостава. Его подпись стоит в рекомендациях многих омсбоновцев для вступления в партию.

Продолжим рассказ о командном составе бригады.

Руководителями разведки бригады были Антуфеев и майор-

пограничник Б. К. Спиридонов, но о них пока не найдено достаточно биографических данных.

Командиром 1-го ее полка (после откомандирования Н. Е. Рохлина, бывшего недолго в этой должности, на другую работу) стал Вячеслав Васильевич Гриднев. В 1942–1943 гг. он командовал ОМСБОНом. Вехами его жизненного пути являются: Октябрьская революция, рядовым участником которой он был в Петрограде; при захвате Петроградского телеграфа был среди солдат электротехнического батальона, в 1918 г. вступил в ряды РКП (б); воевал на Восточном фронте, громил контрреволюционный мятеж в Саратове; в 1921 г. начал работать в Московской чрезвычайной комиссии. С этого дня вся его дальнейшая жизнь связана с защитой безопасности нашей Родины. После окончания Высшей пограничной школы стал комендантом погранучастка, несшего охрану советско-иранской границы. Здесь он сражался с басмачами, неоднократно пытавшимися перейти границу. В биографию Гриднева вписана и ликвидация банды Кябила Касум-оглы. 12 лет прослужил Гриднев на границе. Коммунист, чекист, в дальнейшем член ЦК Компартии Азербайджана. В лице Гриднева ОМСБОН приобрел отличного командира, большевика с огромным опытом партийно-политической работы, пример для подражания молодым бойцам. Генерал-майор в отставке Гриднев ведет и поныне большую воспитательную работу [72] .

Комиссаром 1-го полка стал Сергей Иванович Волокитин, известный впоследствии как знаменитый партизанский командир Серго. Отец его – потомственный стеклодув, первый рабочий – директор завода «Красный май» после Октября. Как и другие юноши его поколения, Сергей Иванович учился в ФЗУ, был слесарем, токарем, бригадиром Московского завода им. Серго Орджоникидзе.

19-летнего комсомольского вожака направляют в 1931 г. на учебу в чекистскую школу. К началу войны он старший лейтенант госбезопасности [73] . К этому добавим: в ОМСБОН он пришел орденоносцем.

Командиром 2-го полка был майор Сергей Вячеславович Иванов. Это один из тех Ивановых, на которых поистине держится земля Русская. И это все несмотря на безрадостное, сиротское детство и суровую юность. Трудовую закалку он получил на шахтах Донбасса. Возвратившись после Октября в родной Воронеж, Иванов добровольно вступил в кавалерийский дивизион и почти два года не расставался с шашкой. А дальше учеба в Московском пехотном училище, преподавательская работа в пограничном училище (преподавал тактику и топографию), во

время которой он заочно окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Великая Отечественная война застала его в должности инспектора Главного управления Московской противовоздушной обороны {3}.

И еще один штрих к его биографии: именно полковнику Иванову после заболевания Дмитрия Медведева было поручено возглавить знаменитый отряд «Победители» на завершающем этапе его боевых действий.

Комиссаром 2-го полка был назначен Сергей Трофимович Стехов, майор. Его так и звали – «наш майор».

Как и Гриднев, он стал членом партии большевиков с 1918 г. В том же году он вступил в Красную Армию, был активным участником Гражданской войны. В его биографии есть и такая запись: работал телеграфистом в Реввоенсовете 11-й армии, обеспечивал связь С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, участвовал в защите Владикавказа. После окончания Гражданской войны Стехов работал в системе Наркомата связи, сначала на своей родине – Ставропольщине (он родился в Георгиевске), потом в Москве. Уже в эти годы он начинает заниматься журналистикой, сотрудничает в «Крестьянской газете». В 1939 г. партия направляет его на работу в НКВД.

Во 2-м полку и во всей бригаде Сергей Трофимович пользовался большим авторитетом и огромным уважением. Можно смело сказать, что юные солдаты, и в том числе, конечно, авторы книги, испытали на себе влияние этого удивительно обаятельного, честного и требовательного человека.

Многие и многие граждане нашей страны знают о Сергее Трофимовиче Стехове по книгам Дм. Медведева, в партизанском отряде которого он был комиссаром. Ныне он почетный гражданин Георгиевска и Ровно. Его именем при жизни названы пионерские дружины и отряды.

Жизненный путь других командиров и комиссаров в той или иной мере был похож на биографии Орлова, Гриднева, Студникова, Стехова, Иванова.

Однако особо надо выделить несколько имен: Дмитрия Николаевича Медведева, Алексея Кондратьевича Флегонтова, Кирилла Прокофьевича Орловского, Николая Архиповича Прокопюка и Станислава Алексеевича Ваупшасова. О них, о боевых действиях их отрядов рассказано достаточно подробно.

Приведенные данные дают основание считать, что для ОМСБОНа по указанию ЦК партии был подобран командно-политический состав, беспредельно преданный партии и народу, высокообразованный, с большим чекистским и воинским опытом, способный выполнить поставленные перед бригадой задачи.

Особое назначение бригады и предопределило состав командиров, политработников и бойцов. Требовались командиры, обладавшие опытом и навыками разведывательной и диверсионной работы, руководства действиями отрядов и групп в условиях партизанской борьбы и подполья.

Воины бригады должны были быть политически подготовленными, беззаветно преданными Родине, обладать крепким здоровьем, физической закалкой, выносливостью, находчивостью, стойкостью и мужеством, решительностью, способностью к самостоятельным решениям и действиям в самых сложных и непредвиденных ситуациях.

Основу командного состава бригады составили опытные чекисты, ее цементирующим ядром стали коммунисты и комсомольцы – работники центрального аппарата НКВД, преподаватели и курсанты Центральной и межкраевых школ НКВД, Высшей пограничной школы, пограничники.

Кто же стал рядовыми бойцами бригады? По указанию ЦК партии подбор ее первого состава проходил в ЦК ВЛКСМ. Здесь в одной из просторных комнат за председательским столом находились ответственные работники ЦК ВЛКСМ, в том числе и ныне известная писательница Зоя Воскресенская (Рыбкина), представители Наркомата внутренних дел и погранвойск. Записавшиеся или устно изъявившие желание добровольно отправиться на фронт направлялись сюда московскими райкомами комсомола.

Тем, кто получил «добро», было приказано 27 июня явиться на стадион «Динамо», где всех ожидала медицинская комиссия. По всем правилам, придирчиво доктора отбирали людей. Это был уже второй «фильтр». Здесь, как и в ЦК ВЛКСМ, все было необычно и немногословно. Вот как это описано в воспоминаниях писателя В. Кардина, тогда одного из добровольцев: «Мы, однокурсники из МИФЛИ, как и условились, пришли заранее, сели на траву. С. Гудзенко критически оглядел всех:

– Хлопцы, дела у нас швах. Верные шансы только у Сержика. Остальные с дефектами.

Я пробовал возразить. Он прервал:

– Баки заливать будешь врачам. Основной принцип – взаимовыручка. Не робеть. Врать не стесняясь. Опасность номер один – Толин глаз.

– Беру на себя, – отозвался я.

Семен посмотрел на Толю Юдина. Тот молча кивнул:

– Ладно. Принято… На всякий случай предупреждаю: годным врач дает жетон от вешалки, негодным – коленом под талию и пожелание «успехов в личной жизни».

Мы стояли перед кабинетом врача и слегка дрожали, словно перед экзаменом по старославянскому. Врач приоткрыл дверь, молодой, румяный, из-под халата новенькие, гармошкой сапоги.

– Заходите вместе.

Мы вошли. Дрожь била, как перед столом с экзаменационными билетами. Врач не спешил.

– Богатыри. Побочные дети Новака, внуки Поддубного.

Семен пробормотал:

– Прогорели.

Медик наслаждался своим могуществом и нашей растерянностью.

– Снять рубашки.

Пальцы срывали пуговицы. Рубахи не пролезали через головы.

– Тебе, мой друг, вообще здесь делать нечего, – сказал врач единственному среди нас спортсмену Сереже Чернову. – Не трудись, мне все известно, ты штангист, спринтер и тяжелоатлет. Дверь открывается на себя.

– А ты чего щуришься? – спросил доктор у Семена.

– От блеска ваших сапог.

– Для первогодка неплохо. Но хохмачи обычно страдают близорукостью. Проверим. Давайте все к окну.

А сам подошел к двери. На ней висел лист с буквами разной величины.

– Это… это… это…

– Ясно. Вместе с вашим другом штангистом будете ковать победу в тылу.

Потом принялся за Толю. Когда проверялся больной глаз, я подсказывал, и все шло гладко. Потом отошел, и Толя засыпался на здоровом.

Застегивая на ходу рубашку с вешалочным жетоном в кармане, я спустился в раздевалку.

Первое, что здесь увидел, – Семен, одергивавший перед зеркалом гимнастерку. Он игриво повел плечом:

– Серебряные ложечки при мне можно оставлять на столе, но номера от вешалки… Доктор еще более близорук, чем я. Такое притупление бдительности, когда враг коварен и хитер» {4}.

Стадиону «Динамо» один из авторов книги посвятил такие стихи:

Добровольцами нас юными
Помнит славный стадион.
Здесь, под этими трибунами,
Начинался наш ОМСБОН.

Мы пришли сюда студентами,
А отсюда путь прямой:
С плащ-палаткой,
Санпакетами,
С карабином,
Толом – в бой {5}.

Кто они были – солдаты ОМСБОНа, будущего 1-го полка? Он был интернациональным. Здесь собрались люди удивительных судеб, а многие из них, без преувеличения, являлись авангардом пролетарской Европы. Об этом говорит хотя бы то, что в формировании полка решающую роль сыграл Исполком III Коммунистического Интернационала и его Генеральный секретарь Георгий Димитров, а также руководители коммунистических партий, бывшие тогда в Москве: Вильгельм Пик, Морис Торез, Пальмиро Тольятти, Хосе Диас и Долорес Ибаррури, Иоганн Копленинг, Клемент Готвальд, Гарри Поллит и др. Они делали все возможное, чтобы собрать разбросанных в силу различных причин по Советскому Союзу своих соотечественников-политэмигрантов и направить их в ОМСБОН. Особо много сил отдала формированию бригады Стелла Благоева – дочь основателя Болгарской коммунистической партии Димитра Благоева. По поручению Георгия Димитрова она отбирала добровольцев, часто бывала в бригаде, воодушевляла омсбоновцев своими пламенными товарищескими беседами.

Наиболее полные данные об этом полке сохранились благодаря мемуарам выдающегося сына болгарского народа Ивана Цоловича Винарова {6}, ставшего заместителем командира полка, и испанца Серна Роке, бывшего в свое время представителем Испанской коммунистической партии в Народном фронте своей страны, сражавшегося на Мадридском и Каталонском фронтах, бойца ОМСБОНа, воевавшего в Красной Армии комиссаром батальона, бригады, дивизии {7}. В последнее время стали известны и некоторые данные о вьетнамцах, сражавшихся также в составе бригады.

Интернациональный полк бригады был непостоянен. Первоначально он насчитывал в своем составе чуть менее тысячи бойцов. Почти треть его были испанские коммунисты, покинувшие свою родину после поражения Испанской Республики. Другую часть составили болгары, чехи, словаки, поляки, австрийцы, венгры, югославы, румыны, греки, итальянцы, немцы, вьетнамцы, французы, финны. Имелось и несколько англичан, членов коммунистической партии, которых Отечественная война застала в Москве, куда они прибыли по

партийным делам. Австрийцев также было много, по численности они были вторыми после испанцев. В своем большинстве это были шуцбундовцы, эмигрировавшие в Советский Союз после Июльского восстания 1927 г. и второго Венского восстания 1934 г., которые были подавлены австрийской буржуазией {8}. Среди австрийцев был и будущий член секретариата Компартии Австрии Иоганн Штайер.

Несколько подробнее И. Винаров рассказывает о болгарах. Их было более сотни человек. Это были прежде всего представители тех групп, которые ранее по заданию Компартии Болгарии вели подпольную работу у себя на родине. В Подмосковье и Крыму (до его оккупации) обучалось еще около шестидесяти болгарских политэмигрантов, которые в любой момент готовы были отправиться с боевым поручением в тыл врага. В интернациональный полк были зачислены пятнадцать политэмигрантов и партийных деятелей, а также сыновья и дочери ветеранов партии, выросшие в Советском Союзе и получившие здесь образование. Это были: Георгий Павлов Гоню, Петко Кацаров, Густав Влахов, Пенчо Столов, Илия Денев, Иван Крекманов, врач Вера Павлова (дочь старого партийного функционера и крупного философа Тодора Павлова), Вихра Атанасова, Агга Димитрова (дочь ветерана партии Стефана Димитрова), сыновья Георгия Михайлова – Огнян и Кремен, дочь Георгицы Карастояновой – Лилия, сын Ивана Пашова – Жорж, дочь Георгия Дамянова – Роза и др. {9}.

О самом Иване Цоловиче Винарове можно сказать словами генерала С. М. Штеменко: «Иван Винаров являлся болгарским революционером. В свое время он был вынужден покинуть родину и эмигрировал в СССР, окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и получил звание полковника Красной Армии. Затем последовала работа в аппарате Коминтерна и Заграничного бюро ЦК БРП» {10}. В послевоенные годы генерал-лейтенант Иван Винаров стал видным военным деятелем Народной Болгарии.

Испанцы-интернационалисты находились под командованием капитана Перегрина Переса Галарсы, их комиссаром был Сефарико Алварес. Они были разбиты на три взвода. Одним из взводов командовал Серна Роке. Из 125 испанцев было шесть женщин. Среди них особенно выделялись Мария Фернандес, Анхель Санчес, носившая партийную кличку Африка, и Хуанита Прот {11}.

Заметной фигурой среди интернационалистов-испанцев был и Хосе Виеска. Сын крупного шахтовладельца, граф, юным он вступил в ряды Компартии Испании и был активным участником Астурийского восстания 1934 г. Осужденный на смертную казнь,

замененную тридцатью годами тюрьмы, он получил свободу благодаря установлению в Испании республиканской власти. В Испании Виеска был комиссаром батальона, а затем командовал бригадой.

Из шести вьетнамцев-омсбоновцев, упомянутых И. Винаровым, после длительных поисков, в которых участвовали совет ветеранов ОМСБОНа (А. С. Казицкий), активисты Центрального совета Общества советско-вьетнамской дружбы, телевидение и ряд газет Москвы (особенно «Правда») и Ханоя («Нянзан»), ныне стали известны их имена: Ли Нам Тхань, выходец из семьи революционера (Нгуен Шинь Тхань), родом из провинции, где родился Хо Ши Мин; Ли Тухк Тят (Выонг Тхун Тхай), тоже из семьи революционера; Выонг Тхун Тинь, вступивший в 1925 г. в товарищество революционной молодежи Вьетнама; Ли Ань Тао (Хоанг Ань То), Ли Фу Шан.

Обобщенная характеристика интернационалистам-омсбоновцам дана в следующих словах С. М. Штеменко: «… интернациональная часть из политических эмигрантов разных стран… испанцы, чехи, словаки, поляки, болгары, греки, румыны, немцы, австрийцы, англичане и представители других народов… вошли в состав Отдельной мотострелковой бригады особого назначения… Несли боевую службу… участвовали в сражениях на подступах к столице…» {12}

Второй полк состоял в основном из рабочих, спортсменов, студентов и школьников (только что окончивших десятые классы), тех, кто был включен в состав ОМСБОНа на стадионе «Динамо». Больше всего данных сохранилось о спортсменах, в числе которых было много известных, прославивших Родину на международных соревнованиях. Среди них были: боксеры Николай Королев, Сергей Щербаков, Эдуард Лазовский; легкоатлеты Георгий и Серафим Знаменские, Григорий Ермолаев, Моисей Иванкович, Леонид Митропольский; борцы Григорий Пыльнов, Анатолий Катулин, Леонид Егоров, Шавла Чихладзе; тяжелоатлеты Николай Шатов, Владимир Крылов; гребцы Александр Долгушин, Ипполит Рогачев, Алексей Смирнов, Сергей Шереметьев; велосипедисты Федор Тарачков, Виктор Зайпольд; конькобежцы Константин Кудрявцев, Анатолий Капчинский; лыжница Любовь Кулакова и др. К этому списку надо добавить преподавателей и студентов Московского института физкультуры во главе с проректором.

В ОМСБОНе, по данным М. Ф. Орлова, насчитывалось около 800 спортсменов {13}. Если раньше на стадионах, в плавательных бассейнах и на стартовых трассах они защищали спортивную честь Родины, то сейчас пришли в ОМСБОН, чтобы защитить ее с

оружием в руках от фашистских захватчиков. Их влияние в бригаде было очень велико. Они стали наставниками еще не закаленных физически солдат. В дальнейшем в тылу врага спортсмены были всегда одними из первых в тяжелых схватках с врагом.

В полк зачислялись также добровольцы-студенты московских вузов. Среди них, как образно писал М. Ф. Орлов, «были и пухлогубые первокурсники, и лысеющие аспиранты» {14}. Около тридцати человек пришли из Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ). Многие бойцы были вчерашними студентами и аспирантами МГУ, историко-архивного, строительного, горного, кожевенного, станко-инструментального и других столичных вузов.

Студенческая прослойка ОМСБОНа – это ее особая живительная и неповторимая интеллектуальная сила. Здесь появилась поросль, которая училась, например, в МИФЛИ – советском лицее, где, по афоризму омсбоновца В. Кардина, «гениев на квадратном метре полезной площади было больше, чем в любом другом вузе» и где «поэты бродили косяками». Лучшие из них были в сражающейся Красной Армии, в том числе и в ОМСБОНе.

Без преувеличения можно сказать, что вчерашние десятиклассники были, в свою очередь, примечательными ребятами. Ведь они добились зачисления в бригаду после многочисленных походов в райвоенкоматы, райкомы комсомола, ЦК ВЛКСМ.

В ОМСБОНе было много рабочих, техников, инженеров с автозавода и других предприятий.

Немного позже ЦК ВЛКСМ своим постановлением от 4 сентября 1941 г. «О мобилизации комсомольцев на службу в войска Особой группы при НКВД СССР» направляет в ОМСБОН 800 городских и сельских комсомольцев из 14 областей РСФСР. Туляки, ярославцы, рязанцы, куряне, пензенцы, саратовцы, уральцы и казанцы заполняли казармы бригады. Сюда же добавились и комсомольцы Москвы {15}.

Пополнение личного состава бригады осуществлялось на протяжении всех лет войны. Ее бойцами становились влившиеся в спецотряды партизаны, добровольцы коммунисты и комсомольцы – сыновья и дочери всех союзных республик. Общая численность воинов бригады превысила 10 500 человек. Но при этом ее костяком, наиболее активной и мобильной частью оставались пришедшие первыми в бригаду чекисты, пограничники и добровольцы: спортсмены, рабочие, студенты Москвы, зарубежные интернационалисты.

В ОМСБОН с первых же дней его существования пришла большая группа женщин, в основном радистки и медсестры. Назовем имена лишь некоторых из них: Маша Петрушина, Галина Ефимова, Лидия Шерстнева, Людмила Потанина, Зина Чернышова, Шура Павлюченко, Оля Михайлова, Дуся Приказчикова, Тося Карасева-Кнопка, Тоня Анисимова, Люба Капитонова.

Во главе медицинской службы полков были поставлены добровольцы, только что сдавшие госэкзамены в мединституте: Альберт Цессарский и Илья Давыдов. Врачом была и Вера Давыдова (Павлова); Виктор Стрельников и Владимир Назаров пришли в бригаду с четвертого курса мединститута.

В целом в бригаде, в ее полках, батальонах, ротах и взводах собрались люди во имя священной битвы с врагом, которые по велению сердца, совести, долга, чести готовы были выполнять ответственнейшие задания Родины, защитить ее, помочь народам Европы избавиться от фашизма.

Выражаем благодарность Ирине Григорьевне Троик за неоценимую помощь и поддержку.

Примечания

Источники и литература

Формируется бригада особого назначения. Начало фронтовой и партизанской истории

{1} Центральный государственный архив Советской Армии (далее: ЦГАСА), ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 42 об.

{2} См.: *Медведев* Д. Н. Сильные духом. М., 1958; *Прудников М. С.* Неуловимые. М., 1961; *Он же* . Неуловимые действуют. М., 1965; *Он же* . Дальний билет. М., 1983; *Ваупшасов С. А.* На тревожных перекрестках. М., 1971; *Давыдов И. Ю.* Юность уходит в бой. М., 1973; *Цессарский А.* Жизнь Дмитрия Медведева. М., 1969; *Он же* . Записки партизанского врача. М., 1974; Войска называются внутренними: Краткий исторический очерк (далее: Войска называются внутренними). М., 1982; Динамовцы в боях за Родину / Сост. Анатолий Андреев – (далее: Динамовцы в боях за Родину). М., 1975, 1979, 1985, 1992. См. также: *Калашников Ю.* Список личного состава групп и спецотрядов ОМСБОНа НКВД, действовавших в тылу врага в период ВОВ (1941–1945 гг.) // Коваленко А. Вершины мужества. – М., 1995; Москва и москвичи. Партизанскому движению Великой Отечественной Войны. М., 2000; Динамо. Энциклопедия. М., 2000. *Ю. Калашников* . Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД СССР.

{3} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 62, л. 133.

{4} Цит по: *Синюшкин В. С.* Огненный десант. Днепропетровск, 1984. С. 144.

{5} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 62, л. 139.

{6} См.: *Орлов М. Ф.* ОМСБОН в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Рукопись. С. 21–22.

{7} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 112, л. 36.

{8} Правда. 1986, 3 нояб.

{9} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 42, л. 34.

{10} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, о. 4, д. 18а, п. 28, л. 1–2.

{11} См.: *Серна Роке* . Испанцы в Великой Отечественной войне. М., 1986. С. 15, 32, 33.

{12} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 22–23.

{13} *Винаров И* . Бойцы тихого фронта: Воспоминания разведчика / Пер. с болг. М., 1971. С. 361.

{14} Труд. 1986, 5 нояб.

{15} См.: *Иванов С.* Парад 7 Ноября 1941 г. // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 17–23.

{16} См. там же. С. 21–22.

{17} См. там же. С. 22.

{18} См. там же.

{19} Там же. С. 23.

{20} Победа за нами. 1941, 7 нояб.

{21} История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Т. 4. М., 1975. С. 92, 93.

{22} Там же. С. 93.

{23} Там же. С. 92.

{24} См.: *Телегин Н. Ф.* Не отдали Москвы. М., 1975. С. 282.

{25} *Галицкий И. П.* Дорогу открывают саперы. М., 1987. С. 17.

{26} См. там же.

{27} Беспримерный подвиг // Материалы научной конференции, посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой (далее: Беспримерный подвиг). М., 1968. С. 11.

{28} История Второй мировой войны. Т. 4; *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1983; *Телегин И. Ф.* Указ. соч. и др.

{29} См.: *Жуков Г. К.* Указ. соч. Т. 2. С. 206.

{30} См.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 54.

{31} См.: *Телегин И. Ф.* Указ. соч. С. 295 и др.

{32} *Орлов. М. Ф.* Указ. соч. С. 17.

{33} Москва – фронту: Сб. док. и матер. (далее: Москва – фронту). М., 1966. С. 66.

{34} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 112, л. 40, 42.

{35} См.: История Второй мировой войны. Т. 4. С. 105.

{36} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 112, л. 42.

{37} Победа за нами. 1941, 12 нояб.

{38} Из воспоминаний А. Авдеева: Он погиб коммунистом // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 25, 26.

{39} См.: *Галицкий И. П.* Указ. соч. С. 19.

{40} См. там же. С. 20.

{41} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 18.

{42} См.: *Синюшкин В. С.* Указ. соч. С. 144.

{43} Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 45.

{44} Там же. С. 26.

{45} Там же. С. 26–27.

{46} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 62, л. 141.

{47} Победа за нами. 1941, 7 дек.

{48} Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 247.

{49} См.: *Синюшкин В. С.* Указ. соч.

{50} Там же. С. 143.

{51} Там же. С. 145.
{52} Там же. С. 142.
{53} Там же. С. 149.
{54} Там же. С. 148.
{55} *Давыдов И. Ю.* Указ. соч. С. 91.
{56} Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 46.
{57} Победа за нами. 1942, 30 нояб.
{58} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 30.
{59} См.: Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 172.
{60} См.: там же. С. 38–42.
{61} См.: *Давыдов И. Ю.* Указ. соч. С. 85.
{62} См.: Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 51–61.
{63} См.: Там же. С. 56.
{64} См.: Давыдов И. Ю. Указ. соч. С. 85–86.
{65} *Винаров И.* Указ. соч. С. 367.
{66} См.: *Серна Роке.* Указ. соч. С. 44–46.
{67} *Винаров И.* Указ. соч. С. 367.
{68} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 31.
{69} См. там же.
{70} Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 54–57.
{71} См.: *Орлов М. Ф.* Указ. соч. С. 36–37.
{72} См.: *Давыдов И. Ю.* Указ. соч. С. 109–110.
{73} См.: История Второй мировой войны. Т. 4. С. 106.
{74} См. там же. С. 281.
{75} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 38.
{76} См.: Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 73.
{77} Там же. С. 73–74.
{78} Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 59–61. См. об этом также: Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 29.
{79} Победа за нами. 1941, 30 нояб.; *Давыдов И. Ю.* Указ. соч. С. 95–96.
{80} Победа за нами. 1941, 30 нояб.
{81} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 34.
{82} ЦГАСА, ф. 38725, оп. 1, д. 1, л. 57.
{83} Там же.
{84} Там же.
{85} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 35–36.
{86} Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 192.
{87} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 40; ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 112, л. 40.
{88} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 112, л. 45–46; *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 40.
{89} См.: *Ярославцева С.* Из литературного наследия С. Гудзенко // Книжное обозрение. 1987,19 июня.

{90} Сатира – оружие победы // Вечерняя Москва. 1986, 10 дек.

{91} Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 193–194.

{92} Там же. С. 194.

{93} *Винаров И.* Указ. соч. С. 367.

{94} Победа за нами. 1941. 22 нояб.

{95} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18а, п. 28, л. 5.

{96} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 39.

{97} См. там же. С. 19.

{98} Москва – фронту. М., 1966. С. 71.

{99} Победа за нами. 1942, 29 янв.

{100} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 62, л. 144–145; д. 60, л. 44, об. 45.

{101} Там же, д. 62, л. 146, 148.

{102} За Советские часы. 1934. 7 нояб.; Победа за нами. 1942, 26 июня.

{103} См.: *Гудзенко С.* Герой Советского Союза Лазарь Паперник. М., 1943.

{104} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 65.

{105} *Гудзенко С.* Армейские записные книжки. М., 1962. С. 16.

{106} Там же.

{107} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 68.

{108} Там же.

{109} См.: *Лысов В.* Он был настоящим героем // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 75.

{110} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 74.

{111} Советский спорт. 1985, 18 мая.

{112} Правда. 1942, 14 февр.

{113} См.: *Горбунов В.* Последняя граната // Советский спорт. 1985, 18 мая.

{114} *Гудзенко С.* Армейские записные книжки. С. 18.

{115} См. там же. С. 20.

{116} Там же. С. 18.

{117} *Гудзенко С.* Избранное: Стихи и мысли (далее: Избранное). М., 1957. С. 41–42.

{118} *Гудзенко С.* Избранное. С. 22.

{119} Правда. 1942, 14 февр.

{120} ЦГАСА, ф. 39026, д. 112, л. 49.

{121} Там же.

{122} Там же.

{123} См.: Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 76–77.

{124} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 112, л. 50.

{125} См.: Орлов М. Ф. Рукопись. С. 71–72.

{126} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 112, л. 52–53.

{127} *Гудзенко С.* Избранное. С. 21.

{128} Цит. по: *Давыдов И. Ю.* Юность уходит в бой. М., 1965. С. 144.

{129} Отчет о боевой деятельности бригады за 1941–1943 гг. С. 3 // ЦМ вн. войск МВД СССР, ф. 4, д. 18.

{130} Там же.

{131} Там же.

{132} Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 65.

{133} Там же. М., 1975. С. 85.

{134} Постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. Об организации борьбы в тылу германских войск // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9, доп. и испр. Т. 7. М., 1985. С. 229–230.

{135} См.: *Смагин Б.* Помощь приходит вовремя. М., 1968. С. 58.

{136} См.: *Орлов М. Ф.* Бригада особого назначения // На линии огня. М., 1976. С. 288.

{137} См. там же.

{138} См. там же. С. 278.

{139} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, л. 5–7.

{140} См.: *Орлов М. Ф.* Бригада особого назначения. С. 278.

{141} См.: *Альтерман И.* Связисты ОМСБОНа // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 173.

{142} См.: *Цессарский А.* Жизнь Дмитрия Медведева. М., 1969; *Он же.* Записки партизанского врача. 2-е изд. М., 1977.

{143} *Гладков Т.* Остаюсь чекистом! М., 1987; *Рудницкая А.* Д. Н. Медведев. Брянск, 1981.

{144} См.: *Королев Н.* Отряд особого назначения. М., 1968; Победа за нами. 1942, 8 февр.

{145} ЦМ вн. войск МВД СССР, оп. 4, д. 1 – 18а, п. 23.

{146} *Хруцкий Э.* Иного пути нет. М., 1976. С. 65.

{147} См.: *Королев Н.* Указ. соч. С. 88–89.

{148} См.: Бессмертные имена: Сб. Минск, 1979. С. 90.

{149} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 82.

{150} См.: *Королев Н.* Указ. соч. С. 89; Бессмертные имена. С. 91; ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 1 – 18а, п. 23.

{151} См.: *Орлов М. Ф.* Бригада особого назначения. С. 286.

{152} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 56; *Королев Н.* Указ. соч. С. 89; Бессмертные имена: Сб. С. 91.

{153} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 56–57; *Хруцкий Э.* Указ. соч. С. 70–71.

{154} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 1 – 18а, п. 23.

{155} *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Задачи особой важности.

Киев, 1985; Люди легенд: Сб. Вып. I–III; *Поляков В.* «Молва». М., 1970 и др.

{156} Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 11.

Массовый выход в тыл врага

{1} Цит. по: *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Задачи особой важности. Киев, 1985. С. 20.

{2} *Диксон Ч., Гейльбрунн О.* Коммунистические партизанские действия. М., 1957. С. 67.

{3} Отчет о боевой деятельности ОМСБОН в 1941–1945 гг.// Фонды Музея ОМСБОНа в школе № 751 Бабушкинского района г. Москвы (далее: Отчет о боевой деятельности ОМСБОН). С. 10.

{4} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 9.

{5} Победа за нами. 1943, 20 июня.

{6} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 22; *Пабаусский В.* Нас ждали у костров // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 165.

{7} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 9.

{8} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 144–145.

{9} ЦМ вн. войск МВД СССР, оп. 4, д. 18, п. 9.

{10} Отчет о боевой деятельности ОМСБОН. С. 15.

{11} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 147; *Пабаусский В.* Указ. соч. С. 163–166.

{12} Отчет о боевой деятельности ОМСБОН. С. 15.

{13} *Цессарский А.* Записки партизанского врача. М., 1977. С. 13–14.

{14} *Ободовский Е.* В лесах и в горах // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 105.

{15} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18а, п. 28.

{16} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 96.

{17} См. там же. С. 123.

{18} Отчет о боевой деятельности ОМСБОН. С. 6; *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 132–133.

{19} См.: *Типаков В.* Такой это был поход // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 201.

{20} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 58, л. 130.

{21} Там же. д. 52, л. 5.

{22} Там же, д. 58. л. 130.

{23} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 33, л. 14; ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 8.

{24} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 132–133; *Типаков В.* Такой это был поход // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 210–211.

{25} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 8.

{26} См.: *Орлов М. Ф.* ОМСБОН в обороне Москвы // Фронт

без линии фронта. М., 1970. С. 206–208.

{27} ЦГАСА, ф. 38725, оп. 1, д. 1, л. 47.

{28} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 8.

{29} Победа за нами. 1942. 3 окт.

{30} *Типаков В.* Указ. соч. С. 210–211.

{31} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 8; *Картошкин Л.* История, которая должна найти свое продолжение // На старт (орган ЦГОЛИМФК). 1986, 6 мая.

{32} Там же.

{33} Там же.

{34} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 114.

{35} См. там же.

{36} См.: *Козицкий А. С.* Солдаты Дзержинского // Чекисты рассказывают. Вып. 4. М., 1979. С. 247–259.

{37} *Козицкий А.* Коварство «Седой головы» // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 132–137.

{38} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 33, л. 41.

{39} Победа за нами. 1942, 28 сент.; ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 62, л. 156.

{40} *Калашников Б.* Толкачинский бой // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 117–125; *Калашников Ю.* О друзьях-товарищах // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 115–120.

{41} ЦГАСА, ф. 38963, оп. 1, д. 33, л. 30, об. 32.

{42} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18а, п. 20.

{43} Там же.

{44} Там же, д. 18, п. 8.

{45} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 120–123; *Кирш А.* О тех, кто не вернулся // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 141–150.

{46} См.: *Кирш А.* Последняя операция // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 127–129; *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 122.

{47} См.: *Кирш А.* О тех, кто не вернулся // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 145–146.

{48} См. там же. С. 147.

{49} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 33, л. 57.

{50} Победа за нами. 1942, 9 авг.

{51} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 33, л. 70.

{52} См.: *Рогачев И.* Отряд «Сатурн» действует // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 159; *Безуглая Л.* Снежная королева // Спортсмены / Сб. М., 1973.

{53} См.: *Куриленко В.* Серия «Герои Советского Союза»; *Кирш А.* Последняя операция // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975.

{54} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 8.

{55} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 3, л. 57.

{56} Победа за нами. 1942, 9 авг.

{57} *Авдеев А.* Там помнят о нас. М., 1985. С. 39–41.

{58} См. там же. С. 50.

{59} См.: *Смагин Б.* Помощь приходит вовремя. М., 1968. С. 86.

{60} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 8.

{61} *Авдеев А.* Указ. соч. С. 57–60.

{62} Там же. С. 91.

{63} См. там же. С. 93–94.

{64} Победа за нами. 1942, 26 июня; Герои-чекисты: издание газеты «Победа за нами». М., 1943; *Орлов М. Ф.* Рукопись.; *Авдеев А.* Там помнят нас. С. 77 – 107.

{65} См.: *Авдеев А.* Указ. соч. С. 99 – 100.

{66} См. там же. С. 120–130.

{67} См. там же. С. 31–32.

{68} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 104–105.

{69} См. там же. С. 118.

{70} См. там же.

{71} См. там же.

{72} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 134.

{73} См. там же. С. 126–127.

{74} См.: Внутренние войска в Великой Отечественной войне… М., 1975. С. 535.

{75} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 33, л. 30.

{76} См. там же.

{77} См. там же.

{78} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 33, л. 30 об. 32.

{79} Там же.

{80} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 179, л. 9 об.

{81} Цит. по: *Гриднев В.* Помогая армии // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 64–65.

{82} См.: *Прудников М. С.* Неуловимые. М., 1968. С. 33–34.

{83} См.: *Морозов А.* Это было в Белоруссии // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 126.

{84} См.: *Прудников М. С.* Неуловимые. М., 1961. С. 99.

{85} *Слободской Л. Х.* В Братском партизанском крае. Л., 1963.

{86} *Прудников М. С.* Указ. соч. С. 186.

{87} Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) (далее: Партизанские формирования Белоруссии). Минск, 1983. С. 93.

{88} *Скорбин Б.* Комбриг «Неуловимых» // Бессмертные имена. М., 1980. С. 212.

{89} *Морозов А.* Это было в Белоруссии // Динамовцы в боях

за Родину. М., 1979. С. 127.

{90} Там же. С. 132–133.

{91} Партизанские формирования Белоруссии. С. 93.

{92} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 98.

{93} *Давыдов И.* Священная высота. М., 1984. С. 15.

{94} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 96.

{95} Там же. С. 99.

{96} *Давыдов И.* Юность уходит в бой. М., 1965. С. 151–155.

{97} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18а, п. 23.

{98} Там же.

{99} *Давыдов И.* Юность уходит в бой. С. 175–177.

{100} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. Г-18а, п. 23.

{101} См.: *Давыдов И.* Указ. соч. С. 185.

{102} См.: *Давыдов И.* Спортсмены из «Славного» // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 73.

{103} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18а, п. 6.

{104} Там же.

{105} Там же, п. 23, л. 7.

{106} Там же, д. 1-18а, л. 7.

{107} Там же, п. 23.

{108} *Лоран-Астафьев О.* За фронтовой чертой // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 101.

{109} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 117.

{110} Там же.

{111} *Лоран-Астафьев О.* Указ. соч. С. 101.

{112} Партизанские формирования Белоруссии. С. 95.

{113} *Лоран-Астафьев О.* Указ. соч. С. 102–103; *Михайлашев Н.* Буря гнева. Минск, 1971. С. 61.

{114} См.: *Михайлашев Н.* Указ. соч. С. 61.

{115} См. там же.

{116} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 6.

{117} См.: Партизанские формирования Белоруссии. С. 219.

{118} См.: *Альтерман И.* Связисты ОМСБОНа // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 175.

{119} См.: *Соболев П.* За тысячу километров от столицы // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 183.

{120} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 112, л. 63–66.

{121} *Соболев П.* Указ. соч. С. 183.

{122} Победа за нами. 1942, 3 окт.

{123} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 39.

{124} См.: *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. М., 1961; *Он же.* На тревожных перекрестках. М., 1971.

{125} Под одним знаменем: Сб. М., 1963. С. 84.

{126} См.: *Лещеня С. К.* С паролем горкома. 2-е изд. Минск,

1988. С. 21.

{127} См. там же. С. 21.

{128} См. там же. С. 85.

{129} См. там же. С. 21; Под одним знаменем: Сб. М., 1963. С. 84; *Курлат Ф. Л., Студников Л. А.* Бригада особого назначения // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 100.

{130} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 38.

{131} Фронт без линии фронта. С. 497.

{132} См.: *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. М., 1961. С. 143.

{133} См. там же. С. 471–474.

{134} См. там же.

{135} См.: *Золотарь И.* Записки десантника. М., 1960. С. 10–11; Партизанские формирования Белоруссии. С. 570.

{136} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 39.

{137} См.: *Золотарь И.* Записки десантника. М., 1961; *Он же* . Друзья познаются в беде. М., 1973; Партизанские формирования Белоруссии. С. 510.

{138} См.: *Тараненко Ф. Ф.* Огненными тропами // Рейдовая в походе. Минск, 1984. С. 13–16.

{139} См. там же. С. 7.

{140} См. там же. С. 17–18.

{141} См. там же. С. 29–30.

{142} См. там же. С. 8.

{143} Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны (далее: Всенародная борьба в Белоруссии…). Т. II. М., 1984. С. 403.

{144} *Пономарев В.* Мятежное сердце: Повесть о К. П. Орловском. 2 изд. М., 1972. С. 4.

{145} Там же. С. 43.

{146} См. там же; Победа за нами. 1943, 20 окт.

{147} См.: Очерки истории Брестской областной парторганизации. Минск, 1989. С. 157.

{148} См.: Всенародная борьба в Белоруссии… Т. II. Минск, 1984. С. 403; Победа за нами. 1943, 20 окт.

{149} См.: Партизанские формирования Белоруссии. С. 632.

{150} См. там же.

{151} См.: Всенародная борьба в Белоруссии… Т. II. С. 357; *Шумилин Н. Г.* Специальное задание // Огонек. 1980. № 8; Известия. 1988, 7 мая.

{152} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 112, л. 63–66.

{153} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 39.

{154} См.: *Суслов А.* От боя к бою // Бессмертные имена.

Минск, 1979. С. 220–239.

{155} См.: В лесах Белоруссии.

{156} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 58, л. 15 – 110.

{157} См.: *Медведев Д. Н.* Это было под Ровно. М., 1948; *Он же.* Сильные духом. М., 1979; *Цессарский А.* Записки партизанского врача. М., 1977.

{158} См.: *Цессарский А.* Указ. соч. С. 13.

{159} См.: *Медведев Д. Н.* Сильные духом. М., 1979. С. 18–49; *Цессарский А.* Указ. соч. С. 19–24.

{160} См.: *Медведев Д. Н.* Сильные духом. С. 29–34.

{161} См. там же. С. 143–144; *Цессарский А.* Указ. соч. С. 135–136.

{162} См.: *Цессарский А.* Указ. соч. С. 199.

{163} См.: Герои огненных лет. Кн. 8. М., 1985. С. 459; *Блицау Э.* Рукопись. Архив семьи Блицау (далее: Рукопись). С. 24.

{164} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 38.

{165} Там же.

{166} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 28.

{167} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 179, л. 5.

{168} Победа за нами. 1944. 22 нояб.

{169} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 38.

{170} *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Указ. соч. С. 181; *Рихтер В.* Особое задание. Ярославль, 1974.

{171} Цит. по: *Синюшкин В. С.* Огненный десант. Днепропетровск, 1984. С. 5; Бессмертные имена. С. 302–335.

{172} *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 гг. М., 1986. С. 7.

{173} См. там же.

{174} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 22, л. 124.

{175} Отчет о деятельности ОМСБОН // ЦГАСА, ф. 386–930 и др.; *Орлов М. Ф.* Рукопись; ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, персоналии М. Ф. Орлова, В. В. Гриднева, С. В. Иванова.

{176} См.: *Юркин И. У.* У нас особое задание. М., 1973. С. 11.

{177} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 10.

{178} Там же, л. 110–120.

{179} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 146.

{180} *Пономаренко П. К.* Указ. соч. С. 32.

{181} Там же. С. 33.

{182} ЦГАСА, ф. 38725, оп. 1, д. 25, л. 138–139.

{183} ЦГАСА, ф. 38719, оп. 1, д. 2, л. 1.

{184} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 33, л. 37.

{185} См.: *Орлов М.* Рукопись. С. 105–117; *Блицау Э.* Рукопись; *Ивлиев Е. А.* Были огненных лет. М., 1983. С. 5–6.

{186} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 179, л. 16а.

{187} См.: *Ивлиев Е. А.* Были огненных лет. С. 7.

{188} См. там же. С. 14–16; *Блищау Э.* Рукопись. С. 6 – 15.

{189} См.: *Ободовский Е. А.* Указ. соч. С. 105–107.

{190} Цит. по: *Ивлиев Е. А.* Были огненных лет. С. 42.

{191} См.: *Ивлиев Е.* Крест и маузер // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 118.

{192} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 9.

{193} Там же.

{194} *Лебедь В.* Отряд имени Богдана Хмельницкого // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 145–153.

{195} Партизанские формирования Белоруссии. С. 159.

{196} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 2.

{197} Там же.

{198} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 62, л. 114.

{199} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 186, п. 2.

{200} Там же.

{201} Там же, д. 18, п. 9.

{202} Победа за нами. 1943, 23 авг.

{203} Там же, 5 дек.

{204} Там же.

{205} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 186, п. 1.

{206} Там же, п. 4.

{207} *Милутка В.* «Игорь» с двумя миллионами // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 217–219.

{208} Там же.

{209} Там же.

{210} *Ивлиев Е. А.* Были огненных лет. С. 90–95; *Блищау Э.* Рукопись. С. 22–31; *Медведев Д. Н.* Сильные духом. М., 1978; *Цессарский А. С.* Указ. соч.

{211} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 38.

{212} Там же, д. 69, л. 6–7.

{213} Там же, д. 62, л. 67.

{14} Цит. по: *Прудников М. С.* Неуловимые. М., 1961. С. 197. ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 58, л. 87, 88. *Рихтер В.* Указ. соч. С. 81–83.

{217} *Золотарь И.* Указ. соч.; *Он же.* Партизанские формирования Белоруссии.

{218} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 58, л. 87–88; *Смагин Б.* Помощь приходит вовремя. М., 1968. С. 111.

{219} *Смагин Б.* Указ. соч.

{220} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 179, л. 10.

{221} Цит. по: Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 8.

{222} ЦГАСА, ф. 38725, оп. 1, д. 25, л. 46.

{223} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 62, л. 10.

{224} Там же, л. 45.

{225} Там же, л. 24 – 24об.

{226} Там же.

{227} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 8, л. 7 – 10; *Шихов А.* Ценою жизни // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 142–145.

{228} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 8, л. 2–6; *Распопов Д.* Рядовой Макрушин // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 162–164.

{229} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 8, л. 16–18.

{230} Там же.

{231} *Давыдов И.* Камарадо Серго // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 75–82.

{232} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 152.

{233} См.: *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. М., 1961. С. 191–192.

{234} См.: *Прудников М. С.* Неуловимые. С. 126–127.

{235} См.: *Ивлиев Е. А.* Крест и маузер // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 119.

{236} Всенародная борьба в Белоруссии… Т. I. Минск, 1983. С. 314.

{237} См. там же.

{238} См.: *Стрельцов С.* Белые призраки. М., 1975. С. 106–108.

{239} См. там же.

{240} *Медведев Д. Н.* Сильные духом. М., 1979. С. 105.

{241} *Михайлашев Н.* Указ. соч. С. 89.

{242} *Цессарский А.* Указ. соч. С. 188.

{243} *Лещеня С. К.* Указ. соч. С. 85.

{244} См.: *Туралиев О.* В отряде особого назначения. Фрунзе, 1988. С. 11.

{245} См.: *Ивлиев Е. А.* Были огненных лет. С. 33–37.

{246} См.: *Медведев Д. Н.* Сильные духом. М., 1979. С. 282.

{247} *Прудников М. С.* Неуловимые. С. 124.

{248} *Медведев Д. Н.* Сильные духом. М., 1979. С. 369.

{249} *Цессарский А. С.* Указ. соч. С. 234–248.

{250} См. там же. С. 240.

{251} См. там же.

{252} См. там же. С. 162–163, 240 и др.

{253} См. там же.

{254} См. там же. С. 153–154.

{255} См.: *Прудников М. С.* Неуловимые. С. 137.

Во взаимодействии с армейскими частями (1942–1945 гг.)

{1} Цит. по: *Давыдов И.* Юность уходит в бой. М., 1965. С. 144.

{2} Отчет о боевой деятельности ОМСБОН-ОСНАЗ в 1941–1943 гг. С. 3.

{3} Там же.

{4} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 179, л. 9об.

{5} Отчет о боевой деятельности ОМСБОН-ОСНАЗ в 1941–1943 гг.

{6} См.: Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 65.

{7} См. там же. М., 1975. С. 85–86.

{8} Цит. по: Динамовцы в боях за Родину. М.,1975. С. 106.

{9} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 38, л. 5.

{10} Там же; Победа за нами. 1943, 23 февр.

{11} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 57, л. 1–7; Отчет о боевой деятельности ОМСБОН-ОСНАЗ в 1941–1943 гг. С. 9.

{12} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 179; Победа за нами. 1943, 23 февр.

{13} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 62, л. 142.

{14} Там же, д. 57, л. 1–7; Отчет о боевой деятельности ОМСБОН-ОСНАЗ в 1941–1943 гг. С. 9.

{15} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, о. 4, д. 18, п. 1, л. 11; п. 9; Победа за нами. 1943, 10 июля, 31 авг.

{16} Победа за нами. 1942, 21 авг.

{17} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 1, л. 24–27; ф. 38719, оп. 3, д. 1, л. 8 – 29; ф. 38725, оп. 1, д. 1, л. 51–52.

{18} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 179, л. 9–9 об.

{19} ЦГАСА, ф. 38719, оп. 1, д. 23, л. 1 – 64.

{20} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 42, л. 1 – 40, 120–144, 151–173.

{21} ЦГАСА, д. 62, л. 142.

{22} Победа за нами. 1943, 1 мая.

{23} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, л. 9.

{24} *Орлов М. Ф.* Отчет о боевой деятельности ОМСБОН в 1941–1943 гг. С. 9 – 10.

{25} ЦМ вн. войск МВД СССР, оп. 4, д. 18, п. 9.

{26} Там же.

{27} Там же.

{28} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 154.

{29} См.: *Щербаков С.* Незабываемые // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 107–114; *Гончаров А.* На Кавказе и Кубани // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 170–175.

{30} *Гончаров А.* Указ. соч. С. 171.

{31} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 1.

{32} Победа за нами. 1943, 20 марта.

{33} *Гончаров А.* Указ. соч. С. 172.

{34} Там же. С. 173.

{35} Победа за нами. 1943. 10 февр.; 1944, 31 авг.

{36} Отчет о боевой деятельности ОМСБОН-ОСНАЗ в 1941–1943 гг. С. 9 – 10.

{37} Цит. по: *Орлов М. Ф.* Бригада особого назначения // На линии огня. М., 1976. С. 153.

{38} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18а, п. 27; *Гриднев В.* Помогая армии // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 66–67.

{39} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 8, л. 4.

{40} Там же, л. 4–6.

{41} Там же.

{42} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 157.

{43} См. там же. С. 155–162.

{44} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 25, 32, 36, 44.

{45} ЦМ вн. войск. МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18а, п. 8.

{46} Там же, л. 6.

{47} Цит. по: Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 216.

{48} См.: *Марковский Е.* В те суровые дни // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 156.

{49} См. там же. С. 156–159.

{50} См. там же. С. 159.

{51} См.: *Киселев В.* Взрыв // Там же. М., 1979. С. 149–155.

{52} См. там же.

{53} *Пономаренко П. К.* В тылу врага: О боевых действиях партизан и подпольщиков в годы Великой Отечественной войны // Новое время. 1965. № 19. С. 8 – 11.

{54} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 10–11.

{55} Там же, л. 12–14.

Сообщаем центру

{1} См.: Огненные годы: Документы и материалы. М., 1971. С. 370.

{2} См.: *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Задача особой важности. Киев, 1985. С. 52–53; *Орлов М. Ф.* Указ. рукопись.

{3} См. там же.

{4} См.: *Медведев Д. И.* Сильные духом. М., 1979. С. 36 и др.; *Цессарский А. В.* Записки партизанского врача. С. 165–170; *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Указ. соч. С. 145.

{5} См.: *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Указ. соч. С. 110.

{6} См.: *Медведев Д. Н.* Указ. соч.; *Цессарский А. В.* Указ. соч., и др.

{7} См.: *Цессарский А. В.* Указ. соч. С. 166.

{8} См.: *Струтинский Н.* Горит костер: Слово о матери //

Комсомольская правда. 1980, 9 февр.

{9} См.: *Цессарский А. В.* Указ. соч. С. 98–99.

{10} См.: *Медведев Д. Н.* Указ. соч. С. 95 – 100.

{11} См. там же. С. 108.

{12} См.: *Лукин А.* Бесстрашие // Чекисты о своем труде. М., 1965. С. 96.

{13} См. там же. С. 99 – 105.

{14} См.: *Медведев Д. Н.* Указ. соч. С. 263.

{15} См. там же. С. 320.

{16} См.: *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Указ. соч. С. 145.

{17} См. там же.

{18} См. там же.

{19} См. там же.

{20} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, оп. 4, д. 18, п. 10.

{21} См.: *Медведев Д. Н.* Указ. соч. С. 66–71; *Закалюк К. П.* Грачев – Центру. С. 47.

{22} Там же.

{23} См.: *Медведев Д. Н.* Указ. соч. С. 140; *Цессарский А. В.* Указ. соч. С. 145.

{24} См.: *Медведев Д. И.* Указ. соч. С. 356–357; *Цессарский А. В.* Указ. соч. С. 197–198.

{25} См.: *Ивлиев Е.* Были огненных лет. С. 44–46.

{26} См.: *Студников Л.* Подвиги комиссаров // Динамовцы в боях за Родину. 1975. С. 199.

{27} См.: *Студников Л.* Указ. соч. С. 199.

{28} См.: *Ивлиев Е.* Указ. соч. С. 48–49.

{29} См.: *Карасев В.* Глубокий рейд // Московская правда. 1986, 26 авг.

{30} *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Указ. соч. С. 152.

{31} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 44, л. 19.

{32} См.: *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Указ. соч. С. 148–149.

{33} *Лебедь В.* Отряд имени Богдана Хмельницкого // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 148.

{34} Цит. по: Коммунист. 1970, № 1. С. 89.

{35} См.: *Авдеев А.* Там помнят о нас. С. 52.

{36} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 157.

{37} См. там же. С. 154.

{38} См. там же. С. 160.

{39} См.: *Ваупшасов С. А.* На тревожных перекрестках. С. 336; Правда. 1989, 8 марта.

{40} См.: *Золотарь И. Ф.* Партизанские дни. М., 1971. С. 32–40; *Он же.* Записки десантника. М., 1960. С. 156–200.

{41} См.: *Прудников М. С.* Неуловимые. М., 1961. С. 155–156; *Он же.* «Неуловимые» действуют // Чекисты о своем труде. М.,

1965.

{42} См.: *Прудников М. С.* Указ. соч. С. 195; *Он же.* «Неуловимые» действуют // Чекисты о своем труде.

{43} *Бройко П. С.* Люди в зеленых фуражках. М., 1976. С. 91–92.

{44} См. там же.

{45} См. там же.

{46} *Прудников М. С.* Неуловимые. С. 184–186.

{47} См.: *Он же.* «Неуловимые» действуют // Чекисты о своем труде.

{48} См.: Всенародная борьба в Белоруссии. Т. I. С. 379–380; *Щербаков А. И.* И осталась учительницей… // Люди легенд. Вып. 4. М., 1971. С. 208–217.

{49} См.: *Прудников М. С.* Разведчики «Неуловимых». М., 1972. С. 118.

{50} См. там же.

{51} См. там же. С. 50–67.

{52} См.: Бессмертные имена. С. 95.

{53} См.: *Золотарь И.* Записки десантника. С. 89.

{54} См. там же. С. 100.

{55} См.: *Ляховский О. К.* Тетрадный лист // Партизанские дни. М., 1971. С. 69–76.

{66} См.: *Михайлашев Н.* Буря гнева. С. 75–80.

{87} См.: *Давыдов И.* Юность уходит в бой. С. 184.

{58} См.: *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. С. 258–270.

{69} См.: *Юркин И. Я.* У нас особое задание. М., 1973. С. 11–17.

{60} См. там же. С. 137.

{61} См. там же. С. 11–17, 23–26.

{62} См. там же. С. 75.

{63} ЦГАСА, ф. 38725, оп. 1, д. 25, л. 37–39.

{64} См.: *Шихов А.* Ценою жизни // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С.142–148; *Цыганко В.* По заданию командующего фронтом // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 217–220.

{65} См.: *Шихов А. Н.* Люди легенд: Сб. Вып. 3. М., 1968. С. 551–552; *Цыганко В.* По заданию командующего фронтом // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 219.

{66} См.: *Шихов А.* Указ. соч. С. 551.

{67} См.: *Медведев Д. Н.* Сильные духом. С. 416–468; *Закалюк К. П.* Грачев – Центру. С. 90–91.

{68} См.: *Закалюк К. П.* Указ. соч. С. 96.

{69} См. там же. С. 92.

{70} См.: *Цессарский А.* Указ. соч. С. 261.

{71} См.: *Авдеев А.* Там помнят о нас. С. 14–16.

{72} См.: *Ивлиев Е.* Были огненных лет. С. 15.

{73} См.: *Цессарский А.* Указ. соч. С. 225–227.

{74} См.: *Рихтер В.* Личным наблюдением установлено // Динамовцы в боях за Родину. Вып. 2. М., 1979. С. 189.

{75} См.: *Цессарский А.* Указ. соч. С. 208–210.

{76} См.: *Золотарь И.* Записки десантника. С. 35.

{77} См.: Бессмертные имена: Сб. Минск, 1979. С. 95.

{78} См.: *Прудников М. С.* Неуловимые. С. 66–68.

{79} См. там же. С. 103–105.

{80} См.: *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. С. 86–89.

{81} См.: *Лоран-Астафьев О.* За фронтовой чертой // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 102.

{82} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 4, д. 60, л. 41.

{83} См.: *Медведев Д. Н.* Указ. соч. С. 307.

{84} См.: *Золотарь И. Ф.* Под маской бургомистра // Партизанские дни. М., 1971. С. 9 – 17; Бессмертные имена: Сб. С. 103–104, и др.

{85} См.: *Мацуленко С. А., Кожевников В. И.* Особое задание// Партизанские дни. М., 1971. С. 163.

{86} См. там же. С. 183–185.

{87} См.: *Козицкий А.* Коварство «Седой головы» // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 131–137.

{88} См.: *Шихов А.* Лида // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 207–213.

{89} См.: *Давыдов И.* Священная высота. М., 1984. С. 64.

{90} ЦМ вн. войск МВД СССР, оп. 4, д. 18а, п. 23.

{91} Победа за нами. 1944, 31 авг.

{92} Там же.

{93} ЦМ вн. войск МВД СССР, оп. 4, д. 18а, п. 2.

{94} Там же, д. 18, п. 8.

{95} Там же.

{96} Победа за нами. 1945, 21 янв.; 1943, 7 нояб.; 1945, 27 июня; 1942, 7 нояб.; 1943, 20 окт.

{97} *Калашников Б.* Подрывник Хазов // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 95–99.

{98} Победа за нами. 1942, 7 нояб.

{99} *Ивлиев Е.* Крест и маузер // Динамовцы в боях за Родину. 1985. С. 118–119.

{100} *Лоран-Астафьев О.* Указ. соч. С. 103–104.

{101} Там же.

{102} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 126.

{103} Там же.

{104} См.: *Ивлиев Е.* Были огненных лет. С. 29–30.

{105} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 22, л. 29.

{106} Там же.

{107} Там же. С. 77.

{108} *Давыдов И.* Спортсмены из «Славного» // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 79–80.

{109} *Он же.* Юность уходит в бой. С. 184–194.

{110} *Авдеев А.* Там помнят о нас. С. 62–66.

{111} Там же. С. 62.

{112} ЦМ вн. войск МВД, фонды, оп. 4, д. 18, п. 8.

{113} *Авдеев А.* Там помнят о нас. С. 144–145.

{114} Победа за нами. 1943, 9 сент.

{115} *Телегуев Е.* «Неуловимые» // Витебский рабочий. 1987, 7 апр.

{116} *Прудников М. С.* Неуловимые. М., 1961. С. 58–59.

{117} Там же. С. 78.

{118} Там же. С. 168.

{119} *Телегуев Е. И.* Петр Степанович Лисицын // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 167–168.

{120} *Прудников М. С.* Указ. соч. С. 163.

{121} *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. М., 1961. С. 209.

{122} См. там же. С. 146–156.

{123} См. там же. С. 151.

{124} ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 173, л. 34 об.

{125} См.: *Авдеев А.* Указ. соч. С. 31–34.

{126} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 104–105, 118.

{127} См. там же.

{128} См. там же.

{129} См. там же. С. 134.

{130} См. там же. С. 135.

{131} См. там же. С. 126–127.

{132} См.: *Прудников М. С.* Неуловимые. С. 186–187.

{133} Победа за нами. 1943, 16 февр.

{134} Там же. 10 июня.

{135} Там же.

{136} См.: Всенародная борьба в Белоруссии. Т. II. Минск, 1984. С. 220–221.

{137} См.: *Серна Роке.* Испанцы в Великой Отечественной войне. С. 64–65.

{138} См. там же. С. 53.

{139} См. там же. С. 54.

{140} См. *Юркин И.* У нас особое задание. С. 33.

{141} См. там же.

{142} *Медведев Д. Н.* Сильные духом. М., 1979. С. 115–117.

{143} *Ивлиев Е.* Были огненных лет. С. 74.

{144} *Рихтер В.* Особое задание. Ярославль, 1974. С. 90.

{145} *Калашников Б.* Подрывник Хазов // Динамовцы в боях М., 1985. С. 98–99.

{146} См. Всенародная борьба в Белоруссии. Т. II. С. 230.

{147} См. *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. С. 288–290.

{148} См. там же. С. 303.

{149} См. Всенародная борьба в Белоруссии. Т. II. С. 230.

{150} См. *Тараненко Ф. Ф.* Рейдовая в походе. С. 43–44.

{151} См. *Азисский Н. Ф., Князьков А. С.* Указ. соч. С. 26–27.

{152} См. там же С. 36.

{153} См. Всенародная борьба в Белорусии. Т. II. С. 238–239.

{154} См. там же. С. 239.

{155} См.: Справка о «Боевом». С. 89.

{156} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись.

{157} См. там же.

{158} См. там же. С. 161–163.

{159} См. там же. С. 160.

{160} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 38–41.

{161} Там же, л. 40.

{162} Там же, л. 38.

{163} *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. С. 22; *Лещеня С. К.* С паролем горкома. 2 изд. Минск, 1988. С. 143.

{164} Всенародная борьба в Белоруссии. Т. II. С. 351–352.

{165} Там же. С. 387–406.

{166} См: *Лещеня С. К.* Указ. соч. С. 77.

{167} См. там же. С. 78–79.

{168} См. там же.

{169} См. там же. С. 126.

{170} См. там же. С. 127.

{171} См. там же. С. 236–237.

{172} См.: *Ваупшасов С. А.* Указ. соч. С. 410–412.

{173} См.: Всенародная борьба в Белоруссии. Т. II. С. 355.

{174} *Ваупшасов С. А.* Указ. соч. С. 377–383.

{175} См. там же.

{176} См. там же. С. 387.

{177} См. там же. С. 420.

{178} См.: *Лещеня С. К.* Указ. соч. С. 76–78.

{179} См.: *Медведев Д. Н.* Сильные духом. С. 272–275.

{180} См. там же. С. 274–275.

{181} См. там же. С. 304–305.

{182} См. там же. С. 155–156.

{183} См.: *Мирковский Е.* В те суровые дни // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 158–159.

{184} См.: Люди легенд. Вып. 2. С. 327–330.

{185} См. там же.

{186} См. там же.

{187} См. там же. С. 234.

{188} См. там же.

{189} См. там же. С. 235.

{190} См. *Ивлиев Е.* Были огненных лет. С. 61.

{191} См. там же. С. 23.

{192} См. там же. С. 63–73.

{193} См. там же.

{194} См.: *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Указ. соч.

{195} См.: *Стрельцов С.* Белые призраки. М., 1975. С. 13–18.

{196} См.: *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Указ. соч.; *Ивлиев Е.* Указ. соч. С 79–88.

{197} См.: *Ивлиев Е.* Указ. соч. С. 90.

{198} См.: Всенародная борьба в Белоруссии. Т. III. Минск, 1985. С. 72.

{199} См. там же. С. 73.

{200} См.: Белорусский экватор. Минск, 1981. С. 108.

{201} См.: Всенародная борьба в Белоруссии. Т. III. С. 76.

{202} См. там же. С. 85.

{203} Всенародная борьба в Белоруссии. Т. III. С. 102, 121.

{204} *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1974. С. 169.

{205} *Гудериан Г.* Танки, вперед! М., 1957. С. 169.

{206} См.: *Шилов А.* Лида // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 200–213.

{207} См.: *Ваупшасов С.* Партизанская хроника. С. 439.

{208} См.: *Морозов А.* Это было в Белоруссии // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 126–133.

{209} См.: *Давыдов И.* Камарад Серго // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 79.

{210} См.: *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. С. 423–424.

{211} См.: *Морозов А.* Это было в Белоруссии // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 132.

{212} См. там же. С. 132–133.

{213} См. там же.

{214} См. там же. С. 33.

{215} См.: *Рихтер В.* Особое задание. С. 51.

{216} См. там же. С. 52.

{217} *Селезнев А.* Шаг в бессмертие // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 179–180.

{218} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 40 об.; д. 62, л. 123 об. – 124.

{219} Там же, д. 60, л. 38.

{220} Там же, л. 39.

{221} Там же.

{222} ЦМ вн. войск МВД СССР, оп. 4, д. 18, п. 8, л. 3.

{223} См.: Люди легенды. Вып. 3. М., 1968. С. 555; *Цыганко В.* Указ. соч. С. 220.

{224} См.: *Степичев М.* Чекист из «Бури» // Правда. 1985, 15 мая.

{225} См. *Давыдов И.* Юность уходит в бой. М., 1961. С. 168–169, 184.

{226} *Ваупшасов С.* Партизанская хроника. С. 54, 74, 77.

{227} *Давыдов И.* Юность уходит в бой. М., 1965. С. 194–198.

{228} Победа за нами. 1945, 27 июня.

{229} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 33, л. 93.

{230} ЦГАСА, ф. 38725, оп. 1, д. 1, л. 49.

{231} Там же, л. 48; ф. 38693, оп. 1, д. 33, л. 92.

{232} Победа за нами. 1942, 28 сент.

{233} Там же. 1942, 20 сент.

{234} Там же. 3 окт.

{235} ЦГАСА, ф. 39693, оп. 1, д. 33, л. 92 об.

{236} Победа за нами. 1942, 12 окт.

{237} Там же. 1943, 23 февр.

{238} Там же. 1944, 13 авг.

{239} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, ф. 60, л. 9.

{240} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 150.

{241} *Цессарский А.* Записки партизанского врача. С. 155–159.

{242} Там же. С. 205–206.

{243} *Прудников М. С.* Неуловимые. С. 204–205.

{244} См. там же. С. 190–194.

{245} См. там же. С. 194; *Прудников М.* Домик в лесу. М., 1980; *Он же.* Дальний билет. М., 1983.

{246} См.: *Ваупшасов С.* Партизанская хроника. С. 391–393.

{247} См. там же. С. 306–308.

{248} См.: Всенародная борьба в Белоруссии. Т. III. С. 376–380.

{249} См. там же. С. 375.

{250} См.: *Меняшкин И. Ф.* Указ. соч. С. 256.

{251} См.: *Борисов П.* …И снова в строй // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 69–70.

{252} См.: *Морозов А.* Это было в Белоруссии // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 128–129.

{253} См. там же. С. 131.

{254} Там же. С. 132.

{255} *Тараненко Ф. Ф.* Огненными тропами // Рейдовая в

походе. Минск, 1984. С. 47.

{256} См. там же.

{257} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 163–164.

{258} См.: *Медведев Д. Н.* Сильные духом. С. 450.

{259} См.: *Цыганка В.* По заданию командующего фронтом // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 220.

{260} *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. М., 1961. С. ПО.

{261} См.: Справка о «Боевом». С 12.

{262} См. там же. С. 134.

{263} См.: *Ваупшасов С. А.* Указ. соч. С. 122–123.

{264} См. там же. С. 74–75.

{265} Цит. по: там же. С. 100.

{266} Там же.

{267} См.: *Прудников М. С.* Неуловимые. С. 60–61.

{268} См. там же. С. 64.

{269} См. там же. С. 94–96.

{270} См. там же. С. 102–103.

{271} См. там же. С. 128–130.

{272} См. там же. С. 195.

{273} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 129.

{274} См.: *Давыдов И.* Парторг // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 83–84.

{275} См.: *Медведев Д. Н.* Сильные духом. С. 31.

{276} См.: *Зюков Б.* Грудью вперед // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 67–71.

{277} См.: *Верхозин А. М.* Самолеты летят к партизанам. 2-е изд. М., 1966. С. 75–76.

{278} См.: *Михайлашев Н.* Буря гнева. С. 91.

{279} См.: *Верхозин А. М.* Самолеты летят к партизанам. С. 77.

{280} *Михайлашев Н.* Буря гнева. С. 66.

{281} См.: *Лоран-Астафьев О.* За фронтовой чертой // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 102.

{282} См.: *Головина Г.* Четырнадцатый сообщает. М., 1975. С. 122.

{283} См. там же.

{284} См.: *Ивлиев Е.* Были огненных лет. С. 54–60. См. там же. С. 16–17. См. там же. С. 17.

{287} См.: *Медведев Д. Н.* Сильные духом. С. 360–363; *Цессарский А.* Записки партизанского врача. С. 241–248; *Зюков Б.* Зеленая фуражка // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 63–65.

{288} См.: Всенародная борьба в Белоруссии, т. II. С. 306.

{289} См. там же. С 33.

{290} См.: *Скорбин В.* Доброволец – всю жизнь // Люди легенд. Вып. 3. М., 1968. С. 83.

{291} См. там же.

{292} См.: Бессмертные имена. С. 50–51.

{293} *Золотарь И.* Записки десантника. С. 128–140.

{294} См.: *Золотарь И.* Записки десантника; *Он же.* Верный товарищ // Бессмертные имена. С. 60–65.

{295} См.: Бессмертные имена. С. 75.

{296} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 189.

{297} См.: *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. С. 445.

{298} См.: Всенародное движение в Белоруссии. Т. III. С. 125.

{299} См. там же. С. 91.

{300} См. там же. С. 132–144.

{301} См. там же. С. 144–147.

{302} См.: Бессмертные имена. С. 181.

{303} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись; *Смагин Б.* Указ. соч. С. 123–124; *Давыдов И.* Священная высота. С. 109.

{304} См.: Отчет о боевых действиях ОМСБОНа в 1941–1944 гг. С. 18; *Селезнев А.* Шаг в бессмертие // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 183–184.

{305} См. там же; Бессмертные имена. С. 181.

{306} *Беркин К.* Ровесник Октября / Победа за нами. 1944, 22 нояб.

{307} Цит. по: *Рихтер В.* Особое задание. С. 54.

{308} См. там же.

{309} См.: *Морозов А.* Это было в Белоруссии // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 130.

{310} См. там же. С. 130–136.

{311} См.: *Давыдов И.* Камарад Серго//Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 80–82.

{312} См.: *Ваупшасов С. А.* На тревожных перекрестках. С. 427.

{313} См.: *Он же.* Партизанская хроника; *Он же.* На тревожных перекрестках; *Он же.* Чехи – белорусские партизаны // Под одним знаменем. С. 91–93.

{314} См.: *Лещеня С. К.* Указ. соч. С. 318.

{315} См.: Всенародная борьба в Белоруссии. Т. III. 1985. С. 149; *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. С. 446.

{316} *Ваупшасов С. А.* На тревожных перекрестках. М., 1971. С. 434–435.

{317} См.: *Цветков В. Н.* «Северянка» вызывает Центр. Киев, 1981; *Нехай Р.* Возмездие // Люди легенд. Вып. 3. С. 284–285; *Верхозин А.* Указ. соч. С. 107.

{318} См.: *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. С. 361–367.

{319} См. там же; *Ефетов М.* Надя из отряда «Буря».

{320} См.: Белорусский экватор. Минск, 1981. С. 37; *Мазаник Е. Г.* Возмездие. Минск, 1988.

{321} См.: Всенародная борьба в Белоруссии. Т. II. С. 356.

{322} См.: *Золотарь И.* Записки десантника. М., 1960. С. 314–315.

{323} См.: Всенародная борьба в Белоруссии. Т. II. Минск, 1984. С. 357; *Шумилин Г.* Со специальным заданием // Огонек. 1980, № 8.

{324} См.: *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Указ. соч. С. 142.

{325} См.: *Медведев Д. Н.* Сильные духом; *Цессарский А.* Записки партизанского врача; *Лукин А. А.* Приговор приведен в исполнение // Партизанские дни; *Закалюк К.* П. Грачев – Центру.

{326} См. там же.

{327} См.: *Зюков Б. В.* В неутомимости всечастной // Советская Россия. 1984, 26 июля.

{328} См.: *Медведев Д. Н.* Сильные духом. С. 280–285; *Лукин А. А.* Указ. соч. С. 76–94; *Заколюк К. П.* Указ. соч. С. 52–63.

{329} См.: *Закалюк К П.* Указ. соч. С. 104.

{330} См.: *Медведев Д. Н.* Сильные духом. С. 447–449.

{331} См.: *Закалюк К. П.* Указ. соч. С. 104.

{332} См.: *Лещеня С. К.* С паролем горкома. 2-е изд. Минск, 1988. С. 220–222.

{333} См. там же. С. 181–184.

{334} См. там же. С. 78.

{335} См. там же. С. 76.

За пределами Родины

{1} См.: *Винаров И.* Указ. соч.

{2} Цит. по: Люди легенд: Сб. Вып. 3. С. 350.

{3} См.: Отчет о деятельности ОМСБОНа в 1941–1945 гг.; *Орлов М. Ф.* Рукопись; *Ивлиев Е. А.* Были огненных лет; *Муриев Д.* Интернационалист// Герои огненных лет. Кн. 8. М., 1985. С. 450–451; Динамовцы в боях за Родину: Сб. Вып. 1, 2, 3, и др.

{4} См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. М., 1970.

{5} См.: *Иванников И.* Провал карательной операции «Штурмвинд-1» // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 220.

{6} См.: Люди легенд. Кн. 3. С. 353.

{7} См.: *Касаткин М.* Имени Александра Невского / На укр. яз. Киев, 1984. С. 28–29.

{8} См. там же.

{9} См.: *Иванников И.* Герой войны – Герой труда // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 203–205.

{10} См.: Люди легенд. Кн. 3. С. 353.

{11} См. там же.

{12} Отчет о боевой деятельности ОМСБОНа в 1941–1945 гг. С. 17; Люди легенд. Кн. 3. С. 359.

{13} *Иванников И.* Провал карательной операции «Штурмвинд-1» // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 205–206.

{14} См.: *Золотарь И.* Друзья познаются в беде. М., 1971. С. 10–11.

{15} См. там же. С. 60 – 123.

{16} См. там же. С. 174–223.

{17} См. там же. С. 254.

{18} См. *Касаткин М.* Указ. соч. С. 9.

{19} См. *Головина Г.* Указ. соч. С. 126–127.

{20} См. там же.

{21} См. *Золотарь И.* Друзья познаются в беде. С. 134.

{22} См. *Головина Г.* Указ. соч. С. 124.

{23} См. *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Указ. соч. С. 181–182.

{24} См. *Золотарь И.* Указ. соч. С. 187–283.

{25} См. там же.

{26} См. *Золотарь И.* Друзья познаются в беде. С. 250.

{27} См. там же. С. 259.

{28} См. там же. С. 274.

{29} См. там же. С. 306.

{30} См. там же. С. 311–338.

{31} См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1.

{32} См.: Касаткин М. Указ. соч. С. 9.

{33} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись; *Касаткин М.* Указ. соч. С. 14.

{34} См.: Люди легенд. Кн. 3. С. 363–368.

{35} См.: *Касаткин М.* Указ. соч. С. 14.

{36} См.: *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Указ. соч. С. 163.

{37} См.: *Иванников И.* Герой войны – Герой труда // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 205–206.

{38} См.: *Касаткин М.* Указ. соч. С. 33–39.

{39} См. там же. С. 12–13.

{40} См. там же.

{41} См.: *Иванников И.* Герой войны – Герой труда. С. 204–205.

{42} См.: Люди легенд. Кн. 3. С. 363–368.

{43} *Касаткин М.* Указ. соч. С. 45; *Ободовский Е. В.* В лесах и в горах // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 108–109.

{44} См.: *Иванников И.* Указ. соч. С. 206–207.

{45} *Лоран-Астафьев О.* За фронтовой чертой // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 105, 106.

{46} См. там же. С. 106.

{47} См.: *Рихтер В.* Особое задание. С. 88–89; *Он же.* Личным наблюдением установлено: Алексей Крылов // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 192–194.

{48} См.: *Рихтер В.* Впереди фронтов. Ярославль, 1979. С. 37–38.

{49} См.: *Рихтер В.* Особое задание. Ярославль, 1974. С. 76–90.

{50} См. там же. С. 76.

{51} См. там же. С. 76–80.

{52} См. там же. С. 79–80.

{53} См.: *Рихтер В.* Личным наблюдением установлено // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 190–192.

{54} См. там же. С. 191.

{56} *Рихтер В.* Особое задание. С. 91.

Заключение

{1} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 45–45 об.

{2} Там же.

{3} Там же, л. 46; Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1981. С. 520–521.

{4} *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. С. 477–478; *Он же.* На тревожных перекрестках. М., 1981. С. 443.

{5} См. там же.

{6} См.: Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 522.

{7} Победа за нами. 1945, 27 июня.

{8} ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 46.

Послесловие

{1} ЦМ вн. войск МВД СССР, фонды, о. 4, д. 18, п. 9, л. 74.

{2} *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 13.

{3} См.: *Давыдов И. Ю.* Юность уходит в бой. М., 1973. С. 28 и др.

{4} *Кардин В.* Дни и стихи Семена Гудзенко // Лит. газ. 1971. № 24.

{5} *Курлат Ф.* Стадион «Динамо» // Советский спорт. 1985, 18 мая.

{6} См.: *Винаров И.* Бойцы тихого фронта: Воспоминания разведчика / Пер. с болг. М., 1971.

{7} *Серна Роке.* Испанцы в Великой Отечественной войне. М., 1986.

{8} См.: *Винаров И.* Указ. соч. С. 357.

{9} См. там же.

{10} *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1973. С. 160.

{11} См.: *Серна Роке.* Указ. соч. С. 15; Давыдов И. Ю. Указ. соч. С. 54.

{12} *Штеменко С. М.* Указ. соч. С. 160.

{13} См.: *Орлов М. Ф.* Рукопись. С. 13.

{14} Там же.

{15} См.: Войска называются внутренними. С. 300.

Сноски

1

ОМСБОН состоял, как это будет рассказано далее, не только из спортсменов-добровольцев.

2

Приказ по НКВД о создании войск Особой группы был издан, по одним данным, 26 июня, по другим – 27 июня (ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 60, л. 42; д. 62, л. 128).

3

ОМСБОН была временно передана в оперативное подчинение командиру 2-й мотострелковой дивизии особого назначения.

4

Подробная картотека участников парада составлена Иваном Сергеевичем Гавриловым, проживающим в г. Химки Московской области.

5

До этого и в эти же дни минирование проводилось на подступах к столице в районе Можайска, Подольска, Каширы и других подмосковных городов. Под руководством капитана И. И.

Гомберга отряд в составе 200 человек с 28 ноября по 20 декабря 1941 г. ставил мины близ г. Лобня (см.: ЦМ войск МВД СССР, архив, оп. 4, д. 18а, п. 28. Из воспоминаний полковника С. В. Иванова). Но об этих фактах, к сожалению, сохранилось мало данных. Имеется лишь свидетельство генерал-лейтенанта П. А. Белова о том, что, ведя наступление в сторону Каширы, немцы подорвали колонну своих танков на минах, расставленных саперами бригады. Предстоит в будущем прояснить эту страницу в истории бригады.

6

Перед вылетом в тыл врага дневник был оставлен у друзей.

7

«Германия, Германия превыше всего».

8

Из материалов личного архива А. И. Зевелева.

9

Члены военизированной организации австрийских левых социал-демократов, в феврале 1934 г. поднявших восстание против фашистов и реакционеров и после его поражения нашедших убежище в СССР.

10

В связи с тем, что воспоминания данного автора воссоздают картину того, как в 1941 г., несмотря на численное превосходство врага, в ряде случаев была возможность вырваться из окружения и пробиться к своим, целесообразно их привести полностью.

11

ЦГАСА, ф. 38693, оп. 1, д. 62, л. 136. К сожалению, материалы о работе под Тулой пока не найдены.

12

За период с 15 марта 1942-го по 1 июня 1945 г. было принято в члены ВКП(б) 246 человек и в кандидаты – 577 человек, а с ноября 1941-го по 1 июня 1945 г. в члены ВЛКСМ 341 человек.

13

Фактические данные о событиях в районе Сухиничей см.: ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 112, 147 – 51, а также указ. соч. М. Ф. Орлова.

14

Е. А. Ануфриев, проявивший еще до этого храбрость и отвагу, является ныне доктором философских наук, профессором, заслуженным деятелем науки, заведующим кафедрой МГУ.

15

По некоторым данным (воспоминаниям жителей деревни Хлуднево), 23 января они подобрали на поле боя тяжелораненого бойца и спрятали его в своей землянке. Он назвал себя Валерием,

через два дня он скончался. М. Ф. Орлов считал, что это был Валерий Москаленко (Орлов М. Ф. Рукопись. С. 80–81).

16

Эренбург И. Из приветствия бойцам ОМСБОНа // Смагин Б. Помощь приходит вовремя. М., 1968.

17

Портсигар экспонируется в Музее ЦГОЛИФК как одна из самых священных реликвий.

18

Раненый и радист были отправлены через линию фронта в Москву.

19

Бой описан в соответствии с рапортом капитана Каминского (ЦГАСА, ф. 3869, оп. 1, д. 33, л. 21–24), в котором отмечалось, что причина взрыва двух мин в окопе осталась невыясненной. По одной версии взрыв произошел от попадания пули в капсюль, по другой – мины были взорваны Нахмансоном преднамеренно: жертвуя собой, он спасал товарищей. В пользу этой версии говорит тот факт, что Нахмансон залег с минами на расстоянии, обеспечивавшем безопасность товарищей. Этой версии придерживаются и авторы статей, описывающие гибель Нахмансона (см.: Калашников Б. Толкачинский бой // Динамовцы в боях за Родину. М., 1975. С. 119; Калашников Ю. О друзьях-товарищах // Динамовцы в боях за Родину. М., 1979. С. 116; Кардин В. Старший сержант Нахмансон // Победа за нами. 1942. 11 сент.).

20

Словом «дача» на Смоленщине обозначался определенный участок леса.

21

Совпадение кодового названия отряда А. Воропаева с наименованием школы шпионов-радистов было не случайным: сбор данных об этой школе являлся одной из специальных задач отряда (Безуглая Л. Снежная королева // Спортсмены / Сб.: М., 1973).

22

В книге А. Авдеева «Там помнят о нас» он проходит под именем Н. Рыжова. Настоящее имя бойца помогли восстановить его боевые товарищи В. А. Правдин и П. В. Маркин.

23

Это был отнюдь не единственный случай выноса товарищами тяжелораненых воинов ОМСБОНа из глубокого тыла на Большую землю. Известны и другие аналогичные факты. Каждый из них свидетельствует о высоком чувстве боевого товарищества,

присущем омсбоновцам. Любой из воинов знал, что друзья не оставят его в беде, и сам всегда готов был прийти на помощь другу, сделать все для его спасения. Эта уверенность и готовность удесятеряли силы отрядов в тылу врага.

24

Е. Телегуев, Х. Бадоев, а также Б. Глезин были представлены к званию Героя Советского Союза.

25

Об этом см. в главе IV.

26

Создан летом 1942 г. Находился в Москве при Ставке Верховного Главнокомандования.

27

По выздоровлении разведчики отряда привели его на базу.

28

Позже выяснилось, что Кубе на охоту не прибыл.

29

См.: *Жуковская В. И., Севостьянов Г. Н.* За линией фронта. – Мн.: Беларус, 1981. – 238 с.

30

О действиях всех отрядов см. гл. IV.

31

В книге А. Цессарского командир этой группы проходит под фамилией Бражников. На самом деле, как уточнил Цессарский в беседе с авторами, его фамилия была Брежнев. Изменение фамилии он объяснил тем, что в дальнейшем Брежнев повел себя недостойно, за что был разжалован в рядовые.

32

Раненого после операции пришлось временно оставить в землянке в лесу, где он был обнаружен карателями. С тех пор в отряде стало законом: раненых не оставлять ни в коем случае, каким бы надежным ни казалось укрытие.

33

Дьяченко П. Я. Вымпел Родины: Рукопись // Архив Совета ветеранов ОМСБОНа.

34

Например, отряды техников-интендантов 2-го ранга Семашко и Ерохина (ЦГАСА, ф. 39026, оп. 1, д. 112, л. 61–68).

35

С гибелью Д. Шклярского ушел из жизни одаренный математик, с талантом которого профессора МГУ связывали большие надежды.

36

О боевых делах отряда см. далее.

37

Подробнее об этом см. в гл. III.

38

Дневник Ф. Л. Курлата. Личный архив.

39

Из личного архива Н. Тюриной.

40

Личный архив В. Коваленко.

41

О боевых делах отрядов см. ниже.

42

Справка о «Боевом» // Архив Музея в школе № 751. С. 88.

43

Подсчитано по материалам Отчета о боевой деятельности ОМСБОНа-ОСНАЗа. С. 16.

44

Об этом см. подробнее в след. главе.

45

Личный архив подрывника Л. Семина. Дневник 1941–1945 гг., тетрадь № 9, с. 7–8.

46

См. личный архив А. С. Казицкого.

47

См. ниже.

48

Из личного архива А. С. Казицкого.

49

Степичев М. До встречи в Берлине // Правда. 1990. 31 мая.

50

Об этом см. ниже.

51

Подвиг И. Л. Миклашевского положен в основу сюжета книги писателя Г. И. Свиридова «Стоять до последнего» (М., 1980). Однако в книге немало вымысла и фактических неточностей.

52

Дневники Л. Семина, Ф. Курлата. Личные архивы.

53

По материалам справки о «Боевом» // Архив Музея ОМСБОНа в школе № 751 г. Москвы. С. 14–15.

54

О них же см. выше в разделах: «В «Смоленском треугольнике», «На Украине», «В Белоруссии» и др.

55

По материалам справки о «Боевом» // Архив Музея ОМСБОНа

в школе № 751 г. Москвы.

56

Имея в виду, что в «рельсовой войне» участвовали подрывные группы всех омсбоновских отрядов и спецгрупп, бывших в тылу врага в июле 1943 г., приведено их общее число.

57

Цит. по материалам справки о «Боевом» // Архив Музея ОМСБОНа в школе № 751 г. Москвы. С. 20.

58

Записано Ф. Курлатом со слов бывшей связной отряда Градова.

59

Справка о «Боевом» // Архив Музея ОМСБОНа в школе № 751. С. 67–68; Бессмертные имена. С. 167–168.

60

Справка о «Боевом» // Архив Музея ОМСБОНа в школе № 751. С. 78 (подсчет авт.).

61

Из дневника радистки отряда Н. Тюриной.

62

Цит. по: *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944. М., 1986. С. 257.

63

Справка о «Боевом» // Архив Музея ОМСБОНа в школе № 751. С. 60–67.

64

Справка о «Боевом» // Архив Музея ОМСБОНа в школе № 751. С. 36.

65

Справка о «Боевом». С. 36–38.

66

Справка о «Боевом». С. 71–74.

67

См. выше.

68

Личный архив Ф. Л. Курлата. Дневник 1944 г.

69

Рукопись В. Рассадина // Архив Музея ОМСБОНа в школе № 751. С. 2.

70

Заболевшего тропической малярией О. Лоран-Астафьева пришлось оставить в Югославии. Вскоре он был переправлен самолетом в Москву.

71

Pavel Sudoplatov and Anatoli Sudoplatov. Special Tasks: The memoirs of an anwanted witness – A soviet spymaster. Boston, New-York, Toronto, London, 2001.

72

Подробная биография В. В. Гриднева изложена А. Авдеевым в очерке «Он брал Петроградский телеграф» // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. С. 24–28.

73

В 1936 г. для чекистов были установлены следующие звания: сержант госбезопасности, что соответствовало лейтенанту Красной Армии, лейтенант госбезопасности – капитан, старший лейтенант госбезопасности – майор, капитан госбезопасности – полковник, майор госбезопасности – комбриг (генерал-майор) и т. д.